

СМЕНА

август
2002

■ Александр Андрюхин

■ Соната для скрипки с оркестром

■ Теннисон Джесс Жена Лота

Признание и доверие сделали масло ЛУКОЙЛ
народной маркой

ЛУКОЙЛ Стандарт

ЛУКОЙЛ Супер

ЛУКОЙЛ Люкс

ЛУКОЙЛ Синтетик

ЛУКОЙЛ Advanced

По вопросам приобретения фасованных масел "ЛУКОЙЛ" обращаться
по многоканальному телефону: (095) 973-7063 www.lukoil-masla.ru

ЛУКОЙЛ
ВСЕГДА В ДВИЖЕНИИ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

редактор отдела

литературы и искусства

Шамара Чинина

---

8 2002
август (1654)

Сдано в набор 22.06.2002.

Подписано к печати 17.07.2002.

Печать офсетная.

Заказ № 2060

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 14,
Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

212-15-07 — для справок.

257-31-37 — отдел реализации.

Факс (095) 250-59-28.

E-mail: smena@garnet.ru

www.smena-id.ru

Проект разработан и поддерживается

студией веб-дизайна "Крон"
www.cron.ru (<http://studio.cron.ru>)

Журнал зарегистрирован

в Комитете Российской

Федерации по печати.

Per. № 014832

Учредитель —

**ООО "Издательский дом
журнала "Смена".**

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Набор, верстка и цветоделение

ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии

ООО СИД "Медиа-Пресса"

по адресу: ул. Правды, 24.

Москва, А-40, ГСП-3, 129993.

Журнал выходит

12 раз в год.

© "Смена", 2002.

42 *Шеннисон Джесс*
ЖЕНА ЛОТА
 Зарубежный рассказ

132 *Александр Андрюхин*
**СОНАТА
 ДЛЯ СКРИПКИ
 С ОРКЕСТРОМ**
 Триллер

4 *Светлана
 Бесстужева-Лада*
**МОРАЛЬ
 ДЛЯ ИНFUЗОРИИ-
 ТУФЕЛЬКИ**

20 *Олег Дзюба*
ВОКРУГ ДИОНИСИЯ

32 *Галина Каллинина*
ТАК ЖИТЬ МОЖНО?

66 *Олег Осетинский*
ЧУДО СО СЛОНОМ

120 *Николай
 Александров*
**ИСТИНА ГРЯДЕТ
 С ВОСТОКА?**

246 *Анастасия
 Захарова*
**ЛУКАВСТВО
 ЛУННОГО ЛУЧА**

258 *Николай Зуев*
**ВЕЗЕТ ЖЕ...
 ЛОШАДАМ**

стр. 258 ▼

стр. 94 ▲

74 *Элла Матюнина*
ОПЕРНЫЙ КЛАВИР
ОЛЬГИ ИВАНОВОЙ

82 *Любовь Русева*
ГРАЖДАНИН
ВСЕЛЕННОЙ

94 *Борис Щербаков:*
"ЧУВСТВУЮ СЕБЯ
РОВЕСНИКОМ СЫНА"

100 *Ирина Опимах*
УТРИЛЛО

266 *Евгений Макаров*
КРОШКА БРИТНИ

17 *Валерий Макаров*

Эдмон Бали
ИГРА ВСЛЕПУЮ

Роман французского писателя Эдмона Бали можно определить как "шпионский". Главный герой, бывший сотрудник английской разведки, Алан Стюарт некоторое время был у спецслужб в забвении, но неожиданно получает новое задание, на первый взгляд, очень простое: передать из рук в руки маленькую посылку. Он выходит из-под контроля лиц, с которыми был связан, и в результате оказывается меж двух огней — преследуемым и преследователем в одном лице...

Леонид Шаров
СОЛДАТ И СУДЬЯ

В этой истории три героя. Они прожили разные жизни. И умерли разными смертями. Один — обычной старческой смертью. Другой — от накотившего сердечного приступа. Третий был расстрелян. Все-таки неисповедима наша жизнь. И все-таки в том, что она распорядилась в отношении этих трех людей именно так, есть какая-то высшая справедливость.

На 1-ой обложке:
 фотоатод EAST NEWS.

Мораль

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Слово "мораль" затаскано у нас настолько, что когда про кого-то говорят "моралист", то ничего лестного при этом не подразумевают. Потому что моралист — это ханжа и зануда, чеховский "человек в футляре", и вообще — ну его совсем! Дескать, читают мораль тогда, когда больше уж ни на что не способны, и польза от таких читок минимальная (если вообще есть). Что ж, давайте,

дорогой читатель, согласимся, что и такая точка зрения имеет право на существование. Но почему же тогда мы с таким упоением нидаемся рассуждать об "общечеловеческих ценностях", "высших моральных(!) принципах" и прочих невероятных благородных вещах? Да потому, что это гораздо легче, чем самому соблюдать какие-то моральные принципы хотя бы на сугубо быто-

для инфузории-туфельки

вом уровне. Получается как в спорте — разбираются в нем все без исключения, а делают утреннюю гимнастику считанные единицы.

Ко всему прочему, мы совершенно не понимаем самого значения слова "мораль". А это — совокупность критериев социально приемлемого и социально неприемлемого поведения, и определяется она — эта самая со-

вокупность — общественным мнением. Иначе говоря, некое "что такое хорошо и что такое плохо" в коллективном понимании. Например, в одном обществе считалось правильным и полезным уважать стариков и оберегать их поной, а в другом — убивать людей, достигших определенного возраста. Чтобы не мучились. Одинаковой для всех морали нет, поскольку нет одина-

новых обществ. Более того, в одном отдельно взятом обществе преспокойно может существовать как бы двойной моральный стандарт. Например, для мужчин и для женщин. Или для "элиты" и "быдла". За примерами далеко ходить не надо, они у всех у нас на виду каждый день.

Но о самой морали все-таки стоит поговорить. Хотя бы для того, чтобы понять: о чем, собственно, речь. Что для так называемого "цивилизованного общества" на данный момент является социально приемлемым поведением, а что — совсем даже наоборот. И начать, наверное, нужно с самого главного: с человеческой жизни. Точнее, с права других людей обрывать или продлевать ее по своему усмотрению

Казнить нельзя помиловать

Разговоры о допустимости или недопустимости смертной казни давно уже приняли характер светской беседы о погоде. Тем более что дискутируют на эту тему зачастую люди, которые (тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!) никогда лично не сталкивались с преступниками и преступлением. Между прочим, в инкубаторских условиях довольно легко быть зайчиками и вегетарианцами: хищники с их клыками и когтями орудуют где-то в другом месте, чуть ли не в другом измерении. Тем сильнее бывает шок при появлении этих самых хищников в реальной жизни, а не на телеэкране. Америка, доходящая в своих гуманистических рассуждениях о правах человека до откровенного идиотиз-

ма, совсем недавно сплотилась в едином порыве негодования против маньяка, подорвавшего какой-то там центр и погубившего несколько сотен человеческих жизней. Так сплотилась, что даже казнь этого "отморозка" на элентрическом стуле транслировали по телевидению. Аплодировать такой инициативе вряд ли стоит, тем более, что воспитательный эффект оказался, мягко говоря, сомнительным: ни лучше, ни хуже американское общество после этого не стало. Стоит только отметить, что даже самые убежденные пацифисты могут при этом хотя бы на время сменить свои убеждения на диаметрально противоположные. Если припечет.

Но рассуждать о том, что гуманнее: лишить человека жизни сразу или продлить агонию (то есть отправить в пожизненное заточение), рассуждать об этом в России, сейчас... Других дел нет? Смертную казнь вводили и отменяли, осуждали и приветствовали, проклинали и благословляли, но все эти процессы фактически никак не влияли ни на нравственность общества, ни на его мораль. Императора Николая I заклеямили несмываемым позором за казнь пяти декабристов, а террористов-народовольцев, отправивших на тот свет несколько сотен ни в чем не повинных людей, оказавшихся на свою беду рядом с объектом террора, объявили героями и великомучениками. Так что мораль, как видим, — дело тонкое.

Аргументы противников смертной казни приводятся потрясающие: например, наказание должно быть не столько же-

стоким, сколько неотвратимым. Помните: "Вор должен сидеть в тюрьме!?" Но дело в том, что этого самого неотвратимого наказания сами преступники совершенно не боятся. А боятся они, как выяснилось, больше всего... таких же преступников. Куда больше, чем любой милиции, любой тюрьмы. Потому что бандиты не будут рассуждать о мотивах и смягчающих обстоятельствах, они просто убьют. А убийцы, как это ни странно, своей жизнью дорожат точно так же, как все живые существа.

Пример придется привести из "ихней" жизни. В нашей пока еще до такого беспредела (на экране) не дошли. Полицейский Кобретти (в исполнении Сильвестра Сталлоне) прославился среди своих коллег тем, что с бандитами разбирался "по факту", не вдаваясь в юридические тонкости, а по принципу "око за око". Так его бандиты боялись и уважали до чрезвычайности, стремились иметь дело с ним угодно, только не с ним. А у нас, если милиционер выстрелит в вооруженного преступника, то потом должен в оправдание тонну бумаги исписать, если не хочет сам в тюрьму угодить. Зато высшие моральные принципы соблюдены, все довольны. Кроме потерпевших, естественно, но на эту публику все равно не угодишь.

С таким же успехом можно запретить солдатам на войне стрелять в своих противников. Они, противники, может, не стрелять сейчас собираются, а наоборот, сдаваться на милость победителя. Или маневры проводят. А их так негуманно берут и убивают....

Впрочем, о войне свой разговор, чуть дальше. Поскольку наша военная доктрина и мораль — это настоящая песня, у которой слова отдельно, а музыка — тем более отдельно. Что же касается моральности или аморальности смертной казни, то нужно сначала всем обществом дорасти до идеи уважения человеческой жизни вообще, а потом уже пускаться в рассуждения по этому поводу. Потому что поставить к стенке маньяка — ни-з-з-я. Негуманно. А медленно травить людей, отключая у них в доголовное существование без зарплаты — ради Бога. Это, дескать, экономические трудности, к которым моральные нормы вообще не применяются. По определению.

Совет Европы, мнение которого для наших руководителей значит неизмеримо больше мнения рядовых российских граждан, никогда не станет разбираться в "мелких экономических трудностях" на местах. Значит, можно ими и не заниматься.

Правила для всех

Впрочем, "двойные стандарты", "двойная мораль" — это все существует только в том случае, когда люди (или государства) просто не могут между собой договориться "по-хорошему". Или когда зло для одних является благом для других — и наоборот. В смысле, если "наш", то "подвиг разведчика", а если "их", то — "шпионские козни". Если фанатик-камакадзе взрывает себя в кафе, то для его единомышленников он герой, а для жертв — убийца. Можно по-разному отно-

ситься к израильским танкам на улицах палестинских поселений, но ни в коем случае нельзя забывать о том, что в то же самое время на улицах израильских городов постоянно убивают мирных людей. Про Афганистан боюсь даже заикаться: там теоретически необходимо найти компромисс между тремя, а то и четырьмя непримиримыми силами с абсолютно разными моральными нормами. Наша Чечня по сравнению с этим феноменом — просто детская игра "Зарница", — да простят меня за сравнение все жертвы этой "игры".

Но ведь постепенно становится понятно: если носители этих разных моральных норм в мировом масштабе не договорятся об общих для всех моральных нормах, "горячей точкой" станет вся планета.

Хотя, казалось бы, по основным пунктам договориться легче легкого. Истина, как утверждают последователи трех главных мировых религий, одна, и Бог един. О том, что такое мораль или что такое хорошо и что такое плохо, знают все. Нельзя убивать, но надо во что бы то ни стало сохранять собственную жизнь, и уж точно — жизнь своих детей. Нельзя брать чужое, но свое надо как-то оберегать. Браки заключаются для продолжения рода, в частности, и жизни на Земле в целом, а не для того, чтобы потрясти окружающих пышной церемонией, и уж точно не для того, чтобы потом порхать из одного союза в другой. Правда, просто? Но почему-то в реальной жизни эти простейшие заповеди "срабатывают" лишь у глубоко верующих лю-

дей, да и то — до определенного предела.

Посмотрите вокруг: работает один-единственный принцип "Победителей не судят" (читай — побеждает сильнейший, и он же всегда прав). Судят всегда побежденного, то есть неудачника. Что Нюрнбергский процесс, что нынешнее судебное заседание в Гааге, — это все явления одного и того же порядка. В России, между прочим, ничего подобного открытому международному судебному процессу не было и быть не могло, поскольку все наши потенциальные подсудимые — победители. Да, культ личности Сталина был разоблачен и заклеямен, но кем? Теми, кто принимал более чем активное участие в его создании. Их же потом не столько судили, сколько осуждали опять-таки их ближайшие сподвижники. Перечитайте новейшую историю России, там все очень доходчиво написано. В последнее время модным стало давать побежденному — потенциальному подсудимому — гарантию юридической неприкосновенности. И все счастливы. Только при чем тут моральные нормы?

Кстати, на Западе, где с моралью и правом все обстоит как бы даже вполне благополучно, явно плохо с памятью. Французы забыли, как еще совсем недавно вырезали алжирцев целыми поселениями, Турция (сейчас уже вполне цивилизованное, даже, можно сказать, полу-западное государство) напрочь запамятовала о своем геноциде в отношении армян и болгар, швейцарцы делают вид, что хранение денег гитлеровской Германии — это самая естественная вещь при по-

зиции нейтралитета, а они просто свято блюли международное право. Верно, блюли, но — право сильнейшего, в данном случае — сильнейшего финансово.

Конечно, зрелище рушащихся небоскребов в Нью-Йорке никого не может оставить равнодушным. Но почему же никто практически не шелохнулся, когда взрывали жилые дома в России, в Москве? Не тот размах? Не так зрелищно? Что-то Америка не вскинулась тогда в благодарном негодовании против террористов, кем бы они ни были, да и в Европе не шибко обеспокоились. Хотя по всем христианским канонам должны были бы. Но истинных носителей высоких моральных ценностей во всем мире едва ли наберется несколько тысяч. А договориться о нормальном сосуществовании нужно шести миллиардам.

По-вашему, это реально? По моему, слишком похоже на то, как пятью хлебами накормили пять тысяч человек, причем соотношение тогда было все-таки более... реалистичное. Сейчас основное средство решения любых конфликтов — война. И никакое количество международных трибуналов и подписанных конвенций положения не изменит, пока "правила для всех" не будут всеми же и соблюдаться.

Только — когда это будет? И — будет ли?

Из всех искусств самым важным для нас является... самое аморальное?

Самое, пожалуй, страшное и практически непоправимое в событиях 11 сентября, это то, как

их первоначально воспринял мир. Помните? Все решили, что по телевизору показывают очередную американский фильм ужасов. А когда осознали, что это — жизнь, то... по-прежнему смотрели на экран со жгучим, неподдельным интересом. Еще бы — такое зрелище! О людях внутри этих колоссальных фанелов никто в общем-то и не думал: в декорациях обычно даже статистов и каскадеров не бывает.

К чему я это? А к тому, что многое, если не все, зависит от нашего восприятия событий. Точнее, не столько нашего, сколько власть имущих, которые смотрят на происходящие события как бы со стороны и извне. Играют в своего рода компьютерную игру, правила для которой сами же на ходу и придумывают, меняют, а то и просто отменяют. И вот это, пожалуй, самое страшное. В смысле — последствий.

О том, что Рим погиб из-за своей развращенности и пресыщенности, знают все, о сомнительных развлечениях римлян в виде гладиаторских боев — тоже все. Но мало кто помнит о том, что сделали те же гладиаторы, когда их восстание на какое-то время победило. А они... устроили такие же бои, только на арену выпустили своих вчерашних хозяев. Потому что другого представления о поведении власть имущих у рабов не было и быть не могло. Что видели, то и скопировали.

Сейчас, кстати, все еще хуже, чем во времена "развращенных патрициев". Их оргии, по крайней мере, могли наблюдать лишь очень и очень немногие допущенные. А детище братьев

Люмьер здорово продвинуло в массы все мыслимые и немыслимые развлечения: от стриптиза до "расчлененки". Телевидение же сделало жизнь человечества и вовсе интересной, а одновременно — чудовищно аморальной. Причем аморальной не с точки зрения ханжи-пуританина, а с так называемой общечеловеческой точки зрения.

Согласитесь, скучно наблюдать за обычной жизнью обычных людей. Праведники же вообще наводят на обывателя смертную скуку, если только не направляют свою праведность какой-нибудь экзотикой: например, объявляют о завтрашнем конце света или провозглашают себя воплощением какого-то бога на земле. Тогда, конечно, дело идет веселее. А вот аморальность — это и есть все самое интересное, крутое, захватывающее, читабельное, смотрибельное, обсуждаемое. Убийства, кражи, предательства, измены, захват заложников, катастрофы, стихийные бедствия и их последствия.

Вы спросите: как может быть аморальным стихийное бедствие? А вот в этом и заключается волшебная сила искусства. Показывать не извержение вулкана, а погибших под раскаленным пеплом, а еще лучше — гибнущих. Демонстрировать не десятибалльный шторм, а захлебывающихся в огромных волнах людей. И так далее, и тому подобное; причем грань между реальностью и вымыслом стирается на наших с вами изумленных глазах. Отличить персонажей бесчисленных сериалов от действующих лиц реальной криминальной

хроники иногда практически невозможно.

Про нравственные устои создателей ежедневных новостных программ можно вообще забыть. Под видом теленовостей преподносят некий гибрид из той же криминальной хроники, катастроф недели, репортажей дорожного патруля и так далее, и тому подобное. Один известный журналист, не слишком тепло относящийся к телевидению вообще, провел как-то свой собственный экспресс-анализ дневного (!) выпуска новостей ОРТ. Итог: "взрыв в Чечне (убито... ранено...), взрыв в Иерусалиме (убито... ранено...), автобус с детьми упал в Южной Америке (погибло... ранено...), автобус с детьми упал в Африке (погибло... ранено...), землетрясение, пожар — шесть сюжетов подряд только трупы, трупы, трупы. Потом показали, как сжигают коров, потом — как на кого-то надевают наручники, потом "у нас все к этому часу. Оставайтесь с нами". Увы, это не информация, а что-то совсем иное. Если маньяк убил и надругался и если вы считаете, что это "новости" — так и быть, сообщите: убил, надругался, арестован. Займет это семь секунд. Но если вы показываете изувеченные тела, если на наших глазах выкапывают отрезанную голову, если у маньяка берут интервью, и он рассказывает, как заманил, к чему принудил и каким ножом потом... И занимает это 10 (десять) минут — это не новости. Это нам под видом новостей показывают кошмар. В обиходе появилось слово "ужастик". Это неспроста ужасу приделали уменьшительный суффикс — мол, ни-

чего, не волнуйтесь, всё путём. И никто не спрашивает у психологов и психиатров, как действуют на человека такие новости? Какие врожденные запреты разрушаются в душе? А если и спрашивают, если получают убийственный ответ, то печатают (если печатают) где-нибудь на задворках, рядом с кроссвордом”.

В принципе, правильно. Человеческая психология так устроена, что обязательно найдется десять человек, бегущих смотреть на несчастье других, и только один (в лучшем случае!) — стремящийся помочь пострадавшим. Понятно, что, сидя у телевизора, о помощи кому-то и речи нет. Зато для зевак — просто шведский стол. Только щелкай кнопками на пульте дистанционного управления, чтобы выбрать “ужастик” покруче, а остальное любезно предоставит голубой экран. Многие это понимают, очень многие это ощущают, очень многие душевно и даже физически страдают от этого. Но очень мало кто находит силы не смотреть. Как алкоголики, как наркоманы, как любые больные люди. Лечить нужно, а лечить некому, да и непонятно, с кого нужно начинать: то ли с потребителей видеопродукции, то ли с ее изготовителей, то ли с ее заказчиков. Впрочем, относительно последнего адресата я явно размечталась.

Подтверждение последнему тезису я получила в процессе написания этого материала. По ОРТ дали анонс: 11 марта эксклюзивная программа — полгода после трагедии в Америке. События глазами наших соотечественников, оказавшихся их непосред-

ственными участниками. Не посмотрелись?

Похоже на то. К тому же чудани-американцы то ли сознательно, то ли из каких-то своих заумных этических соображений не показали ни одной конкретной жертвы сентябрьской трагедии. Ни падающих из окон, ни заживо сгорающих, ни задохнувшихся. Весь мир, между прочим, это отметил. Мир отметил, а мы исправили и дополнили: помимо старательно найденных кадров с покойниками во всех видах сняли почти часовой сюжет с родственниками погибших. “Что вы почувствовали, когда узнали?” — умеренно скорбным голосом вопрошал ведущий у рыдающих (все еще рыдающих!) людей. Интересно, какой ответ он рассчитывал получить? И зачем вообще было нужно делать этот кошмар, который и аморальным-то назвать можно с большой натяжкой? Может быть, просто не понимают наши граждане, “что такое хорошо, а что такое плохо”? Забыли за ненадобностью?

А знаете, очень похоже на то. Вопросы морали, чести, веры — практически вообще никем и нигде не обсуждаются, а если и когда обсуждаются, то в таком ключе, что оторопь берет. Морально или аморально рекламировать женские прокладки? Пошло — согласна, безвкусно — согласна, но мораль-то тут при чем? Ведь эти прокладки, в конце концов, не из кожи узников концлагерей изготавливаются. Вот уж воистину: мне бы ваши заботы, господин учитель! Похоже, что как только перестанем рекламировать прокладки — так сразу и станем высономораль-

ным обществом вегетарианцев и зайчинов. Самим-то не смешно?

А почему, действительно, мы не обсуждаем веру, мораль, честь? Совершенно здоровы? Не знаем о существовании таких понятий? Смертельно больны и поэтому старательно обходим даже намеки на нашу болезнь? Вопросы веры сводятся либо к обсуждению роскоши восстанавливаемых храмов (за чей счет восстанавливаются?), либо к смакованию скандальных событий в среде священнослужителей (надо же, церковники, а паностят, как миряне!). Но согласитесь, все это совершенно не относится к религии. Бог здесь ни при чем. А как только кто-нибудь рискнет приблизиться к действительно религиозным проблемам, ему тут же либо дают по рукам ("Не дело мирян рассуждать о возвышенном!"), либо начинают звать и отворачиваться.

А честь? Хотя бы пресловутая офицерская честь, о которой так много писали и Лермонтов, и Лев Толстой. Оба, кстати, бывали на Кавказе, оба подавление горцев считали правильным делом, отнюдь не пятнающим офицерской чести, скорее, наоборот. Но думаю, что наши классики и представить себе не могли ситуацию продажи русскими офицерами оружия врагу. Им это в самом страшном сне не могло присниться! Даже некоторым генералам русской армии, не гнушавшимся запустить руку в государственную казну, подобный способ личного обогащения был неизвестен, точнее — неприемлем.

Тот же известный журналист пишет о последней чеченской войне едкие и горькие, но — увы! —

справедливые слова: "Самая успешная, самая славная страница нынешней второй чеченской войны — операция у Алхан-Калы в январе 2000 года. Тогда отборные части боевиков во главе с Хаттабом и Басаевым выходили ночью из окружения, попали на минное поле и под кинжальный огонь. В результате боевики понесли большие потери, Басаев лишился ноги... А по телевизору показали русского генерала, который с гордостью рассказывал, как заманили чеченцев. Оказывается, с окруженными вступили в тайные переговоры и за 10 тысяч долларов пообещали открыть проход. Чеченцы поверили и попались. "Поверили! Эмиры шли впереди, как на параде!" — хвалился генерал.

Чеченцы не очень доверчивы. Но за последние годы покупка "коридора" стала обычной практикой. Потому-то и шли главари так спокойно. Вопрос: во времена Пушкина пришло бы горцам в голову, что можно купить проход у русского полковника или генерала хоть за 10 тысяч, хоть за миллион? Пришло бы в голову русскому офицеру, что можно продать?"

Ладно, прогресс есть прогресс, обогащаться можно по-разному, а не пойман — не вор. Но ведь ловят! Ловят с поличным! Вы слышали, чтобы попавшийся на таком деле офицер застрелился, не дожидаясь судебного разбирательства? Хотя бы об одном случае слышали? Мне не приходилось. С одной стороны, конечно, слава Богу, что не стреляются — самоубийство все-таки тяжкий, смертный грех. Но с другой стороны... Может быть,

поэтому понятие чести и не обсуждается? Давайте лучше угадаем мелодию с трех нот или назовем правильно слово из трех букв. Вдруг повезет — денег дадут.

Разбитый диагноз

Общеизвестно: чем примитивнее общество, тем сильнее в нем условности и предрассудки, а следовательно — ханжество и лицемерие. Значит, примитивными нас уж ни в коем случае не назовешь: мы уже не столько даже морально устойчивы, сколько морально подвижны. Причем подвижны словно инфузории-туфельки — помните, в школе проходили? Туфелька эта появляется на свет путем деления, беспешно перемещается в окружающей среде, чем-то питается, что-то выделяет, потом сама делится на несколько таких же особей. Какая может быть мораль у инфузории? Зачем ей мораль?

Мне могут сказать: просто изменились времена, а соответственно и нравы. Вон еще совсем недавно сажали "за спелуляцию", а теперь это называется коммерцией и всячески поощряется тем же самым обществом. Слово "фарцовщик" было страшным и ругательным, теперь фарцовочные... простите, обменные пункты понатыканы на каждом углу, а курс доллара объявляют чаще, чем прогноз погоды. За слишком откровенную юбку можно было запросто вылететь из учебного заведения, а заодно и из комсомола, сейчас мамы за руку приводят дочек на всевозможные конкурсы красоты, где одежда вообще сведена к мини-

муму. Мы стали от всего этого лучше? умнее? нравственно чище?

При жизни одного поколения обязательность регистрации отношений между мужчиной и женщиной сменилась фактическим признанием "гражданских союзов", а слово "незаконнорожденный" сохранилось разве что в исторических романах. В богемной среде считается хорошим тоном обсуждать принародно отца ожидаемого ребенка, конетничая всевозможными допущениями. Всемирно известный режиссер скрупулезно перечисляет близких ему женщин, разбирая поведение каждой из них в постели, как судья на выступлениях фигуристок. Кто-то морщится, большинство глотает, не разжевывая, да еще и причмокивает: клубничка!

Но... штука заключается в том, что сознание людей меняется гораздо медленнее, чем их бытие, хотя классики вроде бы утверждали обратное. И все эти не слишком красивые поступки и образ жизни на самом деле нацелены на одно: получить деньги. Выделиться из общей массы инфузорий-туфелек чем-нибудь зданием. Но поскольку инфузориное мышление тоже однотипно, то "выделяться" стали очень и очень многие. А если завтра начнут давать звания, премии и спонсорскую помощь только целомудренным или оскопившимся? Я, в принципе, догадываюсь о реакции большинства, уверена, что вы — тоже. Но опять-таки ни чище, ни высокоморальнее никто не станет, поскольку даже скрупулезное соблюдение постов не гарантирует святости, а чте-

ние Святого писания — безупречности.

При этом бытие-то остается фактически неизменным. Во всяком случае, в нашей невероятной и никем до конца не понятой стране. Чем озабочены все — и власть имущие, и абсолютно нищие? Правильно: как добыть еду, как создать, обогреть и защитить жилище, как сохранить и вырастить потомство. Милые мои, но ведь те же самые проблемы решались еще в каменном веке, если не раньше. А битвы вокруг источников электроэнергии происходят ничуть не более цивилизованные, чем те, которые велись вокруг заветного горшка с углями — хранилищем огня племени. А из-за мяса (пусть и куриного) идет такая война, какую не развязывали даже ради целой мамонтовой туши. Найдете десять основных отличий? Хоть три бы найти...

Впрочем, некоторые отличия все-таки наблюдаются, но в той самой сфере, которую принято называть "моралью и нравственностью общества". Все стало масштабнее. У Достоевского недочувшийся студент убил двух старушек. Причем одну в общем-то нечаянно. Так переживаний и расследований — на два тома. Анна Каренина изменила мужу, извелась переживаниями вплоть до самоубийства — и тоже на два тома, без, заметьте, альвовых сцен. На одной-единственной "Лолите" выросло несколько поколений вольнодумцев, на всю жизнь шокированных возможностью интимной связи с НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕЙ! Почитайте нынешнюю криминальную хронику, после нее произведение Набоко-

ва покажется текстом из учебника для воскресной школы.

Так что это — поступательное прогрессивное развитие или новый способ существования инфузорий? Наверное, не то и не другое, а третье, причем куда более страшное, чем нам кажется. Называется эта штука нравственным помешательством...

Что это такое? А это почти забытая разновидность душевного заболевания, характерная тем, что способна поражать не только отдельного индивидуума, но и целое сообщество. *"НРАВСТВЕННОЕ ПОМЕШАТЕЛЬСТВО — психическая болезнь, при которой моральные представления теряют свою силу и перестают быть мотивом поведения. При нравственном помешательстве человек становится безразличным к добру и злу, не утрачивая, однако, способности теоретического, формального между ними различия. Неизлечимо.*" (Энциклопедический словарь Ф.Павленкова. С.-Пб., 1905.)

Во всех дореволюционных энциклопедиях есть статья "Нравственное помешательство". В послереволюционных — исчезло отовсюду. Вылечились? Или предпочли забыть о таком неприятном диагнозе? И то сказать, какому пронаженному приятно ежеминутно видеть свое отражение в зеркале? Разбить его — и успокоиться. Просто, как все гениальное.

Сильнодействующее средство

Впрочем, некоторые меры все-таки принимаются. Не помню, кому из врачей принадлежит принцип "лечить подобное подоб-

ным", но принцип этот, похоже, как раз и считают панацеей от растущей аморальности общества. Распущенность во всех сферах старательно делают нормой жизни и проповедают ее со страниц газет, журналов, даже книг. Ругаться матом неприлично? Чепуха! Непечатное слово преспокойно печатают огромными тиражами и тем самым как бы делают его печатным. Ненормативная лексика становится абсолютной нормативной.

Владимир Сорокин, например, с удовольствием пишет и вслух цитирует такие страницы из своих произведений, которые постеснялся бы озвучивать малограмотный люмпен. Ему представляется, что он тем самым наполняет тексты истинным смыслом жизни, предоставляет читателю возможность соприкоснуться с реальностью. Правда, примерно тем же самым занимаются дети ясельно-детсадовского возраста, у которых жгучий интерес вызывают всякие выделения из организма. Такая стадия развития, она быстро проходит. У нормальных детей, естественно. Но у некоторых затягивается. А публике предлагается наслаждаться этой самой правдой. Некоторые наслаждаются, некоторые делают вид. Большинство молчит и пожимает плечами, но процесс-то уже пошел: в одних произведениях родители суют в зажженную печь собственного ребенка, в других — новобрачные "мочат" на свадебном пиру всех своих гостей, в третьем — провинциальная девица описывает свою встречу с очередным любовником. И все это — сугубо ненормативной лексикой.

Новое слово в искусстве и литературе? Да полноте! Пушкин прекрасно знал русский мат, умел им пользоваться, но в "Евгении Онегине", например, почему-то предпочел обойтись без нецензурных выражений. И ничего, хватило слов. Толстой ради той же, кстати, правды жизни, процитировал очень крепкое выражение Кутузова, но все-таки предпочел прибегнуть к многоточию, хотя наверняка мог написать "открытым текстом". Почему-то не захотел. Впрочем, в позапрошлом веке понятие "нравственное помешательство" еще существовало, и с болезнью этой пытались бороться. Но не путем вышибания клина таким же клином.

Зато наше сильнодействующее средство исправно работает. Все чаще и чаще записи бесед высокопоставленных чиновников прерываются на телевидении характерным писком — даже не слишком высокоморальное ТВ глушит ненормативную лексику. Слово "блин" — синоним сами знаете, чего, — можно услышать из уст самых рафинированных дам и интеллектуальных господ. Как говорит молодежь, объяснять не нужно: как слышит, так и говорит. "Хочешь, я убью соседей?" — вопрошает рок-звезда у своего возлюбленного. Ее безголовые поклонники сплошь и рядом так и поступают: убивают соседей, которые, блин! мешают спать. А что, нормальный ход.

Теперь аморальным считается навязывать другим "устаревшие ханжеские догмы тупых лицемеров". Герой нашего времени — начавший молодой человек, способный отметить десятерых до

полусмерти, а одновременно еще и пристрелить пару-другую противников "для комплекта". Милиционеры сами себя называют "ментами" и даже гордятся таким прозвищем. Неудивительно: с экранов не сходят третьесортные американские боевики, где в каждом кадре должен быть труп, а победивший объявляется национальным героем вне зависимости от способа достижения своей цели. Аморальность стала нормой в искусстве и руководстве в практической жизни. Болезнь не вылечили, просто объявили больными пока еще здоровых людей. Впору брать патент на такое открытие, только...

Только все это на самом деле уже было. Прошу прощения за очередную цитату из классиков, но общество — любое! — действительно развивается по спирали. И на каждом витке этого развития обязательно находятся люди, которые объявляют общепринятые нормы устаревшими, пристойность — ханжеством, добро-

детель — лицемерием. Тем более, что аморальные поступки — это те, которые совершают другие люди. То, что делаешь ты сам, всегда оправдано если не благородными целями, то уж точно — высокими идеалами. И вечны попытки силой сделать всех поголовно счастливыми, потому что невероятно трудно, если вообще возможно, разделить силу на "положительную" и "отрицательную", на "добро" и "зло", на "правоверных" и "еретиков". Никую теоретическую базу ни подводи под насилие, суть-то остается той же самой: одни люди присваивают себе право лишать жизни других. А именно это лично мне и представляется наиболее аморальным из всех деяний человечества. Поправьте меня, если я ошибаюсь.

P.S. Приглашаем наших читателей принять участие в дискуссии на тему: "Что означает сегодня в нашей жизни понятие "Мораль?"

Валерий МАКАРОВ

* * *

*Здесь сумерки дождя не тяжелы,
Сторукому сюда не достучаться.
И звезды тоньше световой иглы
В бревенчатый покой не просочатся.*

*Но здесь летают бабочки золы,
Сшибаются и на лицо садятся.
И чувство плотной законной мглы
Не позволяет мыслям развязаться, —
Все стянуты неистовым узлом:
А вдруг очнусь, и обернется злом
То, что казалось явью безмятежной.*

*Развеян пепелищем смутный дом,
И вечный ворон, вестник неизбежный,
Клюет меня и шевелит крылом.*

* * *

*Однажды соберут весь ворох
Моих стихов и мне горбом
На плечи взвалят — этот порох,
Воспламеняемый пером.*

*И выставят пред целым светом,
И бросят вслед, как голытьбе:
Ты называл себя поэтом,
Будь верен самому себе.*

*И я пойду с горбом проклятым,
Таким увенчанный венцом,
На площадь, к расписным палатам,
Где б расколется бубенцом.*

*Тогда, быть может, назначенье
Свое исполню я вполне.
О, за такое развлечение
Народ простит уродство мне.*

* * *

*Последуй за колесным скрипом
Своей судьбы. Не омрачи
Души своей мятежным криком
И о пути не хлопочи.*

Уверуешь и горы сдвинешь.
Твой путь в тебе, ты сам есть путь,
Пока лица не запрокинешь,
Чтоб дальше неба заглянуть.

Измерить, ощутить спиною,
Откинув руку на закат,
Какой ты обретешь ценою
То, что превыше всех наград.

И быть тебе под колесом ли,
Иль колесованным, — иди.
Пройдешь и по воде. Но помни:
Ты сам есть путь. Ты — впереди.

* * *

Бродячие певцы любви,
Мы бродим без дорог.
Мы роздали сердца свои
Тем, кто в пути продрог.
Всем тем, кто в поисках любви
Скитался без дорог.

Мы быть удачливей могли,
Не бить о камни ног.
Но если б мы не помогли,
То кто бы им помог?
Всем тем, кто в поисках любви
Скитался без дорог.

* * *

На языке воды, листвы и света
Нет имени милее твоего.
Позволь мне повторять его, ведь это
В тебе не потревожит ничего.
Я здесь один кружусь, но предо мною,
Вокруг меня и всюду образ твой —
И небо с расшумевшей листвою,
И ласточки — над светлою водой.
Пусть целый мир вместит воображение,
Всю душу пусть объемлет мне одно:
Мгновенье близости твоей, то напряженье,
С каким мне было чувствовать дано,
И повторять и славить имя это —
На языке воды, листвы и света.

* * *

Последняя сказка из леса ушла.
Ушла, не вернулась — иль счастье нашла?

*Кто знает, быть может, и счастье!
Быть может, воровкой она прослыла,
Воровкой-мотовкой, — а сказкой была,
Да кончилось все в одночасье.*

*И бродит по свету,
Меняет монету,
Которую бросит ей нищий поэт.
Он взял бы к себе непутевую эту,
Другую концовку пригнал бы к сюжету,
Но это — бродячий сюжет.*

*Бродячий сюжет и пустая забава —
Про то, как приходят богатство и слава
К тому, кто не смел и мечтать.
И сказка старинного склада и нрава
Становится пышной принцессой и, право,
По праву, хотел я сказать.*

*Сказал я, но сказка из леса ушла,
Ушла, да и лес за собой увела.*

* * *

*Лунная ночь, ускользящий свет.
Лес прорисованный, словно сквозящий.
Был я твоею любовью согрет,
Но не узнал тебя, как проходящий.
Прошлое, полное спутанных снов,
Лунного света, поющих узоров.
Вся наша жизнь — память нескольких слов,
Смытых слезами блистающих взоров.*

* * *

*Деревья совершеннее людей.
Не зная запоздалых колебаний,
Ложатся на распятие гвоздей
Как бы на ложе страсти стародавней.
Не проклинают серу и угар
Собственноручно подоженных зданий.
Ударом не ответят на удар.
С достоинством, внушенным небесами,
Несут в корнях своих, как некий дар,
Клочок земли, изрытый муравьями,
Едва уравновешенный меж звезд
Прилипшими к его краям морями,
Где суждено им украшать погост
Или гореть, поднявшись во весь рост.*

Олег ДЗЮБА

ВОКРУГ ДИОНИСИЯ

**500 лет назад,
в 1502 году, своды
Ферапонтова мона-
стыря украсили
фрески замечатель-
ного русского живо-
писца. Сегодня фре-
ски эти — памятник
мирового значения...**

В двадцатые годы минувшего столетия коммунары Ветошнин из деревни Ферапонтово изобрел... велосипед. Невиданную в этих северных краях двухколесную машину — от педалей до колес — он сотворил из чистого дерева, а все детали соединил без помощи гвоздей и винтов.

Уникал деревенского самородка я увидел... в Музее фресок Дионисия. В зал с необычным экспонатом забрел после дивного путешествия под сводами, расписанными гениальным живописцем и его сыновьями. Наивное чудо техники должно было бы вызвать улыбку, но на иронию меня не по-

тянуло. Автор деревянного велосипеда в детстве явно бывал в расположенном в том же Ферапонтово Соборе Рождества Богородицы, где его со всех сторон обступала бирюза с зыбной прозрачностью парящих на ней библейских образов. Волшебная эта энергетика не могла не затронуть чистую детскую душу...

Сейчас в Ферапонтов монастырь приезжают, как в школу. Директор Музея фресок Дионисия Марина Серебрякова рассказала мне, что от желающих приобщиться к очарованию фресок и прелести неотрывных от них окрестных пейзажей отбоя нет. В спартан-

ские условия Феропонтова приезжают даже воспитанники престижных столичных гимназий, не говоря уже о студентах художественных училищ. Созданную ею "Шнолу Дионисия" Серебрянова надеется вскоре сделать постоянной, а классы мечтает оборудовать в здании наподобие деревянного терема.

Когда-то доживем и до теремов, но сегодня у директора и будничных дел хватает. Это и бесконечные реставрационные заботы, и всегдашние ремонтные хлопоты. Предстоит, например, сделать в соборе керамические полы — без них съездят в дощатом настиле и фре-

сам будет струиться пыль и есть опасение, что уже спустя полвека просветленные реставраторами краски вновь потуснеют... Была у Серебряновой мечта устроить к юбилею выставку, на которой представить все иконы кисти Дионисия, связанные с Феропонтово. Увы, столичные музеи дальше словесного одобрения в обсуждении уникального проекта не зашли. Особая статья забот — издательская. Уже удалось выпустить путеводитель по фрескам, без подсказки которого обойдется разве что искушенный богослов или искусствовед. Переиздана книга Ивана Бриллиантова, впервые выпущенная больше века

Директор музея Марина Серебрякова

назад к 500-летию самого монастыря...

Любой славный юбилей — это всплеск туризма. Интерес к фрескам всегда был велик, а с приближением звонной даты о Дионисии вспоминают и те, кто к искусству в обыденной жизни отнюдь не близок.

Владелец гостиничных коттеджей неподалеку от села взвинтил цену за ночлег до 60 долларов и не собирается уступать, рассчитывая, видимо, взять свое, если не числом, то тарифом. Туристы с пуговатыми кошельками предпочитают на такой европейский замах не оглядываться и охотно разбредаются по ферапонтовским избам, где почти всюду готовы приютить и накормить по-деревенски с парным молоком и картошкой без нитратов.

Не чуждо Ферапонтово и модернистам. От них и самый что ни на есть прибиток. Лет пятнадцать назад здесь напрочь прохудился

мост над речной Паской. Прогулка между селом и монастырем тут же обратилась в подобие преодоления полосы препятствий. Сельсоветская казна пустовала, а тогдашние районные власти, как и полагалось, кивали на область. Первым и единственным, кто утомился от хождений между дырами в истлевшем настиле, оказался преуспевавший в пору моды на русский авангард московский живописец. Художник надумал проводить в Ферапонтове занятия своей студии, которую почему-то назвал в традициях Пролеткульта "Молотом". Рисованность путешествий "молотовцев" от гостиницы к монастырским воротам и подсказала модернисту идею пожертвовать некоторую часть гонораров на общее благо. Выходит, что без Дионисия ферапонтовцам приличного моста еще долго увидеть бы не пришлось...

Попытки приобщиться к гениям часто не приносят ожидаемых результатов. Один из постоянных гостей Ферапонтова годами собирал цветные камни, толон их, обжигал, стремясь получить краски наподобие тех, которые некогда готовил для себя и сыновей Дионисий. Я не раз слышал от экспериментатора не слишком скромное признание, что пишет он свои полотна красками великого иконописца. Гордость была, истинного приобщения, увы, ни на грош. Да и краски, которые использовал Дионисий, как выяснилось исследователями, все-таки нездешние по происхождению. Да иначе и быть не могло. Расписывать собор ехал из Москвы не самоучка-богомаз, а профессионал высочайшего уровня. Тратить время на поиски камней, на эксперименты, на поиск нужных тонов он себе позво-

лить не мог. Гипотеза о местном происхождении красок была еще уместна четверть вена назад, когда считалось, будто Дионисий работал в соборе больше года. Суть ошибки первых исследователей таилась в неверной трактовке смысла надписи, оставленной в соборе Дионисием или же кем-то из его помощников: "В лето 7010 месяца августа в шестой день на Преображение Господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церковь а кончана на второе лето месяца сентавреа в 8 /день/ на рождество пресвятыя владычица наша богородица Мария...". При первой расшифровке автографа и переводе принятой тогда на Руси системы летосчисления на современную сочли, что после первого взмаха кисти Дионисия и до завершающих мазков минуло почти тринадцать месяцев. Это мнение десятилетиями кочевало по страницам самых авторитетных трудов, пона в 1985-м году известный вологодский реставратор Н.И.Федышин не предложил иного объяснения текста. Изучив и сопоставив даты, связанные со сроками правления исторических лиц, упомянутых в надписи, он доказал, что Дионисий и его сыновья Владимир и Феодосий расписали храм буквально на едином дыхании за 34 дня. Не стоит забывать и о том, что январь стал для России началом года только при Петре Великом, во времена Ивана III-го счет месяцев вели с сентября. А если так, то Дионисий при помощи сыновей смог расписать свыше шестисот квадратных метров немногим более, чем за месяц! В пользу этого и данные доктора искусствоведения А.А.Рыбанова, обнаружившего под куполом как раз 34

шва, — ими мастера отмечали фрагменты свода, которые им предстояло оживить красками от восхода до заката... А кроме фресок, Дионисием и его дружиной создано в Ферапонтове немало икон, украшающих ныне коллекции столичных музеев. При таком гениальном ритме отвлекаться на поиск цветной гальки было бы просто абсурдно.

В Ферапонтове не устаешь удивляться, каким удивительным обстоятельствам обязаны мы появлению здесь Дионисиева чуда. Для этого боярскому сыну Просночину довелось стать иноком московского Симонова монастыря Ферапонтом, а затем вместе со старшим товарищем по обители Кириллом покинуть столицу, направивши стопы свои на север. Поначалу сподвижники обосновались на Сиверском озере, но на следующий год Ферапонт покинул наставника и выбрал для нового скита холм меж двух озер верстах в двадцати от обители Кирилла. Глухой тогда край монахи уподобляли Фиванской пустыне, куда некогда устремлялись христианские подвижники. Потому-то эти земли и прозвали позднее Северной Фиваидой.

Дивные места умели выбирать под свои скиты и пустыни будущие святые. При раскопках в Кирилло-Белозерском монастыре однажды обнаружилась еловая хвоя, даже через три с половиной столетия сохранившая природный цвет. Находка поставила в тупик биологов, к которым искатели тайн прошлого обратились за консультацией, ведь хлорофилл, придающий растениям зеленый цвет, не относится к устойчивым соединениям и в любых природ-

ных условиях не держится даже нескольких десятилетий. Видно, основатель обители Кирилл Белозерский избрал более шестисот лет назад для своего скита столь чудесный клочок севера, что загадочные его свойства сохраняют то, что должно бы исчезать с течением веков. Тот же провидческий дар свойствен был и Ферапону.

Десятью годами позднее он расстался с Русским Севером, и основанную им обитель возглавил ученик Кирилла Белозерского Мартиниан. Этот крестьянин по рождению превратил ничем тогда еще не примечательный монастырь в средоточие книжной мудрости. Все монахи при нем стали переписчиками и переплетчиками старинных книг, библиотека обители уступала разве что собранию Кирилло-Белозерского монастыря. Без Мартиниана Ферапонта обитель могла остаться только одним из многих ничем особо не примечательных монастырей, а слава очага просвещения и духовности, питомника религиозных мыслителей и литераторов прошла бы далекой стороной.

Не прославь Мартиниан свой монастырь, в нем мог и не появиться князь Оболенский, ставший там иноком Иоасафом. Возглавивший со временем Ростовскую епархию, Иоасаф не поладил с Великим Князем Московским Иваном III, который сослал его в родной для владыки Ферапонт монастырь. Бывший епископ оказался не только в изгнании, но и на пепелище, поскольку перед самой опалой обитель испытала страшный пожар. Кто-то опустил бы руки, но Иоасаф наперенор

судьбе затеял строительство каменного храма, известного теперь всему свету как собор Рождества Богородицы и — есть версия — лично пригласил для росписи прославленного уже художника Дионисия.

Древнерусским гениям не везло с биографами. О фресках Ферапонта искусствоведы с восторгом заговорили только в начале прошлого века и тогда же взялись за поиск сведений о Дионисии. Увы, своего Вазари в великокняжеской Москве не нашлось, а потому и о подробном жизнеописании художника речь вести не придется. Известно, что работал он не в одиночестве, а в содружестве с другими иконописцами, порой целой дружиной. Учителем Дионисия называют монаха-иконописца Митрофана, с которым будущий ферапонтовский художник расписывал храм Пафнутьева монастыря. В 1481-м году после работы Дионисия в Успенском соборе Кремля его имя в списках мастеров уже идет на первом месте. Есть упоминания, что современники никогда не путали творения его кисти с работами товарищей по дружине, особо почитая и выделяя Дионисия. Расплачивались с ним щедро. Епископ Ростовский Вассиан заплатил ему за иконы 100 рублей. Сумму эту называют для тех времен "огромной". Очевидно, что разоренная огнем Ферапонта обитель особо выгодных условий предложить художнику не могла. Отсюда и мнения о недобровольности приезда на север, даже о высылке из Москвы, где взылись тогда за расправы с еретиками, ведь Северная Фиваида стала приютом для многих недовольных

правами столицы или неугодных ей, но достоверных причин выбора Дионисием далекого северного монастыря для своей "лебединой песни" мы уже никогда не узнаем...

Путешествие на край тогдашнего света простым быть никак не могло. Это не теперешняя ночь поездом от Москвы до Вологды и два часа безмятежной езды по шоссе. Хватало на пути волонов, хватало переправ и топей. Про разбойников и скоморохов, а эти артисты из народа нередко мало отличались повадками от любителей помахать кистенем, тоже забывать не приходилось. Но были на долгом пути не только тяготы, были еще и земли, загадочные свойства которых издревле способны были пробуждать в людях достойные почтения свойства. И тянулись эти просторы на недалеких подступах к Ферапонтову вдоль берегов Кубенского озера.

Кубеноозерье в русском средневековье было краем, говоря на современном языке, весьма продвинутом. По длинному семидесятиверстному озеру сновали торговые караваны, в бобровые и куницы меха с этих берегов куталась зябнувшая Европа. Археологам, ведущим ныне раскопки здешних селищ, то и дело попадают серебряные динарии из германских княжеств, которыми купцы расплачивались за "мягкую рухлядь". Во многих крестыанских избах поколениями хранили целые библиотеки рукописных, любовно украшенных книг.

Здешние уроженцы не ограничивались поиском хлеба насущного, но и пытались поярче показать себя в этом мире. На Кубен-

ском появился на свет и сам преемник Ферапонта Мартиниан. А в дни куда близкие к нашим отсюда ушли за счастьем и удачей знаменитый репортер Владимир Гиляровский, авиаконструктор Сергей Ильюшин, композитор Валерий Гаврилин. И вряд ли чистой случайностью можно объяснить, что эти пронизанные таинственностью холмы легли перед Дионисием на последних его подступах к сотворению ферапонтовского чуда.

Большое видится на расстоянии, и увидеть в дионисиевых фресках всплеск не столько религиозной, сколько космической энергии удалось благосклонному к России историку из-за океана. Директор Библиотеки Конгресса США Джеймс Биллингтон выдвинул теорию, согласно которой русское искусство — отнюдь не плавное восхождение от простого к сложному, но скорее цепочка "непредсказуемых взрывов — всполохов пламени над безграничной снежной пустыней, поразительных всплесков творческого гения". Русскую культуру он считает "взрывной", периодически порождающей великих художников, "возвышающихся точно горные пики посреди бескрайней степи в самом центре гигантского материка". Один из таких пиков он видит в русской иконописи великого для нее периода, начавшегося с Андрея Рублева и завершившегося ферапонтовской лебединой песней Дионисия. По его словам, иконы и до Дионисия служили как бы окнами в потусторонний мир. Но ферапонтовские фрески просто "распахивают крышу собора и возносят нас в бескрайнее северное небо — на не-

беса... все и вся, кажется, парит в безбрежной лазури и белизне".

"Взрывную" теорию видного историка и слависта мне посчастливилось впервые услышать в Феррапонтове из уст самого автора. Биллингтона завели на Русский Север съемки задуманной им же многосерийной телевизионной ленты "Лики России". Приезд его счастливо совпал с полным снятием лесов, на которых работали реставраторы в соборе Рождества Богородицы. Прежде взорам редких счастливых, ступавших за порог храма, доступны были только отдельные фрагменты стенописи. Открытым оставался портал у входа с фреской, посвященной Рождению Девы Марии, но "раскадровку" библейских сюжетов, связанных с этим преданием, увидеть удавалось лишь по частям.

...Ради съемок в монастырь пригласили вологодскую хоровую капеллу, и под сводами впервые со времен изгнания монахинь атеистической властью зазвучали древние распевы. Когда же прожектора погасли и группа споро вынесла свои камеры и кабели, Биллингтон долго бродил под сводами, словно отыскивая подтверждения какому-то прежде намечавшимся в сознании тезисам. Позднее в своей книге он назвал увиденное половодьем росписей, изобилию которого, возможно, не найдется подобия во всем христианском мире. "Все своды и арки, колонны и стены расписаны в мягких тонах, позаимствованных у природы: лавандовый и розовый — у полевых цветов, светло-зеленый — у вызревающей ржи, охра — у ранней осени. Оптические эффекты по-

стоянно меняются по мере того, как солнце совершает свой извечный путь...". А в тот раз профессор посоветовал мне пригладеться к ногам дионисиевых персонажей. Они либо вообще лишены ступней, либо ступни их совсем малы. "Им уже нет более нужды ходить по земле..." — под сказал Биллингтон.

Возвышенное и земное всегда бродят под руку. На пристани Горицы, где в основном сходит на берег жадный до русской экзотики интурист, это чувствуешь с ходу, комично и зримо. До Феррапонтова отсюда с полчаса автобусной езды, а по дороге сплошь парадоксальные соблазны.

На причале лайнеры то и дело встречают... поросенок с сигаретой, дымящей из-под пятачка. Безвинную животину научил чадить сигарной местный шутник Толёк, самозабвенно дурачащий заезжих гостей. Односельчане охотно пересказывают легенды о "свершениях" земляка. Однажды он заманил иностранок в баню попариться по-русски. Вдруг из надуши и шаек на обнаженных исхлательниц экзотики стали прыгать жабы, так что фрау, мадам и миссис с визгом высыпали в туалетах Евы под северное небо. Другой раз веселый прохиндей исхитрился привлечь иностранцев прогулкой в тракторном прицепе, надпись на котором извещала о запрете на перевозку пассажиров. Собрав с алчущих острых ощущений неную сумму в твердых валютах, Толёк выдернул штырь из сцепки и укатил, оставив околпаченных на пристани.

Земляки относятся к нему по-всякому. Кто чертыхается, а кто и завидует его ловкости. Один из

аборигенов и подавно сказал мне, что Толён, по его разумению, — истинный герой нашего времени. Мол, по всему свету нашего брата дурят, чего ж с ихними церемониться? Самое занятное, что туристы в целом не жалуются. Оно и понятно. Таинства фресок понятны не всем, а тут столько впечатлений за марку или доллар. Больше всего рады те, кто сам розыгрышей предприимчивого весельчана избежал, зато понаслаждался конфузом соотечественников. Другое дело, что на их родине Толён, того и гляди, получил бы массу неприятностей от обществ защиты животных. Братьев наших меньших там в обиду не дадут, а нинотин поросенку, ясное дело, не во благо. Но в Горицах "Гринпис" филиала пока не завел, так что проказам доморощенного юриста приходит конец только с финалом навигации.

Теплоходам до весны суждена стоянка в затонах, музеям — малолюдье, а местным жителям — поной и ожидание огородной страды. Залогом душевного здоровья милая здешняя тишина была отнюдь не всегда. Директора музея фресок Марину Серебрянову суровые милицейские инстанции обычно донимали зимой. Окончив в Москве химино-технологический институт, она отдала долгие годы работе в академических структурах, а потом нечаянно заехала в Ферапонтово и жить без него больше не смогла. Институтская ее профессия оказалась здесь ни к чему, потому пришлось идти в школу и преподавать что придется, а прежде всего домоводство.

Теперь и представить странно, что два-три десятка лет назад

сами ферапонтовцы прилежанием и успехами в рукодельях и промыслах совсем не славились. В соседних деревнях, а их немало разбросано по склонам мягких гор и прозрачных озер, водились искусные гончары, были умельцы плетения, находились кружевницы. Ферапонтовским парадоксом оставалось, что по соседству с гениальной красотой фресок народ умудрялся обходиться даже без зелени на окнах и вязальных спиц.

Дипломированному химику суждено было огрех северного бытия исправить. С ее легкой руки появились на подоконниках горшки с цветами, а ее бывшие школьницы, давно ставшие почетными матерями семейств, не знают забот, вывязывая шапочки или носки для детей, а теперь и внуков.

Годы эти стали уже без помарок в определении легендарными. Едва не каждым летом приезжал в Ферапонтово академик Дмитрий Лихачев. Писатель Юрий Новаль месяцами обходил деревни, вслушиваясь в говор словоохотливых аборигенов и записывая северные словечки да присказки. Подолгу жила в крестьянской избе Белла Ахмадулина. В охотничьем домике на окраине села, но с видом на монастырь и сейчас вспоминают Юрия Нагибина и Юрия Казанова, любивших ходить отсюда на медведя.

Вместе со знаменитостями тропы сюда охотно протоптаывали и многие другие литераторы и художники, пусть не столь прославленные. Одних уводило сюда тайное инакомыслие, другие просто торопились оторваться от столичной маеты. Герой давнего уже ро-

мана Юрия Трифонова кисло брюзжал о склонности своего круга к святым обителям. Для кого-то это и впрямь было на бегу проглоченной наживкой сиюминутной моды, другим без закатных силуэтов куполов монастыря и по сию пору не обойтись.

Серебряковой в Ферапонтове посчастливилось стать своей для земляков-москвичей и новых земляков-односельчан. И те, и другие по-своему, но без сомнений, оказались на ее стороне в долгой тяжбе с паспортным столом. Районный начальник настырно, грозя карами, требовал от нее или выписываться навсегда из белонаменной или убираться из Ферапонтова на все четыре стороны. В обязательном виде бы к исполнению КЗоТе запрета работать не по месту прописки не оказалось, но законы у нас нередко принято понимать синонимом известного дышла. Дмитрий Лихачев и Андрей Тарковский подписали тогда обращение в "Литературную газету" с требованием оставить директора музея фресок в покое.

Сами ферапонтовцы обращений не сочиняли, но поддерживали дружелюбием и сочувствием. Без простых, но теплых чувств было бы тяжело и многие годы спустя, когда ее старший сын надел с возрастом военную форму и оказался в Чечне. Святой ли Мартириан, чьи мощи покоятся в мона-

стыре под одной из фресок Дионисия, хранил юного солдата, а, может, и сам художник, в честь которого Марина Сергеевна назвала первенца, мистически оградил тезку, но сын вернулся домой живым и невредимым. А в пору московской жизни врачи заверяли Серебрякову, что она никогда не сможет иметь детей. Поправка к диагнозу счастливо и неожиданно пришла в Ферапонтово через пять лет после приезда сюда.

...Таков уж этот край. Одних просветлит, других вгонит в печаль от мыслей от недостижимости идеала, а третьих беззастенчиво примет под сень белых ночей. Какая и впрямь забота рыболовам от того, что каменная гряда на Бородавском озере, куда они высаживаются с удочками и наживкой, таит ледниковые обломки, которые своими руками бросал в эти воды опальный творец раскола патриарх Никон. Проводя в Ферапонтове годы ссылки, неистовый церковный реформатор подолгу уединялся на рукотворном, в форме креста, островке за размышлениями и молитвами. Перед ним колыхались отражения куполов, над головой лазорилось небо. Это прошлое давно растворилось в чистом воздухе и в прозрачной воде. Остались только фрески Дионисия. Да разве ж этого мало?!

фото **Вадима Гиппенрейтера** и
Сергея Метелицы

Так жить можно?

**Социологи
опровергают
миф о том,
что россияне
плохо относятся
к "людям успеха"**

Фраза "Так жить нельзя!" с легкой руки режиссера Станислава Говорухина стала в нашей стране поистине крылатой. И сегодня, спустя 12 лет после выхода нашумевшего обличительного фильма, все еще можно прочитать в иных изданиях, что "мы натимся в пропасть", "народ так больше жить не может". Но откроешь другое издание, включишь телевизор — и руни липнут от густого сиропа, впору вспомнить "отца народов": жить стало лучше, жить стало веселей. А как в действительности стало жить в России? Как мы, граждане, а не газетные или телевизионные пропагандисты это оцениваем? С этими вопросами я пришла к доктору социологических наук, заместителю директора Института комплексных социальных исследований Российской Академии наук Наталье ТИХОНО-

ВОЙ. Она рассказала о результатах широкомасштабного исследования социологов, которое позволяет взглянуть на последнее десятилетие в жизни страны глазами самих россиян. Наталья Евгеньевна подчеркнула: это "репрезентативное", как говорят специалисты, исследование. То есть на вопросы ученых отвечали не только москвичи или представители какой-то одной социальной группы. Исследование достаточно точно отражает состав населения страны — по полу, образованию, регионам проживания, типам поселений — от мегаполисов до захудалых деревень.

Проблемы, которые нас ... объединяют

— Нельзя сказать, что люди однозначно позитивно оценивают последнее десятилетие в жизни страны — десятилетие реформ — или однозначно рисуют его темными красками. Картина достаточно полифоничная, — размышляет Наталья Евгеньевна. — Естественно, что представители различных социальных слоев общества по-разному оценивают наши потери и приобретения за эти годы.

— Когда читаешь в газетах обобщения типа "мы...", "народ думает...", понятно, что автор говорит прежде всего о себе и своих единомышленниках...

— Ошибаетесь, есть все-таки вещи, консенсусные для общества, неожиданно возразила мне Наталья Евгеньевна.

Что значит "консенсусные"? Насколько я поняла, социологи, проводя исследования, делят общество на группы. Они смотрят,

как люди относятся к той или иной проблеме в зависимости от образования, возраста, пола, профессии, места жительства, уровня обеспеченности, семейного положения... (Ученые могут выделять эти группы по самым разным, порой неожиданным признакам. Например, в недавнем исследовании специалисты анализировали, как решают одну и ту же проблему женщины, считающие себя любимыми, и те, кто обделен любовью.) Общественный консенсус — это когда большинство в каждой группе населения смотрят на проблему одинаково положительно или одинаково отрицательно. Консенсус, с точки зрения социологов, — это когда большинство и женатых, и холостых, и бедных, и богатых, и выпускников школ, и людей с высшим образованием, любимых и нелюбимых... придерживаются одной и той же точки зрения. По каким бы признакам не выделяли из общества группу людей (да хоть группа владельцев спаниелей) — большинство в ней оценивают проблему одинаково. Я потому это так подробно разжевываю, что на результатах социологических опросов часто спекулируют.

Специалисты Института комплексных социальных исследований РАН спрашивали людей, как они относятся к либерализации цен и переходу к рыночной экономике. Выяснилось, что 54 процента оценивают эти события отрицательно. Казалось бы, опираясь на эти совершенно правдивые данные социологов, можно, не кривя душой, говорить о том, что "общество против перехода к рыночной экономике...", что "мы против...", подразумевая под

"мы" не только себя и своих друзей — ведь большинство — 54 процента! — против. Однако это как раз и будет... спекуляцией на цифрах. Дело в том, что 54 процента — это что-то вроде средней температуры по больнице. У кого-то жар, а кто-то, простите, уже остывает. Да, больше половины опрошенных отрицательно оценивают либерализацию цен и переход к рыночной экономике, но те, кто полагает, что выиграл от реформ, рассматривают их результаты иначе. Стало быть, этот вопрос не является консенсусным. А какой же — является?

— Несколько событий последнего десятилетия большинство во всех группах населения оценивают одинаково, — рассказывает Наталья Евгеньевна. — Это, например, уход Ельцина в отставку и избрание Путина президентом. Почти 90 процентов опрошенных положительно оценили уход Ельцина. Поверьте мне, это невероятное, небывалое единодушие. Больше нет ни одного события в нашей жизни последних лет, отношение к которому всего общества было бы столь единодушным. Причем отставка Ельцина представляется людям событием более значимым, чем приход к власти Путина, который абсолютное большинство оценивают положительно.

— Нас объединяют события, к которым мы относимся одинаково хорошо?

— Или одинаково плохо. В списке самых тягостных событий последнего десятилетия лидируют августовский кризис 98-го года и ваучерная приватизация. Более 80 процентов опрошенных оценивают их отрицательно. Причем здесь

единодушно большинство во всех группах населения.

— Получается дефолт нас... объединил? Вот уж действительно диалектика...

— Получается так. Дефолт ударил по людям далеко не только экономически. Мы потеряли не только и не столько деньги. Ведь тогда, летом 98-го, у нас уже было ощущение, что самое трудное осталось позади, что мы, образно говоря, уже встали на новые рельсы и поехали по ним. А когда разразился кризис, люди поняли, что живут в нестабильном обществе, где в любой момент, безо всяких видимых причин может произойти что угодно. 89,4 процента опрошенных негативно воспринимают кризис августа 98-го года. "Скорее положительно, чем отрицательно" его оценивают всего 2,9 процента. Это самый маленький показатель, даже ваучерная приватизация набрала больший процент поддержки...

"Я сегодня не такой, как вчера!"

Именно так утверждается в песенке популярного певца про свежий ветер перемен. А мы сегодня — такие же, как вчера? Что говорят об этом социологи?

— Мы действительно изменились, и это подтверждают цифры, — утверждает Наталья Тихонова. — Мы стали думать иначе, изменились определенные идеологемы общественного сознания.

— И что же это означает?

— Есть определенные мифы идеологического характера, которые все считают чем-то "само собой разумеющимся", мифы, которые мы не подвергаем критиче-

Своей главной потерей за годы реформ россияне считают утрату чувства защищенности, стабильности.

ской оценке. Например, "во всех наших бедах виноват N". Причем, если вы спросите человека, в чем этот N виноват конкретно, то, скорее всего, не получите внятного ответа. Он просто не сможет вам объяснить вины N. Это связано в значительной степени с подсознательными стереотипами.

— Интересно, и кто же "виноват во всех наших бедах"? Что по этому поводу думали и думают сегодня люди?

— В начале 90-х больше всего винули Горбачева. Сегодня больше всего людей винят Ельцина. Интересно, что номенклатуру, чиновников, бюрократов сейчас обвиняют гораздо меньше людей, чем тогда. В начале 90-х сильно ругали коммунистов, боролись с привилегиями. Сейчас это кажется даже странным, поскольку те привилегии по сравнению с нынешним социальным неравенством представляются ничтожными. В 94-м каждый четвертый россиянин считал, что номенклатура "виновата во всех наших бедах". Сейчас же даже термин "номенклатура" ушел из жизни.

— То есть раньше среди "виноватых" на первом месте стоял Горбачев...

— На втором — номенклатура, на третьем — "мы сами". Сегодня на первом месте среди "виноватых" — Борис Ельцин. Михаил Сергеевич переместился на второе место, на третьем по-

прежнему "мы сами", а бюрократы, чиновники переместились очень далеко, аж за "мафию". Теперь чиновников обвиняют в наших бедах в два раза реже, чем прежде. Нескольким больше людей сейчас полагают, что виноваты "мы сами". Гораздо меньше людей теперь обвиняют коммунистов — вдвое сократилось число людей, имеющих претензии к КПСС. Зато значительно больше народу обвиняют в наших бедах... внешний фактор — американский империализм, международный заговор.

— Как это вяжется с тем, что теперь больше людей полагают: они сами виноваты в своих неудачах? Казалось бы, ответственность людей за себя возросла? Почему же стало больше и тех, кто винит во всем заонежанского дядю?

— Дело в том, что одновременно с этим наши исследования фиксируют ярко выраженное чувство беспомощности у людей, отчаяния от невозможности как-то повлиять на жизнь, на происходящие процессы. Это то, что ученые называют "отчуждением".

"А что я-то могу?"

— Наталья Евгеньевна, "отчуждение" от чего или от кого? Друг от друга?

— От социальной жизни. Вспомните эйфорию конца 80-х начала 90-х годов. Вспомните,

как допоздна торчали у телевизоров, смотрели заседания съездов...

— О, хорошо помню "все эти "огоньки" со "взглядами" и "гдланов с ивановыми", как поет Андрей Макаревич.

— Назалось, что ты делаешь историю, что можешь влиять на события. А как горячо, как искренне воспринимали "выборы с альтернативой"! Если бы у людей не было ощущения, что они могут влиять на ситуацию, то, возможно, события развивались бы иначе. (Вспомните хотя бы защиту Белого Дома в 91-м.) Иными словами, у людей было чувство сопричастности к тому, что происходит. Оно ушло. И это одно из самых тяжелых последствий реформ — ощущение, что ты не в состоянии ни на что повлиять, что за тебя все решают, что не только в масштабах страны, но даже в масштабах своей собственной жизни ты плывешь, как щепка, по воле волн.

Явление отчуждения предполагает как бы изоляцию от общества. Для того, чтобы нам было хорошо, "нормально" жить, нам надо чувствовать, что мы можем "управлять жизнью" хотя бы в каких-то рамках, в зоне своей ответственности. В эту зону может входить только моя судьба или судьба моя и членов моей семьи, или — моя и членов моего трудового коллектива, или — моя и населенного пункта, в котором я живу... Так мы можем подниматься все выше и выше вплоть до возможности влиять на жизнь всей страны. Бывает частная ситуация отчуждения: человек чувствует, что не может повлиять на жизнь страны, но он владеет си-

туацией в коллективе и в семье. И в этом случае он ощущает психологический комфорт. Да, можно говорить о его политической апатии, но в остальном у него все... нормально. Если же он чувствует, что даже собственной жизнью не может управлять, то у него возникает очень тяжелое психологическое состояние, которое генерирует ощущение беспомощности и не только политической, но и социальной апатии. Это то, что в народе называется "руки опускаются". Потому что ничего не можешь сделать. Мы измеряли эти чувства. Ощущение беспомощности особенно болезненно переносится мужчинами. При стабильной экономике хотя бы на работе можно было полагать, что ты вроде как влияешь на ситуацию — на жизнь. Конечно, когда предприятие перестало выплачивать зарплату — плохо, но еще хуже, если ты не знаешь, как в этих условиях действовать. Уйти и плюнуть на задолженность по зарплате? Понятно ведь, что, уйдя, тех денег уже не получишь никогда. Остаться и работать "за так"? Но неизвестно, что будет дальше с предприятием, выплывет или потонет. И куда уходить? И что будет с семьей?

Так дальше жить... можно

— Наталья Евгеньевна, а какие еще чувства вы... "замеряли"? Хотя не очень понятно, как можно "замерить" чувства — то, что носится в воздухе?

— И в начале девяностых годов прошлого века, и в начале века нынешнего мы спрашивали у людей, как часто они испытыва-

ют стыд за состояние страны, чувство несправедливости всего происходящего вокруг, ощущение, что "так дальше жить нельзя". Мы спрашивали, как часто их посещает чувство беспомощности в связи с невозможностью повлиять на происходящее или же чувство, что осталось потерпеть еще немного и жизнь наладится...

— И какое же из них оказалось самым распространенным?

— Фактически три четверти населения все эти годы мучались от "чувства несправедливости всего происходящего вокруг". Две трети россиян все эти годы испы-

ведливости происходящего вокруг и целый ряд других негативных чувств. Квинтэссенция негативных чувств — ощущение, что "так дальше жить нельзя!" Так вот в 96-м году это высказывание поддерживало 53 процента опрошенных, в 98-м — 65, а в конце прошлого года — уже только 27 процентов. Почувствуйте разницу. Наши опросы не показывают экономических сдвигов, но очень четко демонстрируют сдвиг в психологическом самочувствии людей.

— Оказывается, "так дальше жить... можно"?

— Нынешняя ситуация любопытна тем, что... не устраивает

65 процентов россиян четыре года назад полагали, что "Так дальше жить нельзя!". В прошлом году это высказывание поддержали 27 процентов наших соотечественников.

тывали "чувство стыда за состояние своей страны". И здесь давайте вернемся к разговору о Путине. Почему я уверена, что хорошее отношение к нему — не следствие "обработки" аудитории определенным образом, не "подтасовка", а действительно сознательный выбор людей? Мы что, стали жить лучше? Нет, это наши опросы еще практически не фиксируют. Но — буквально в последнее время — изменилась распространенность тех чувств, о которых я только что говорила. Люди реже, чем в начале 90-х, испытывают стыд за состояние страны, их реже посещает ощущение неспра-

вного. Одних — по одним соображениям, других — по иным, но и те, и другие полагают, что реформы надо продолжать. На мой взгляд, это еще один консенсусный момент. Изменения ситуации хочет большинство в каждой группе населения, по каким бы признакам мы ни выделяли эту группу — по образованию, возрасту или полу. Это тот случай, когда на вопрос "Кому на Руси жить хорошо?" можно смело отвечать: "Всем плохо". Нынешняя ситуация не устраивает никого.

Интересно, что считающие себя выигравшими от реформ и те, кто в материальном плане стал

жить лучше, — это... разные люди, разные группы населения. Только 40 процентов тех, кто стал жить богаче, отвечают, что они выиграли от реформ. Остальные "разбогатевшие" считают, что минусы нематериального характера перевешивают улучшение жизни в экономическом плане.

— К числу главных минусов относят утрату чувства защищенности?

— Речь идет именно об этих потерях. Причем так рассуждают люди, представляющие цвет общества: в работоспособном возрасте, с высшим образованием — те, кто понимает, что рыночные реформы не обязательно должны сопровождаться нестабильностью в обществе. Есть механизмы, которые позволяют обеспечить людям чувство защищенности. Я имею в виду те же страховые компании. Но у нас невозможно себя ни от чего застраховать, потому что никто не знает, что будет завтра с этими компаниями. Пути, которые используются для решения этой проблемы в развитых рыночных странах, у нас не работают. А потребность в безопасности, защищенности — базовая человеческая потребность.

— Что значит "базовая"?

— Чувствовать себя в безопасности нам так же необходимо, как необходимо дышать, есть и пить. Кто-то может не нуждаться, например, в творческой самореализации или в самоутверждении, но в безопасности он нуждается непременно. Анализ наших опросов показывает, что утрата уверенности в завтрашнем дне, ощущения безопасности — главная потеря последнего десятилетия, с точки зрения наших соотечественников.

Более половины опрошенных считают ее основной. Даже снижение уровня жизни в качестве потери отметило меньше людей — 46 процентов. Однако здесь есть такой нюанс. Мы спрашивали, что люди считают основной потерей "для общества", а что — "для себя лично". Так вот "для общества" на первом месте стоит снижение уровня жизни населения, а "для себя" — снижение чувства защищенности, уверенности в завтрашнем дне.

— За что же мы заплатили такой ценой? Что же приобрели?

— На первом месте в списке приобретений — возможность зарабатывать без ограничений. На втором — насыщение рынка товарами. А вот свобода слова, между прочим, — только на третьем месте.

— А что на первом месте в списке приобретений у тех, кто так и не научился, не смог по тем или иным причинам зарабатывать больше, "без ограничений"?

— То же самое. Возможность иметь большие доходы, зарабатывать без ограничений воспринимается как преимущество независимо от того, сумел ли человек воспользоваться им для себя или нет. Люди проецируют эту возможность на детей или внуков, на своих близких, более удачливых родственников.

Про зависть

— Интересно, а как общество относится к успешным людям, к разбогатевшим за годы реформ?

— Если в начале 90-х годов около трети опрошиваемых говорили, что хотят заниматься бизнесом, то сегодня об этом гово-

3 процента россиян признаются, что завидуют богатым, 5,5 процента — уважают их, 8,5 — презирают, но больше всего — 38,3 говорят о нейтральном отношении к “новым русским”.

рять буквально несколько процентов наших респондентов. Многие попробовали себя на этом поприще и убедились, что это — не для них. У других перед глазами — опыт друзей, детей или родственников. Люди своими глазами увидели, насколько непросто заниматься бизнесом, и неплохо себе представляют, сколь несладок этот хлеб. То, что россияне плохо относятся к богатым, — один из широко распространенных мифов. Судя по нашим опросам, соотечественники допускают возможность достаточно глубокого социального неравенства, если оно имеет под собой объективное основание. Под “объективным основанием” подразумеваются высокая квалификация, образование, трудовые усилия, талант.

— Позвольте, но зависть считается едва ли не нашим национальным чувством. А поджоги успешных фермеров, кооператоров? Что это, если не зависть?

— 20 процентов населения — это устойчивая цифра — любое проявление неравенства воспринимает очень болезненно. Но, согласитесь, 20 процентов — не доминирующая часть общества. К тому же это, как правило, люди пожилые и те, кого обычно называют социальными аутсайдерами. Обычно о негативном отно-

шении к внезапно разбогатевшим соотечественникам говорят люди, проживающие в небольших городах или в поселках городского типа, имеющие низкую квалификацию. Но доминирует более спокойное отношение к богатым. Его можно выразить так: “Пусть они будут богатыми, а мне это богатство не очень-то и нужно — вы мне лучше обеспечьте нормальный уровень жизни”. Только три процента опрошенных говорят, что испытывают зависть к богатым (и эта цифра не меняется многие годы), 5,5 процента испытывают к ним уважение, 8,5 — презрение, но больше всего — 38,3 процента респондентов — говорят о нейтральном отношении к “новым русским” (“не лучше и не хуже”, чем к малообеспеченным соотечественникам). Словом, наши опросы однозначно показывают, что сам фант социального расслоения общества, как бы это ни показалось кому-либо странным, не вызывает особенных негативных чувств у большинства россиян. Но есть вещь, которая раздражает людей. Если перевести это на язык этики, то речь идет о “неправедно нажитом богатстве”. За его изъятие выступают 46 процентов россиян. Причем, как правило, эти же люди, отвечая на наши вопросы, говорят, что спокойно

относятся к социальному расслоению и к людям, имеющим высокие доходы. При этом надо иметь в виду такое рассуждение: "Пусть не я, но другие родственники, дети, может быть, еще сумеют воспользоваться возможностью зарабатывать большие деньги..." Возможно, такая надежда и питает довольно спокойное отношение к людям с большими доходами. Если она пропадет, то и отношение к богатым изменится.

— Это как раз то, что называется возможностью "восходящей мобильности"?

— Да. Именно ею можно объяснить неожиданную цифру, которая нас удивила. Речь идет о том, что 22 процента россиян плюсом реформ, "приобретением" считают "большие возможности для самовыражения и личной карьеры". Причем об этом говорят люди, которые сами-то карьеры не сделали. Но они думают о возможностях для своих детей, внуков. Вот чем объясняется оправдание социального неравенства в общественном сознании. Если кто-то хочет и может "пробиться", прикладывая все усилия для того, чтобы сделать карьеру, и ему предоставляются такие возможности, то люди воспринимают возникшее в результате неравенство спокойно. Если же общество закрыто и каждый социальный слой варится в своем кругу, если у каждого нет шансов разбогатеть, сделать карьеру, то тогда социальное неравенство воспринимается негативно.

Про страхи

Оказывается, бывают не только консенсусные проблемы, но и

консенсусные... страхи. И они нас тоже объединяют.

— За последнее десятилетие появились новые страхи и в основном они связаны со здоровьем и детьми, — рассказывает Наталья Тихонова. — Появился страх перед наркоманией, другие фобии, которые раньше наши опросы не фиксировали.

— Наталья Евгеньевна, но, я полагаю, и десять, и сто лет назад родители боялись за здоровье детей. И будут бояться. Что здесь нового?

— Десять лет назад такого не было, чтобы женщины, еще не имеющие детей, боялись, что их дети станут наркоманами. Сегодня это типично. А если у женщины уже есть ребенок, то этот страх стоит на одном из первых трех мест, независимо от ее возраста или образования, профессии.

— А чего больше всего боятся сегодня россияне?

— Раньше на первом месте стоял страх потери средств к существованию. Боялись бедности, нищеты. Сегодня на первое место вышел другой страх. Теперь болезни мы боимся больше, чем бедности. Однако страхи эти все же связаны между собой. Как показывают наши исследования, появление в семье больного человека, еще недавно бывшего вполне работоспособным, сразу же отбрасывает ее на уровень бедности. При одном и том же уровне доходов (и в одном и том же населенном пункте) экономическая ситуация в семьях, где есть тяжелобольные люди, на порядок хуже, чем там, где все здоровы. Интересно, что страх потери работы ни в начале 90-х годов, ни сегодня не входит в трой-

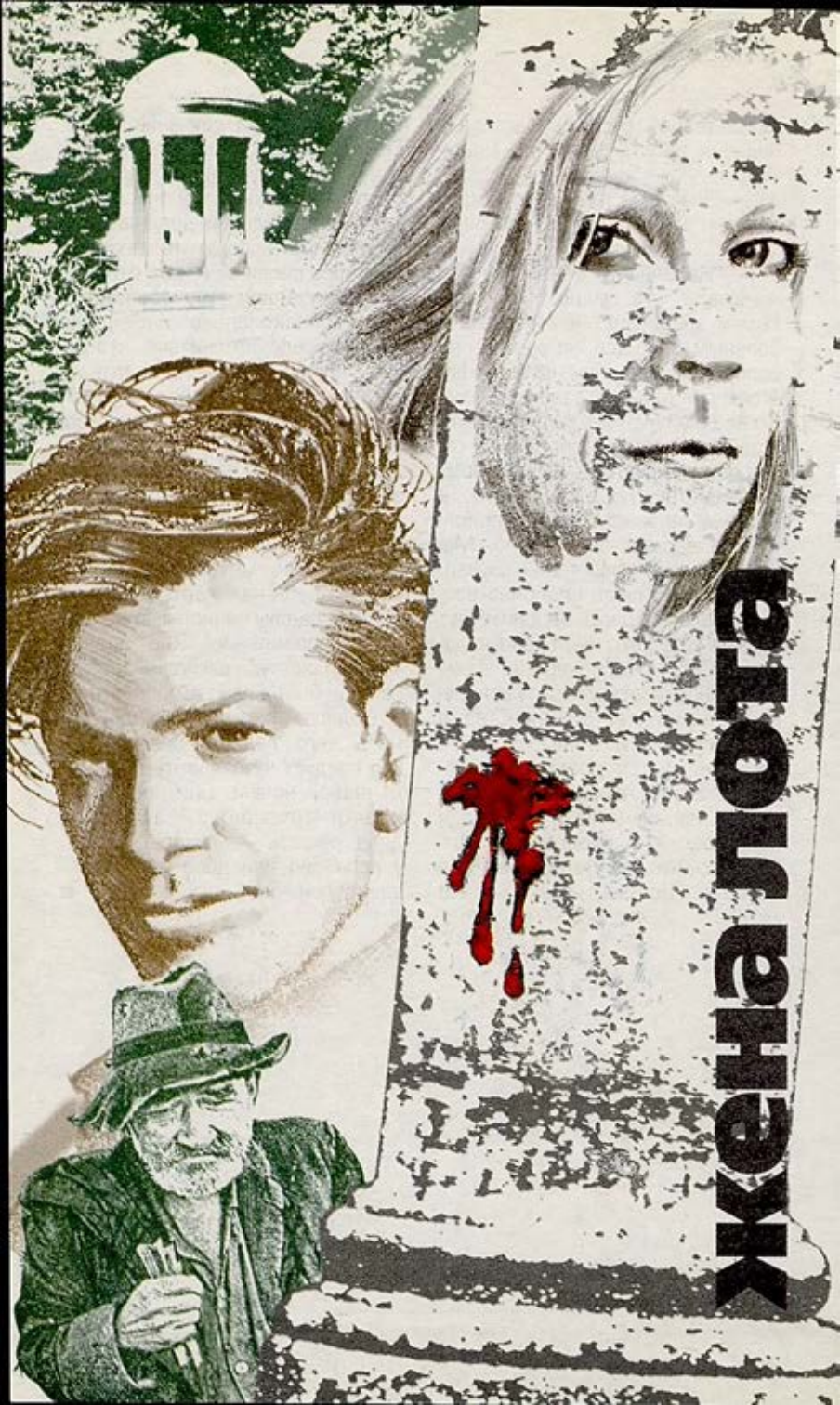
ну "лидеров". Видимо, сам факт наличия работы мало что гарантирует.

— Все-таки странно, что страх болезни раньше не был на первом месте...

— Конечно, и в начале 90-х понимали, что лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным... Но все же болезнь не воспринималась как катастрофа. А сегодня болезнь означает потерю всех жизненных ресурсов. Мы с вами говорили о спокойном отношении россиян к социальному неравенству, но есть сферы, в которых неравенство воспринимается весьма болезненно. Медицина — как раз такой случай. Работающие люди спокойно воспринимают то, что пенсии будут разные у тех, кто имел разные доходы. Сами пенсионеры к этому неравенству относятся несколько болезненнее. Неравенство в обеспеченности жильем также воспринимается достаточно спокойно. Более напряженная позиция — неравенство в доступе к образованию, однако большинство за то, что родители, имеющие большие доходы, имеют право

потратить их на обучение детей. Причем люди полагают, что "лодыри и бездельники" должны учиться за деньги, а у способных, талантливых детей должна быть возможность получить бесплатное образование. А вот отношение к медицинскому обслуживанию принципиально иное. Две трети населения считают, что доходы никак не должны влиять на доступ к медицинским услугам. (При этом меньше половины опрошенных считают, что доходы не должны влиять на доступ к образованию.)

Говорят, со стороны виднее. Оказывается, интересно посмотреть на себя как будто "со стороны"... В задачу социологов не входит "исправление" или оценка "правильности" взглядов людей на себя и на жизнь. Социологи не объясняют нам, как "надо" думать, чего "должно" бояться или что следует чувствовать по поводу нашей жизни. Они просто измеряют "температуру", а уж наше дело решать — лихорадка это, упадок сил или дело идет к выздоровлению... ■

ЖЕНА ТОТА

О тель был переполнен. Его обитатели ничем не отличались от тех типажей, которых можно увидеть в любом отеле такого рода: дамы неопределенного возраста, постоянно занятые вязанием; девушки, которых называют "штучками"; почтенные семейства с детьми, днем непрерывно бегавшими по коридорам, а вечером невыносимо оравшими, когда родители пытались уложить их спать; и, конечно, молодые мужчины с холеными усиками — эти достойные-джентльмены внимательно оглядывали молоденьких дамочек, прогуливавшихся по пляжу в купальных костюмах и смело подставлявших обнаженные стройные ножки ласковым солнечным лучам.

Соланж решила, что все в отеле отвратительно, зато за его стенами, если не считать машин, постоянно подвозивших новых постояльцев и увозивших старых, — просто замечательно. После холодной противной английской зимы побережье Средиземноморского залива казалось ей настоящим раем, впрочем, красота этих мест могла очаровать и более взыскательного человека, чем Соланж.

Кроме того, словно в награду за совсем недавно пережитые беды, и чтобы хоть как-то компенсировать убожество обитателей отеля, судьба послала Соланж Флору МакТевииш. Эта очаровательная шотландка приехала вместе со своей матерью. Она была по-настоящему хороша — высокие скулы, полные нежные губы, чистые серые глаза миндалевидной формы и прекрасно очерченные брови, изящная стройная фигура, может быть, даже слишком худощавая для такого роста. Глядя на Флору, Соланж вспоминала Венеру Боттичелли. Гладко зачесанные назад волосы опять вошли в моду, и у девушки был как раз такой высокий чистый лоб. Этот высокий лоб, миндалевидные глаза, прямой изящный носик, яркие щечки и длинная шея не только позволяли Флоре посоревноваться в красоте с боттичеллевскими красавицами, но и помогали ей выглядеть удивительно современно. Кто-то дал ей дурной совет — путешествовать с матерью. Они были похожи — в белой и розовой полноте матери, в ее большом бюсте и руках с ямочками угадывалось что-то, напоминающее красоту дочери. По сути дела, Флора путешествовала со своим будущим, но она была так хороша, что требовалось внимание и проницательность Соланж, чтобы понять это.

Соланж быстро подружилась с МакТевиишами, но не потому, что думала — ей будет с ними интересно, просто так она могла любоваться красотой Флоры столько, сколько хотела. И чем дольше они общались, тем больше Флора ей нравилась. Высокий мелодичный голос, грациозность, движения длинных рук и

ног — все в девушке было просто и в то же время удивительно прелестно.

Шли дни, но дом Соланж, в котором она надеялась провести лето, еще был не готов, и она продолжала жить в отеле, проводя все больше времени со своими новыми друзьями — МакТевизишами.

Однажды Соланж вдруг поняла, что и мать, и дочь что-то беспокоит. И вот, после того, как несколько дней Флора появлялась только вечером на ужин, миссис МакТевизиш попросила Соланж с ней пообедать. Флоры не будет, сказала она, дочь уйдет гулять со своим новым другом. Соланж тут же почувствовала, что мать не одобряет это знакомство дочери. В тот день Флора появилась в отеле только вечером, еле-еле успев к ужину, при этом глаза ее сияли от счастья, головка гордо сидела на длинной шее боттичеллевской нимфы, а за столом и после ужина девушка не промолвила ни слова — казалось, она скрывает от всех какой-то пленительный секрет.

На следующий день, за обедом, миссис МакТевизиш, отбросив присущую ей шотландскую сдержанность и скрытность, была с Соланж предельно откровенна.

— Флора — единственное, что у меня есть в жизни. Я так волнуюсь, просто не знаю, что делать. Конечно, мужчина. Все беды и несчастья в мире из-за мужчин. Ох, запереть бы их всех в монастырь! Флора влюблена, а мужчина, которым она увлечена, женат, как он полагает.

— Что вы имеете в виду, говоря, “как он полагает”? — спросила заинтригованная Соланж.

— Уже прошло больше года, как его жена сбежала, — ответила миссис МакТевизиш. — Он говорит — и я ему верю, что потратил кучу денег, пытаюсь ее найти, но его усилия не увенчались успехом. Правда, вряд ли эта женщина нужна ему — он же любит мою дочь... Признаться, никогда не видела, чтобы мужчина был так безумно влюблен. Если его жена жива, он должен начинать бракоразводный процесс, но если эта несчастная умерла, Флора может выйти за него замуж прямо сейчас. Не то чтоб я уж так этого хочу — мне не очень нравится, что моя Флора станет женой вдовца. Но, — добавила миссис МакТевизиш, — вряд ли она могла быть первой женщиной в его жизни, даже если бы он был холост — надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю.

— Кто этот человек? — спросила Соланж. — Чем он занимается? Он француз?

— Да нет, англичанин, скорее, шотландец — по материнской линии. Его зовут Ангус Мартин, он художник, у него огромный дом на берегу — недалеко отсюда. Не знаю, чем он занимается кроме живописи. Он много путешествует, говорят, очень умен. Сам спроектировал свой дом и руководил строительством. Но ему уже сорок, и, мне кажется, он староват для Флоры, хотя ей всегда нравились мужчины гораздо ее старше — с молодыми людьми ей скучно. Так что, может, и не страшно, что ему уже столько

лет. Нет, меня не волнует возраст мистера Мартина или его возможное вдовство. Просто я считаю, он должен сейчас оставить Флору в покое и все-таки выяснить, жива его жена или нет. Однако Флора от любви просто сошла с ума и ничего не хочет слушать.

— Но ведь совершенно ясно — они не могут пожениться, пока не будут точно знать, что его жена умерла.

— И я так думаю, мисс Фонтейн. Когда Флора рассказала мистеру Мартину, что вы здесь, у него возникла идея. Мы люди простые и не являемся частью того, что бы вы назвали “большим миром”, но, конечно, мы слышали о вас, не раз видели ваше имя в газетах. Вот мистер Мартин и подумал, что вы смогли бы нам помочь — узнать, наконец, жива его жена или нет.

— Это немного не то, чем я занимаюсь. — В голосе Соланж звучало сомнение. — Вам известны подробности этой истории, миссис МакТевииш?

— Кажется, они часто ссорились, и вот как-то после очередной ссоры она просто ушла из дома. Но мистер Мартин, конечно, расскажет вам больше. Флора собиралась пригласить его сегодня на ужин.

Соланж никогда не встречала раньше столь загадочных людей, как Ангус Мартин. Обычно она сразу понимала, нравится ей человек или нет, сразу откликаясь на то доброе, что было в его душе, или же настораживаясь, чувствуя каким-то только ей присущим инстинктом опасность, исходившую от нового знакомца.

Но с Мартином все было не так — нет, конечно, она не ощущала в нем зло, как в тех преступниках, которых встречала раньше, но при этом она определенно не могла сказать — да, этот человек честен и добр.

Ангус был высоким, спокойным, слегка богемного вида джентльменом: интересное тонкое лицо, на котором выделялись глубоко посаженные темно-серые глаза мыслителя, красивые руки с прекрасно вылепленной кистью, темные волосы, тронутые сединой, которая так привлекает молодых девушек. Вот и Флора была увлечена — то ли его яркой индивидуальностью, а может, только ей известной красотой его души.

Ужин мог стать трудным испытанием — ведь все четверо знали о сложности ситуации и о том, что миссис МакТевииш отнюдь не одобряет поведения Мартина. Но Флора была мила, а Мартин сдержан и тактичен, и в результате ужин прошел спокойно и весьма пристойно.

Когда он закончился, и они пили кофе под пальмами в саду, Ангус заговорил о причине их встречи, причем сделал это так просто и непринужденно, что Соланж не могла не восхищаться.

— Мне хотелось бы рассказать вам о том, что со мной произошло, мисс Соланж, — проговорил он, нагнувшись к ней и за-

жигая ее сигарету. — Мне кажется, только вы способны нам помочь. Если вы допили кофе, может, мы немного пройдемся по парку и поговорим? Думаю, мне будет так легче вам все объяснить.

Соланж, накинув на плечи свою шелковую китайскую шаль, кивнула Флоре, встала из-за стола и последовала за Мартином.

Его лицо сразу же посерьезнело, как только они остались одни среди высоких сосен парка. Он поведал Соланж свою историю просто и вместе с тем точно, с большим вниманием к деталям, продемонстрировав глубокий ум и пронизательность.

Ангус женился совсем молодым, еще учась в художественном колледже, на женщине, гораздо его старше. Она была натурщицей. Брак их трудно назвать счастливым. Нет, он не склонен винить в этом жену — конечно, у него непростой характер, но дело даже не в этом — у них просто не было ничего общего. Пока он мало зарабатывал, и им приходилось довольно нелегко, все шло без особых эксцессов, но около пяти лет назад он получил наследство от какого-то дальнего родственника, они стали богатыми людьми, и тогда их отношения совершенно испортились. Теперь Гертруде уже не требовалось заниматься домашним хозяйством. Ей стало скучно, нечем было заполнить время, и она нашла развлечение — принялась устраивать скандалы. Год назад он решил построить виллу здесь, на берегу, в этом уединенном месте, чтобы жить вдаль от людей, остаться наедине со своими проблемами.

Они перебрались на виллу, когда одно крыло уже было закончено и там можно было жить. Поначалу Гертруде очень нравился дом, она была занята обустройством нового жилища. Однако как-то вечером у них снова возникла безобразная ссора.

— Честное слово, мисс Фонтейн, сейчас я даже не могу вспомнить, что послужило причиной — кажется, какая-то мелочь: то ли я не выразил восхищения ее новой шляпой, то ли она решила, что мне не понравился обед, а ведь готовила его не она, а наша кухарка! Вы знаете, как это бывает — достаточно малой капли, чтобы сдерживаемая ярость нашла себе выход. — Он резко побледнел, и его рука с длинными чувственными пальцами на мгновение прикрыла глаза.

— А потом? Что было потом? — спросила Соланж.

— Потом она ушла. Я часто вспоминаю тот день. Обычно мы не завтракали вместе — она ела в своей комнате и не выходила до самого ланча. Утром я проснулся позже обычного — вчерашняя сцена меня очень утомила и расстроила. Я ждал ее, а потом послал за ней одну из служанок. Оказалось, что жены в ее комнате нит, постель убрана, а в шкафу отсутствовала кое-какая одежда.

— Одежда, в которой она была накануне?

— Не только. Дорожный костюм, блуза и шляпа — знаете, вещи, которые женщины обычно берут в дорогу.

— А машина?

— Нет, машина осталась в гараже. Думаю, она уехала на одном из местных автобусов. Скорее всего, добралась до вокзала Сан-Рафаэль, а там села на поезд.

— Но ведь если ваша жена ушла из дома утром, кто-нибудь из слуг наверняка должен был ее увидеть?

— Слуги не ночуют на вилле — у них специальный коттедж, — ответил Мартин.

— Автобусы не ходят по ночам?

— Нет, по ночам не ходят, но есть один, который очень рано останавливается недалеко от нас.

— Кто-нибудь видел миссис Мартин на этом утреннем автобусе?

— Нет, никто ее не заметил, но автобус был переполнен — люди ехали на рынок, а моя жена прекрасно говорит по-французски. Мы много лет прожили в Париже.

— Она писала вам? Может, просила денег?

— Да, вскоре я получил от нее письмо — она требовала, чтобы я переслал деньги в английской валюте на адрес Пост Рестант, Чаринг-Кросс. Я отправил 100 фунтов стерлингов.

— Вы записали номера банкнот?

— Да, и вы сможете проследить перевод денег в банке в Сан-Рафаэле. Я — их клиент.

— Ваша жена получила эти деньги?

— Да, и через пару месяцев я получил от нее еще одно письмо — из Лондона. На конверте был указан адрес — Херефорд-роуд, Бейсуотер. Гертруда писала, что тяжело больна. Тогда я как раз встретил Флору. Вы ее знаете, мисс Фонтейн, и вас не удивит, что я сразу же влюбился. Видит Бог, я не склонен к легким интрижкам. Встретив Флору, я понял, что никогда раньше не любил, более того, даже не подозревал, что это значит — любить. Мисс Фонтейн, жизнь потеряет для меня всякий смысл, если я не смогу жениться на этой девушке! Получив письмо от жены, я тут же отправился в Лондон. И нашел Гертруду — она была действительно слаба, часто кашляла, но, признаться, не показалась мне тяжело больной. Я сказал, что мне грустно видеть ее в таком состоянии, и предложил дать мне развод на любых, приемлемых для нее условиях. Она обещала подумать и попросила меня придти через пару дней. Я поверил, положил на ее счет кучу денег — тысячу фунтов стерлингов — и приготовился потерпеть совсем немного, сорок восемь часов. Когда же кончились эти мучительные два дня, и я снова пришел на Херефорд-роуд, Гертруды там не оказалось. Кроме того, выяснилось, что она закрыла свой счет в банке, взяв все деньги. Наверное, Гертруда дала взятку хозяйке или еще как-то добилась ее симпатии, но та категорически отказалась сообщить мне, куда уехала ее бывшая постоялица, заявив, что не имеет никакого представления, где теперь находится моя жена. Может, так оно

и было, но я знаю, что обычно домовладелицы отличаются большим любопытством в смысле адресов или такого рода вещей. Можете представить, как я был огорчен. Вернувшись в отель, я нашел письмо от жены. На конверте был штамп Портсмута. Гертруда писала, что в ее намерения развод не входит — она не желает предоставлять мне свободу, но надеется, что сможет хорошо провести время на те деньги, что я ей оставил. Когда же ей потребуется еще, она обязательно даст мне знать. Ну что ж, мне не оставалось ничего другого, как ждать, когда Гертруда снова захочет связаться со мной. У меня гораздо больше денег, чем необходимо для жизни, и я готов был ей помогать, однако с тех пор она мне больше не писала. Вот и вся моя история, мисс Фонтейн, и если бы вы могли точно установить, что моя жена умерла — а я почти уверен, это так — или же что она просто думает, как бы урвать у меня большую сумму, я был бы вам очень благодарен. Скажите только, сколько это будет стоить. Если Гертруда жива, может, теперь она согласится на развод. Так или иначе, мне нужна определенность. Дальше я так жить не могу.

Глядя на Мартина, на его лицо, лицо глубоко страдающего человека, видя, как нервно подрагивала его рука, когда он доставал сигарету из кармана пиджака, Соланж подумала — нет, этот человек не лжет.

— Но что, по-вашему, я должна делать? — спросила она.

— Ехать в Лондон и попробовать вытрясти хоть пару слов из домовладелицы. Я просто уверен — она что-то знает. Отказалась беседовать со мной, но, может, вам удастся ее разговорить. Не жалейте денег, я дам вам столько, сколько нужно, только, Бога ради, мисс Фонтейн, найдите мою жену!

Они медленно шли по направлению к отелю, и Соланж уже видела Флору, спешившую к ним, белое платье девушки словно светилось в вечернем сумраке. Соланж взглянула на Ангуса, в его глазах, устремленных на Флору, был такой голод, такая откровенная, неприкрытая страсть, что Соланж стало даже как-то не по себе.

— Дайте мне адрес и имя домовладелицы, у которой жила ваша жена, а также описание внешности миссис Мартин. Завтра же я еду в Лондон, — взволнованно сказала она, правда, не без чувства облегчения: как славно, что ей все-таки придется покинуть этот отель со всеми его замечательными постояльцами!

Ангус Мартин говорил, что миссис Смитсон, хозяйка дома на Херефорд-роуд — скрытная, неразговорчивая дама, но с Соланж она была весьма словоохотлива и любезна — вероятно, потому, что Соланж, представившись племянницей миссис Мартин, сказала, что разыскивает тетю и очень хочет ей помочь. А может, сыграли роль две десятифунтовые банкноты, которые мгновенно исчезли в руках почтенной дамы, или же бутылка

портвейна, которую Соланж купила для нее, узнав, что та известная трезвенница и всем напиткам предпочитает это славное вино.

— Бедная женщина. — В голосе миссис Смитсон, допивающей третий бокал, звучала искренняя жалость. — Если мне когда и доводилось видеть печать смерти на лице, то это как раз на лице той женщины. И без доктора все понимали — дни ее сочтены. Конечно, Лондон был для нее не лучшим местом. “Я никогда не поправлюсь, миссис Смитсон, — говорила она. Знаете, мы с ней очень подружились, она мне стала как сестра. — Я никогда не поправлюсь, смерть моя близка, но так хочется последние дни провести в более приятном месте, чем этот город”. Когда она уезжала, я сама собирала ее вещи. На чемоданах было помечено — Портсмут. Больше ничего я и не смогла сообщить тому джентльмену, потому что сама больше ничего не знала. Но вот вчера получила от нее открытку, и хотя обещала ей никому не рассказывать, думаю, вам можно — для ее же пользы.

Вчера! Соланж подумала, что ей на самом деле везет. Удача, без которой не может обойтись ни один детектив, снова была на ее стороне.

— О, как мне хочется знать, где сейчас моя бедная тетушка! — воскликнула она, кладя на колени хозяйки десятифунтовую банкноту. — Пожалуйста, позвольте мне только взглянуть на эту открытку — ведь так вы не нарушите данное ей обещание?

Компромисс был достигнут, и миссис Смитсон вручила Соланж открытку. Адрес написан рукой образованного человека, стоит штамп острова Уайта, а на картинке изображены дети, играющие на пляже Вентора. Соланж прочитала:

“Дорогая миссис Смитсон!

Благодарю вас за все, что вы для меня сделали. У меня все в порядке, хотя чувствую себя еще слабее, чем раньше. Живу в маленькой комнатке с балконом, окна выходят на юг, и когда есть солнце, лежу на балконе, греюсь.

Ваша Г.М.”

— Как видите, адреса нет. — Хозяйка быстро спрятала двадцать фунтов в карман. Она явно волновалась, что ее информация будет сочтена недостаточной, и Соланж потребует деньги назад.

— Ничего, — рассеянно проговорила Соланж. — Если она живет под своим именем, найти ее в Венторе не составит никакого труда. Спасибо, мисис Смитсон, я вам чрезвычайно признательна. Обязательно буду рекомендовать вас всем, кому понадобится жилье в Лондоне.

— Спасибо, дорогая, и да поможет вам Бог. Всей душой надеюсь, что вы найдете вашу дорогую тетушку, этого ангела, выздоравливающей.

К сожалению, надежды миссис Смитсон не оправдались. Когда Соланж, после недолгих поисков, нашла Гертруду Мартин, она поняла — домовладелица действительно была права, гово-

ря, что смерть уже отметила эту женщину. Миссис Мартин лежала на балконе, ее лицо казалось таким же белым, как подушка. Когда-то она была очень хороша. Ее черты, немного расплывшиеся, несли на себе отпечаток былой красоты. Большие темные глаза, теперь глубоко запавшие, сияли по-прежнему ярко. Она не протянула Соланж руку, после того как та представилась, но внимательно посмотрела на нее, горько усмехнувшись.

— Так и знала, что Ангус найдет меня, — сказала она. — Передайте ему мои поздравления. Ведь вы от него?

— Да, — ответила Соланж. — Он будет очень огорчен, узнав, что вы так тяжело больны.

— О, только не надо ему верить! Наоборот, Ангус будет просто счастлив! Мне осталось жить несколько недель, так говорят врачи, но я-то знаю, что смогу протянуть лишь несколько дней. Вы успели как раз вовремя, мисс Фонтейн. — И она грустно улыбнулась. — Боже, как бы расстроился Ангус, если бы ему не удалось получить доказательства моей смерти! Однако у вас нет оснований волноваться по этому поводу. Я здесь, и вы здесь. Если будете так любезны и подождете, когда я, наконец, умру, то сможете, вернувшись, рассказать Ангусу о моей смерти во всех подробностях.

Тут миссис Мартин прервал сильный приступ кашля. Когда он закончился, больная совершенно обессилела. Она протянула руку к стоявшей на маленьком столике бутылке из-под лекарств, наполовину наполненной бренди. Соланж налила немного бренди в стакан и дала больной. Рука несчастной женщины пылала, как огонь.

Соланж немного поговорила с хозяйкой дома, в котором жила Гертруда Мартин. Та оказалась очень славной женщиной, гораздо приятнее, чем лондонская домовладелица миссис Смитсон. Соланж встретила и с врачом миссис Мартин, умным и откровенным человеком, который прямо сказал ей, что, к сожалению, ничего сделать нельзя, и его пациентке суждено покинуть этот мир очень скоро — речь идет о нескольких днях.

Соланж отправила телеграмму Ангусу. Его жена говорила, что не хочет видеть мужа — даже если он и придет, она его не примет. Но он, впрочем, как и ожидала Соланж, все-таки приехал.

Признаться, супруги Мартин ее озадачили. Из рассказов Ангуса о жене она представляла себе Гертруду вульгарной, грубой женщиной, но оказалось, что миссис Мартин обаятельна и мудра. Трудно было представить, что такая женщина могла устраивать безобразные сцены, ссориться по каким-то глупым пустякам, в приступе бешенства бить посуду. Но Соланж хорошо знала, что постороннему человеку трудно проникнуть в сложные отношения мужа и жены, понять, как присутствие одного может невыносимо давить на другого. Эта женщина со следами былой красоты, сейчас такая умная и тонкая, наверное, когда-то действительно вела себя с мужем как базарная торговка. Су-

пружеская жизнь — такая загадочная штука, думала Соланж, глядя на Ангуса и Гертруду Мартинов.

Со стороны Ангус выглядел преданным мужем. Он снял номер недалеко от дома, в котором жила Гертруда, каждый день справлялся о ее самочувствии, посылал цветы, фрукты и шампанское. Но Гертруда приняла его всего два раза, первый — когда он приехал, а второй — за день до своей смерти. О чем они говорили, для Соланж осталось тайной. Общааясь с ней, Ангус не демонстрировал глубокой скорби, но определенно был намерен соблюсти все приличия.

— Что вы думаете о моем муже? — как-то спросила Гертруда. Соланж задумалась. — Не знаете, что и сказать? — с грустью продолжила умирающая.

— Мне кажется, сейчас я знаю его лучше. Но есть в Ангусе нечто, не поддающееся моему пониманию. Даже трудно объяснить, что.

— Думаю, что все происходящее кажется вам нормальным, и в то же время вы чувствуете — тут что-то не так.

До этих слов Гертруды Соланж расслабленно полулежала в кресле, но тут она резко села и посмотрела на больную. В ее сознании быстро пронеслась вся история знакомства с Мартином. Нет, она не имела ничего против него. Его забота об умирающей женщине, его отношение к Флоре и к ней самой заслуживали всяческого уважения, но при этом она отдавала себе отчет, что Гертруда почему-то нравится ей больше, чем Ангус. Эта женщина скрывала тайну, и Соланж очень хотелось ее разгадать. Почему в ее глазах мелькало нечто странное, когда она посматривала на Соланж во время их долгих бесед? Именно из-за Гертруды она осталась в Венторе, который совсем не любила и откуда смело могла уехать, ведь дело, ей порученное, было сделано — она нашла пропавшую жену Мартина. Но и Гертруда явно испытывала симпатию к Соланж.

— Вы единственный человек, кто заставляет меня стыдиться всего, что происходит, — вдруг однажды вырвалось у Гертруды. Соланж посмотрела на нее, не понимая, что та имеет в виду. — О нет, не обращайтесь внимания. Вы так добры ко мне. Вы мне очень нравитесь. Мы могли бы стать настоящими друзьями. Не много таких людей, как вы, встречала я в своей жизни....

В тот день она последний раз говорила в полном сознании. На следующий вечер Гертруда стала бредить, при этом непрерывно повторяла: "Надеюсь, он доиграет игру честно, как я. Верю, он не нарушит правила". Дважды прозвучало мужское имя, но — не имя ее мужа. Она шептала: "Дэви". Последний раз она произнесла "Дэви" перед самой смертью — очень нежно, с большой любовью, а потом умерла.

Миссис Мартин похоронили на местном кладбище. Ангус дал распоряжение поставить на могиле небольшой камень, на котором высекли:

*В память о Гертруде Мартин,
жене Ангуса Мартина.
Умерла 3 июня 1929 года.*

После похорон Ангус и Соланж вместе уехали в Париж. Соланж собиралась пожить некоторое время в городе, а Ангус возвращался к Флоре. Когда они расставались, он тепло ее благодарил.

Прошло около семи месяцев. И вот дождливой ветреной осенью на юге Франции Соланж снова встретилась с Флорой и Ангусом. Соланж жила в своем домике в горах недалеко от Канн, слегка скучала, и потому очень обрадовалась, получив приглашение Флоры погостить на их вилле Сан-Суси.

Первый вечер прошел замечательно. Соланж приехала довольно поздно и не смогла сразу оценить в полной мере роскошный сад, но сам дом, спроектированный Ангусом в прованском стиле, ей очень понравился. Ангус был необыкновенно разносторонним человеком: талантливый художник, музыкально одаренный, он и архитектором оказался незаурядным. Соланж подумала, что никогда раньше не видела такой роскошной гостиной — с этими стенами цвета пергамента, сверкающим ярко-красным паркетом, серебристым потолком и серебристыми же светильниками. Мебель поблескивала зеленой полировкой, кроме двух шкафчиков с округлыми краями, покрытых желтым итальянским лаком, и тяжелые парчовые занавеси отливали зеленью и серебром. В доме словно царилась радость, и он весь удивительно соответствовал своей молодой хозяйке Флоре. Она, как никогда, походила на героинь Боттичелли и казалась еще более очаровательной, чем полгода назад, когда Соланж увидела ее впервые.

На следующее утро шторм, разыгравшийся ночью, утих, и ярко светило солнце. Все купались — кристально прозрачная вода была удивительно теплой. Ангус и Флора еще плавали, когда Соланж, закутавшись в полотенце, направилась к дому. При этом все ее существо переполняло ощущение покоя и радости бытия. И действительно, здесь просто замечательно. Ангус из тех людей, с кем непросто сойтись, но уж потом становится ясно, что он — просто бездна обаяния. Флора — та непрерывно излучала счастье. Дом — великолепный, а сад со всеми его розами и кипарисами — просто мечта.

Флора говорила Соланж, что быстрее всего в ее комнату пройти через беседку с колоннами, а уж потом по лестнице — прямо в дом, к спальням. Вот Соланж и шла к беседке, что-то напевая.

Беседку украшали бетонные колонны, покрашенные той же зеленой краской цвета жадеита, что и жалюзи в доме. Все было в розах — они росли везде вокруг дома и беседки. Как эффектно выглядит это царство роз, подумала Соланж, неторопливо бредя к дому.

Но вдруг что-то заставило ее резко остановиться. В какой-то момент она подумала, что заболевает. Может, слишком далеко

заплывала в море? Соланж вдруг стало холодно, а сердце забилося, как бешеное, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Ей было так плохо, что она некоторое время даже не могла двигаться, очень надеясь, что не потеряет сознание. Затем Соланж вошла в дом, упала в глубокое кресло и, откинувшись назад, постаралась успокоиться. Через несколько минут ощущение безумного ужаса прошло, Соланж зашла к себе в комнату и переоделась. Когда она снова спустилась в сад, то увидела Флору и Ангуса, возвращавшихся с пляжа.

— Хочешь коктейль? — спросила Флора, подбежав к госте. — Ангус приготовит через пару минут.

— О да, с удовольствием. А где мы будем его пить? В беседке?

— Странно, но мы никогда этого не делаем. Даже не знаю, почему. Там так мило, и наверняка очень приятно посидеть, но Ангус не любит это место. Говорит, там сквозняк. А мне в беседке нравится — и тень, и тепло. И мне нравятся эти зеленые колонны. Но мы обычно проводим время на террасе — там тоже хорошо. Я буду готова через несколько секунд. — И она убежала в дом. А Соланж пошла в беседку. Странно — казалось, что солнце вдруг перестало греть; наверное, Ангус прав, говоря, что здесь сквозняки. Но не от сквозняка зашевелились волосы на ее голове, и не от него мурашки побежали по всему телу. Нет, она не больна, но ее определенно знобило. Соланж повернулась и посмотрела через плечо. Как это ни абсурдно, ей казалось, что она в беседке не одна, что здесь кто-то есть. Она узнала это ощущение близости зла, которое появлялось у нее в присутствии некоторых людей. Она еще раз огляделась — нет, никого. Но ей по-прежнему было ужасно холодно, так холодно, что даже зубы стучали. Постепенно она пришла в себя, успокоилась и снова вышла на солнце. Ну конечно, это все нервы. Она слишком много работала. Но, тем не менее, в последующие дни Соланж старалась не заходить в беседку. Порой ей хотелось поговорить с Ангусом — ведь он, по словам Флоры, тоже не любил это место — может, слышал или знает о какой-то трагедии, связанной с ним? Однако что-то ее удерживало от этого шага — наверное, то легкое недоверие, которое она, несмотря ни на что, испытывала к Ангусу.

Он был замечательным хозяином, и Соланж даже почувствовала некоторое смущение, поняв, как она рада, что он уезжает в Париж по делам, связанным с его будущей выставкой. И вот Соланж и Флора остались одни.

— Давай поьем чай в беседке, — предложила она в первый же день после его отъезда. — Сегодня не должно быть сквозняков — ведь ветра нет совсем. А там такие роскошные розы!

— С удовольствием, — подхватила Флора. — Мне ведь никогда не удастся уговорить Ангуса посидеть в этой чудесной беседке. Ему часто приходится подкрашивать одну из колонн, краска на ней все время облезает, и Ангус уверяет меня, что там пахнет, но, я думаю, сейчас уже все высохло.

— Но почему краска на этой колонне облезла?

— Ангус утверждает, из-за ошибки строителей. Наверное, они при замесе бетона использовали морскую воду, и теперь бетон никак не может застыть. Не думаю, что это уж так важно, меня это мало волнует, зато Ангуса просто бесит. У него есть целая банка зеленой краски, и когда колонна выглядит уж очень гнусно, он сам ее подкрашивает.

Чай ничем не помог. Несмотря на то, что Соланж изо всех сил пыталась убедить себя, что она просто идиотка, ощущение опасности и ужаса не исчезало. Полный абсурд, думала она, но ничего не могла с собой поделать.

— Флора, ты знаешь что-нибудь об истории этого места? — спросила Соланж. — Что здесь было до того, как Ангус купил эту землю? Как насчет привидений, а может, тут было совершено какое-то преступление?

— Никогда ни о чем подобном не слышала, — ответила Флора. — Конечно, здесь было довольно безлюдно, ну, до того, как Ангус стал строить дом, и наверняка тут могли происходить разные вещи. Но нет, ничего определенного я не знаю. Но, Соланж, ты вся дрожишь! Ты не заболела?

— Да, пожалуй, Ангус прав — здесь сквозняк, а может, подземные ключи, и потому повышенная влажность, но мне как-то не по себе. Флора, давай уйдем — лучше покажи-ка мне дом. Помнишь, ты обещала, когда Ангус уедет, повести меня в его мастерскую? Я ведь до сих пор не видела ни одной его картины!

— Ангус терпеть не может показывать свои работы, — сказала Флора. — Было так трудно уговорить его согласиться на эту выставку в Париже! Но он на самом деле замечательный художник, и заслуживает, чтобы люди знали его имя! Пошли скорей, пока еще хорошее освещение.

Мастерская Ангуса располагалась в северной части виллы. В студию вела отдельная, внешняя лестница. А перед входом была плоская крыша, которую украшала балюстрада.

— Он часто прогуливается здесь, когда полностью поглощен работой, — заметила Флора. — Мне очень нравится мастерская, но я редко поднимаюсь сюда, Ангус любит работать в полном одиночестве, ну, конечно, я не имею в виду его натурщиков.

Они вошли в большую просторную комнату. С первого взгляда было понятно, что это — студия профессионала, а не любителя. Ни роскошной мебели, ни тяжелых светильников, ни дорогой бронзы, как в мастерских модных художников. У стены — деревянный стул для натурщиков. На мольберте — незаконченная картина, на маленьком столике вычищенная палитра. У стен стояли полотна — но Соланж и Флора могли видеть только обратную сторону картин.

Здесь, в мастерской Ангуса, Соланж почувствовала к нему определенную симпатию — сейчас муж Флоры нравился ей гораздо больше. Она подошла к мольберту и встала перед картиной.

Портрет старого бродяги. Пожалуй, если бы у дьявола было человеческое лицо, то он, несомненно, выглядел бы так, как этот старик, подумала Соланж. Мутные глаза, гнусная ухмылка, грязные пальцы, сжимающие нечто, вроде посоха, — какой отвратительный старик! Даже не законченная, картина производила огромное впечатление. Это было настоящее искусство.

— Потрясающе! — воскликнула Соланж. — Конечно, Ангус заслуживает выставку в Париже, если у него такие работы. Но какой противный старикашка! Представляю, как тебе трудно выносить его присутствие на вилле.

— Да, но он попадает в студию по этой лестнице. У Ангуса часто бывают такие неприятные модели, что порой просто невыносимо видеть их в доме, поэтому мы просим натурщиков пользоваться этим входом. Похоже, Ангусу нравится писать странных людей. Мне кажется, лицо у этого старика просто мерзкое, как ты думаешь? Его зовут Мэтью, тут в округе все знают этого бродяжку. Люди, только чтобы он отстал и убрался от них подальше, дают ему деньги, а он их потом пропивает. Ангус начал эту картину несколько месяцев назад, еще до своей поездки в Англию. Но потом старик у нас больше не появлялся — думаю, они поссорились.

Флора стала поворачивать картины, стоявшие у стены, и Соланж теперь могла видеть и другие работы Ангуса. Они все были удивительно интересны, чувствовалась рука настоящего мастера, но даже его пейзажи — с высокими острыми скалами и искривленными деревьями — показывали лишь уродливое в жизни природы и оставляли тяжелое, давящее впечатление. Душа художника, создавшего эти полотна, тяжело больна, подумала Соланж. Ангус не злодей, просто с ним произошло что-то страшное, и это что-то сильно повлияло на него. И теперь его душа больна.

Она выставила на свет еще несколько полотен. Люди, изображенные на них, явно не отличались ни красотой, ни высокой нравственностью.

— О, — вдруг воскликнула она, поднося к окну женский портрет. — А это — самый страшный портрет!

На картине была изображена женщина примерно пятидесяти лет, с длинным худощавым лицом. Ее небрежно причесанные седоватые волосы лезли на маленькие злые глазки, а губы кривились в злобной усмешке. Было очевидно — художник свою модель ненавидел! Она была отвратительна, эта женщина, но никто другой не смог бы изобразить ее столь отвратительно.

На секунду Флора задумалась, а потом произнесла:

— Ужасно, правда? Когда я в первый раз увидела портрет, то решила, что разлюбила Ангуса. Ну, конечно, не то чтобы совсем, но мне казалось, он не должен был показывать ее такой. Наверное, они поссорились тогда именно из-за этой картины — она поднялась в мастерскую и увидела это. Нет, я не могу ее осуждать за то, что она ушла из дома.

Потрясенная, Соланж взяла себя в руки и только тогда заговорила:

— Ты не сказала мне, кто эта женщина.

— Думала, ты сама ее узнаешь. Ведь это Гертруда, первая жена Ангуса. Тебе кажется, она здесь не похожа на себя? Или перед смертью она выглядела иначе?

— Да, она очень изменилась, — задумчиво проговорила Соланж.

Господи, как она сразу не поняла? Но какой гениальный план придумал и осуществил Ангус, чтобы жениться на Флоре! Она вспомнила, как Ангус просил Флору рассказать ей историю их любви, как уговорил помочь несчастным влюбленным, как подтолкнул поехать в Лондон. Умно, Боже, как умно он все сделал! Устроить так, чтобы не он сам, а кто-то другой нашел его умирающую жену. Теперь Соланж понимала смысл тех непонятных фраз, которые иногда вырывались из уст “Гертруды Мартин” и которые так ее озадачивали. А Гертруда — Соланж всегда будет вспоминать ее под этим именем, — что двигало этой женщиной? Ей хотелось получить деньги, чтобы иметь возможность умереть в нормальных условиях? А может, был кто-то, кого она любила и ради кого она все это сделала? И тут в памяти Соланж молнией вспыхнули последние слова Гертруды: “Надеюсь, он доиграет игру честно, как я”. А потом с последним вздохом: “Дэви”. Да, именно для того, чтобы раздобыть деньги для этого Дэви — мужа или сына, Гертруда пошла на столь странную авантюру.

Теперь все стало на свои места. Теперь Соланж понимала, почему ее все время что-то смущало. Конечно, Ангус попал в трудное положение. Женщина, изображенная на портрете, была ревнивой и мстительной — она могла сколь угодно долго не давать мужу знать о себе, причем только для того, чтобы он никогда не смог жениться на другой.

И тут, когда Соланж ставила картины обратно к стене, новая мысль пришла ей в голову. Настоящая Гертруда, узнав о женитьбе Ангуса, обязательно вернулась бы на виллу, чтобы расстроить его счастье и испортить всю его жизнь. Только смерть могла помешать ей это сделать. Наверное, Ангус узнал о смерти первой жены после того, как лже-Гертруда умерла в Венторе. А может быть, она умерла раньше? И тогда ему нужны были только документы, подтверждающие ее смерть — если он действительно знал о ней. А если настоящая Гертруда умерла так, что обстоятельства ее смерти должны были остаться для всех тайной? Нет, еще ничего не ясно, говорила себе Соланж, возможно, Гертруда умерла, но Ангус вполне мог об этом и не знать. Попала в аварию или тяжело заболела... У этой задачи есть только одно решение — или другое...

А портрет — зачем ему нужно было хранить это полотно, единственную и столь красноречивую улику? Вообще-то преступники всегда совершают ошибки такого рода, иначе полиция никогда бы не раскрывала их злодеяния. Известны десятки дел,

когда преступники уничтожали все следы своих преступлений, но оставляли — из-за каких-то сантиментов, эмоций — такое, что давало детективам ключ к разгадке. Скорее всего, тщеславие художника не позволило Ангусу избавиться от портрета, ведь он прекрасно понимал, эта картина — одна из его лучших работ. А может, он получал особое удовольствие, глядя на портрет и думая, какое счастье, что эта женщина осталась в его прошлом! Нет, не мог Ангус уничтожить портрет — ведь это означало и уничтожение его прежней жизни, частицы его самого.

Прошло несколько дней, и Ангус вернулся из Парижа. С выставкой все складывалось замечательно, и он был очень воодушевлен, в прекрасном настроении, как никогда мил и обаятелен, и Соланж, глядя на него, теперь думала, что все ее подозрения яйца выеденного не стоят. И если она подойдет к Ангусу и скажет: “Ангус, я знаю, вы мне лгали, вы заставили меня сыграть роль в вашем дурацком фарсе”, он, наверняка, ответит: “Да, я действительно не знал, где искать мою жену, я был почти уверен, что ее нет в живых, но у меня не было никаких шансов доказать это, а мне так хотелось жениться на Флоре. Да, я совершил проступок, но что мне оставалось делать? Сказать правду Флоре и разбить ей сердце? Кстати, если вы ей расскажете эту историю, она скорее поверит мне, а уж я буду все отрицать. И она останется со мной, даже если я во всем признаюсь”.

Да, так бы и случилось, Соланж была уверена. Флора бы решила, что Ангус совершил грех ради нее, и только еще больше его любила бы. Страстно любящие женщины не слишком склонны осуждать преступления против закона. И что тут дурного, если, облегчив последние дни жизни умирающей, Ангус получил необходимые документы и они смогли пожениться?

А если этим история не исчерпывается? Нет, пора заняться своими делами, пора уезжать, и как можно скорее. Какая-нибудь телеграмма, срочно зовущая в Париж...

И телеграмма пришла. Флора явно расстроилась, зато Ангус, хотя и сказал все положенные слова, не выглядел огорченным. Жизнь на вилле вместе с его очаровательной женой — вот все, что ему было нужно в жизни. Флора так горячо ее уговаривала остаться хотя бы на недельку, что Соланж согласилась провести с Мартинами еще один день — в лесу, среди сосен. Погода стояла восхитительная, мягко светило солнце; Ангус подыскивал место для пикника, а Флора бегала по лесу, как ребенок, что-то напевая своим милым голоском — несильным, но приятным и верным.

После прогулки Флора немного устала и ушла прилечь в спальню. Внимательный муж настоятельно просил ее отдыхать до самого обеда. Сам же он поднялся в мастерскую, а Соланж спустилась к морю, думая, что скоро сможет видеть только мутные воды Сены. На пляже она с удовольствием растянулась на песке, всем телом впитывая солнечное тепло.

Вдруг к ней бесшумно приблизилась темная фигура, и только шорох песка заставил Соланж резко сесть. Господи, почему этот человек кажется ей знакомым, где она раньше видела его омерзительное лицо, хитрые мутные глаза, кривящийся в гнусной ухмылке рот? Да это же бродяга с портрета, который был на мольберте в мастерской Ангуса!

Старик постоял, глядя на Соланж, а потом в ответ на ее сердитые слова извинился, слегка приподняв свою грязную шляпу. Он просто идет к господину художнику в его студию, объяснил бродяжка. С множеством отвратительных ужимок и гримас он прошел мимо Соланж и стал подниматься по тропинке к дому. Соланж задумчиво посмотрела ему вслед. Странно, что столь утонченный, изысканный Анкус, пусть и любящий обнажать на своих полотнах скрытые и порочные стороны человеческой души, может выносить близость этого мерзкого существа даже в качестве модели. А потом она вспомнила: Флора рассказывала, что Анкус поссорился со стариком и запретил ему появляться в доме. Но Анкус не из тех, кто отступает от своих слов...

Соланж вскочила и побежала за стариком. Уже на лестнице, ведущей в студию, она на секунду остановилась, думая, правильно ли поступает. А вдруг ее здесь обнаружат? Почему она шпионит? Соланж даже не представляла, как объяснит свое поведение, но была уверена — в этом доме что-то происходит, и это что-то может быть связано со стариком. И теперь, когда она стояла на лестнице, каждый ее нерв предупреждал об опасности. Кому оно угрожает, непонятно, но зло было разлито по всему дому. Мягко и бесшумно Соланж поднялась по лестнице, ведущей в мастерскую Ангуса, и застыла за дверью.

Вскоре она услышала низкий сердитый голос — человек быстро говорил по-французски. С каждым словом Соланж становилось хуже: теперь она понимала, что все мучительные подозрения, засевшие в ее мозгу после посещения мастерской, оказались правдой.

Как глупо было со стороны ничтожного попрошайки думать, что он сможет шантажировать такого человека, как Анкус Мартин — целеустремленного, умного, хитрого, не сомневающегося в своем праве поступать так, как считает нужным!

Раздался голос Ангуса — спокойный, сдержанный, но таящий в себе угрозу.

— Я не разрешал тебе приходить сюда днем. Если еще раз так сделаешь, не получишь от меня больше ни пенса. Я тебе дам, сколько просишь, но сейчас ты уйдешь, а вернешься вечером, когда станет темно.

— Когда темно, когда темно. Я знаю, что ты делаешь, когда становится темно.

— Не будь идиотом. В доме сейчас полно людей. Когда ты в тот раз пришел и увидел меня... здесь никого не было.

— Нет уж, лучше встретимся в отеле или на пристани.

— Ну да, и все увидят, как я даю тебе деньги — тебе, мерзкому грязному старикашке, с которым никто не хочет иметь дела! Спасибо! Нет, ты придешь сюда или не получишь денег вообще.

— Ну ладно, приду сюда, но днем. Все знают, что ты меня ривовал. Никто ничего не заподозрит, увидев меня здесь. Люди просто подумают, что я снова позирую. Не хочу приходить ночью. А то вот расскажу все полиции...

Пару минут было тихо, а затем снова раздался ровный голос Ангуса.

— Ну ладно, как хочешь. Приходи завтра, в пять. Я должен съездить в Сан-Рафаэль в банк за деньгами.

Послышались шаги старика — он направлялся к двери. Соланж мигом слетела с лестницы и, обогнув дом, нечаянно оказалась в беседке. До нее донеслись звуки удаляющихся шагов старика и стук — Ангус захлопнул дверь мастерской за своим незванным гостем.

Итак, Мэтью ушел, но завтра, в пять часов, он вернется. И Соланж уезжает завтра, поезд отправляется с вокзала в Сан-Рафаэле в 16 часов 8 минут. На вилле ее уже не будет, но ведь Флора останется! Хотя она наверняка захочет ее провожать и вернется в Сан-Суси уже после пяти. Несомненно, если Ангус и замышляет что-то против старика, он это сделает, когда Флоры дома не будет. Да, теперь, после всего, что Соланж удалось узнать, она была уверена — у старого бродяги совсем не много шансов выжить. Никто не зайдет в студию Ангуса без его разрешения. И труп может там оставаться хоть до самой ночи, когда Ангусу будет удобно от него избавиться. Мэтью — грязный шантажист и попрошайка, он ей глубоко отвратителен, но при всем при том Соланж не могла бездействовать, зная, что он так близок к смерти, не могла не попытаться хоть как-то спасти его никому не нужную, бессмысленную жизнь.

На землю спустились сумерки, и ей стало холодно. Соланж снова охватило знакомое чувство ужаса, и она вспомнила слова Мэтью. Теперь она все поняла, и ей уже не было так страшно. А в темноте как будто прошелестел тихий смешок — словно сама смерть усмехнулась от удовлетворения. Может, останки Гертруды Мартин, эти мертвые кости, спрятанные в одной из колонн беседки, все еще хранили в себе ее дьявольские помыслы? Человеческую душу не удалось пока обнаружить ни одному ученому, ни в одной, даже самой известной лаборатории мира, но, может, именно душа, душа этой женщины кричала о том, что с ней произошло? Соланж не боялась мертвой Гертруды Мартин — слишком ее занимали проблемы живых, но девушке все-таки захотелось выйти из беседки, и она медленно пошла к дому.

На следующий день Ангус не поехал в Сан-Рафаэль за деньгами, что совсем не удивило Соланж. Нет, сегодня вечером отнюдь не деньги ждали старого Мэтью.

Машина была свободна, и Соланж, сев за руль, все утро провела, занимаясь выяснением прошлого Мэтью. К обеду ей удалось

раскопать довольно много любопытной информации, Соланж была вполне удовлетворена результатами своих разысканий.

Когда наступило время ехать на вокзал, Ангус подошел к Соланж и сказал, что, к сожалению, не сможет ее проводить. Флора посмотрела на него с удивлением — ведь тогда ей придется самой вести машину! Но когда он подошел к жене и, нежно приобняв, объяснил, что хочет поработать, она его поцеловала и мило согласилась. Да уж, не стоит удивляться, что он так безумно любил свою Флору — после ада супружеской жизни с Гертрудой!

Флоре надо было походить по магазинам в Сан-Рафаэле — Ангус написал ей длинный список того, что следовало купить. Он рассчитывает, раньше пяти Флора не вернется, подумала Соланж. Но как ей самой уйти от Флоры и вернуться на виллу вовремя, чтобы успеть перемолвиться парой слов с Мэтью?

Когда они подъезжали к городу, Соланж сказала:

— Флора, дорогая, очень тебя прошу — не провожай меня. Терпеть не могу, когда люди стоят на вокзале, кажется, это длится часами, а потом поезд трогается с места, и все, как безумные, машут руками.

— Что ж, я должна сделать столько покупок, и если ты действительно так хочешь...

— Ну, пожалуйста!

У входа на вокзал Соланж поцеловала Флору и подождала, пока машина отъехала, а затем, оставив вещи в камере хранения, пошла в маленький гараж, где ее уже ждал быстрый "бугатти". Она бросила свою красную шляпку на заднее сиденье, надела кожаный шлем, очки, вывернула на левую сторону красный жакет — теперь на ней была уже темно-синяя кожаная куртка. И когда "бугатти" подъехал к воротам виллы Мартинов, никто не смог бы узнать в этой лихой мотоциклистке Соланж, совсем недавно отбывшую в Сан-Рафаэль!

Было без четверти пять. Соланж, оставив мотоцикл в соснах перед воротами Сан-Суси, направилась через лесок к боковому входу в дом.

Она знала, что под лестницей есть маленькая комнатка, в которой хранились садовые инструменты, проскользнула туда и, оставив дверь приоткрытой, стала ждать. Примерно через десять минут Соланж услышала шаги, выглянула в щелку и увидела старого бродягу. Подождала секунду, а потом последовала за ним. Мэтью зашел в студию Ангуса, а Соланж осталась за дверью.

И вот она услышала голос Ангуса — он спокойно и ровно поприветствовал Мэтью и предложил ему присесть. Тот, поворчав, что лестница слишком крута, упал в кресло.

— Я не звал тебя, — сердито ответил Ангус, — и чем скорее ты уберешься отсюда, тем лучше. Но ты ведь не уйдешь без денег, вот они, бери.

Ангус вытащил ящик бюро, стоявшего за спиной Мэтью, и Соланж услышала хруст купюр. Ангус повернулся к ней спиной, и

ей удалось бесшумно открыть дверь чуть побольше. Она увидела Ангуса с пакетом денег в левой руке и с тяжелым револьвером — в правой. Он держал его за дуло, и Соланж поняла — револьвер не заряжен, Ангус собирается использовать его для удара.

— Вот твои деньги, — резко сказал он, и в его голосе зазвучали высокие ноты. Старый Мэтью обернулся к нему, протянув руку, но Ангус бросил деньги на стол: — Пересчитай!

— Но здесь только пятидесятифранковые бумажки! — закричал старик.

— Считай, тысячефранковые банкноты лежат под ними. — И Мартин указал на деньги левой рукой, держа в правой револьвер наготове.

— Ангус! — резко закричала Соланж, входя в комнату. Мэтью бросился собирать деньги, а Ангус застыл, словно окаменев. Его лицо страшно побледнело, казалось, это маска мертвеца. — Ангус, нельзя скрыть одно преступление, совершив другое!

— Закройте дверь, — приказал он.

— Нет, я предпочитаю оставить ее открытой. Ненавижу оружие, чувствую себя ужасно глупой, держа его в руках, но сегодня подумала, что, пожалуй, захвачу-ка я свой маленький пистолет. — И Соланж направила на него дуло револьвера. — Ваш-то ведь не заряжен, поэтому сейчас вам лучше не двигаться.

— Да, он не заряжен, — проговорил Ангус. — Я могу его положить на стол?

— Да, конечно, и думаю, вам лучше сесть на стул напротив Мэтью. А вы, Мэтью, положите деньги на стол. Они не для вас.

Человек, жизнь которого она только что спасла, был так же зол, как и тот, которому она не позволила его убить.

— Где Флора? — Голос Ангуса дрожал. — Только не говорите мне, что Флора с вами!

— Нет, не беспокойтесь, тут все в порядке. Она и понятия не имеет, что я вернулась. Вчера я случайно подслушала ваш разговор с Мэтью. Теперь я все знаю: как он пришел в мастерскую в тот вечер, когда вы убили вашу жену, как видел ночью, что вы замуровали ее останки в колонну беседки. Но давать деньги шантажисту, оплачивая его молчание, просто глупо.

— Понимаю, вот почему я задумал сделать это.

— Но это еще глупее!

— Да, но такова жизнь. Если бы только я вас лучше знал...

— Полагаю, теперь вам хочется убить меня, однако так не может долго продолжаться, и вы это знаете, Ангус. Вы очень умны, и никто не посмеет отрицать — все замечательно спланировали, но...

— О, Боже! — простонал он. — Вам не следует полагать, что я был бы счастлив, разбив голову этому старику. Я думал, ночью погружу его тело на лодку и, отплыв на середину залива, брошу за борт. Никто бы не стал разыскивать Мэтью. Видит Бог, я не хотел его смерти, он сам виноват. Что мне оставалось делать?

— Ничего. Кстати, так говорят все убийцы. И вашу жену вы тоже убили, потому что ничего другого вам не оставалось?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

— Я вовсе не собирался ее убивать, клянусь! Она пришла в мастерскую и увидела, что я пишу ее портрет. У нас была страшная ссора. Гертруда требовала, чтобы я уничтожил картину, сама пыталась ее порезать. Спасая холст, я случайно толкнул жену. И она упала — ударившись головой о батарею. Гертруда сразу же умерла. Я жутко перепугался — видит Бог, я совсем не хотел такого исхода, не хотел ее смерти. А потом обрадовался — понимаю, то, что я говорю, чудовищно, но мне сейчас незачем притворяться. Годы, которые мы прожили вместе, были самыми худшими в моей жизни. Наверное, трудно поверить, что это был несчастный случай, но я не лгу. Мне очень нравилось работать со строителями. Как раз тогда мы только что закончили беседку с колоннами. Не знаю, что вам известно о строительстве, ничего? Когда вы сооружаете бетонные колонны, вы делаете деревянную опалубку с металлическими рейками, внутри колонны полые. И вот я дождался темноты — в ту ночь было полнолуние — и спустился в беседку. Тогда около виллы не было ни одного дома, у меня работали всего два человека, которые спали в отдельном домике недалеко от Сан-Суси. Я замешал бетон — в гальку добавил песок, цемент и воду. Затем поднялся в студию, взял тело, перебросил через плечо и спустился в беседку. На Гертруде был халат, но я захватил ее дорожный костюм и шляпу, потому что хотел, чтобы эти вещи исчезли вместе с ней. Я залез по стремянке и бросил тело в колонну между рейками опалубки. Раздался странный звук — помню, как он меня напугал. А затем я стал бросать бетон внутрь колонны. Ночь была жаркой, и пот струился по моему телу. После того, как я проработал, как мне казалось, почти вечность, вдруг выяснилось, что бетона не хватает. Его требовалось много — нужно было замуровать еще ее плечи и голову. Спустившись со стремянки, я обнаружил, что у меня нет песка, взял тележку и пошел на берег. Набрал морской песок. Вот почему колонна постоянно влажная, но что я мог поделать? Вы не представляете, какие атаки строителей мне потом пришлось выдерживать — увидев колонну, они предложили все переделать! А когда дело уже подошло к концу, и начало светать, я увидел на земле ее туфель — наверное, упал с ноги, когда я нес тело в беседку. Я спустился со стремянки, чтобы его подобрать, и вдруг услышал, как кто-то чихнул. Теперь вам, может, и смешно, но тогда мне показалось, что ничего более страшного в своей жизни я не слышал. — Ангус вытер пот с высокого, красивого лба. — Сейчас это звучит абсурдно, но звук словно шел изнутри колонны. А потом я увидел, что кусты, растущие вокруг беседки, странно задвигались, бросился туда и вытащил этого старика. Чуть не убил его на месте. Лучше бы я так и сделал, но он при-

нялся клясться и божиться, что, если я дам ему деньги, на которые он сможет спокойно дожить остаток своей жизни, он никогда и никому не расскажет о моем секрете. Я не хотел его смерти. Можете мне не верить, но это правда. Сегодня я был готов его убить, но тогда я ему поверил. Однако сначала приказал ему взять туфель Гертруды, бросить его в колонну и самому забетонировать ее. Мне хотелось, чтобы он был как-то замешан в это дело. Я думал, так он будет больше бояться полиции. Теперь вы знаете — Гертруда умерла из-за несчастного случая, а потом все, что я делал, было для Флоры. Но, похоже, напрасно!

— Нет, подождите. — Соланж все еще держала револьвер нацеленным на Ангуса, готовая, при малейшем его движении, выстрелить, но сама при этом думала совсем о другом. Боже, как ей поступить? Что делать?

Соланж понимала — Ангус рассказал ей чистую правду. Он не был настоящим преступником. Именно поэтому она не чувствовала в его присутствии опасности — той, которая всегда исходила от истинных убийц. Но все-таки он был опасен — человек страсти, человек одной идеи, маниакально преданный ей, и этой идеей была Флора, их любовь. Да, Флора... Если она узнает о том, что произошло с ее дорогим Ангусом, прекрасный храм их любви превратится в жалкие руины, и на всю жизнь в ее душе останется кровоточащая, незаживающая рана.

Соланж думала о долгих месяцах в тюремной камере, грозящих Ангусу, о суде, на котором могут выплыть страшные подробности. Чего стоила только та ночь, когда он замуровал тело жены в бетонной колонне! Ангус предстанет перед людьми как хладнокровный, безжалостный убийца, а ведь на самом деле — он просто слабый человек, которому показалось, что он нашел разумный выход из безумной ситуации. Конечно, остервенение, с которым он прятал труп жены, хитрость и коварство Ангуса отнюдь не свидетельствовали о доброте его души, но это уж точно не ее дело.

Все еще целясь в Ангуса, Соланж посмотрела на Мэтью и, собрав все свои познания во французском, сказала, что связана с полицией, намекнув на то, что многое о нем знает — небольшие прегрешения, связанные с контрабандой, более серьезные — связанные с ограблением английского туриста, и так далее, — она заявила, что если Мэтью не будет держать язык за зубами и когда-нибудь кому-нибудь проговорится о том, что случилось в ту ночь и как он помогал бетонировать колонну, ему придется провести всю оставшуюся жизнь за решеткой.

Мэтью весь извертелся на своем стуле, его рот непрерывно кривился в отвратительной гримасе, а выцветшие глаза неотрывно следили за Соланж.

— Но я могу взять эти деньги? — наконец прошептал он.

— Ни одной банкноты, — твердо ответила Соланж, — и если ты только произнесешь слово о том, что знаешь, или же заявишь-

ся в этот дом опять, тебя тут же арестуют, и я выступлю на суде свидетелем обвинения. А теперь убирайся. — Она отошла от двери, и старик прошмыгнул мимо нее с такой скоростью, на какую был только способен. А Соланж повернулась к Ангусу, к человеку, которого Бог наделил огромным талантом, но недодал чего-то очень важного и необходимого людям.

— Не знаю, как вы намерены жить дальше, — сказала она, — но я больше не хочу иметь с вами ничего общего. Мне придется разорвать дружбу с Флорой. Это наверняка ее расстроит, но что делать. Однако предупреждаю — если услышу, что Мэтью вдруг умер, и умер при странных и необъяснимых обстоятельствах, тут же сама немедленно займусь этим делом.

Ангус поднял голову и посмотрел на нее.

— Понимаю, вы это делаете для Флоры, — проговорил он, — но в любом случае я вам очень благодарен.

— В основном для Флоры, но не только. Жизнь многих людей полна зла, и если юстиция не способна его устранить, я не считаю нужным ее вмешивать. А на вашем месте я бы продала дом и уехала из этих мест.

— Не могу. Неужели вы полагаете, что эта мысль не приходила мне в голову? Но как подумаю, что вдруг кто-то захочет переделать колонну, на которой никогда не высыхает краска, — он замолчал, резко вздрогнув всем телом.

— Бог с вами, это ваше дело. Вы достаточно наказаны, и не важно, останетесь вы жить здесь или уедете в другое место. Но есть одна вещь, которая не дает мне покоя, — кто была та женщина, моя Гертруда Мартин?

— Мы с ней когда-то вместе учились в Париже. Она была замечательной... Как раз перед тем несчастным случаем с моей женой я приехал в Париж и случайно с ней встретился. Она умирала от туберкулеза, но еще больше, чем близость смерти, ее мучили мысли о деньгах. У нее была небольшая рента, которая выплачивалась, пока она жива, а ведь у нее был сын, Дэвид. И вот, после того, что здесь произошло, после моей встречи с Флорой, я вспомнил о своей старой подруге и снова поехал в Париж. Я и раньше пытался дать ей какие-то деньги, но она была очень гордой и независимой женщиной, и всегда отказывалась, говорила, что не может принять деньги, не заработав их. Я рассказал ей, что моя жена сбежала, что я не знаю, где она, но хочу снова жениться, и мне нужны свидетельства ее смерти. Она согласилась выполнить мою просьбу, если я устрою ее сына в колледж и положу на его счет пять тысяч фунтов.

Остальное вам известно. Я все хорошенько продумал, до мельчайших деталей. Я послал ей телеграмму отсюда, чтобы она отправила открытку на Херефорд-роуд. Кстати, я перевел ей сто фунтов и положил на ее счет тысячу фунтов. Я хотел, чтобы все было предельно достоверно.

— Умирая, она сказала: “Надеюсь, он доиграет игру честно, как я. Верю, он сыграет по правилам”. Так как, вы сыграли честно?

Ангус, человек, который мог замуровать тело своей жены в бетонной колонне, человек, хладнокровно планировавший убийство старого бродяги, теперь был почти оскорблен ее вопросом.

— Конечно, я выполнил все свои обещания. — В его голосе звучало неприкрытое возмущение. — Хотите, я предоставлю информацию из моего банка, или же можете сами поехать в Англию и найти Дэвида Гримшоу. Он только что поступил в Кембридж. Дэвид полагает, его мать умерла во время морского путешествия, а ее останки покоятся на дне морском.

Соланж не сомневалась, что он не лжет. Она положила револьвер в карман своей кожаной куртки и в это время услышала, как к дому подъезжает машина.

— Это Флора, — сказал Ангус, вставая. Соланж посторонилась и дала ему пройти. У лестницы он обернулся и с мольбой взглянул на Соланж. — Надеюсь, вы не будете... — неуверенно проговорил он.

— О нет, — ответила Соланж.

И Ангус с огромным облегчением поспешил навстречу жене, а все его существо ликовало — наконец этот кошмар для него закончился.

Соланж прошла к своему мотоциклу, и когда ее уже нельзя было увидеть из дома, посмотрела на виллу. В гостиной горел свет, и она могла видеть фигуры Флоры и Ангуса — он ее нежно обнимал, а она доверчиво склонила голову ему на грудь. А потом они поцеловались. Ангус — талантливый, умный, но очень опасный человек, подумала Соланж, не сомневаюсь, его парижская выставка будет иметь огромный успех, но я ему нисколько не завидую.

Эта наполненная счастьем сценка — Флора и Ангус, обнимающиеся в мягком свете их очаровательной гостиной, долго жила в памяти Соланж, но постепенно ее заслонила другая картина — беседка в саду и зеленая колонна, на которой никак не сохла краска. Флора могла быть счастлива в своем неведении, но для Ангуса эта колонна* служила вечным напоминанием — там навсегда была замурована женщина, продолжавшая мучить его после своей смерти так же, как она это делала при жизни. И так навсегда — в красивом и уютном доме очаровательная улыбка любящей Флоры, а в темном и сыром парке — таящая гибель мстительная ухмылка его первой жены. ■

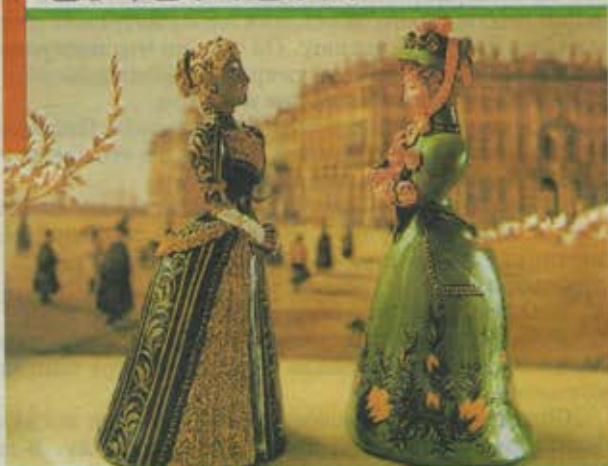
Перевод с английского Ирины ОПИМАХ.

* По библейской легенде, жена Лота, послушавшись ангелов, превратилась в соляной столп.

УДО СО СЛОНОМ

Олег ОСЕТИНСКИЙ
фото автора

В Санкт-Петербурге создана Международная Детская Академия художеств. Самому младшему академику — три года.

Слон белый, самодельный

Прямо с набережной Фонтанки открываешь дверь — и попадаешь в гости к белому слону Антоше, окруженному цветами и детьми.

Сияние бронзовых люстр. Блестящий паркет. Потолки с весёлой лепниной. Белый рояль, белый слон, белый зал. Деревья, кусты и цветы. Потрясающие вазы, предметы искусства. Масса детей в светлых уютных классах — и никакого хамского гогота и визга. Атмосфера тихой сосредоточенности, уюта, деликатности.

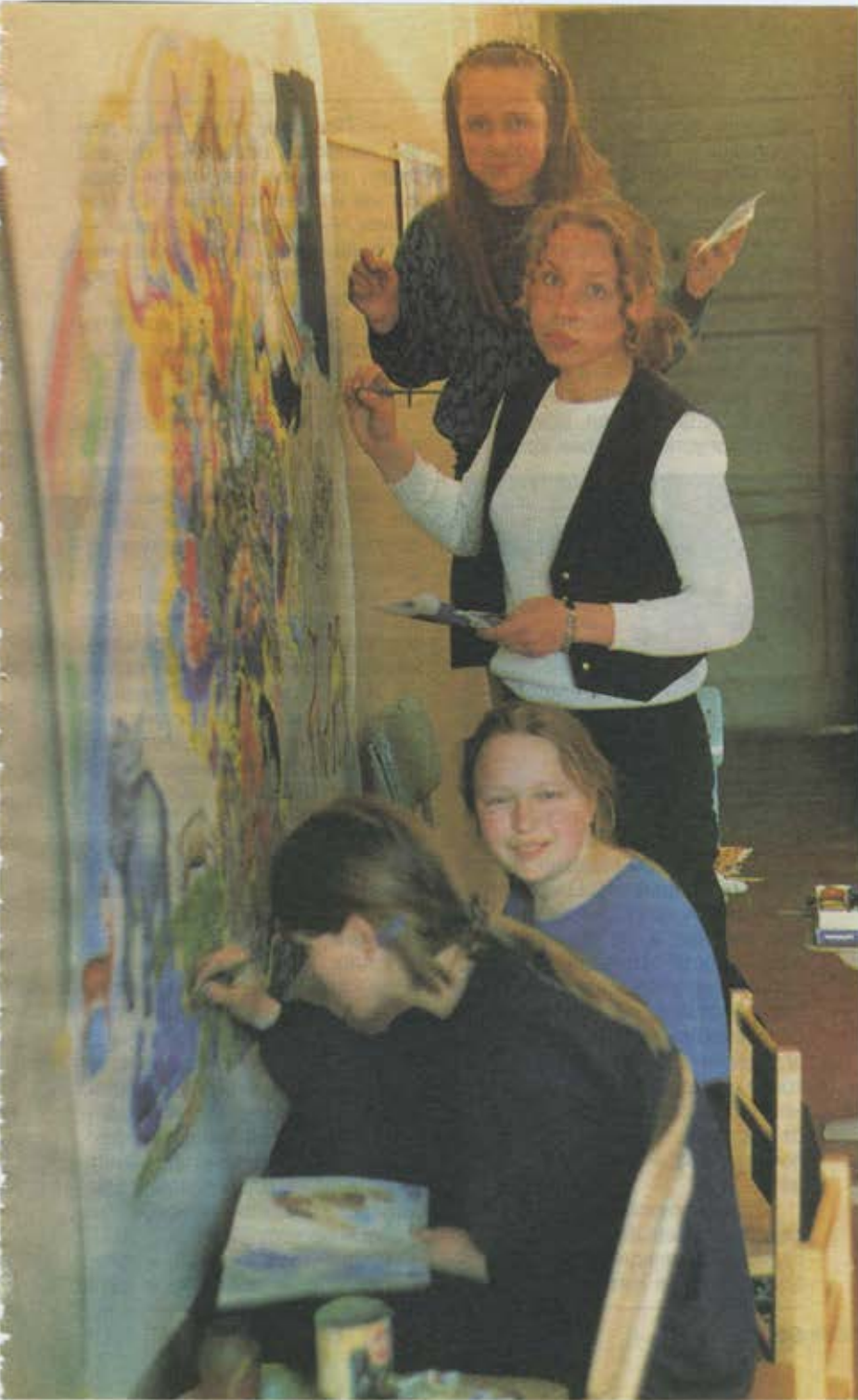
И везде прозрачные баллоны с горной водой — подставка кружечку, испей живой воды. Да куда ж это я попал?

Флигелёк для талантов

150 лет назад известный меценат граф Шереметев пристроил к своему дворцу трехэтажный флигель — для юных дарований "мужеского полу", — граф их привозил из своих украинских поместий. Здесь они изучали грамоту и изящные искусства, пели в знаменитой капелле графа.

Во флигеле выросли известные русские актеры, актрисы, художники, чьи работы висят аж в Русском музее. Здесь бывали Нипренский и Пушкин, Волконские, Василий Жуковский и Михаил Глинка...

А после революции во флигеле дворца жила одна скромная поэтесса, которая после своей

кончины здесь как бы навеки поселилась — ведь теперь во дворце "Фонтанный дом" музей Анны Ахматовой — везёт же поэтам после жизни!

А вот тому самому флигелю — не повезло.

При Советской власти в нём — вот особенности национальной музейщины! — разместили заводское общежитие. А в 1991 году, при распаде всего и вся, флигель вообще опустел. Все сбегали от запустения, даже крысы —

потому как денег на ремонт тогда не было ни у кого.

И вот, совсем недавно, в этот то бывший флигель Шереметевский зашла как-то, — нет, не новая русская и не банкирша — нет, просто Наташа Гуляева, скромная учительница рисования, петербургская мечтательница с обворожительной улыбкой, — и, взглядевшись в заплывающие потолки и ядовито-зеленые стены клетушек общежитских, ахнула от восторга: "Ребята, поддержим почин графа — отстроим это чудо заново!"

Этой нехилой идеей Наташа заиглась всерьёз и загла массу людей, пренебреже всего искусствоведа Сергея Натина.

— Поначалу даже наши друзья не могли поверить, что всё будет, как мы намечтали! Ведь тут же не просто р е м о н т был нужен, — улыбается Наташа. — Тут ведь нужно было "Фонтанному дому" соответствовать — дворец, знаете ли! И — Ахматовой!..

Вот так! И, знаете, просто поразительно, как много могут сделать в нашей стране люди с и д е е й — даже сегодня!

Да, через 100 лет после графа Шереметева два скромных русских подвижника искусства повторили его меценатский подвиг — открыли в том самом флигеле. Детскую Академию художеств!

Как же приятно, когда повторяется вот т а к а я история! Вот оно, то возрождение высочайших традиций, о котором все так мечтали. И, что характерно, Гуляева и Натин не взяли из госбюджета — н и к о п е й к и ! Хотя денег у них, в отличие от миллионера-олигарха Шереметева, не было, — а ведь ремонт флигельна обошелся в 300 тысяч долларов. И бандитских денег не отмывали, здесь отмывают только руки — от краски.

А что же власти? Власти не помогали, но зато и не мешали. Выезная, как всегда, на энтузиастах, они были согласны гордиться Академией и делить славу с её создателями. На праздничном открытии Академии — гимны и флаги стран-спонсоров, академик Евгений Велихов, консул США Ричард Майлс — пришли и представители администрации города. Благоклонно улыбались, говорили спасибо "от имени и по поручению"...

И, знаете, и Гуляева, и дети, и родители, и посетители были

счастливы — не помогают, и слава Богу — лишь бы не мешали!

Повторение с отвагой

В Академии всё задумано без дуранов: учебные классы и выставочные залы, зимний сад, уголок здоровья, библиотека и два уютнейших кафе — на чердаке и на первом этаже.

По стенам и лестницам — огромные панно, графина, картины бывших и нынешних академинов, детей из Америки, Венгрии, Австралии, Китая.

Академия развивается бурно и счастливо.

Она стала членом многих международных организаций, провела ряд интереснейших анций: "Дипломатия кисточки", "Global Family", "Зеленый мир", "Фонарики мира", "Вахта мира". И международный проект российско-американского детского художественного лагеря.

— Это был очень интересный проект, над которым мы работали три года. Участвовало много очень умных и знаменитых людей, и все под патронажем Раисы Максимовны Горбачевой. Для нас это было большой честью и ответственностью. — рассказывает Наташа. — Кстати, во Всемирной организации "Образование средствами искусства" (InSEA), куда входит более 88 стран мира, Россию представляет именно наша Детская академия, да-с! И на Всемирном конгрессе мы представляли ведущий доклад, который назывался "Детское творчество на пороге третьего тысячелетия".

Спасти детей от масс-культуры

"Академики" от трёх до 16-ти учатся в радость, а работают серьёзно, — потому что их учат с улыбкой и отвагой. Чему учат? Именно — "художествам". Монументальной живописи, керамике, лановой миниатюре, живописи на металле (эмальерное искусство), графине, гравюре, а также мифологии, культурологии и музыке. За годы деятельности Академии здесь обучалось более 1500 учеников от 2 до 18 лет. Работы детей — в крупнейших выставочных

залах Санкт-Петербурга и Москвы. На Международном конкурсе "Я вижу мир" в с е работы "академиков" были удостоены медалей! Академии удаётся отправлять детей в летние лагеря — опять же не прося у государства ни рубля.

— С детьми сейчас стало работать труднее, — вздыхает художественный директор Академии Сергей Катин. — Голова у них забита рекламой, клипами. Они мало видят живую природу, мыслят рекламными шаблонами — это как наркотики. Резкие слоганы, броские изображения засоряют мозг, ребенок теряет ориентиры вкуса и просто ориентиры. И мы решили ввести в Академии специальный антирекламный курс — чтобы дети отличали прекрасное от "красивости"...

Да, открываешь дверь прямо с Фонтанки и попадаешь в новый век — век инициативы, век свободных художеств — и век возвращения к прекрасному в самом классическом смысле этого слова: гармония, одухотворённость, гуманность...

Нкое счастье, что Санкт-Петербург получил такой флигель! Ведь петербуржцы уже гордятся своей Академией, от детей нет отбою. Да, все любят Академию, всё чудесно, у неё столько друзей, и врагов у неё, конечно, нет!.. Один американский мальчик из международного лагеря Академии нарисовал картинку, на которой была изображена та самая дверь с Фонтанки, и написал: "В эту дверь мы войдем в наш общий дом". Чудесно, да?

Да, чудесно! Одно только не чудесно — этот дом может от детей уйти — легко!

Ведь это мы сделали — сами!

Да-да, те самые представители администрации Петербурга, которые в 1993-м так благосклонно улыбались, поощряли энтузиастов и уверяли их, что, как в любой цивилизованной стране, вклад в ремонт здания будет учтен при расчете арендной платы, сегодня спокойно отказываются от своих слов.

Да, в начале 90-х был в России романтический подъем — а нынче романтика из моды вышла. И власти заявили, что вклад в ремонт учесть в полном объеме нельзя, и вообще сочли невозможным учесть уже в ы п о л н е н н у ю работу! — несмотря на то, что существуют документы, живые свидетели, фотодокументы, видеосъёмка!

И началось хождение Гуляевой и Катина по мукам традиционным нашим!

За Академию ходатайствовали Д. Лихачев, Ф. Бурлацкий, Б. Раушенбах, Б. Смирнов-Русецкий и многие, многие — но, увы! Даже письмо губернатору Петербурга от Президента "Международного центра гражданских инициатив" Шэрон Теннисон, советника Президента США — с просьбой сохранить Академию в честно полученном ею здании — остаётся без ответа до сих пор — т р и г о д а !

— Не обращая внимания на наши огромные вложения в реставрацию флигеля и совершенно не участвуя в ремонте, как того требует законодательство России при сдаче здания в аренду... — со слезами на глазах говорит Наташа Гуляева, — ...чиновники, требуя фантастическую

арендную плату, поставили нас в более трудные условия, чем любую другую школу. Они требуют с нас 32 тыс. у.е., отказываясь зачесть в счёт арендной платы стоимость нашего ремонта — совершенно законная форма оплаты! — и хотят договор аренды расторгнуть. У нас просто отнимают дом, который мы построили потом и кровью!

Да-с! Неплохой урок энтузиастам, которые не разбазаривают народное добро, а пытаются его приумножить?

Похоже, рождается новая дурная традиция — знаковые учреждения культуры Петербурга выселять из приличных помещений в центре города и высылать их за город.

Понятно, в чьих интересах. К примеру, помещение на Литейном, из которого выселили библиотеку и дирекцию музеев, занял богатый спортивный магазин, и т. д...

Даёшь детский эрмитаж!

Гуляева и Катин — патологические оптимисты. Несмотря ни на что, они верят в свою победу, победу творчества над отживающим маразмом, и зажгли ещё одной новой идеей. Глаза Наташи сверкают.

— Есть потрясающая новая идея! У нас хотят отнять наш дом, а мы решили, что нам нужны ещё три дома — гибнущие худшюлы района!

Новый проект Академиков — музейно-образовательное учреждение «ДЕТСКИЙ ЭРМИТАЖ», которое будет в себя включать Академию, музей детского творчества, о котором так долго мечтали

ленинградцы и мечтают петербуржцы, и, конечно, новая школа Искусств, духовная школа третьего тысячелетия, которая включит в себя всё прогрессивное, всё лучшее, будет формировать в душах детей любовь и гармонию.

Спасите белого слона!

Я открываю дверь с Фонтанки, вхожу — не в казино, не в дискотеку, вхожу в Чудо — доброе, умное, светлое...

И, как все петербуржцы и их дети, хочу входить всегда, на выставки и встречи...

Президент США Буш прилетел в Москву, чтобы навсегда объединиться с Россией в борьбе за новый, безопасный и счастливый мир.

Госпожа Сюзан приезжает, чтобы спасти своим мировым авторитетом — и деньгами! — Академию детской живописи, гордость Петербурга, единственную в России. Удастся ли?

— Академия — первое дитя свободной России! — сквозь слёзы улыбается Наташа. — Ведь наша организация родилась 10 июня 1991 года, а 12 июня появилась новая Россия! Мы не погибнем, мы нужны детям России...

Что ж, будем надеяться на упорство и мужество Наташи и Сергея, на поддержку директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, и на Комитет по культуре великого города — там, вроде, начинают понимать, что значит эта Детская Академия для имиджа Санкт-Петербурга.

Будем надеяться на чудо.

И на слона Гошу — он добрый, белый и пушистый! ■

Религии

Дорогие читатели!

В ближайших номерах мы начинаем очень серьезный и важный цикл публикаций, посвященный религии. Нет, это будет не календарь церковных праздников, не "практическое руководство" по соблюдению религиозных обрядов и даже не жизнеописание святых. Это — обзор основных религий мира (или — мировых религий), потому что без представления — хотя бы схематичного — о том, что такое католицизм, протестантство, ислам, буддизм, адвентизм и т.д., ориентироваться в окружающей нас действительности нелегко. Ведь, согласитесь, пренде, чем что-то принимать или отвергать, критиковать или подвергать сомнению, нужно знать предмет.

Другими словами, это будет нечто вроде энциклопедии конфессий, и понятно, что освещение подобной темы невозможно без участия ведущих теологов. Еще раз подчеркнем: мы не собираемся пропагандировать какую-то одну религию, мы хотим дать общее представление о всемирных конфессиях.

Согласно современным научным данным, религия возникла, по-видимому, 40—50 тысяч лет назад на относительно высокой уже ступени развития первобытного общества. Памятники искусства того времени запечатлели зарождение культа животных и охотничьего колдовства. О наличии религиозных верований свидетельствуют также погребения с орудиями труда и украшениями.

Исторически наиболее ранними проявлениями религии были магия, тотемизм, ведовство, погребальный культ, шаманизм. Первоначально объектом религиозного отношения был реально существующий предмет, наделяемый сверхчувственными свойствами, — фетиш. Фетишизм связан с магией, стремлением оказать влияние на ход событий в желаемом направлении при помощи колдовских обрядов, заклинаний и тому подобное.

С развитием земледелия все более важную роль стали играть духи растительного мира, культ умирающих и воскресающих богов, ритуалы, связанные с сезонными явлениями в природе. С разделением общества на классы и зарождением государственности возникли политеистические религии раннего классового общества: ведическая религия Древней Индии, японский синтоизм, религиозные культы Древнего Египта, Ирана, греков, римлян. Выделилась особая социальная прослойка профессиональных жрецов и служителей культа, историческими предшественниками которых в первобытной религии были колдуны, знахари, заклинатели, гадалки, шаманы. Появились предназначенные для жертвоприношений и богослужений святилища (храмы), возникла система религиозного обучения и образования.

На более поздней стадии исторического развития появляются мировые, или наднациональные религии — буддизм (6—5 вв. до н. э.),

мира

христианство (1 в.) и ислам (7 в.). Они объединяют людей общей веры независимо от их этнических, языковых или политических связей. Одной из важнейших отличительных особенностей таких мировых религий, как христианство и ислам, является монотеизм. Характерный для христианского монотеизма своего рода культ "абстрактного человека" связан с таким пониманием человека, в котором реальные социальные характеристики человека отбрасываются и преодолеваются как несущественные с точки зрения главного отношения, определяющего сущность человека, — отношения к Богу.

Вера в Бога здесь связана с принижением мирского, она ориентирует человека не на социальные преобразования, а на спасение от мирских уз, на уход от мирской суеты как идеал достойной человека жизни. Складываются новые формы религиозной организации и религиозных отношений — церковь, духовенство и миряне. Понятие Бога, то есть сверхъестественного, может иметь различный смысл именно потому, что суждение о Боге есть всегда суждение о мире. Вера в существование Бога может формировать различное отношение к действительности, обнаруживать себя в различном социальном поведении, которое колеблется в достаточно широких пределах между мирским служением и монашеской отрешенностью от мира, экзальтацией и примирением с существующим порядком вещей и протестом.

В средние века основные центры цивилизации возникали на окраинах прежнего античного мира, и там создавались мощные очаги культуры. Это Западная Европа, Византия, Восточная Европа, Ближний и Дальний Восток.

Античный человек был частью вечного, гармоничного мира. Человек эпохи средних веков не творец, а исполнитель Божьей воли. Мир в сознании средневекового человека делится на видимый, реальный, земной — "дольный", и потусторонний, идеальный, небесный — "горний". Так и в человеке присутствуют два начала: тело и душа, причем тело представляется "темницей души", а красота человека выражается в торжестве его духа над телом.

Такая переориентация сознания на мир идеальный, духовный становится главной тенденцией средневековой культуры, основу которой составили три мировые религии: христианство, буддизм и ислам.

Главная цель мировых религий — познать самого себя, окружающий мир и Бога. Основателей всех религий волновали одни и те же вопросы. Как устроен мир?

Почему не все люди счастливы?

Почему они умирают?

Что есть Бог?

Они давали на них в чем-то разные, но все же весьма схожие ответы. Какие?

Об этом — в наших дальнейших публикациях.

Оперный клави́р

Элла МАТОНИНА

Стефанос и
Марионетты
Стефанос и
Марионетты

Стефанос и
Марионетты
Стефанос и
Марионетты

Ольги Ивановой

Эта красивая женщина с сильным характером поставила на оперной сцене России и мира 50 опер, среди них "Борис Годунов", "Хованщина", "Моцарт и Сальери", "Евгений Онегин", "Трубадур", "Иоланта", "Севильский цирюльник", "Мария Стюарт",

"Возвышение и падение города Махагони"... Втайне она мечтает о крупных, мощных и современных постановках. Ее опыту, характеру и вкусу соответствуют "Страсти по Матфею" Баха, "Тиль Уленшпигель" Николая Каретникова, "Бег" — клавир ей подарен

умершим Н.Сидельниковым, по-новому осознанное "Возвышение и падение города Махагони" Б.Брехта-Н.Вайля. А еще "Пиковая дама" Чайковского, "Дон Жуан" Прокофьева, Шостакович... Ведь Ольга Тимофеевна Иванова — единственная в нашей стране женщина столь редкой профессии: оперный режиссер.

Ольга Тимофеевна родилась на Дальнем Востоке, детство ее проходило в военном городке среди лесов Карелии и в Вологде. Отец, железнодорожный майор, стремился как можно полнее приобщить дочь к духовности и культуре и дать ей не только всестороннее, но и музыкальное образование. Именно по его желанию Ольга закончила музыкальную школу и музыкальное училище.

Мать ее из рода кубанских казаков, отличалась твердостью, неприступностью характера и большой самоотверженностью.

Наследовав упорство родителей, Ольга шесть раз сдавала экзамены в консерваторию. Ее главной мечтой стало завоевание приза на конкурсе имени П.И.Чайковского, но крохотная (в прямом смысле) рука юной пианистки не дотянулась до награды. Все поставил на свои места спектакль Товстоногова "Идиот", куда она с великим трудом купила билет. Спектакль настолько потряс ее, что она решила стать Товстоноговым в опере. С красным дипломом закончила режиссерский факультет Ленинградской консерватории, ей даже предложили остаться в аспирантуре, но судьба распорядилась иначе. Мужа перевели на службу

в Москву, и Ольге пришлось самой устраиваться на работу. В министерстве культуры посоветовали посмотреть что-нибудь в самодеятельности, она хлопнула дверью, но ее остановила Лариса Жолтикова:

— Вы из Ленинграда? Как там наша гордость — Мариинский театр?

— Пыльное искусство, малоинтересное, плохо играют, — резко ответила вчерашняя студентка.

В "наказание" Жолтикова взяла ее к себе в отдел музыкальных театров. Чиновническая работа очень помогла Ольге Тимофеевне: она узнала дирижеров, режиссеров, ведущих вокалистов, возможности сцен всех театров России, что, кстати, поддерживает ее во многом сейчас.

Все было нацелено на один азимут: надо было утвердить себя как художника со своим видением, стать "Товстоноговым в опере". Она пришла к Борису Покровскому, своему кумиру, в Московский намерный музыкальный театр.

— Хочу поставить у вас в театре спектакль.

— Что раньше ставили?

— Ничего.

Наверное, пораженный такой наглостью, он разрешил ей попробовать свои силы. Это был Россини "Брачный венсель". Спектакль имел огромный успех и идет на сцене уже 25 лет. Ему аплодировала Франция, Греция, Италия, Бельгия.

Эта удача придала Ольге Тимофеевне смелость ставить спектакли в театрах России. Но как? Только в свой отпуск. На репетиции она отправлялась с матерью

и с ребенком в коляске. (Она родила троих детей.) К этому времени Ольга рассталась с первым мужем. Он был прекрасный музыкант, но исключал возможность творческого развития у своей жены. Ему казалось, что для женщины достаточно быть тапером в детском учреждении. Второй муж работал в ЦК КПСС, что заставляло недоброжелателей утверждать, будто Иванова пользуется его служебным положением и получает две зарплаты — одну в Министерстве, другую за спектакли. Ольгу Тимофеевну вызвал министр культуры Мелентьев:

— Вы должны выбрать: или карьера административная — начальник отдела музыкальных театров, или вы уходите на театральную работу.

Она выбрала театр.

— Поставьте оперу "Народовольцы", — сказал ей директор театра имени Станиславского и Немировича-Данченко и добавил: — Есть несколько кандидатур, в том числе и ваша.

Она готова была черта поставить. Но принесли клавиш — он оказался безнадежным. Пять композиторов дописывали оперу умершего автора.

— Нет, с этим ничего не получится. Может быть, что-нибудь другое?

— Надо обязательно советское.

С успехом, к удовольствию Щедрина, в творческом союзе с художником Сергеем Бархиным Ольга Тимофеевна поставила оперу "Не только любовь". Казалось, вопрос с ее кандидатурой решен. Но позвонил ей любимый и уважаемый Тихон Хренников.

— Я написал "Доротею". Хорошо бы поставить.

Ольга просмотрела клавиш и, не лукавя, сказала, что это оперетта, а не опера. Хренников же хотел ставить спектакль в оперном театре.

Когда Иванова вернулась с гастролей, место главного режиссера было занято, а в театре шла "Доротея". Ее зачислили в театр режиссером-постановщиком.

Время шло. Ей мало что давали ставить в Москве, но с удовольствием поручали работу в провинции. Главный режиссер Шароев, чувствуя в Ивановой конкурентку, надеялся, что женщина не выдержит бесконечных командировок (все же трое детей) и уйдет. Она не ушла и, с интересом пробуя себя в разных стилях, стремилась к малоизвестным операм: "Мария Стюарт" С.Слонимского, "Мятеж" Г.Корепанова стали "абсолютными" премьерными. Впервые в России Иванова поставила "Счастливый обман" Дж.Россини, "Пират" В.Беллини, "Возвышение и падение города Махагони" Б.Брехта-Н.Вайля. И когда встал вопрос о постановке в театре Станиславского и Немировича-Данченко драмы М.Мусоргского "Борис Годунов", там справедливо решили поручить нелегкое дело маленькой, упрямой и терпеливой женщине.

Возможно, это было самое возвышенное и трагическое время в жизни Ольги Тимофеевны. Она заболела (такой диагноз проносят шепотом), но продолжала работу над "Борисом Годуновым". Продолжала остервенело. Потом ей все же пришлось пере-

жить операцию и клиническую смерть...

"Борис Годунов", созданный Колобовым, Ивановой и Бархиным, появился на сцене.

Это была первая редакция оперы М.Мусоргского, не имевшая сценических традиций. Спектакль стал бестселлером музыкальных сезонов Москвы. Показывался за рубежом. Итальянская пресса назвала два основных качества этой работы: "редкая строгость" и "редкий блеск". И дальше: "Ослепительная режиссура Ольги Ивановой совершенно не похожа на всех "Борисов", которых мы видели огромное количество раньше". На основе созданного спектакля был снят фильм-опера, показанный на кинофестивале в Сан-Рафаэле (Франция). Именно тогда в театре Станиславского и Немировича-Данченко трем талантливым людям разных биографий и разных направлений удалось создать то, что немцы называют штосс-группой — ударной группой. Это были Ольга Иванова — режиссер-постановщик, Сергей Бархин — художник, и музыкант высочайшего класса — Евгений Колобов. Они не просто работали, они внесли в свое дело интонацию творческого братства, что было когда-то характерно для теннисевского и мамонтовского кружков. Если бы этот триумvirат задержался вместе, он бы прославил Россию, завоевал бы весь мир. Но этот альянс распался. Они были виноваты сами. Слишком много эмоций оназались у каждого. Все трое ушли из театра. В едином порыве. Как бы делать новое дело в разных местах. Эта история говорит еще

о том, что друзья — а они были довольно близки — познаются не обязательно в беде, но и на пике славы.

Мужчинам, как водится, повезло. У Колобова появилась "Новая опера". Бархина пригласили в Большой театр. Удел женщины был иной. Ольге Тимофеевне досталась провинция, Саратов. Она оставила в Москве трех повзрослевших и потому требующих особого глаза детей, мужа, искавшего обеспечение семье, и больную, не встававшую с постели мать.

Когда ей позвонил главный дирижер саратовского Государственного Академического театра оперы и балета имени Н.Чернышевского Юрий Леонидович Кочнев, с которым у нее в прошлом были удачные спектакли, и предложил место главного режиссера — она согласилась.

В Саратове ее не считали провинциальной. Санкт-Петербургская консерватория, Москва, знаменитые спектакли, преподаватель ГИТИСа, заслуженный деятель искусств России, глава международного Оперного Центра "Арт". Но и Саратов был не прост — интеллектуальная столица Поволжья, с театром, на сцене которого в 1866 итальянцы поставили вердиевского "Трубадура". И вот спустя сто с лишним лет Ольге Ивановой пришлось именно здесь ставить на итальянском языке эту таинственную с запутанным сюжетом оперу, в театре "рутинных форм, спектаклей старожил", где спасти любой спектакль способен был только дирижер Кочнев, чья влияние, кстати, символизируется поднятой выше обычного оркест-

ровой ямой. Ей удалось стряхнуть пыль с помпезных, траченных молью "оперных одежд". Справедливо отмечалось, что остроумно и ярко проявились на сцене и древность, и фантастика, и занимательность, и неожиданность. Все мизансцены, крупные построения основаны на том, как звучит музыка композитора.

Затем саратовский театр оперы и балета в постановке Ольги Ивановой показал народную драму М. Мусоргского "Хованщина". Спектакль имел несомненный успех. На премьеру даже приехал сам Борис Александрович Покровский.

Сама Ольга Тимофеевна считает, что в "Хованщине" она как режиссер поднялась на ступеньку выше. "Но, — говорит с горечью, — ни у меня, ни у Колобова на спектаклях не возникает того состояния, когда забываешься, погружаешься в музыку, в действие. Это значит — нет целостности спектакля, в чем нам когда-то так везло".

Работая в Саратове и получая приглашения в другие провинциальные театры, Иванова как бы "заглянула в лицо" русской провинции. "Трудно жить людям искусства. Но повального ухода из театров нет. Артисты хора, режиссеры, суфлеры, билетеры, закройщики — это "домовые" театра. Они все двигают, театр воспринимают как что-то святое. А экономически — они нищие. Внутренняя жизнь театров — провинциальных или столичных, в сущности одинакова: есть актер, который всем недоволен, есть певец, который готов с утра до вечера во всех спектаклях петь,

есть хороший зануда, который помнит все мизансцены лучше режиссера. Но никаких комплексов — "мы живем в провинции" — у актеров нет. Весь цикл постановки ведет певца к празднику-премьере. И где этот праздник, в Москве или Саратове, — неважно. Это праздник. А творческие достижения в провинции бывают, пусть поверят мне, знающей ее, чище, честнее, интереснее, более новаторскими, чем в Москве. Как говорила Гертруда Стайн, "можно не знать парижских знаменитостей и не считать себя безвестным"...

Пришло время вернуться в Москву. Семья не могла больше чувствовать своего одиночества, а дом пребывать в заброшенности. Да и она изжила боль происшедшего в столице. Чувствовала себя сильной. Все, что случилось с ней и ее творчеством — приняла. Но теперь иначе проявились равно превосходные составляющие ее Судьбы: долг перед детьми, восхищение ею и помощь ей умницы мужа, безмерное служение опере. "Я — рыцарь этой дамы", — любит повторять Ольга.

Москва не подарила ей театр, не вспомнила о ее заслугах, поэтому она заново впряглась в освоение столичного пространства. Вернулась к сочинительству. Когда-то Иванова сделала оригинальные постановки "Среди шумного бала" по романсам Чайковского, моноспектакль "Дорога" — с Дмитрием Хворостовским. Следуя направлению эмоциональной и смысловой остроты, она ставит в Храме Странноприимного дома графа Шереметьева спектакль "Верую": духовная музыка русских композиторов XVIII-XIX веков. По-

том следует постановка в Оперном доме в Царицыне. Директор, человек просвещенный, ребячески волновался: "Я так завидовал Останкино — там поют оперу, а у меня ее нет".

Ольга Иванова хочет иметь еще одну площадку для СВОЕГО ТЕАТРА. Это не оговорка — именно для своего театра. Она его создала, вернувшись в Москву. Вернее, она и Маргарита Эскина, директор Дома актеров. Творческая атмосфера в Доме актеров ко многому поощряет. Приходишь — предлагаешь. Прикидывают — может, и не надо. Но если очень настаиваешь, дают шанс. У Эскиной было уже два театра: драматический "Антерский дом" и "Дебют". Но опера?! Об этом не помышлялось. Ольга Тимофеевна в честь пушкинского юбилея в гостиной Дома актеров показала оперу Римского-Корсакова "Моцарт и Сальери". Небольшой комнатный интерьер, полумрак, свечи. Светлым лучом вспыхнул образ Моцарта (Смонтуновский: "Моцарт — сам свет"). Тяжел и темен облик Сальери. Это омут зависти. Что с того, что он благополучен — в должностях, наградах, стучит прямо в сердце медаль императора на золотой цепи? Он завидует тому, что ему неподвластно, чем награждает Бог — Гениальности. Оттого интригуя, мешая своему ученику Бетховену в издательских делах, другого ученика, большого, ничего "короля песен" Шуберта, лишает скромного места учителя музыки, оттого убивает Моцарта. В маленьком зале прошелестели крылья успеха...

Маргарита Эскина предложила показать цикл намерных

опер. Так открылся на старой музыкальной улице самый молодой и самый намерный театр в Москве "Арбат-опера". Впервые в жизни Ольги Тимофеевны — ее собственный театр.

"Арбат-опера" работает по принципу антрепризы и приглашает для участия в своих спектаклях солистов других московских театров. Но уже есть актив постоянный. Это театр бенефисов, театр для актера. Все спектакли принципиально идут на русском языке. В репертуаре "Арбат-оперы" популярные и несправедливо забытые намерные сочинения великих мастеров: "Служанка-госпожа" Перголези, "Кофейная кантата" Баха, "Нолокольчик" Доницетти, "Человеческий голос" Франсиса Пуленна и "Моцарт и Сальери" Римского-Корсакова. Теперь приготовлен меломанам сюрприз — впервые в России представлена комическая опера Джоаккино Россини "Синьор Брускино". Премьера ее состоялась в 1813 году в Венеции во время карнавала и увенчалась скандалом. В увертюре публике пришлось слушать постукивание смычков о жестяные абажуры пультов — это чудачество было задумано автором и вписано в партитуру. И дальше все звучало непривычно для ушей современников — Россини отходил от канонов XVIII века. Но именно в этой опере впервые был найден тот стиль, который впоследствии достиг расцвета в "Севильском цирюльнике". У Ольги Ивановой по-новому зазвучала тема оперы, получившая отражение в новом названии: "Синьор Брускино или "Отцы и детки".

Театр "Арбат-опера" уже приглашают на гастроли по России и

за рубеж. Но Ольга Тимофеевна считает, что еще нет полной готовности: финансы следует укрепить, нет декораций, костюмов.

Но об этом она не любит говорить, а много говорит об актерах. С годами у нее проснулся неподдельный интерес к личности актера. Она ждет от них сюрпризов, считает, что современные молодые певцы совсем иные. Прежние относились к себе культово: "Я — голос", "Я — пою", "Я — центр вселенной", "Режиссер и прочие работают на меня". Сегодняшние молодые — увлеченный народ, любят театр, а не себя в нем. Они всесторонне образованы, это и певцы, и поэты, и музыканты. Например, автором текста в "Кофейной кантате" стал весь актерский коллектив. Финал сочинил дирижер Игорь Сукачев. А оду кофее, напитоку новому во времена Баха, — тенор Валентин Дубовский. Кстати, именно Дубовский пел Моцарта. Ольга Тимофеевна, стремящаяся к совершенству, ищет "попадания" певца-актера в роль. Дубовский внешне похож на Моцарта: тонок, молод, одухотворен. Он закончил Московскую консерваторию по классу вокала, композитор, автор четырех опер, нескольких симфоний, кантат, ро-

мансов. А перед консерваторией закончил математически факультет МГУ и имеет научные работы. Вот такие сейчас молодые певцы. И в Москве, и на периферии. Иванова называет Владимира Ермакова из Нижнего Новгорода, Елену Новак, ученицу Зары Долухановой, школу Ирины Масленниковой, Ольгу Бурякову, Машу Гаврилову. А еще — Сергея Байнова, Татьяну Яценко... Теперь она уверенно считает, что хорошо понимает современную молодежь, ее мир. "Иначе зачем бы я создавала свой молодой театр, мучилась над тем, во что выльется эта затея? Возможно, в элитарный, сложный театр, или в лабораторию в 20 человек..."

"Хорошо, что она обратилась к камерной опере. В наших нищих условиях это легче. И более женское дело", — говорят одни.

"Она никого не обманывает и не собирается доказывать, что может поставить "Аиду" в одной комнате. Но ее любовь к хорам, массовым сценам, мощным крупным построениям предполагает иное", — говорят другие.

Быть может, расступятся генеральные мужчины и однажды предложат коллеге-женщине сцену Большого театра?.. ■

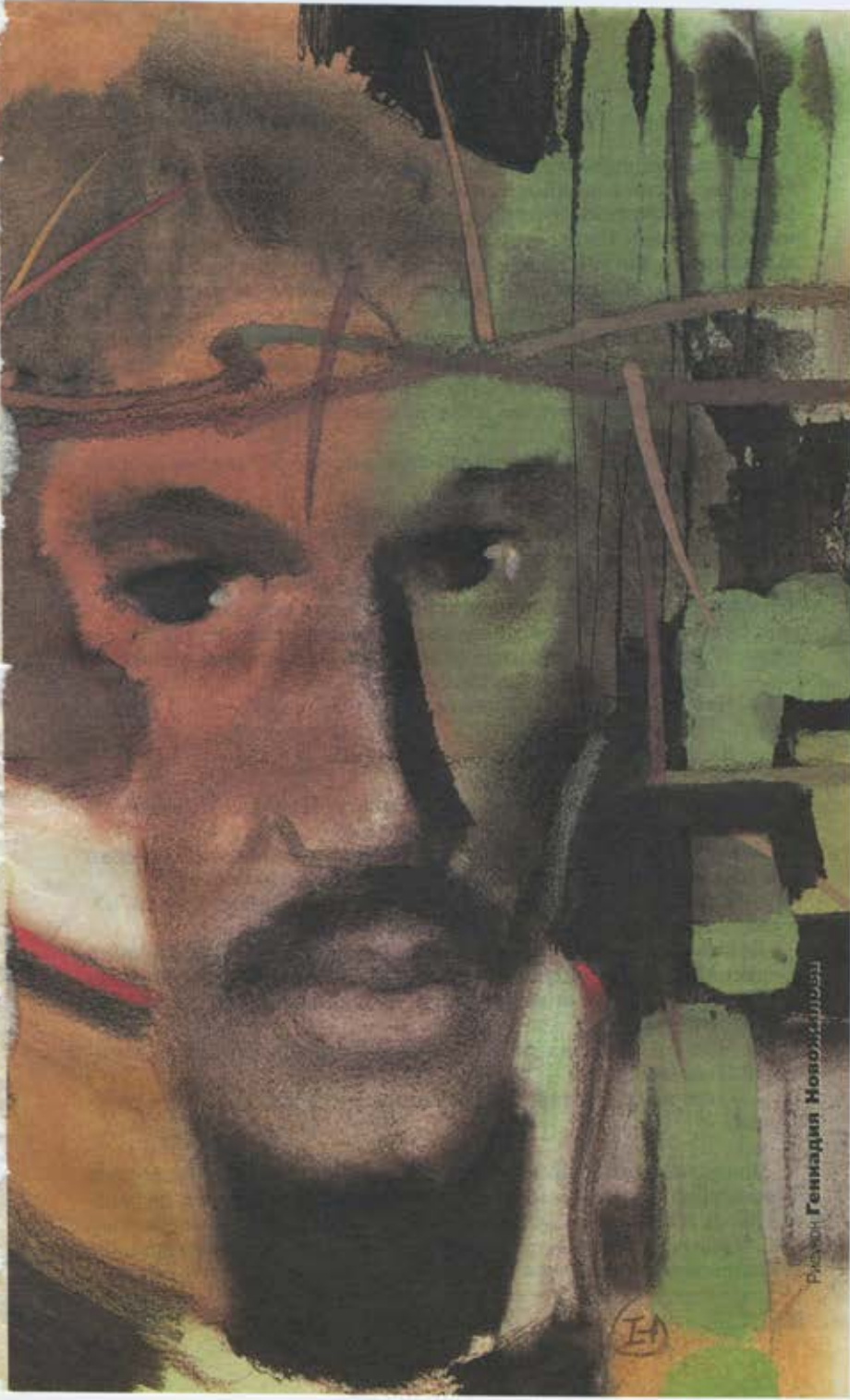
Гражданин ВСЕЛЕННОЙ

Любовь РУСЕВА

*“Нет лучшего поприща, —
как поприще свободы,
Нет лучшего служения, —
как служение человечеству.
Нет лучшего титула, —
как гражданин Вселенной”.*

М.С. Лунин

— Ты ли это, Михаил Сергеевич?! — воскликнул князь Волконский.

Князь был поражен невиданной дерзостью друга. Несколько лет назад Лунин, покинув службу, уехал во Францию, где перешел в католичество. Этот поступок вызвал негодование родственников и друзей. Император Александр I был взбешен и, как чрезвычайно верующий, не мог простить вероотступничества.

Лунин, не испрашивая особого разрешения из столицы, неожиданно для всех вернулся в Россию и сразу отправился в Зимний дворец к князю Волконскому, который там жил. При виде Михаила Сергеевича Петр Михайлович остолбенел.

— Бог с тобой, что ты делаешь?! Ради прежних наших отношений, убирайся туда, откуда явился, пока тебя никто не видел, а я тебя не выдам.

— Нет, пойдите и доложите государю, что Лунин вернулся и просится в службу.

— Сумасшедший! Да разве ты не знаешь, что тебя ожидает?

— Это не ваше дело, а если не хотите докладывать, то я доложу через дежурного генерал-адъютанта.

Делать нечего. Князь отправился докладывать, рассчитывая, что в случае, если дело примет дурной оборот, ему легче, чем другим, будет помочь товарищу своим заступничеством. Войдя к государю, Волконский, чрезвычайно волнуясь и запинаясь, произнес:

— Ваше величество, Лунин...

— Что такое Лунин? — резко обернулся император к вошедшему. — Да говори же!..

— Ваше величество, Лунин воротился...

— Как?! Где он?

— Здесь, во дворце, у меня в кабинете. Приехал проситься в службу.

Александр I подошел к князю, с минуту постоял против него в недоумении, потом прошелся несколько раз по кабинету.

— Хорошо, только в армию и тем же чином... В те войска, которые находятся под начальством Константина.

Лунин согласился на все условия и отправился в Гродненский гусарский полк, стоявший в Варшаве. Перед отъездом Михаил Сергеевич, одетый в новый мундир, случайно встретился на улице с императором.

— Что же, ты доволен? — хмурясь, поинтересовался Александр Павлович.

— Еще, ваше величество, две такие милости, и я буду будочником.

Подполковник лейб-гвардии гренадерского полка, декабрист Михаил Сергеевич Лунин родился в 1783 году. Выходец из богатой дворянской семьи, он получил блестящее домашнее образование. С раннего детства его окружали иностранцы-гувернеры. Он свободно говорил на нескольких языках, прекрасно владел ору-

жием, был хорошим танцором и наездником, имел безукоризненные светские манеры, не боялся открыто высказывать свое мнение. Начав службу в кавалергардском полку, он прославился не только своим независимым характером и любезностью, но и забавными выходками на пару со своим полковым командиром великим князем Константином Павловичем. Рассказы о его острогах и смелых выходках передавались из уст в уста.

Михаил Сергеевич считался очень красивым мужчиной — сухощавый, высокий, чрезвычайно стройный. На его продолговатом лице особенно выделялись большие, неопределенного цвета глаза. В их лучистом взгляде была какая-то притягательная сила. Во всем его существе, в осанке, в разговоре сквозили благородство и искренность.

Условия великосветской жизни выработали в молодом человеке недоверчивое и насмешливое отношение к людям его среды, и его пылкая мечтательная натура скрывалась под личиной скептицизма и сарказма. “Лунин резко отличался от всех едким умом и веселым характером. Никогда не унывал, жил как бы шутя, — писал в воспоминаниях князь Леонид Федорович Львов. — Будучи воспитан иезуитами, он был высокого образования и учености, и в его характере сохранилось тонкое обращение с людьми без всякой изысканности”.

Михаил Сергеевич, не терпевший лжи, говорил правду и откровенно высказывал свои мысли не только друзьям, но и любому, невзирая на лица. В вопросах чести он был чрезвычайно щепетилен. В первые годы своей службы, еще совсем молодым офицером, Лунин принял вызов своего командира — великого князя. Как-то во время учения Константин Павлович в бешенстве бросился с поднятым палашем на поручика Кошкуля. Тот отбил удар и вышиб палаш из рук цесаревича.

— Не извольте горячиться!

Великий князь в гневе покинул плац, учение было прервано. Все офицеры его корпуса сочли себя оскорбленными и подали в отставку. Через несколько часов после инцидента за Кошкулем приехал адъютант цесаревича и повез его во дворец. Все, в том числе и поручик, ожидали суда и приговора, но Константин Павлович встретил офицера с распростертыми объятиями.

— Спасибо, брат! Благодарю тебя за спасение моей чести.

Чтобы успокоить общее возмущение, великий князь на следующее утро на смотре принес извинения офицерам кирасирской бригады.

— Ваши отставки приняты быть не могут. Я сознаю свою неправоту и прошу меня простить. А кому этого мало, я готов дать личное удовлетворение каждому, кто пожелает.

Офицеры сочли себя удовлетворенными и забрали заявления. Но тут из строя выехал молодой красавец Лунин.

— Ваше высочество изволили сейчас предложить личное удовлетворение, позвольте же мне воспользоваться такой честью.

— Ну, брат, для этого ты еще слишком молод!

Впоследствии Константин Павлович чрезвычайно тепло относился к этому честному и прямому офицеру, но дерзость Лунина не простил царь.

Частенько доставалось от острого языка Лунина его непосредственному командиру полка добродушному генералу Допрерадовичу. Любой промах или нелепость вызывали немедленную реакцию подчиненного офицера. Шутки Михаила Сергеевича моментально разносились по всему Петербургу. Как-то на учении генерал обратился к нему:

— Штабс-ротмистр Лунин, вы спите?

— Виноват, ваше превосходительство, спал и видел во сне, что вы бредите.

Судьба хранила этого человека не только в дуэлях, хотя он на них неоднократно был ранен. Кавалергард Лунин участвовал в знаменитом аустерлицком сражении, когда цвет русской армии почти весь был уничтожен. Полученные им здесь раны всю жизнь давали о себе знать. Михаил Сергеевич являлся ординарцем императора Александра I в достопамятную ночь после переправы через Неман. Одно время он носился с мыслью убить Наполеона, чтобы избавить Россию от опасности.

После возвращения гвардии из заграничного похода Лунина ожидало производство в полковники, которое почему-то затягивалось. Михаил Сергеевич впал в немилость за смелые и публичные осуждения французского правительства Людовика XVIII, казнившего, вопреки капитуляции, Нея и Лабефайера. Видя, что время идет, а он и его офицеры не получают производства, Лунин обратился к начальнику главного штаба князю Волконскому, чьим расположением пользовался.

— Петр Михайлович, отчего ни я, ни мои товарищи не получают производства?

— Все из-за тебя, мой друг. Государь не хочет произвести Лунина, а обойти его нет формального повода. Ты аттестуешься хорошим по службе. Поэтому, если не хочешь вредить товарищам, задерживать и их производства, выходи в отставку.

Боевой офицер любил службу, и сидеть без дела этому энергичному человеку было равносильно смерти. Но Михаил Сергеевич не хотел вредить своим товарищам. Он написал князю Волконскому, что, не находя причин, оправдывающих прошение об отставке, не может соблюсти обычной формы для оставления службы, и потому решает уехать во Францию, но требует не считать себя беглецом, так как делает этот шаг не добровольно, а вынужденный нежеланием вредить другим.

Александр I доложили, что кавалергардский подполковник Лунин желает выйти в отставку.

— Это самое лучшее, что он может сделать.

— Он просит позволения ехать за границу.

— Позволяю. С Богом!

Михаил Сергеевич отправился в Париж вместе с перешедшим в русскую гвардию французом Ипполитом Оже, с которым очень сдружился. Осенью 1816 года Луинин прибыл в столицу мира, где за неимением средств вынужден был поселиться в мансарде с пятью французскими тружениками. Отец, рассерженный его выходкой, категорически отказался высылать какое-либо содержание. Михаил Сергеевич принялся искать себе заработок сам. Помогли блестящее знание европейских языков и широкая образованность. Он успешно занимался адвокатурой и под именем *Mr Michel* я сделался ходатаем по делам богатых англичан, в большом количестве проживавших в то время в Париже. Несмотря на неплохой заработок, Михаил Сергеевич, тем не менее, не имел возможности нанять отдельную квартиру и продолжал жить в мансарде.

Здесь он прошел, что называется, школу коммуны. На всю их веселую, но бедную компанию (шесть человек) было два зонтика, два плаща и столько же пар галош. Для удобства пользования этими необходимыми вещами друзья разделились на пары, каждая из которых строго соблюдала свою очередь. Соблюдалась очередь и на пользование единственным письменным столиком.

Когда Луинину удалось скопить на черный день целых 50 франков, он считал себя Крезом. По его собственным словам, он ценил эти крохи больше, чем когда при других обстоятельствах жизни имел по временам в запасе до 80 тысяч рублей.

Михаил Сергеевич свел в Париже знакомства с различными людьми. Здесь он сдружился с Сен-Симоном, который заинтересовался русским офицером. Луинин задумал писать роман из эпохи Самозванцев, отрывки из которого привели в восторг французских писателей, прочивших ему блестящее будущее. Он вращался и в консервативных салонах, и в республиканских кружках. Дружил с писателями и художниками, с католическим духовенством и революционерами. В Париже Луинин увлекся тайными обществами Франции и перешел в католицизм.

В то время в высшем свете вошло в моду неверие, но душа Михаила Сергеевича стремилась ко всему прекрасному. Он не мог отказаться от евангелистской проповеди и не раз высказывал убеждение, что неверие нелепее всякой нелепой религии. Русское духовенство его отталкивало своей грубостью и невежеством. Встретив умных, образованных и опытных в деле проповеди католических священников, Луинин был ими увлечен и попал под их влияние. Особенно подействовало на него знакомство с иезуитом Гравеном, которого выслали из России за обращение в католицизм княгини Голицыной, и аббатом Тиерна. За переход в католицизм, то есть вероотступничество, его горько упрекали сородичи. Но право на свободу, в том числе свободу вероисповедания, для Михаила Сергеевича было незыблемым.

Все это, в конечном итоге, определило и развило его нравственный облик. "Для меня открыта только одна карьера — свобо-

ды. Я не могу схоронить свои способности в какой-нибудь канцелярии из-за чинов и звезд, я не могу, ничего не делая, получать большое жалование и, ублажая своего начальника, только и думать, как бы спихнуть его и самому усесться на его место. От такого существования я задохнусь, и это будет справедливым возмездием за поругание духа... Избыток сил задушит меня. Нет, нет! Мне нужна свобода мысли, свобода воли, свобода действий. Я не могу быть в зависимости от своего официального положения, я хочу приносить пользу людям так, как мне внушают это разум и сердце. Гражданин Вселенной — лучше этого титула нет на свете”.

Однажды, возвращаясь с работы, Лунин увидел на крыльце всех обитателей мансарды, которые с нетерпением ожидали его. Завидев *mr Michel*'я, они бросились ему навстречу и, волнуясь, энергично жестикулируя и перебивая друг друга, загалдели.

— *Mr Michel, mr Michel!* У вас был и оставил визитную карточку господин Лафит!

— Это, *mr Michel*, первейший банкир Парижа!

— Он главнейший депутат, вождь...

Лунина моментально пронзила печальная догадка о причине этого неожиданного и загадочного визита. Он не стал делиться ею со своими друзьями, а объяснил визит какими-то делами одного из своих клиентов, богатого англичанина, с банкирским домом Лафит. Михаил Сергеевич немедленно отправился по адресу, указанному в визитной карточке, но было уже поздно и банкирские конторы оказались закрытыми. Лунин отправился прямо во дворец Лафита. Хозяин немедленно принял его и подтвердил печальную догадку. Он сообщил, что петербургский банкир Ливин получил на имя Лунина извещение о внезапной смерти его отца и о том, что Михаил Сергеевич наследовал имение с ежегодным доходом в 200 000 рублей, причем банкир Ливин открывал ему кредит в 200 000 франков. Лафит любезно предложил сейчас же ссудить Михаилу Сергеевичу 20 000 франков.

Получив деньги, Лунин на славу угостил и чрезвычайно щедро одарил своих случайных товарищей, деливших с ним трудные дни, а также свою квартирную хозяйку. Не теряя времени, он возвратился в Россию и тотчас отправился в Зимний дворец к князю Волконскому.

В Петербурге Лунина сразу же захватило политическое брожение, и он стал одним из тех, кто основал “Союз Благоденствия”. Михаил Сергеевич являлся деятельным членом и “Союза Спасения”. Своей решительностью и энергичностью он приобрел большое влияние среди офицерской молодежи. Его резкие суждения и выводы толкали остальных товарищей на политическую борьбу.

На основе “Союза Благоденствия” в 1821 году образовалось “Северное общество” во главе с Никитой Муравьевым и “Южное общество” во главе с Пестелем. Вначале Лунин был членом первого, но в Варшаве перешел в более решительное общество Пестеля.

Михаил Сергеевич не участвовал в восстании декабристов. 14 декабря 1825 года, когда произошли события на Сенатской площади, он служил в Варшаве. Тем не менее над его головой собралась гроза. Многие арестованные участники восстания во время допросов упоминали его имя. Лунина хотели сразу же арестовать, чему воспротивился его начальник — великий князь. Константин Павлович, любивший Михаила Сергеевича, всячески старался спасти своего подчиненного и неоднократно писал личному секретарю Николая I Опочинину, прося за него. Тот передавал письма государю, и Николай делал на них свои пометки.

Требования арестовать Лунина и переслать его в Петербург заставили цесаревича написать напрямую своему царственному брату: “Статья могла, что он, находясь в неудовольствии противу правительства, мог что-либо насчет онаго говорить, как сие случается не с одним им; даже его Императорское Величество изволит припомнить, что мы иногда сами между собой, сгоряча, не одумавшись, бывали в подобных случаях не всегда в речах умеренными, но это еще не означает какого-либо вредного намерения. Винить его в том, что он знал о тайном обществе и не донес тогда правительству, хотя можно, но должно принять в соображение и то, что в оное, как теперь открылось, столько входило двоюродных и троюродных братьев и других родственников его”.

Могло ли это письмо убедить царя в безобидности “заблуждений” и речей Михаила Сергеевича, если на допросах арестованные свидетельствовали обратное? Пестель, например, заявил, что еще в 1817 году Лунин говорил, что если в случае начала открытых действий члены общества решатся на убийство императора, то можно будет для этого выслать на царскосельскую дорогу несколько человек в масках. Позже Лунин признался, что говорил это между прочим. Матвей Муравьев показал, что Пестель хотел набрать из молодых и отчаянных людей так называемый *cohorte perdue* (обреченный на гибель отряд), другими словами, смертников. Возглавить отряд, по мнению руководителя “Южно-го общества”, должен был Лунин. Пестель в этом не сознался.

Убедившись, что опасения его не напрасны, великий князь Константин Павлович уговаривал Лунина бежать за границу, но Михаил Сергеевич наотрез отказался воспользоваться этой возможностью. Он не мог не разделить тяжелой участи своих товарищей и не хотел, чтобы его политические воззрения считали заблуждением, чем-то наносным. Лунин доказывал, что его убеждения — не увлечения молодости, случайно навеянные чужим примером, не временное заблуждение, от которого легко отказаться, они — непоколебимы, неотъемлемы ни судом, ни казнью.

В Петербурге на очной ставке Лунин убедился, что его выдали. Запирательство было бессмысленным.

— Я слишком уважаю честь этих господ, чтобы дать им опровержение, что же касается до подробностей, которые они сочли

нужным вам передать, я их не помню, может, они и в самом деле были.

Во время следствия в полной мере проявилась благородная душа этого человека. Не в пример другим, он никого не выдал, никого не назвал, никого не обвинял. Вел себя Лунин чрезвычайно дерзко, был тверд и резок. Вместо оправданий члены комиссии вынуждены были выслушивать обвинения в свой адрес и в адрес правительства. Михаил Сергеевич превратил свои допросы в проповедь своих воззрений. Лично знакомый с большинством членов следственной комиссии, он дал волю своему острому языку и напомнил каждому многие их темные деяния. Этим отчасти объясняется строгость наказания, к которому его приговорили.

По манифесту 1 июня 1826 года Лунин был предан верховному уголовному суду. Следственная комиссия причислила его к государственному преступникам 2-го разряда и обвинила в том, что он 1) участвовал в умысле цареубийства согласием; 2) в умысле бунта принятием в Тайное общество членов и 3) в заведении литографии для издания сочинений общества.

Суд присудил его к лишению всех прав состояния и пожизненной ссылке в Сибирь: на 15 лет в каторгу, а потом на поселение.

Все осужденные были разделены на 12 разрядов по степени виновности. Для выслушивания приговора каждый разряд вводился по очереди. Судьи расположились за столами, вдоль трех стен зала. В середине сидел митрополит с несколькими архиереями, по правую сторону — генералы, по левую — сенаторы. Посреди зала стоял обер-прокурор сената Журавлев и громким внятным голосом читал сентенции. Церемония длилась несколько часов среди глубочайшего напряженного молчания. Когда Журавлев, читая приговор Лунина, произнес с особой торжественностью и ударением последние слова: "На поселение в Сибирь навечно!", Михаил Сергеевич выступил немного вперед, на ходу подтягивая по привычке одежду и, оборачиваясь к присутствию, сказал:

— Хороша вечность! Мне уже около 50 лет от роду.

До отправления в Сибирь он сидел в темном и сыром каземате Выборгской тюрьмы. Со стен и потолка постоянно капала вода. Когда генерал-губернатор Закревский посетил арестантов, он заинтересовался у Лунина:

— Не желаете ли заявить какой-либо претензии?

— О, нет! Я всем вполне доволен. Только вот разве что не хватает зонтика.

Здесь он просидел почти три года и потерял все зубы, кроме одного. Как всегда, и это обстоятельство он обратил в шутку. Встретившись с товарищами в Сибири, Лунин, показав им беззубый рот, проговорил:

— Вот, дети мои, у меня остался только один зуб против правительства.

В Читу Михаила Сергеевича привезли в конце 1829 года. В начале его, как и других декабристов, поместили на Нерченских заводах, потом перевели на Петровский. Первые годы Лунин думал о побеге. Но и здесь он не утрачивал бодрости и веселости, и здесь он развлекал товарищей своими шутками и остротами, которые передавались из уст в уста. Михаил Сергеевич был гораздо старше многих декабристов и в часы отдыха скрашивал время друзей различными воспоминаниями.

Когда острог в Петровском отстроили, декабристов перевели туда. По дороге Лунин очень страдал от полученных под Аустерлицем ран и даже на остановках не выходил из повозки.

Декабристов поселили в кельи с маленькими окошечками, сквозь которые свет так слабо пробивался, что читать не было возможности. Лунина же поселили в келью № 1 — совершенно без отверстия для света. У задней стены кельи на помосте за занавесью стояло большое распятие, присланное Лунину еще в Читу из Рима, где оно было освящено Папой.

Срок каторжных работ истекал в конце 1835 года. 4 июля 1836 года Лунин вместе с девятью товарищами был водворен в слободе Урике, в 18 верстах от Иркутска, а затем в Аёк. Здесь он жил большим оригиналом. Изба его стояла посреди двора, обнесенного высоким забором. Она разделялась на две половины: в одной он жил, а в другой устроил католическую молельню со всеми атрибутами. Ревностный католик, он здесь ежедневно прочитывал свой требник, а раз в неделю из Иркутска к нему приезжал капеллан исполнять церковную службу.

В услужении у Михаила Сергеевича находился только один старик Антипыч, бывший вахмистр кавалергардского полка, которого он величал своим комендантом. Антипычу Лунин приказал никому ворот не отворять и никого не впускать без предварительного доклада.

Крестьяне селения чрезвычайно уважали Михаила Сергеевича и испытывали к нему полное доверие. Они постоянно обращались к нему за советами, а в случае ссор Лунину приходилось выступать в роли третейского судьи. Михаил Сергеевич чрезвычайно любил детишек и, несмотря на занятость, находил время и удовольствие возиться с ними, обучать грамоте. Вообще, в деревне он оставил добрую память о себе своими делами.

Ни арест, ни следствие, ни заключение, ни ссылка не изменили этого человека. Лунин был очень дружен с сестрой, с которой постоянно переписывался. Благодаря ей он никогда не нуждался в деньгах. Его письма к сестре были наполнены резкими нападками на правительство. Они тайно расходились по Петербургу. Михаил Сергеевич знал, что его письма читает III Отделение, но ему нравилось «дразнить медведя».

После очередного лунинского послания, содержащего чрезвычайно резкие выражения в адрес императора, терпение Николая Павловича лопнуло. Бенкендорф сообщил иркутскому генерал-

губернатору Руперу высочайшее соизволение государя: объявить Лунину, что ему запрещается в течение года писать письма.

Рупер послал за Луниным. Тот прибыл, когда генерал-губернатор в своем кабинете обсуждал служебные дела с князем Львовым.

— Ваше высокопревосходительство, Лунина привезли.

— Прошу обождать, я занят.

Спустя десять минут в кабинет снова вошел адъютант.

— Ваше высокопревосходительство, Лунин ожидать не хочет и поручил передать вам, что вы во власти и вправе за ним прислать и требовать его к допросу двадцать пять раз на день, но ожидать в приемной он не желает.

— Вот так всегда, — обратился генерал к князю, — а ведь умный, очень умный человек! Просите!

Вошел Лунин. Генерал-губернатор, показывая доставленную бумагу Бенкендорфа, обратился к сосланному.

— С сожалением, Михаил Сергеевич, мне приходится вам сообщить, что ваши письма опять навлекли негодование государя. Вот отношение шефа корпуса жандармов, которым запрещается вам писать письма в течение года.

— Хорошо-с, писать не буду!

— Так потрудитесь прочесть и подписать эту подписку.

Рупер протянул заготовленный лист бумаги, на котором было написано отношение графа Бенкендорфа и обычное изложение подписки. Посмотрев на бумагу, Лунин сказал со свойственной ему улыбкой:

— Что-то много написано! А! Я читать не буду. Мне запрещено писать? Не буду!

Лунин перечеркнул весь лист, перевернул его и на обороте написал: "Государственный преступник Лунин дает слово целый год не писать".

— Вам этого достаточно, ваше высокопревосходительство? А читать такие грамоты, право, лишнее. Ведь это чушь! Я больше не нужен. — Поклонился и вышел.

Не прошло и года — новая гроза. Михаил Сергеевич написал критику на донесения следственной комиссии по делу декабристов. В ней он утверждал, что суда вовсе не было, выставил в неблагоприятном свете действия отдельных членов да и само следствие обрисовал пристрастным и недобросовестным. Сестра Лунина почему-то отослала рукопись в Лондон, где она и была напечатана. Ждать последствия этого долго не пришлось. Понимая, что на этот раз кара неизбежна, Лунин стал раздавать свои личные вещи друзьям — в память о себе.

В начале 1841 года (на страстной неделе) в ночь с четверга на пятницу из Петербурга прибыл фельдъегерь с бумагой от Бенкендорфа. Это было высочайшее повеление вывезти Лунина в Акатувский рудник — самый отдаленный рудник Нерчинских заводов. Генерал-губернатор распорядился немедленно арестовать

Лунина и послал за ним полицеймейстера города Иркутска, жандармского офицера, чиновника особых поручений и двух жандармов. Они приехали в Аёк в два часа ночи и стали стучать в запертые ворота. В ответ слышали недовольный голос Антипыча.

— Барин спит и не приказал будить его. Он очень устал на охоте.

Переговоры с упрямым комендантом ни к чему не привели, ему было глубоко наплевать на высокие чины и их важную государственную миссию. Делать нечего. Жандармы перелезли через забор, открыли ворота и приезжие вошли в избу, где действительно нашли Лунина спящим.

— Господин Лунин, вставайте и оденьтесь побыстрее, — стал будить его полицейский, — мы приехали вас арестовать.

— Вы меня извините, господа, — хладнокровно ответил хозяин, — я так изнурился на охоте, что дайте мне выспаться, а там везите, куда хотите.

— Это невозможно, господин Лунин, — возразил полицеймейстер, — нельзя терять времени, надо ехать.

— Так хоть чаем угости незваных гостей, — крикнул Михаил Сергеевич Антипычу. — Вы извините, у меня кроме кирпичного другого нет. Да похвастай, Антипыч, козю, что я сегодня убил.

Чиновник заметил, что на стене висят ружья, посоветовал полицеймейстеру их убрать. Тот передал Лунину требование чиновника, на что Михаил Сергеевич ответил:

— Да, конечно, конечно, надо убрать. Ружья вещь страшная... Ведь эти господа привыкли к палкам!

Вся деревня сбежалась провожать любимого барина. Прощаясь, крестьяне плакали, бежали за телегой и кричали вслед:

— Да помилует тебя Бог, Михаил Сергеевич! Бог даст — вернешься! Мы будем оберегать твой дом! За тебя молиться будем!

Местность, где находился рудник Акатуй, была до того гнилой, что не только наводила жестокую грусть, но и убивала ссыльных. Люди здесь вообще не жили. Сам рудник был не богатый и считался одним из самых тяжелых: ссыльные здесь работали в шахтах, прикованные к тачкам, лопатам или к чему-нибудь другому.

Но Михаил Сергеевич и здесь, в чрезвычайно нездоровой местности, среди самой печальной обстановки умел жить не унывая. Только за год до смерти он резко изменился, сделался молчаливым и стал скучать. Он ожидал, что его расстреляют, и мысль эта не давала покоя. Умер Лунин 8 декабря 1845 года от горячки. По другим сведениям он скоропостижно скончался во время сна от разрыва сердца.

Последним его видел живым сенатор Толстой, объезжавший Восточную Сибирь. Когда он вошел к Лунину с видом светского человека, тот ему сказал:

— Позвольте мне принять вас в моем гробу.

Похоронили Михаила Сергеевича Лунина на Акатуевском кладбище. ■

**Борис
ЩЕРБАКОВ:**

Ленинградский мечтатель, живший у Финского залива, сын шофера и работницы режимного завода Боря Щербанов — так и не стал моряком. Но несбывшаяся мечта детства ничуть не огорчала... Говорят, вторая любовь — настоящая. Любовь к кинематографу и театру стала не просто реализацией мечты, а превратилась в образ жизни, без которого уже никак нельзя актеру.

Сегодня его иногда сравнивают с Робертом Рэдфордом. Действительно, внешний типаж почти один к одному: оба светловолосые, голубоглазые, с безупречной белозубой улыбкой. Темпераментны, обаятельны и сексуальны. Оба — воплощение тайной и заветной женской мечты, олицетворяют весь набор качеств настоящего мужчины.

Борис Щербанов в молодости снимался в ролях передовых современников советской эпохи. Рабочие, шоферы, спортсмены, пограничники, солдаты и офицеры Советской армии — в мелодрамах, в картинах о спорте и воинской службе, в производственных сюжетах... Фактически, от роли к роли мелькал один и тот же герой, доминировал в общем-то один человеческий характер:

энергичный, напористый, волевой, правильный, ни в чем не сомневающийся...

Первый герой со сложными взаимоотношениями с жизнью появился у Бориса Щербанова в кинофильме Алова и Наумова "Берег". Роль Вадима Никитина долгое время стояла особняком среди сыгранных ранее неуязвимых героев-победителей. Потом снялся в детektивах: "Воры в законе", "Криминальный квартал"...

И вот появился неотразимый жених из Майами. Образ сенсационного, потаенно сидевший в символах, "советских героях" Щербанова, наконец, вырвался наружу. И пошла пляска любвеобильных забавных сердцеедов в комедиях режиссера Анатолия Эйрамджана...

Он сыграл в кино более семи-десяти ролей, но выделяет из них только четыре: Вадима Никитина в "Береге", оперативника угро Сараева в "Криминальном квартете", Михаила в "Десять лет без права перелетов" и русского америнанца в "Женихе из Майами".

К театральным работам отношение менее критичное, чем к кинематографическим. Репертуар МХАТа в большей степени способствовал реализации таланта актера. Бывало, играл по

“Чувствую себя ровесником сына”

двадцать спектаклей в месяц, а бывало, один-два...

— Борис Васильевич, согласно библейскому выражению, у вас, по всей вероятности, настает время собирать камни, то есть время подводить некоторые итоги...

— Ну уж и подводить итоги... Хочется еще чем-то поразить своего зрителя. А потом, 53 года не такой уж и возраст! Знаете, я как-то видел телевизионную передачу об одной американке, всю жизнь прожившей в экологически неблагоприятном городе Нью-Йорке, и дожила она до 100 лет. И видели бы, как столетняя бабулька плясала, поднимая ноги кверху!.. А когда ее спросили, как вы добились этого, ответила: "Надо уметь в жизни веселиться и радоваться. Я всегда чувствовала себя шестнадцатилетней".

— А вы?

— А я чувствую себя ровесником своего сына Василия!

— Так вот почему вы сменили сегодня амплу серьезного человека на комедийный жанр?

— В этом заслуга режиссера Анатолия Николаевича Эйрамджана. Именно он открыл во мне

"комедийную сторону", пригласив на роль русского американца в фильме "Жених из Майами". Отсюда и началась моя "комедийная эпоха". У Эйрамджана я снялся в пяти картинах, последняя — "Ультиматум".

— Это в кино. А в театре у вас как раз наоборот. Последний премьерный спектакль "И свет во тьме светит" по одноименной автобиографической пьесе Льва Толстого — трагедия человеческой души.

— Да, действительно. Именно после написания четырех из пяти актов этой незаконченной пьесы, Лев Николаевич ушел из дома и семьи. Это произведение Толстого считается самым противоречивым и трагическим. Главный герой — Николай Сарынцов — уже немолодой человек, глава многодетного семейства, вдруг приходит к парадоксальным выводам и сомнениям в истинной сущности жизни. Его духовные поиски раздражают всех, а более всего встречают непонимание со стороны близких, жены...

Все довольно серьезно и даже трагично. И хотя такие спектакли, на мой взгляд, не делают сегодня "погоды", не определяют модные тенденции, но их присут-

стве в культурной жизни города необходимо. Однако, когда режиссер Вячеслав Долгачев предложил мне играть Сарынцова, я вначале отказался.

— Но, насколько я знаю, у вас есть принцип не отказываться от ролей...

— Да. Но дело в том, когда начал читать сценарий пьесы, я никак не мог его дочитать. Неделя, другая... Пьеса мне показалась скучной, никак не мог постичь неспешный, этакий подробный процесс метаморфоз человеческой души. Ну, думаешь, что же Сарынцов говорит, и говорит одно и то же, одно и то же, только говорит уже другому персонажу... Даже написал письменный отказ на имя руководства театра. Но спасибо Вячеславу Васильевичу Долгачеву, он буквально заставил меня играть. А уже когда я начал входить в образ, неожиданно пришла мысль: ведь любой творческий человек, если в нем зарождалась идея, начинает ее проверять на людях. Так, бывало, покойный Олег Николаевич Ефремов, зажигаясь какой-то творческой идеей, проверял ее на нас, обращал внимание на наши реакции. И только потом начинал воплощать ее в жизнь.

Долгачев заставил меня играть... восторг! Не занудливую работу мысли, а восторг от открытия, казалось бы, банальной истины смысла жизни.

— Сегодня Вячеслав Долгачев ушел из МХАТа и перешел в Новый Драматический театр. Будут ли у вас с ним продолжаться творческие контакты?

— Безусловно. Он пригласил меня в свой новый спектакль "Профессионалы победы", который сейчас репетируется на сцене Драматического театра. Мы планируем показать его зрителю в новом театральном сезоне, осенью этого года.

— Может, расскажете о своей роли?

— Нет. Я не хочу заранее раскрывать карты. Просто скажу, что спектакль Александра Гельмана "Профессионалы победы" в какой-то степени раскрывает предвыборную "нухню" с ее, скажем так, не совсем приятной подоплекой. Мой герой — один из кандидатов в президенты. А что из всего этого получится, судить зрителю.

— Борис Васильевич, а не кажется ли вам, что игрища политиков немного поднадоели? И нужен ли такой спектакль сегодня?

— Нужен. Убеден, у каждого спектакля свой зритель, и кому-то наверняка интересна именно эта тема. Тем более, что задумка поставить "Профессионалов победы" возникла уже давно. Еще при жизни Ефремова Александр Гельман показал ему пьесу. Ефремов дал добро и хотел, чтоб ее поставил именно Вячеслав Долгачев. Однако во МХАТе не получилось... С приходом Оле-

га Павловича Табанова у нас многое изменилось в театральной труппе.

Теперь во МХАТ будут приглашаться разные режиссеры по контракту на одну, от силы две постановки. Ну, в остальном время покажет. Вот когда, например, Лужков стал мэром города, видите, как Москва преобразилась. Любого человека, будь он творческой личностью или политиком, надо судить по делам его, а не по "говорильне". А на это нужно время. Мой Вася, когда был в пятилетнем возрасте, неожиданно мне заявил, что единственной достойной работой в театре считает монтировщика декораций. И знаете, почему? Потому что в ней польза есть, потому что виден результат труда...

— А в актерской профессии, значит, пользы Василий так и не увидел, раз закончил юрфан МГУ?

— И слава Богу! В актерской профессии столько "подводных камней". А если б не получилось? Чаше природа отдыхает на детях. И что тогда? Просто головная боль для всей семьи.

Вася с детства находился с нами в театре, с тех самых пор, когда Татьяна кормила его грудью. Бабушек и дедушек у нас не было, так как они остались в Ленинграде (мы с Татьяной не только однокурсники, но и земляки). Потом, будучи ребенком, Вася играл мальчику в моем спектакле "Дорогие мои, хорошие". Он видел всю театральную "кухню". Возможно, и это тоже сыграло свою роль. А на юрфаке учиться Василию даже нравилось. Сначала четыре года он

проучился в МГУ. Потом изучал полтора года французский язык в Сорбонне, в Париже, а затем вернулся домой и закончил университет.

— И не привез с собой французенну?

— Нет... Не в меня пошел. Очень серьезный молодой человек. Он сейчас больше увлечен работой менеджера в музыкальном рекламном агентстве и не спешит жениться. А мы с женой очень хотим внуков, тем более, что Татьяна уже не занимает должность заведующей актерской труппой во МХАТе. Теперь она просто жена и просто актриса...

— По словам Татьяны Васильевны, ей с вами трудно приходится: "Он только кажется таким легким в общении, улыбка, улыбка... — говорила она. — Бывает, и красивыми женщинами увлекается..."

— Уж Татьяна знает, что я люблю женщин, особенно красивых... Но ведь она-то, жена, у меня одна — все тридцать три года. Сколько разного в жизни у нас было... Семья, дети — это, пожалуй, самые главные итоги. И сын пока мои надежды оправдывает. А творческие итоги подводить еще не хочу — мы все в руках у "господина случая"...

— Тогда о своих новых ролях расскажите...

— В кино их, к сожалению, сейчас мало. Знаете, как бывает: то густо, то пусто. Раньше я успевал зананчивать одну картину, как у меня уже на подходе два-три следующих сценария... Но работа, слава Богу, всегда есть. В планах совместная работа с Всеволодом Шиловским (он

хочет снимать продолжение телесериала "Люди и тени").

Во МХАТе меня сейчас вводят в спектакль "Сирано де Бержерак" в роль де Гиша. Я буду играть вторым составом за Станиславом Любшиным. Ну и, конечно, "Профессионалы победы" в Новом Драматическом театре. В антрепризных спектаклях работаю в лирической комедии с Татьяной Догилевой "Не отрекаются любя". Причем в этом спектакле со мной должна была играть Наталья Гундарева. Она сыграла в Москве и один раз в Самаре. Потом случилась эта внезапная болезнь... Тогда Татьяна Догилева

из уважения к Наташе и из эстетических соображений, будучи сама режиссером постановки, не стала никого приглашать на роль ее героини. Сама взялась репетировать. Кроме этой постановки, я по-прежнему занят еще в антрепризном спектакле с Валентиной Талызиной "Двое с большой дороги" по пьесе Виктора Мережко, в постановке Андрея Житинкина...

Работа все-таки есть. Придется ездить на гастроли. И это уже прекрасно! ■

Беседовала

Лариса АБКАРОВА.

Ирина ОПИМАХ

УТРИЛЛО

Улице Равиньян. 1911

М

орис Утрилло — художник одной темы. Почти всю свою жизнь он писал Париж — город, занимающий особое место в истории мирового искусства. Именно в Париж со всего света

устремлялись молодые, талантливые и дерзкие, и именно там создавалось новое искусство. Утрилло — истинное дитя Парижа, он любит его и ненавидит, но не может без него жить. И на своих полотнах, с присущей художнику печальной сдержанностью, простотой и в то же время тонкой гармонией композиции и цвета, он показывает удивительную прелесть и красоту этого города. Теперь уже невозможно воспринимать Париж без картин Утрилло. “До Утрилло я не знал, что с виду такие однообразные кварталы прекрасны красотой свежей и почти таинственной. Я бродил по улицам Монмартра, я смотрел на кафе “Лапэн Ажиль” (“Проворный кролик” — И.О.), взволнованно, как пээн заслуживает место встреч столько художников, но пластическая и живописная красота Монмартра ускользала от меня. Мне подарил ее Утрилло”, — писал Андре Моруа.

Редко судьбы настоящих больших художников складываются благополучно, но история жизни Утрилло кажется просто невероятной — такие взлеты и падения вместила она в себя, столько горечи и такой успех...

26 декабря 1883 года у хорошенькой 16-летней натурщицы Мари-Клементины Валадон, дочки скромной прачки с Монмартра, родился сын. Назвали мальчика Морисом, и записали под фамилией матери. Табаран, один из биографов Утрилло, считал, что отцом Мориса был некий Буасси, весьма посредственный художник, любивший приложиться к бутылке (и, как полагали, передавший в наследство сыну свою болезненную склонность). Назывались и другие имена, гораздо более известные в мире искусства, имена тех, кому позировала его мать. Сама Сюзанна Валадон (так Мари-Клементина стала себя называть вскоре после рождения ребенка — ей казалось, что “Сюзанна” звучит более аристократично) не считала нужным внести ясность в этот вопрос. Какая разница, кто отец, важно, что у мальчика есть такая мать!

Очаровательная Сюзанна, похожая на греческую нимфу, слыла любимицей всех монмартрских художников. С большим удовольствием ее писали Ренуар, Пюви де Шаванн и Дега. Поэтому, когда ей вздумалось самой попробовать рисовать (Морису тогда исполнилось полтора года), отбою в учителях не было. Рассказывают, что Тулуз-Лотрек показал ее рисунки скульптору Бартоломео, а тот, восхищенный, принес их Дега. Дега же, внимательно просмотрев все листы, сказал: “Она из наших”, — и дал ей несколько уроков. Но в то время Валадон еще не думала серьезно заняться искусством — она по-прежнему помогала

своей матери стирать белье и позировала друзьям-художникам. Конечно, она много рисовала, но как не рисовать, когда живешь на Монмартре, и вокруг тебя — сплошные художники, и все такие талантливые! Постепенно искусство занимает все большее место в ее жизни, и она становится замечательным художником — ее живопись, скупая, сдержанная, смелая, несколько даже мужская, отражает ее характер. За мольбертом Сюзанна казалась ангелом, но в обычной жизни часто бывала несдержанна, вспыльчива, поддавалась взрывам пылкого темперамента. Подчас могла быть абсолютно неуправляемой, но при этом всегда оставалась поразительно влекущей и обворожительной. Она любит жизнь, любит искусство и — своего мальчика Мориса. И, конечно же, именно мать первая вложила в его еще детскую руку кисть, показала, как пользоваться красками...

Поначалу Морис находился под присмотром бабушки — матери было некогда с ним заниматься, потом его отдали в пансион Лафиссель. Мальчик рос малообщительным, вспыльчивым, с приступами дурного настроения.

После долгих и трудных лет нужды Сюзанна Валадон выходит замуж, и весьма удачно — ее муж, почтенный коммерсант Поль Муссис, богат и преуспевающий. Но он не соглашается усыновить Мориса. И тогда его приятель, а также друг Сюзанны, журналист, художник, архитектор и просто добрый человек Мигель Утрилло, дает мальчику свое имя. Конечно, это был только жест, хотя и вполне благородный. Рассказывают, что на одной из вечеринок, на которой присутствовала и Сюзанна Валадон со своими друзьями, заговорили о том, кто же все-таки отец Мориса — Ренуар, Пюви де Шаванн или кто-то еще, и тогда Мигель Утрилло воскликнул: “Я охотно бы подписался под произведением любого из них”. Сам Морис Утрилло впоследствии говорил: “Еще в детстве меня усыновил испанский журналист Мигель Утрилло, который платонически обожал мою мать, но никогда он ничего для меня не делал. Это мама остается для меня всем, а я ведь далеко не всегда был послушным сыном”.

Позже Мориса отправили в парижский колледж Роллена, и здесь он получил определенную свободу. С большим удовольствием Морис прогуливает уроки, заходит с приятелями в бистро, где тратит карманные деньги, которые ему мать дает на завтраки. Тогда Морис и пристрастился к алкоголю, впоследствии ставшему его наваждением. Он экономит деньги ради лишнего бокала вина, обманывает близких. Правда, отметки его остаются вполне сносными, и, наверное, поэтому мать не очень-то допекает его своим вниманием. Но вот однажды Морис, напившись, устраивает в колледже настоящий дебош и с треском вылетает оттуда. Отчим находит ему работу, но Морис все равно пьет не переставая, и семья решила просто держать его дома.

Так прошло два года, но Морис не утихомиривался, его пришлось поместить в больницу — в клинику св. Анны на попечение доктора Валлона. Проходит несколько месяцев, но Морис совершенно безучастен, он не проявляет ни к чему никакого интереса. И мать по совету врача предложила ему заняться живописью — чтобы отвлечься от дурных мыслей. Сначала он сопротивлялся, но Сюзанна проявила присущее ей упорство, и Морис начал писать. И увлекся.

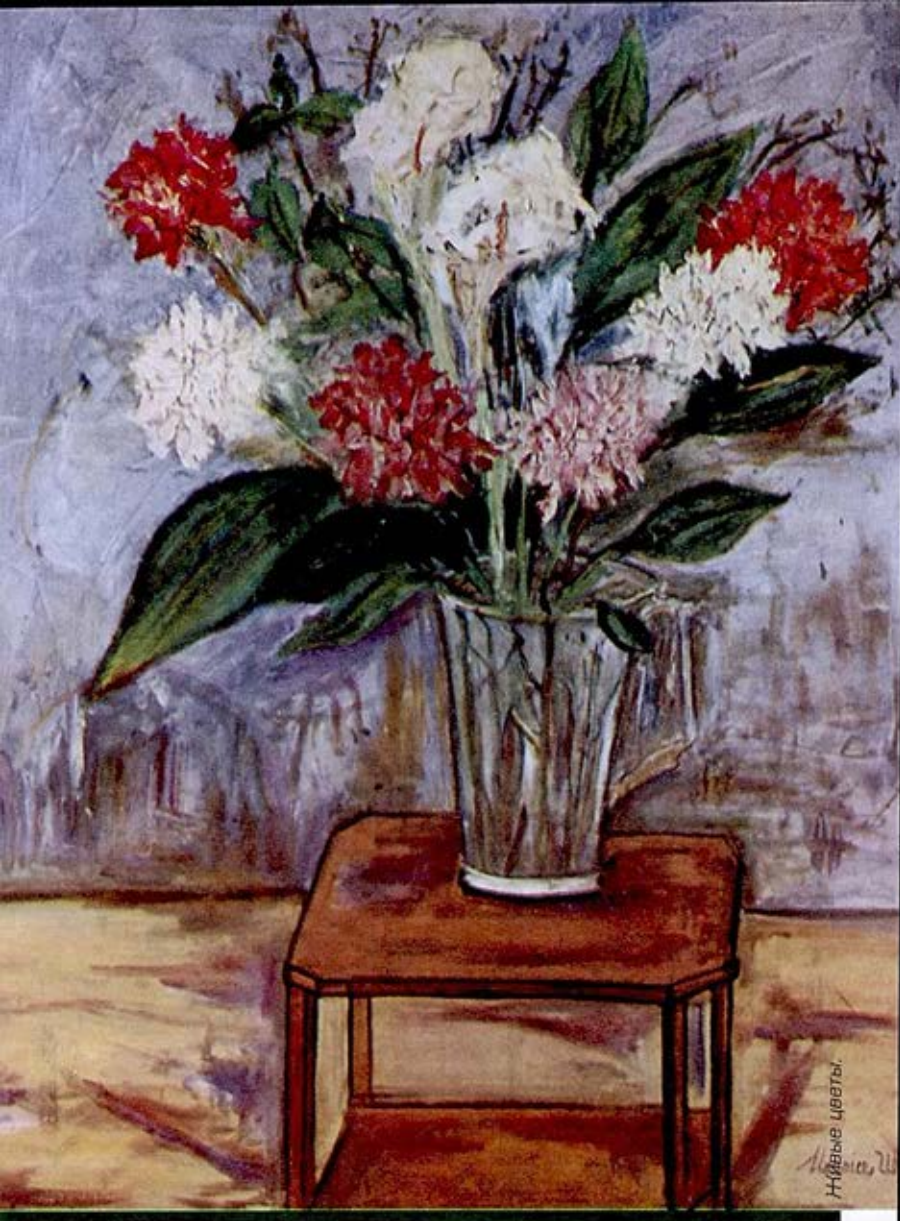
Он бродит по узким живописным улочкам Монмартра, думает о своей жизни, об искусстве и неожиданно понимает, что теперь все его существование неразрывно связано с красками и холстом, ощущает необоримое желание достичь совершенства.

Вид на Нотр-Дам.

Подавляя в себе порочную страсть, пишет Монмартр с уютными кабачками, барами, погребками... И вот поразительный результат — доктор Валлон объявляет своего пациента здоровым!

В творчестве Утрилло искусствоведы выделяют несколько периодов, правда, их временные рамки довольно размыты. Пер-

вый период — “период Монманы”, импрессионистский, начался примерно в 1905 году. В его картинах заметно влияние Писсарро и Сислея. Морис наверняка мог видеть их работы в лавках торговцев картинами, парижских маршанов. Утрилло и этих замечательных художников объединяет лиризм и поэтичность, но

его явно больше интересует предметный мир, чем передача потоков света и оттенков цветов.

Париж начала XX века... Удивительное время, полное романтики и предчувствия гениальных свершений. Уходят из жизни в ореоле славы и успеха импрессионисты. А в нетопленных холодных мастерских Монмартра и Монпарнаса зреют новые таланты, молодые, дерзкие...

На Монмартре все знают невзрачный деревянный домик, получивший название "Бато-Лавуар" — "Плавающая прачечная". Здесь живут и работают художники Пикассо, Хуан Грис, Ван Донген, поэты Макс Жакоб, Андре Сальмон. К ним в гости приходят Матисс, уже почти мэтр, Брак, Дерен и Бюфи, часто бывают Жарри и Апполлинер. Обычно все собираются в мастерской недавно приехавшего из Испании Пикассо, где царит хорошенькая подружка Пабло — Фернанда. Утрилло на этих сборищах появляется редко — он сам по себе. Конечно, в мастерских, у торговцев картинами он видит работы своих современников, слышит об их теоретических баталиях, до него доносятся их споры об искусстве, но все это его нисколько не волнует, его заботит совсем иное.

Первое время Утрилло воздерживается от спиртного. Каждое утро выходит из дома, ищет мотив для картины, пишет. Но очень скоро Париж со всеми его искушениями оказывается

Бистро. 1910.

сильнее слабого Мориса, и вот он снова в поисках торговца вином, которому за бутылку отдает только что написанную картину. А когда ему говорят, что его мазня стоит только полбутылки, он лишь кивает, не протестуя, и берет то, что дают.

Частенько приключения заканчиваются шумными скандалами — тогда полицейские выдворяют его из бистро, препровождают в участок, а если он сопротивляется, то и поколачивают.

А на следующее утро он возвращается домой — в изодранной одежде, шляпа на боку, под глазом — синяк.

Но в это время Утрилло вырабатывает свою манеру письма, пишет картины, которые ставят его в один ряд с самыми выдающимися художниками. И среди них полотно “Нотр-Дам в праздничных флагах” — удивительно светлое, полное жизни и тепла.

Утрилло изо всех сил борется со своим демоном, но ему мешают и парижские бистро, и жестокость толпы, и отчаяние матери. Очень часто он терпит поражение. Современники вспоминают, как над ним издевались в маленьких парижских подвальных чиках — пригласив выпить, стряхивали в его бокал пепел сигарет, подставляли подножку, когда он падал, и все присутствующие громко гоготали; зимой хулиганы стаскивали с него, пьяного, пальто и били. Всюду, где бывал Морис, его подстерегали глупость и злоба толпы. Вот почему картины, на которых он создает свой Монмартр — убегающие узкие улочки, выбеленные фасады домов, скользкие мостовые, бары и рестораны с всегда закрытыми дверями, — несут в себе такую горечь и боль.

Как-то Утрилло познакомился с молодым, веселым и талантливым художником Андре Уттером. Он приводит его домой и представляет матери. Уттер — беден, но остроумен и хорош собой. Он производит впечатление на увлекающуюся Сюзанну; она оставляет своего респектабельного супруга и в 1909 году выходит замуж за Уттера. Уттер, возможно в ущерб своему собственному творчеству, берет на себя все хозяйственные заботы в артистическом семействе. В том же году они переезжают на улицу Корто.

Теперь Утрилло старается реже выходить на улицу, может, боится обижавших его зевак и мальчишек, кидавших в него, пьяненького художника у мольберта, камнями, а может, просто ему уютно и хорошо в новом убежище. Недалеко от дома раньше располагалась мастерская Ренуара, и одно из полотен Утрилло так и называется — “Сад Ренуара”. Тут же на Монмартре творили Писсарро, Пюви де Шаванн, Тулуз-Лотрек... Здесь сам воздух пропитан искусством! И Утрилло, и его мать пронесли верность Монмартру через всю жизнь. Сюзанна Валадон, уже имея богатый загородный дом, сбегала из усадьбы в весьма экстравагантном экипаже — в коляску запрягались пара мулов, а сзади бежали две породистые собаки — и устремлялась в Париж.

Картины Мориса не принимают — говорят, он просто перерисовывает открытки и все! Разве это живопись? Но Утрилло теперь не собьешь — он уверен, что нашел свой путь в искусстве. Он живет живописью, выражая в картинах свою измученную, израненную душу.

С 1908 года Утрилло почти перестает писать с натуры — и так знает каждый уголок любимого Монмартра. На его карти-

---

*Sacré-Coeur de Montmartre
et Passage Gotten*

Монмартр. 1934.

Maurice Utrillo, V.

нах теперь царят светлые тона — в творчестве наступает “белый период”, продолжавшийся примерно до середины второго десятилетия XX века. Стараясь отразить вещественность

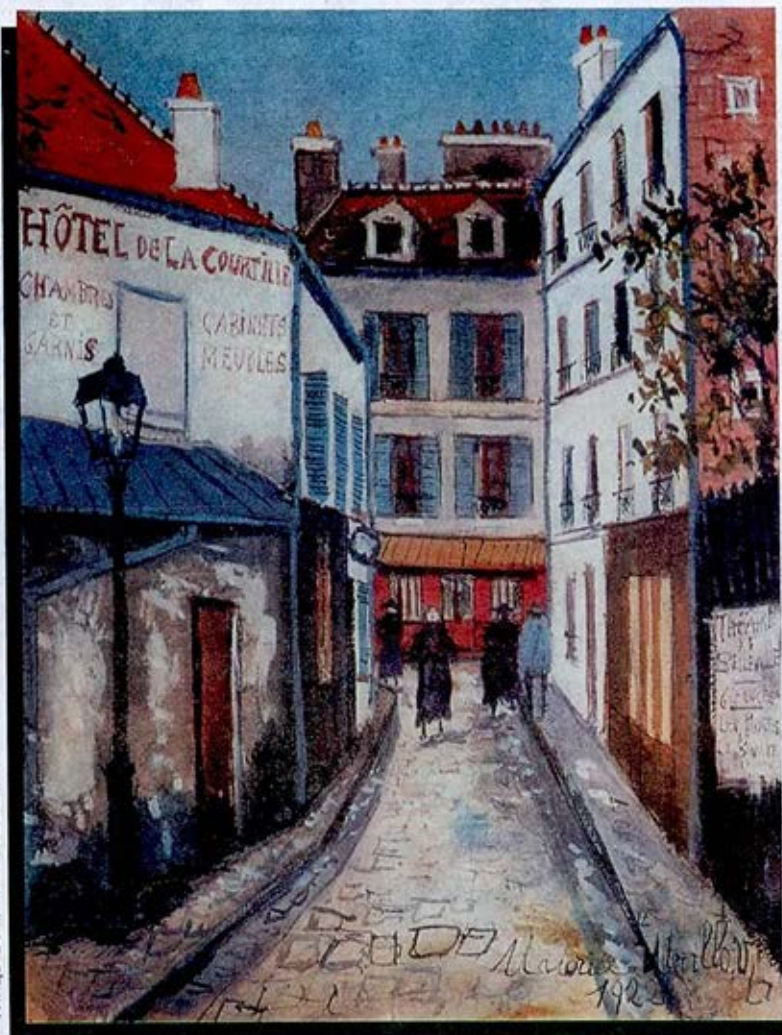
мира, он подмешивает в краски мох, песок, пользуется гипсом. Часто создает композиции, пользуясь открытками с видами Парижа. Работает с линейкой и угольником. Его улицы уходят вверх, заворачивают за угол, и на этом “ночном стане” — де-

Сад Ренуара. 1909-1910.

ревья, фигурки людей, дома, как ноты. А дирижирует оркестром он, художник. Утрилло владеет редким даром одушевить неодушевленное. Его соборы — страдающие одинокие существа — отверженные, непонятные, гордые. Белые очер-

тания Сакре-Кер, виднеющиеся в конце улиц, как недостижимый прекрасный идеал... Древняя базилика Сен-Дени... В каждом пейзаже Утрилло присутствует время, неумолимое, с которым невозможно договориться и невозможно остановить. Некоторые критики объясняли особенную напряженность его изображений соборов и церквей глубокой религиозностью художника, но, наверное, это не совсем так — ведь Утрилло серьезно стал читать Библию после сорока лет — в детстве никто не занимался его религиозным воспитанием, поскольку

Сюзанна Валадон не принимала церковь и все, с ней связанное. Его религиозность проявилась гораздо позже, уже после смерти матери.

Понемногу об Утрилло узнают торговцы картинами. Уже в 1905 году один из них, проницательный папаша Гэ, покупал "утрилло" по семьдесят, а то и по восемьдесят франков за штуку. А вскоре некий Либод, галерейщик и журналист, даже заключил с Морисом контракт. Утрилло был очень горд.

Иногда Морис живет у папаша Гэ. Бывший полицейский, порядочный, спокойный, выдержанный человек, Гэ очень любил Утрилло. Он сдавал художнику комнату с полным пансионом. Из окна открывался чудесный вид. Днем Морис ставил мольберт у окна и работал, а вечером мирно отдыхал за бокалом вина, который ему выдавал Гэ. Все шло спокойно и хорошо до тех пор, пока Морисом не овладевало беспричинно дурное настроение, и тогда он мог перевернуть все вверх ногами, переломать мебель и даже выпрыгнуть из окна. Иногда Морис сбегал из своей обители, и папаша Гэ знал, куда — в новое заведение мадам Мари Визье. Она благоволила к художникам, а особенно — к Утрилло, даже открыла ему кредит. У мадам Визье Мориса ждал дружок — Жюль Дюпаки. Вместе они осушили немало бутылок. Напившись, приятели затягивали песни, а потом начинали дурить. Тогда мадам Визье не выдерживала и вышвыривала приятелей на улицу, после чего Морис или же заваливался в кабачок "Лапэн Ажилль" (который тоже появился на его картинах), или же, задевая прохожих, тащился к матери, на улицу Корто, где потом приходил в себя дня три. А бывало, вламывался к своим немногочисленным друзьям, таким же бедным художникам, как и он сам, и они отводили его в больницу.

Однажды он влюбился. Избранницей стала молоденькая работница. Вместе они прожили недолго. "Представляешь, — рассказывал он Френсису Карко, — с этой женщиной мы ладили совсем неплохо, но оказалось, что она, негодница, пьет!"

Трезвый, Морис был невероятно добр и трогателен. Щедрый, бескорыстный, ласковый и покорный, он готов отдать все, что у него было, первому же встреченному на улице нищему. О его бескорыстии ходили легенды. Так называемые "приятели" часто водили Мориса за нос, забирая его картины на разные "благотворительные" акции, а на самом деле, просто обирали художника.

В это время картины Утрилло уже стоили тридцать франков. Одно полотно Либод продал Октаву Мирабо, тот заинтересовался Морисом и задумал написать о нем статью. Художника приглашают выставиться в "Осеннем салоне", успех близок, как никогда. Но тут Утрилло запил так, что потребовалось предпринять чрезвычайные меры. "Я никогда не был душевнобольным, — говорил он Карко. — Просто из-за вина у меня случались ужасные

припадки. Представляешь — я сумасшедший! Чушь! Сейчас ведь я нормален!” Но его состояние ухудшалось, и если раньше он мог выпить несколько бокалов без всяких последствий, то теперь приступы бешенства находили на него после двух-трех маленьких рюмок.

Мориса помещают в больницу, а за его пребывание там платит мсье Либод. Через несколько дней Утрилло бежал из клиники; известно, что ему помог надзиратель, с которым Морис расплатился своими картинами.

Вскоре Утрилло появился на Монпарнасе. Теперь его убежище — закусочная на улице Гранд-Шомьер, там же проводит время и Модильяни. Они — большие друзья. Однажды Моди притащил приятеля к своему знакомому, и Утрилло тут же написал для него несколько картин, за которые получил вполне достойные наличные. В восторге Утрилло напился, а Моди его с удовольствием поддержал. Наутро они наперегонки расписывали стены своей любимой закусочной, при этом хозяйка не выказывала никакого энтузиазма. Потом друзья потащились в “Клозери де Лиля”, где их, конечно же, отказались обслуживать. Тогда они забрали со столов кувшины с вином и быстро осушили их. Начался грандиозный скандал, прибежали ажаны. Модильяни, хорошо знавший эти места, удрал, а Утрилло, отчаянно сопротивлявшегося, схватили и, как буйно поме-

Две правые створки ширмы с видами Парижа.

шанного, привели в специальный приемник. После допроса он смог известить мать, но было уже поздно — его отправили в больницу.

Так он опять оказался в клинике. Здесь, успокоившись, снова начинает писать. Его творчество становится более зрелым, уравновешенным. Он пишет медленнее, уделяя внимание деталям и нюансам. В его картинах есть нечто магическое, неповторимое, романтическое. У него все говорит, все ясно и трогательно, и вместе с тем предельно драматично.

2 марта 1914 года полотно Утрилло с изображением Нотр-Дам-де Пари продали на аукционе за 400 франков. Это был настоящий успех. (Правда, вскоре его картины снова с трудом уходили по пятьдесят-шестьдесят франков.)

Папаша Гэ снова забрал Утрилло к себе. Художник вел себя хорошо, по крайней мере, старался. А когда срывался, сбегал к антиквару Деллу, жившему по соседству, и оттуда слал Гэ язвительные записочки.

Вскоре началась Первая мировая война. Утрилло мобилизовали, но после врачебного осмотра отпустили. Его состояние вновь ухудшилось. Он ходит по улицам, пугает прохожих, задает им странные вопросы, а в ответ слышит ругань. Ночью частенько попадает в полицейский участок, где ажаны его поколачивают. А иногда кто-нибудь из них просит его нарисовать картину — ведь так модно,

---

когда стены дома украшают настоящие картины. И Утрилло рисует по открыткам виды их родных мест.

После войны начинается новый этап в творчестве художника. Теперь на его картинах — послевоенный Париж. Вместо прежних закоулков, узких улочек появляется новая архитектура — высокие кирпичные дома, огромные рекламные панно, гигантские светильники... И совсем другие люди живут в новом Париже — люди, пережившие страшную бойню, в которой погибло столько ни в чем не повинных людей. Краски Утрилло становятся интенсивнее, линии четче, но пропадает трогательность, пронзительная поэтичность полотен “белого периода”.

В 1918 году Утрилло под свое попечение взял Леопольд Зборовский, торговец книгами и картинами, одно время помогавший и Модильяни. Зборовский выдает Морису несколько сотен франков в месяц. И Морис работает.

В феврале 1919 года Утрилло получает за полотно “Розовый дом. Улица Абревуар” тысячу франков. С тех пор цены на его картины только растут. Хозяева монмартрских баров и бистро торопятся выгодно сбыть свои коллекции и продают скопившиеся у них “утрилло” за очень хорошие деньги. И лишь сам художник — вне этого безумного ажиотажа. Он по-прежнему живет на улице Корто, отказывается принимать покупателей и развлекается, как может. А мать ставит на окно решетку, чтобы он, не дай Бог, не выпал или не сбежал из дома. Удивительно, но дар Мориса абсолютно не страдает от недуга, его картины так же прекрасны, в них отражается боль, тоска, любовь — все, что мучает его необузданную душу.

А тем временем в Париже открывается его первая персональная выставка. Утрилло становится модным художником. Теперь его картины оцениваются в несколько тысяч франков. Выставки проходят в других городах Франции, за границей.

На “Осеннем салоне” парижане увидели “Собор в Мулене” — успех картины огромен. Критики пишут, что Утрилло — великий художник, и от него следует ждать больших творческих свершений. В парижских галереях проходит целая череда его выставок. После двадцати лет тяжелой работы, пьянства, безумных дебошей, болезней и творческих озарений — настоящий успех и признание. Конечно, без матери, без замечательной Сюзанны Валадон, мужественной, талантливой, преданной, лучше всех понимавшей, что ее сын наделен огромным даром, Утрилло бы погиб, как погиб его друг Модильяни, как погибли многие талантливые художники и поэты, обитатели Монмартра и Монпарнаса, которых убили нищета, алкоголь и слепота публики.

В 1923 году семейство Валадон приобрело замок Сен-Бернар с усадьбой — прелестный уголок земли недалеко от Лиона. Теперь Морис проводит здесь все больше времени. Он любит Сен-Бернар, поскольку пользуется тут относительной свободой. Вы-

Улица на Монмартре.

ставки Утрилло проходят повсюду — в Лионе, Манхейме, Брюсселе. Все охотятся за его картинами. Осаждают Валадон, которая бережно хранит картины сына в специальном, ставшем легендарным, шкафу, но порой она сдается и продает их назойливым маршанам. То и дело коллекционеры живописи с восторгом рассказывают, как стали обладателями “утрилло” из шкафа”. В мае в Лувре открывается выставка “Пятьдесят лет французской живописи”, и, конечно, картины Утрилло выставлены и здесь.

Утрилло пробует себя и в литографии. Выходит альбом его литографических работ, где в предисловии Робер Рей пишет: “Он рисует на камне как бы небрежно, но вот возникают точные и вместе с тем экспрессивные, словно человеческие портреты, виды Парижа — мельница на Монмартре, площадь Тертр, набережные Сены... Впервые литография, отвергнувшая повествование, выражает через вдохновенный рисунок самое сокровенное в душе художника”. Морис работает и для театра — в мае 1926 года Баланчин поставил одноактный балет “Барабо” Риети в антрепризе Дягилева. Декорации пишет Утрилло. Сомов, побывавший на том спектакле, говорил, что “декорации удачны, яркие и хорошо связаны с костюмами и сюжетом”.

Так идет жизнь художника: клиники, Сен-Бернар, Монмартр — и работа, спасающая от безумия. Сюзанна Валадон

прекрасно понимала, что без нее, без ее заботы сын погибнет. Чувствуя, что силы ее угасают, она решает его женить. И ей это удается — в 1935 году состоялась свадьба Мориса Утрилло и Люси Пауэлс, немолодой вдовы финансиста Робера Пауэлса, большого любителя искусства, часто покупавшего для своей галереи работы членов всего семейства Валадон — картины самой Сюзанны, ее мужа Уттера и Мориса. Они все познакомились еще в 1919 году.

Люси сумела убедить и себя, и Мориса, что они страстно любят и не могут друг без друга жить. Перед свадьбой Морис провел три дня за мольбертом и написал картину “Дом Жанны д’Арк в Домреми”, которая стала его свадебным подарком любимой. Внизу он приписал: “Голоса наставляли Жанну д’Арк, а она привела меня к Люси Пауэлс”. Люси смогла создать идеальные условия для своего мужа, предоставить ему удобства, о которых Сюзанна Валадон, настоящая представительница богемы, никогда и не помышляла. Они поселились в усадьбе Люси, в 450 километрах от Парижа, на берегу реки Шаранты. Люси оборудовала мастерскую для мужа, окружила его покоем и заботой. И ему с каждым днем становилось лучше.

Позже они устроились в Везине, тихом, утопающем в зелени пригороде Парижа. Чистый воздух, спокойная обстановка, никаких торговцев картинами, так одолевавших их всюду, а главное, никаких кабаре и ресторанов. Валадон часто звала их к себе — теперь она жила одна, расставшись с Уттером. Наверное, Сюзанна ревновала сына к Люси, и ей очень хотелось, чтобы та однажды сказала: “Мадам, только вы можете справиться с вашим сыном”, но Люси и Морис жили душа в душу.

6 апреля 1938 года в доме Утрилло раздался звонок. Звонил врач Валадон — у мадам кровоизлияние в мозг. Когда Люси приехала, Сюзанна была уже очень плоха и не могла говорить. “Она пристально посмотрела мне в глаза, как бы желая сказать: “Береги его!” Затем наступила кома”, — вспоминала Люси. Сюзанну поместили в клинику, но все уже было бесполезно — в тот же день она скончалась. Морис был потрясен. У него начался страшный приступ, и он даже не смог проводить мать в последний путь.

Вторую мировую войну Люси и Морис пережили в своем доме в Везине. В оккупации дни тянутся долго, и от нечего делать Люси взяла в руки кисти. “Работай, работай, — говорил ей муж, увидевший ее первые опыты, — у тебя есть способности!” И Люси с радостью пишет — собачек, деревья, портреты своих друзей. Неугомонная, азартная, Люси, несмотря на ее уже почтенный возраст, много рисует, и ее картины имеют успех. Правда, когда она попробовала подписывать свои полотна именем Утрилло, маршаны запротестовали, и на ее картинах появилась скромная подпись — Валор.

После войны Люси, заметив, что Утрилло любит путешествовать, возит его в разные места, по несколько месяцев они живут на Лазурном побережье, в самых роскошных отелях. Утрилло награждают орденами, в том числе Почетного легиона, его выбирают в академики, он получает медаль Признательности города Парижа. Люси и Мориса приглашают на самые высокие рауты. Но вся светская мишура, которую так обожала его жена, нисколько не затрагивала Утрилло. Для него главным по-прежнему оставалось его искусство. Конечно, он, сын Сюзанны Валадон, дитя Монмартра, никогда не смог бы превратиться в чинного respectable буржуа.

В жизни Утрилло были две женщины — мать и жена. Без них он не стал бы тем Утрилло, которого знает и любит весь мир, без них искусство потеряло бы выдающегося художника. И недаром Франсис Карко посвятил свою книгу о Морисе его матери Сюзанне Валадон, а Морис Шевалье в своей книге “Мой путь и мои песни” с большим уважением пишет о Люси Валор.

Морис Утрилло умер 5 ноября 1955 года в курортном городке Дакс, а похоронили художника на кладбище Сен-Венсан, на его любимом Монмартре. “Утрилло уходит от нас в вечность этими улочками Монмартра, им заново созданными”, — писал Жан Кокто.

Но навсегда в искусстве остался его Париж, Париж, написанный им с вдохновением и любовью, Париж трагичный и прекрасный, город, ставший его судьбой. И недаром известный французский критик Эдмон Жану так писал об Утрилло: “То, что сделал Вермер для Дельфта, Пиранези для Рима, Гварди и Каналетто для Венеции, Уистлер для Лондона, Морис Утрилло сделал для Парижа”.

■

Николай АЛЕКСАНДРОВ

Истина грядет с Востока?

Восток с давних пор был привлекателен для европейца. Восток мнился загадочным, полным тайн, сознание селило там песьеголовых людей, кудесников, владеющих секретом остановки времени и бессмертия, не говоря уже о всяких фантастических зверях, птицах и ползучих гадах.

Истинное открытие Востока началось с эпохи великих географических открытий. И если песьеголовых людей там не обнаружилось, то не известного Европе — начиная от флоры и фауны и кончая воззрениями человека Востока на мир и

свое место в нем — оказалось стольно, что, можно сказать, открытие Востока продолжается до сих пор. Причем с флорой и фауной все вышло много проще, чем с собственно человеком. Таной же, нан европейец — с двумя руками, двумя ногами и одной головой, — человек Востока, с его знаниями о мире, о себе и своими умениями, совершенно не свойственными европейцам, до сих пор остается для нас волнующей загадкой и тайной. Изъеденный сноптицизмом и многотудьем знаний об окружающем материальном мире, европейский ум

обращается к Востоку с надеждой обрести там Истину — некое высшее, а, может быть, и конечное знание о себе и мироздании.

Первопроходцами в этом деле были англичане. Колонизировав Индию, они неизбежно оказались обречены на тесное знакомство с нею, ее бытом, культурой, философией, медициной — одним словом, ее миром, и уже в XIX веке "мода на Индию" была в Англии обыденной вещью. Индуизм, буддизм, практика йогов давали богатейшую пищу и уму, и сердцу, а главное, с течением времени становилось все труднее и труднее относиться к совершенно невероятным фактам, равно как и невероятной трактовке мироздания, с презрительной усмешкой неверия. "Чудеса" (возьмем это слово в привычку, потому как только с привычками и можно употреблять его в данном случае), что творили и творят йоги, некоторые буддийские монахи, а также и просто отдельные личности, — все это факты действительности, задокументированные, подтвержденные подписями свидетелей, снятые на кино- и видеопленку.

Но речь не о чудесах, о которых, в принципе, все слышали и читали — кто больше, кто меньше. Речь о сущности этих чудес, их подкладе — том знании, которое дает объяснение всех этих чудесных с европейской точки зрения явлений, переворачивая вместе с тем наше европейское представление о сущности человека, его возможностях и его месте в мироздании. Индия, Китай, Тибет, Филиппины — вот географические привязки нашего путешествия в то расположенное относительно Европы в сторону восхода солнца пространство, которое мы называем Востоком.

Современный европейский врач, чтобы поставить больному диагноз, должен сделать десяток анализов, обследовать его с помощью различной умной техники типа томографов, установок УЗИ, обычных рентгеновских аппаратов. Тибетский целитель заготавливает с вечера емкость с водой. Любой. Хоть из-под крана. Утром, на восходе солнца он принимается переливать ее из этой емкости в другую и обратно. И так 7 раз. Или 77. Или 777. Сколько он полагает нужным в данном конкретном случае. Главное, чтобы количество переливаний содержало в себе только эту цифру: 7. Пациента, пришедшего на прием, целитель просит погрузить в перелитую из пустого в порожнее воду на некоторое время руни. Когда пациент вынимает руни из воды, погружает туда свои руни целитель. Он держит их там дольше пациента — от одной до трех минут. После чего, достав, сообщает человеку, чем тот болен, и в зависимости от того, какую прантину исповедует (траволечение, иглоукалывание, так называемый энергетический массаж и т.п.), приступает к лечению.

Диагноз целитель поставил рунами, считав оставленную рунами пациента в жидкокристаллической решетке воды информацию о состоянии своего организма.

Другой ленарь тибетец поставит диагноз, послушав пульс, через биение которого к нему придет информация и о работе печени, и почек, и легких, и о состоянии сосудов, и о составе крови. Третий вообще не будет дотрагиваться до больного. Положив его, он пройдет над его телом рунами, зависая то над одним органом, то над другим, пять минут — и диагноз готов.

Как это происходит, откуда такое умение, если, конечно, все это не блеф, не профанация, не обман?

Нет, не блеф, не профанация, не обман. Поставленные таким образом диагнозы — в случаях, когда проводились сравнительные эксперименты, — полностью соответствовали тем, что были поставлены при помощи современных европейских методов и средств диагностики.

Человек — часть Космоса, вот главное в мировоззрении человека Востока. Человек — это не только материальное тело, но и энергетическое, причем если физическая плоть его чисто земная, то плоть энергетическая — это сам Космос, миры, не дарованные нам на уровне физических ощущений, а которыми мы неосознаваемо для нас принадлежим вполне реально, все без исключения. Современная европейская наука уже и не отвергает этого. Все больше и больше ученых начинают оперировать такими понятиями, как "грубое тело" (т.е. физическое), "тонкое тело" (так называемое астральное, ментальное, духовное).

Ци называют китайские врачи невидимую, неулавливаемую никакими приборами энергию, что циркулирует в человеческом теле по двенадцати каналам, или иначе меридианам, обеспечивая исправное функционирование организма. Исчезновение этой энергии из тела означает физическую смерть. Ее затрудненная циркуляция, когда на пути энергии как бы постоянно встречаются препятствия, приводит к недомоганиям, болезням. Иначе говоря, разрушь эти препятствия, восстанови нормальную циркуляцию ци — и болезнь уй-

дет, пораженный орган восстановит свои функции.

Тибетский лекарь, ставящий диагноз больному опусканием рук в воду, где перед этим побывали руки его пациента, считывает информацию, оставленную энергетическими колебаниями человека. Целитель улавливает тончайшие отклонения их от нормы, и в этих отклонениях для него — наглядная картина болезни, как если бы он исследовал больной орган на томографе. А кстати, переливание воды из емкости в емкость — отнюдь не пустой, бессмысленный ритуал. В процессе этого переливания вода сама становится в высшей степени энергонасыщенной. Каким образом это происходит? Тибетский целитель не знает. Но таково свойство текущей воды. Особенно при этом закручивающейся. Что уже реализовано в энергоустановках, созданных европейской технической мыслью. НГД этих установок, использующих энергию закручивающейся воронной воды, равняется 160 процентам. Что с точки зрения традиционной физики противоречит всем ее законам.

Филиппинские хилеры, ставшие в последние годы в России истинно притчей во языцех (о причинах этого несколько ниже), по сути — те же тибетские целители, разве что среди них встречаются такие, которые практикуют физическое проникновение в тело пациента без применения скальпеля и наркоза.

Тут надо сказать, что распространено мнение, будто хилеры только и делают, что оперируют. На самом деле оперирующих хилеров не так много. Большинство из них — целители того типа, что у нас сейчас называются экстрасен-

сами. И лечат они прежде всего пассажи рук, бесконтактным или контактным массажем. Воздействуя на общую энергетическую систему больного, расчищая энергетические каналы, насыщая энергией больной орган.

Однако кожа, считают филиппинские хилеры, чрезвычайно сильный экран, препятствующий проникновению энергии внутрь. И вот дабы дать больному органу как можно более сильную подпитку, хилеры проникают под нее. Как они это осуществляют?

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно сказать о том, почему хилеры в России стали притчей во языцех.

С открытием отечественных границ попытаться удачи излечения на Филиппинах бросились и наши соотечественники (у кого, разумеется, нашлись деньги). Большинство ждало жесточайшее разочарование. Хилеры не спасали от рака, оказывались проходимцами, перед тем как "извлечь" опухоль из тела, с ловкостью и быстротой настоящего фокусника опускали руку за край кушетки, где лежал "оперируемый". Не способствовало созданию положительной репутации хилеров и то, что на них у нас стали делать деньги предприимчивые и не обремененные совестью владельцы туристических компаний. Поездка к хилеру на Филиппины стала стоить уж совсем бешеные деньги, причем прилетевший туда человек не был гарантирован от довольно обычной неприятности, что устраивают наши турфирмы соотечественникам: оказывается, никто там путешественника не ждет, деньги за услуги не переведены, хилер же, если до него получалось все-таки добраться, оказывался, как правило, того самого рода, что,

прежде чем извлечь из тела "опухоль", сунет руку за край кушетки.

Между тем в первооткрывательнице Востока — Англии — знающей в нем толк и цену ему, действует совершенно официальная ассоциация хилеров, и они допущены к практике в полутора тысячах клиниках. Как же бывшая владычица морей допустила такое? А потому и допустила, чтобы отсечь всех самозванцев и пресечь всякие попытки фанатства. На самих же Филиппинах — никаких ассоциаций на государственном уровне и полный разгул самозванства. Подобный тому, что мы видим у нас, где газеты пестрят объявлениями о "потомственной целительнице Любе", "магистре черной магии Альберте" и т.д. и т.п. Обещается и приворот и отворот, и присух и отсух, и успехи на службе, и денег полные карманы, что же до здоровья — так это самое простое. Почему на Филиппинах должно быть по-другому? Филиппины — вполне европеизированная страна, причем христианская, официальная медицина там — та же, что и в западном мире, и почему — не надо объяснять: именно медицине европейского типа (аллопатической) удалось стать победительницей эпидемий, излечивать людей от многих конкретных болезней, путем хирургического вмешательства массово спасать и продлевать жизнь тысячам и тысячам больных. Хилерство же на Филиппинах — это то же самое, что у нас знахарство. И как не отличишь действительно настоящего знахаря от того, кто лишь выдает себя за него (если только не пришел по наводке человека, действительно получившего у данного знахаря исцеление), так и не распознаешь,

действительно ли имеешь дело с хилером или лукавым мошенником. Основной же довод в защиту хилеров — это их многосотлетняя история. Если бы они не излечивали, если бы люди не получали облегчения от их врачевания, то этой истории просто-напросто не было бы. По той простой причине, что у хилеров бы не было пациентов. Тем более что хилерство (речь, разумеется, об истинном, подлинном хилерстве) практикуется всего в одной из провинций этого островного государства, каждый хилер, по существу, на виду у общества, и будь он шарлатаном, печальной участи ему бы не избежать.

Объяснение, которое дается феномену безынструментального проинновения хилера в тело оперируемого, базируется на аналогии. Верим мы, что тибетский лекарь может ставить диагноз, оная руки в емкость с водой, где побывали руки больного? Да, в это мы склонны верить. Почему же тогда не верить в безынструментальные операции? Если в случае с диагностикой целитель владеет умением подключать свое электроинформационное поле к электроинформационному полю другого человека, то в случае с операцией хилер воздействует своей энергетикой, которая суть энергия Космоса, на энергетическое тело пациента (вспомним китайские меридианы!), и это энергетическое тело (благодаря функционированию которого физическое тело обладает тем, что мы зовем жизнью) как бы дает команду телу физическому в точке взаимодействия стать проницаемым.

Звучит фантастично. Но не звучало ли фантастично 40-50 лет назад для европейского слуха сло-

во акупунктура? Иначе говоря, лечение иглоукалыванием, рефлекторным раздражением определенных точек на человеческом теле (физическом, добавим для точности). Ведь это какой-то бред: втыкаешь иголку в одно место на теле, а эффекту оздоровления подвергается при этом определенный внутренний орган, да еще находящийся совсем в другой части тела! Но между тем все в китайской практике иглоукалывания оказалось правдой. Исследования, проведенные в европейских клиниках, оснащенных сложнейшей аппаратурой, показали, что рефлекторное раздражение определенных точек на поверхности тела оказывает врачующее воздействие на определенные органы и при определенных заболеваниях. Словно бы какая-то энергия начинала притекать к больному органу и лечить его. А собственно, она и притекала. Та самая энергия ци.

Смешно сказать, а ведь мировому распространению иглоукалывания поспособствовал китайский социализм вкупе с китайской бедностью. Когда в 1949 году к власти в Китае пришли коммунисты, они, как верные последователи материалистического учения, начали было гонения на все это мранобесие — народную медицину (а иглоукалывание было ее составной частью), — намереваясь организовать в стране для трудящегося народа нормальную, европейского образца медицинскую помощь. Однако довольно скоро выяснилось, что никакой нормальной медицинской помощи организовать не получается. По одной простой причине: нет денег. Лечиться же людям между тем как-то было нужно. И тогда было дано добро на внедрение мето-

дов народной медицины в официальную медицинскую практику. Лечение иглами — в принципе, дешевое лечение. А на его мистическую "идеологию", никак не совпадающую с сугубо материалистической трактовкой мира, было приказано элементарно не обращать внимания.

Нужно сказать, что Китай, не смотря на всю свою довольно материалистическую природу (а может быть, именно благодаря ей, в силу своего умения перемалывать все "высокие" знания в чистую практику жизни), донес до нашего времени весьма любопытные сведения о мире и человеке в нем, которые лишь сейчас начинают находить объяснения и подтверждения их поразительной точности. И о чем тут стоит прежде всего говорить — это об учении Фэн Шуй.

Если коротко и предельно просто, то Фэн Шуй (в другой транскрипции Фунг Сой) — это учение о взаимоотношениях энергетических полей человека и окружающей его природы, включая в это понятие и предметы быта. Дело в том, что та самая энергия ци, о которой уже говорилось выше, омывает и одушевляет не только человека, существа животного мира, но равным образом и живую, и так называемую неживую природу: деревья, растения, земные породы, минералы. Да-да, согласно учению Фэн Шуй, даже обыкновенный камень, относимый современной западной наукой к разряду неживой природы, на самом деле существо одушевленное. Не так, разумеется, как человек, по-иному, но, кроме своего чисто физического "тела", он имеет и "тело" энергетическое, и вот это энергетическое тело естественным образом взаимо-

действует с энергетическим телом человека.

История Фэн Шуй насчитывает уже четыре тысячи лет. В практическом применении (а оно прежде всего практическое; не забудем, речь идет о Китае!) это учение о гармоническом и успешном существовании человека в мире Фэн Шуй. Фэн Шуй дает рекомендации, где и как ставить или не ставить дом, как размещать предметы обихода внутри помещений, как улучшать неблагоприятное расположение квартиры в многоквартирном доме и т.д., не говоря о рекомендациях типа астрологических, что сейчас так модно у нас: как преуспеть в бизнесе, в учебе, добиться благополучия в семье, улучшить отношения с людьми, с которыми мы связаны по жизни.

Основное положение, из которого исходит Фэн Шуй, таково — есть энергетически неблагоприятные формы ландшафта и рельефа, энергетически неблагоприятные формы предметов или их количество и, естественно, наоборот: энергетически благоприятные. Так, например, мастера Фэн Шуй (а это очень уважаемые в Китае люди, приглашая их для работы, наниматель дает им положенный гонорар вперед, выражая тем самым высшую степень почтительности и уважения) полагают, что предпочтительнее не ставить дом на холме, имеющем форму черепахи. Вместе с тем форма "пробуждающегося дракона" энергетически очень хороша для строительства. Хотя при этом и тут имеются свои тонкости. Снажем, большой риск строить дом на голове дракона. С одной стороны, если он будет построен на точке, которая контролирует мозг дракона, то обитателям дома

сто процентно гарантированы жизненный успех и процветание, здоровье и вообще всяческое благополучие. С другой же стороны, если дом окажется смещен в сторону пасти дракона, то хозяев дома ждут такие жизненные напасти, о которых лучше и не помянуть. Опасен для строительства и район драконьего хвоста. Хвост — очень подвижная часть драконьего тела, и потому тех, кто живет на нем, могут ждать в жизни самые непредвиденные ситуации, с которыми, вполне возможно, им будет слишком трудно справляться. Целые города в Китае построены в соответствии с воззрениями, которые диктует Фэн Шуй. К таким относятся столица Китая с незапамятных времен — Пекин, и город, символизирующий удачу и процветание, — Гонконг. Там, где указали мастера Фэн Шуй, поставлен в Пекине императорский дворец, и трон установлен тоже в соответствии с их расчетами.

Форма комнат в жилище, расположение дверей, количество окон (особенно на фронтальной стороне дома), ориентация входа относительно сторон света, количество мебели в доме, ее расстановка и опять же ориентация относительно сторон света — все это для мастера Фэн Шуй предмет его профессиональной заботы. Сбалансировав взаимодействие энергий окружающей природы и жилища, энергий предметов внутри дома и энергии человека с этими предметами, можно поставить человека в наиболее выигрышное положение в мире, и наоборот: разбалансировка всех этих энергий как бы заранее обрекает человека на неудачи или же неимоверные усилия для достижения наме-

ченных целей. В практике мастеров Фэн Шуй есть поразительные примеры того, как им удавалось "поправлять" энергетически неудачные природные рельефы и очертания участков земли. Так, в главном городе Тайваня Тайбэе своим несчастливым характером прославился один земельный участок, сменивший за недолгое время пятерых владельцев, каждый из которых терпел на этом участке в своем бизнесе сокрушительную неудачу. Новые владельцы участка (надо полагать, приобретшие его за бесценок), собиравшиеся открывать здесь ресторан, пригласили высококвалифицированного мастера Фэн Шуй. Тот, зная, какой бизнес они собираются открывать, предложил придать рисунку участка очертания скорпиона, так как скорпион — согласно традиционным китайским воззрениям — счастливый знак для магазинного и ресторанного бизнеса. Каким же образом был изменен рисунок участка? В узкой его части поставили пустотелый фонарный столб с фонарем, а перед главным входом в здание будущего ресторана — два таких же столба, как бы расширяющих вход. Взгляду непосвященного увидеть скорпиона невозможно, однако аура участка изменилась: новые его владельцы не только не жалуются на свои дела, но процветают. Кстати, воротилы строительного бизнеса в Америке, Германии, Великобритании не начинают строительства без консультаций с мастерами Фэн Шуй, им же многие крупные компании поручают планировку и обстановку своих офисов.

Но всему этому в немалой степени подталкивают те открытия европейской науки, которые не

могут быть объяснены иначе, как с позиций восточных воззрений об энергетической составляющей всего сущего на Земле и в Космосе. К числу подобных открытий безусловно относится обнаружение биологами "чувств" у деревьев и растений, их умения "разговаривать" друг с другом. Сейчас уже никого не удивишь сообщениями о том, что розы, тюльпаны, репа, морковь, редиска растут быстрее и бывают здоровее, слушая Моцарта с Гайдном, чем без оных. А музыка, основанная не на консонансе (классическая), а на диссонансе (как у многих современных композиторов), определенно угнетает их. То же и с домашними цветами. И с плодовыми деревьями — в смысле поспевания плодов. Кроме того, оказывается, растения определенным образом реагируют на людей, находящихся рядом, о чем недвусмысленно свидетельствуют показания датчиков, прикрепленные к листьям. При приближении тех, кто их поливает, подкармливает, лечит — в общем, делает им хорошо, они как бы начинают радоваться. Во всяком случае, выражают несомненно положительные эмоции. И напротив, при появлении тех, кто делал им плохо, — обламывал здоровые ветки, пилил, рубил, — они выражают "эмоции" отрицательные. Причем эти эмоции переживаются от растения, которому действительно было сделано "плохо", к другим, рядом растущим, которым ничего подобного сделано не было, — они выражают те же чувства, что и травмированное растение. Если это не свидетельство общения, то что? И если не на невидимом нами энергетическом уровне, то как по-другому?

Историю, стоит вспомнить тут и о некоторых народных приметах. Например, русская примета, запрещающая незамужней девушке сидеть на углу стола. Посидишь — еще семь лет точно в девках гулять. А Фэн Шуй вообще рекомендует не находиться на углах предметов, так как именно на углах происходит такая концентрация энергии, которая воздействует на человека неблагоприятным образом. Лучше всего, говорит Фэн Шуй, скругленный угол. Иначе говоря, отсутствие угла. Не потому ли, интуитивно уловив важность закругленной линии, европейцы уже довольно давно при ответственных государственных переговорах салятся за столы круглой и овальной формы?

"И-Цзин" ("Книга перемен") — так называется одно из древнейших китайских сочинений, зафиксированных представлении (а может быть, вернее было бы сказать — знания) китайцев об устройстве мироздания. Согласно этому сочинению, представляющему собой большей частью набор особых графических символов — гексаграмм, — отчего с тех же древнейших времен оно использовалось для гадания, наш мир (и человек как его частица — тоже) состоит из двух противоположных и в то же время взаимодополняющихся начал: мужского — **янь** и женского — **инь**. Янь — это жизненные функции живых существ, его можно видеть, наше физическое тело — это именно янь. Инь можно лишь почувствовать, оно нематериально, и ци, как пронизывающее всё одушевленное, но невидимое, относится к этому женскому началу. Существование человека как физического существа, и всего окружающего мира, как матери-

ального объекта, — непереносимое, обязательное соединение двух этих начал. Однако с физическим концом существования человек как личность не исчезает. Ци неуничтожимо, и, умирая, человек сохраняет свое ци, которое в дальнейшем лишь претерпевает определенные изменения.

Впрочем, последнее утверждение должно, скорее, отнестись не к китайской "Книге перемен", сочинению в высшей степени зашифрованному и позволяющему различные толкования, а к тибетской "Книге мертвых".

Тибетская "Книга мертвых" — это свидетельство (вернее, наверное, будет сказать — свидетельства, сведенные в общую картину) особым, духовным образом подготовленных буддийских монахов о том, что происходит с человеком за той чертой, которую мы называем смертью. Свидетельство это, несомненно, не что иное, как личный опыт, личные воспоминания о пережитом, достоверное свидетельство, в чем трудно усомниться, зная о возможностях людей, практикующих медитацию и комплекс тех упражнений, что называется йогой.

"Близится время ухода твоего из этой Яви. Признаны Смерти в ощущениях тановы: погружение Земли в Холодную воду. Тягость заливается, погружаясь, холодом. Озноб и налитие свинцом; Вода переходит в Огонь. Бросает то в жар, то в холод; Огонь переходит в Воздух. Взрыв и Распадение гаснущими искрами в пустоте", — такими строками начинается "Книга мертвых".

Думается, не нужно много воображения, чтобы понять, что означает символика текста: Земля, Холодная вода, Огонь, Воздух. Насто-

ящая расшифровка смысла тут и не требуется, он ясен и без того. Не требует никакой особой расшифровки и дальнейший текст, нужно лишь внимательно вчитываться. "Скоро выдохнешь ты последним дыханьем, и оно прекратится. Тут увидишь Предвечный Чистый Свет. Невероятный перед тобой распахнется Простор, безбрежный, подобный Океану без воли, под безоблачным небом. Как пушинка будешь плыть ты, свободно один... Если ты видишь Блеск — это Блеск Предвечного Света просветленной Яви. Пойми это. Твое теперешнее Сознание, не заполненное впечатлениями, звуками, картинками, запахами, воспринимает Само Себя, что и есть настоящая Реальность. Твой собственный ум, больше небытийный, зияющий вечностью, это не пустота или беспомыслие. Предоставленный только Себе, он сверкает, вспыхивает, горит — это и есть твое настоящее очищенное Сознание..."

Стоит отметить тот факт, что описание чувств и видений "Книги мертвых" поразительно совпадает с описаниями современных людей, принадлежащих к западной культуре, которые прошли через клиническую смерть и вернулись обратно к жизни (свидетельства эти собрал в своей нашумевшей книге доктор Раймонд Моуди). Отличие между этими людьми и тибетцами в том, что западные "свидетели", как правило, вернулись оттуда благодаря достижениям медицинской науки и техники, тибетцы же, владея техникой умирания и возвращения в физический мир при помощи одной своей воли, делали это специально. Проникая подчас на такую глубину, которая исчисляется днями и днями.

И разве не удивительно, что те верования, которые существуют в западной культуре относительно привязанности души к телу, практически совпадают с данными "Книги мертвых". Так первый этап расставания в христианстве исчисляется тремя днями, о трех, трех с половиной днях свидетельствует "Книга мертвых". Срок окончательного расставания в христианских верованиях обозначен в сорок дней, "Книга мертвых" говорит о сорока — сорока девяти днях, — в зависимости от индивидуальных качеств личности умершего.

Надо сказать, что "Книга мертвых" — это не что иное, как наставление человеку, каким образом ему вести себя после смерти, дабы наиболее кратким и безболезненным образом суметь воссоединиться с Предвечным светом. Иначе говоря, это своеобразное учебное пособие, а не исследовательский научный труд. Вместе с тем ни единого образа нельзя понимать буквально. Запредельное не поддается описанию через опыт телесного существования. (Недаром же абсолютно все рассказчики из книги Р.Моуди испытывали трудности в передаче своих "загробных" ощущений и впечатлений.) Главное — это то, что "Книга мертвых" ярко и убедительно свидетельствует: человек — это не только физическое тело, человек — больше, чем физическое тело, и по сути бессмертен.

Это положение относится к числу фундаментальных, стоящих ныне перед наукой, являющейся порождением западной мысли, западного неукротимого любопытства, перемешанного с тщеславием. Слишком большой фактический и экспериментальный материал на-

коплен историей науки в XX веке, чтобы полагать этот вопрос не таким. В копилку подобного материала внесла свой заслуженный вклад и сама наука, хотя к тому совершенно не стремилась. Тут уместно будет вспомнить о "Филадельфийском эксперименте" 1943 года, о котором у нас известно очень немного.

Эксперимент назван так в связи с тем, что корабль "Элдридж", на котором проводились исследования, должны были привести к созданию системы защиты кораблей от "взгляда" вражеских радаров, стоял на базе ВМС США в Филадельфии. В ходе эксперимента вокруг "Элдриджа" было создано мощное электромагнитное поле, как бы такая электромагнитная "клетка", которая, изменив естественное электромагнитное поле Земли, должна была заставить излучение радаров огибать ее, в результате чего корабль становился бы невидимым для них. Корабль действительно исчез с экранов локаторов. Но и не только с них. Он вообще исчез из поля зрения наблюдателей! Когда после отключения энергетической установки корабль вновь стал видимым, оказалось, что со всеми, кто находился на его борту, творится невообразимое: они потеряли пространственную ориентацию, могли передвигаться, только держась за стены. Многие вскоре умерли, те, кто выжил, сошли с ума.

Исследования с использованием мощных электромагнитных полей были немедленно свернуты, но происшедшее оставило загадку, которая до сих пор не разгадана: где находился корабль и люди во время исчезновения? Чаще всего, комментируя "Филадельфийский эксперимент", говорят о простран-

ственно-временном эффекте, но главное в том, что корабль и находившиеся на нем люди были удалены из физического мира, находились в дематериализационном состоянии. Но где они находились, что за мир окружал их? Был ли это мир чисто энергетический, к встрече с которым они оназались не готовы, из-за чего и повредилась их психика? Внятного ответа за минувшие без малого шесть десятилетий так и не появилось.

Стоит напомнить читателю и о таком широко известном в конце XX века явлении, как психогенез, иначе говоря, передвижении, подвешивании в воздухе физических предметов без всякого приложения к ним физической силы. Так, исследователи этого явления А. Дубров и В. Пушкин сообщают о том, как в ходе экспериментов люди, обладающие так называемыми паранормальными способностями, катали по столу карандаши, футляры из-под сигар — не прикасаясь к ним, подвешивали в воздухе между ладонями целлулоидный мячик для пинг-понга, целую россыпь сигарет. И несть, несть числа таким задокументированным экспериментам: на Западе, в России — по всему миру.

Впрочем, не только история науки XX века ставит нас перед фактами, которые никак нельзя объяснить с точки зрения современных знаний. Различные исторические хроники сообщают, например, о случаях, когда тела умерших людей в течение десятков, а то и сотен лет сохранялись не просто нетленными, а выглядели так, словно человек просто спит. Например, в "Римских хрониках" (весьма достоверном документе) за 1485 год сообщается о найденном при строительстве церкви Санта Мария Нуова древнем сар-

нофаге с 15-летней девушкой, которая лежала в нем абсолютно как живая: свежий цвет лица, яркие губы, ясная улыбка. Событие это вызвало в Риме настоящий ажиотаж (странно было бы, если бы не так!), в давне, образовавшейся около выставленного на всеобщее обозрение сарнофага, несколько любопытных было затоптано насмерть. Опасаясь, как бы толпа не потребовала церковь объявить неизвестную язычницу святой, римский папа велел своим воинам тайно похоронить ее, никак не обозначив место захоронения, и тайна "спящей красавицы" была предана земле.

О подобном случае повествует хроника женского доминиканского монастыря в местности Ля Сель Рубо во Франции. Сестра Розелин умерла в возрасте шестидесяти лет, проведя в монастыре почти сорок лет. Видимо, особыми подвигами на ниве служения Христу она не выделялась, потому что все остальные сестры пришли в необычайное волнение, когда вдруг после ее смерти обнаружилось, что тело Розелин остается телом совершенно живого человека: кожа сохраняет эластичность, суставы — подвижность, не говоря уже об отсутствии каких-либо признаков разложения. Но вместе с тем вызванный врач констатировал отсутствие летаргии и подтвердил смерть монахини. Розелин была похоронена на монастырском кладбище. Через пять лет могилу вскрыли, — Розелин ничуть не изменилась. В 1660 году монастырь посетил Людовик XIV. Он велел своему придворному врачу проколоть пинцетом глазное яблоко нетленной покойной, что тот и сделал. Глазное яблоко среагировало точно так, как среагировало бы глаз живого человека: зрачок сбе-

жался в точну, потерял блеск, из места прокола вытекла жидкость, похожая на сукровицу. Однако первый подписанный врачами протокол осмотра сестры Розелин относится только к 1887 году, когда со времени ее смерти прошло уже с лишним 550 лет. Монахиню осмотрели четыре врача и подтвердили: кожа ее по-прежнему сохраняет эластичность, суставы костей и стоп сгибаются. Тело, однако, не было подвергнуто вскрытию. А затем, по прошествии семи лет, случилось неожиданное: тело Розелин, сохраняя нетленность в течение полувека, вдруг, в течение нескольких дней, превратилось в лишенную плоти, высохшую мумию.

Если допустить, что в данном случае имела место врачебная ошибка и монахиня все эти столетия находилась в летаргическом сне, то, во-первых, почему она не проснулась, чем все-таки всегда заканчивается летаргический сон, а во-вторых, почему ее тело в конце концов подверглось не обычному, нормальному для природы процессу гниения, а мумифицировалось, причем стремительно? Не произошел ли в программе ухода из физического мира, изначально заложенной в каждом человеке, некий сбой, что и повлекло за собой, с одной стороны, телесную смерть сестры Розелин, а с другой, ее неполноту? Если это так, что это за сбой?

Возможно, монахи-тибетцы могут дать на это ответ. Но человеку западной культуры он не будет понятен. Потому что по-прежнему Восток и Запад говорят на разных языках. Западу нужен перевод восточной практики на язык научного эксперимента и научных данных.

Такие данные начинают появляться. Нандидат физиико-математи-

ческих наук Н.Коротков, ныне профессор университета в Коломбо (Шри-Ланка), в 80-е годы провел в одном из ленинградских моргов серию экспериментов, изучая энергетическую активность трупа в течение того времени, что умерший человек находится там, то есть до захоронения, как правило — в течение трех суток. Результаты своих наблюдений он опубликовал в весьма научной, полной формул и диаграмм книге "Свет после Жизни". Из его наблюдений явствует, что после смерти человеческого тело живет очень активной энергетической жизнью. Причем пик ее обычно приходится на второй день после смерти, а колебания активности у людей, умерших своей смертью, и насильственной (или в результате катастрофы), разительно отличаются.

Что ж, может быть, не случайно жизнь унесла нашего ученого в сторону Востока?

Западная цивилизация, долгие века развивавшаяся как цивилизация техническая, подошла к тому порогу, когда те методы, которыми она пользовалась для своего поступательного движения, больше не приносят ожидаемых плодов, процесс познания топчется на месте и в некоторых направлениях уже привел в очевидный тупик. Восток, "ненаучные" знания которого все чаще подтверждаются западным "научным" опытом, обещает нам новую картину мироздания, а значит, и человеческой жизни. Сумеем ли мы преодолеть извечный, с привкусом превосходства, западный скепсис в отношении Востока, чтобы довериться его знаниям и принять в себя? Возможно, наступивший век будет венцом ответа на этот вопрос. ■

Александр АНДРЮХИН

СОНАТА

для скрипки
с оркестром

Пролог

За полтора года до этой истории, в первых числах мая, у здания бюро судебно-медицинской экспертизы, что на проспекте Вернадского, остановился белый “мерседес”. Из него вышла молодая женщина в элегантном черном костюме и бархатной шляпке с вуалью. Она молча прошла мимо дежурного милиционера, обдав проходную какими-то немислимыми духами, и направилась на второй этаж.

На лестнице ее ждали два судебных эксперта и старший следователь прокуратуры Виктор Дрянцев. Женщине накинули на плечи халат и повели в какую-то жуткую лабораторию, выложенную белым кафелем и меблированную всего одним металлическим столом. На столе уже лежала цинковая коробка — метр в длину и полметра в ширину.

Прежде чем открыть ее, патоморфолог внимательно посмотрел на гостью и предостерегающе произнес:

— Мужайтесь, Виктория Эдуардовна! Зрелище не из приятных.

Женщина вцепилась в край стола и напряглась. Судмедэксперт открыл ящик.

В нем лежали человеческие останки, выуженные из Москвы-реки. По существу — только кости, череп и часть одежды.

— Экспертиза установила, — произнес следователь, — что рост найденных останков составляет один метр семьдесят восемь сантиметров.

— У моего мужа был метр восемьдесят, — прошептала женщина, давя в себе ужас. — Хотя я точно не знаю. Точный рост записан в его медицинской карте.

— У большинства рост с возрастом уменьшается от одного до пяти сантиметров из-за деформации позвонков и суставов, — пояснил эксперт. — Рост вопросов не вызывает. Вызывает вопросы другое: рентгеновский анализ обнаружил на черепе в области темени небольшой деформационный участок, о котором ничего не сказано в амбулаторной карте вашего мужа.

— Он ударялся головой, — произнесла женщина. — Это было четыре года назад в Париже. Мой муж был приглашен на фестиваль исполнительского искусства и попал в аварию — перевернулся автобус с музыкантами. Многие получили серьезные ранения, а один виолончелист из Австралии скончался на месте. Об этом много писали. Муж отделался легкими ушибами и ударом головы. От госпитализации он отказался, поскольку на следующий день должен был играть. Когда вернулся домой, то в поликлинику не обратился. Сначала было некогда, а потом мы забыли.

Патоморфолог достал из ящика раздробленный в области лба череп без нижней челюсти и протянул женщине.

— Посмотрите внимательно на зубы. Зубы без единой пломбы.

Женщина с ужасом отшатнулась от того, что протянул ей судмедэксперт. Дрожащими руками она откинула вуаль и пристально взгляделась в останки, не рискуя взять их в руки. Прежде чем открыть рот, женщина два раза судорожно шмыгнула носом, а подбородок ее задрожал.

— Зубы у него всегда были хорошие, — произнесла она. — За всю жизнь мой муж только два раза посетил зубной кабинет.

— Совершенно верно, — кивнул головой судмедэксперт. — В стоматологической карточке указано только о наличии двух запломбированных зубов на нижней челюсти. Но нижняя челюсть отсутствует. Теперь посмотрите на фрагмент одежды. — Патоморфолог вытащил из ящика комок грязной ветоши. — Узнаете?

Женщина пожала плечами. Тогда он достал из стола целлофановый пакет и пинцетом вытянул из него клочок ткани коричневого цвета.

— Да! — воскликнула женщина. — Это от его пиджака. Он купил его в Милане. Именно в этом пиджаке он отправился в тот день на репетицию.

— А какие на нем были брюки? — спросил из-за спины следователь.

— Темно-синие в крупную полоску, — ответила женщина.

— В такую? — Эксперт вытянул пинцетом из пакета кусок синей ткани.

— Да, это от его брюк.

— И последнее: носил ли он какие-нибудь украшения на теле?

— Он не любил ни цепочек, ни медальонов. Даже обручально-го кольца не надевал. Но всегда носил на мизинце левой руки малахитовый перстень. Перстень, по его словам, давал ему здоровье.

— Этот? — спросил эксперт, вытягивая из пакета перстень.

— Да. Это его перстень, — заплакала женщина и закрыла лицо руками.

— Спасибо! На этом все. Извините за нелепую процедуру! — сказал следователь, беря женщину за локоток. — Понимаем, что для вас она мучительная. Но что поделать? Такова наша работа. Вам еще нужно расписаться в протоколе, и можете быть свободны.

Через пятнадцать минут вдову, поддерживаемую следователем и дежурным милиционером, вывели на крыльцо. Лицо женщины было бледным, взгляд мутным.

— Спасибо, — еле слышно произнесла она. — Дальше я сама.

— Может, вас отвезти домой? — услужливо предложил следователь.

— Нет-нет! Спасибо. Мне нужно побыть одной.

Она, покачиваясь, поплелась к своему "мерседесу", с трудом открыла дверь и без сил плюхнулась на сиденье. Затем уткнулась

лбом в руль и сидела так несколько минут. Следователь, наблюдавший эту сцену с крыльца, покачал головой и произнес со вздохом:

— Шикарная вдовушка!

— Долго не задержится во вдовах, — выдал свое резюме дежурный.

Женщина оторвалась от руля и повернула ключ зажигания. В эту минуту раздался звонок на мобильном. Она вяло поднесла телефон к уху, и мужской голос в трубке произнес:

— Вы убедились?

— Да! — ответила она и тронулась с места.

В этот же день и в это же время на другом конце Москвы в Измайловском парке четыре наряда милиции оцепили небольшую поляну с огромным дубом посередине. На нижней ветке дуба на бельевых веревках висели друг против друга два окоченевших трупа. Это были юноша и девушка лет двадцати. Вокруг копошились эксперты, а неподалеку перед милицейским кордоном собралась толпа любопытных. Милиции было дано указание не пускать на поляну никого из посторонних, особенно корреспондентов. Единственный, кто был допущен из прессы к месту происшествия, — это спецкор “Коммерсанта” Анатолий Калмыков. Журналист по пятам ходил за начальником отдела по борьбе с организованной преступностью полковником Кожевниковым и настойчиво допытывался, какое отношение этот инцидент имеет к организованной преступности, если юноша и девушка, судя по предварительным данным, свели счеты с жизнью добровольно?

— Совершенно верно, — солидно отвечал полковник милиции. — Никаких следов насилия у жертв не обнаружено. Скорее всего, они повесились по обоюдному согласию. Но все дело в том, что за этой парочкой мы гоняемся уже восемь месяцев. У следствия все основания полагать, что на их счету восемь заказных убийств...

1

Маргарита не любила осени. Осень всегда наводила на нее тоску. Другие времена года тоже не отличались особой веселостью, но осень высасывала из груди последние капли жизни. Каждой осенью она умирала, впадая в тяжелую депрессию, но в то октябрьское утро проснулась с твердым намерением противостоять судьбе.

Маргарита поднялась с постели и подошла к зеркалу. То, что отразилось в нем, не произвело особого восторга, но и не вызвало обычного уныния. Женщина как женщина, среднего роста, нормального телосложения, тридцати двух лет. Маргарите было ровно столько, сколько отразилось в зеркале. Старше своих лет она не выглядела, но и меньше ей не давали. В ее внешности не было ничего отталкивающего. Почему же она до сих пор одна?

Женщина взгляделась в собственные зрачки и увидела в них такую тоску, что стало тошно. Вот, что отталкивает мужчин, —

глаза. Говорят, мужчины в первую очередь смотрят на ноги, но это неправда. Без сияющего взора даже самые красивые ноги покажутся костылями. Она попробовала улыбнуться, но улыбка в сочетании с унынием в глазах смотрелась затравленной усмешкой. “Классическая старая дева”, — подумала она и пошлепала в ванную.

Сегодня Маргарита решила действовать, а не ждать у моря погоды. Высушив феном волосы и подкрасив ресницы, она залезла в копилку, выгребла из нее все свои накопления за три года — три стодолларовые банкноты, без всякого сожаления положила их в сумочку, надела шляпу, плащ, очки и вышла на улицу.

Погода была омерзительной. Тяжелые тучи висели над головой, и от этого казалось, что на безлюдных улицах столицы еще раннее утро, хотя часы показывали двадцать минут двенадцатого. Дождя не ожидалось, но ветер был настолько ледяным, что хотелось плюнуть на все и вернуться домой. Однако Маргарита твердо решила либо изменить свою судьбу сегодня, либо вообще никогда.

Она спокойно доехала до Кропоткинской, без труда нашла нужную улицу и дом, поднялась на лифте на седьмой этаж и позвонила в нужную квартиру.

Дверь широко распахнулась, и перед Маргаритой предстала стройная блондинка лет двадцати двух в вельветовых джинсах, розовом джемпере и с обворожительной улыбкой на устах. “Вот на таких мужчины западают”, — отметила про себя Маргарита, а вслух произнесла:

— Могу я видеть потомственную колдунью Анжелику?

— Можете, — обаятельно кивнула девушка и провела ее в какую-то маленькую комнатку с занавешенными окнами. — Посидите, Анжелика сейчас вас примет!

Через пару минут она вернулась и повела посетительницу через коридор в самую дальнюю комнату.

Посередине стоял огромный стол, накрытый бордовым бархатом. На столе горели две тоненькие свечки, а за ним сидела пухлая женщина лет тридцати пяти с белым лицом и распущенными волосами. Черные глаза предсказательницы внимательно всмотрелись в гостью. Она взяла в руки хрустальный шар и, не отрывая глаз от посетительницы, принялась его вращать.

— Кто вас направил ко мне? — спросила хозяйка строгим, но в то же время вкрадчивым тоном.

— Никто, — оробела Маргарита. — Я прочла объявление в журнале “Семь дней”.

— Я так и думала. Вам не случайно попалось на глаза это объявление. Садитесь! Вижу, у вас большие проблемы с мужчинами. Рассказывайте!

Маргарита опустила на стоящий у стола стул и посмотрела предсказательнице в глаза.

— Да, у меня проблемы с мужчинами, — честно призналась она. — Они меня в упор не видят, словно я замороженная. Мне уже тридцать два года, а я все одна...

Предсказательница молча изучала посетительницу и крутила своими пухлыми руками шар. Затем неожиданно спросила:

— Вы кто по гороскопу?

— Телец, — ответила Маргарита.

Колдунья расширила глаза.

— Как вы вовремя! Сегодня последний день новолуния. Завтра начинается власть Сатурна, а он не любит тельцов. Вам покровительствует только луна. Сегодня решающий день в вашей жизни. Само провидение послало вас ко мне.

Колдунья закрыла глаза и начала что-то страстно шептать. Потом внезапно взяла левую руку Маргариты и вложила в нее шар. Кисть сделалась полупрозрачной.

— Вижу причину вашего одиночества, — произнесла предсказательница. — На вас карма предков, поэтому вас не хотят мужчины. Был человек, который хотел вас как женщину и который мог бы снять вашу карму, но вы его отвергли.

— Да-да, было! — закивала головой Маргарита. — В десятом классе один тип из параллельного класса приставал ко мне на дискотеке, а потом чуть не изнасиловал на скамейке.

— Вижу! Это была ваша судьба. По звездам именно он должен был лишит вас девственности.

Глаза Маргариты сделались круглыми.

— Что? Тот пьяный козел?!

— Такова жизнь, — сурово вздохнула колдунья. — В этом мире ничего не дается даром. Чтобы получить желаемое, нужно принести жертву.

Маргарита проглотила слюну и произнесла не своим голосом:

— Так я и знала. Сколько с меня?

— Моя такса триста долларов, — ответила Анжелика. — Но я не беру денег с тех, кому не могу помочь.

— Значит, мой случай безнадежен, — через силу улыбнулась Маргарита, нехотя поднимаясь со стула. — Но, может быть, вы посоветуете, к кому можно еще обратиться?

— Обратиться можно, — покачала головой предсказательница. — Но времени у вас уже нет. Сегодня последний ваш день, когда еще можно избавиться от кармы. Дайте правую руку!

Колдунья схватила руку своей расстроившейся клиентки и положила ее на шар. Она долго всматривалась в полупрозрачную кисть с розовыми ветками вен, после чего устало опустила веки и еле слышно выдохнула:

— Вижу!

— Что? — прошептала Маргарита, холодея от ужаса.

— Вижу рядом с вами мужчину. Это не просто мужчина. Это ваше спасение. Слушайте меня внимательно: первому попавшемуся, который сегодня обратится к вам на улице, вы должны

сказать так: "Я хочу, чтоб вы пошли со мной..." Кто бы это ни был, что бы он у вас ни спросил.

— И вести к себе? — испуганно пробормотала Маргарита.

— Разумеется, — ответила Анжелика.

— Но со мной обычно не заговаривают на улице.

— Сегодня заговорят.

Маргарита дрожащими руками расстегнула сумочку, вытащила из нее свои стодолларовые купюры и робко положила на стол. Она взглянула предсказательнице в глаза, скороговоркой поблагодарила и поспешно покинула квартиру.

2

Едва дверь за ней захлопнулась, занавеска за спиной колдуньи откинулась, и из-за нее вышел высокий молодой брюнет с кобурой на ремне.

— Слушай, у меня очко сыграло, когда ты сказала, что не берешь денег с тех, кому не можешь помочь. Ну, ты артистка! Да же я поверил!

— В нашем деле главное не столько раскрутить клиента, сколько сделать так, чтобы он не потребовал бабки обратно. Понял? Тут нужно очень капитально влезть в доверие. А доверия у таких теток можно добиться только единственным способом: когда делаешь вид, что ее несчастные баксы тебя не интересуют. Это же училка! Такая десять раз удавится, прежде чем расстанется со своими кровными.

— Тебе бы, Петровна, в театре работать! Как ты узнала, что на эту бабу кто-то западал?

— Дурак! По пьянке западают на всех. Неужели ты думаешь, что она никогда не была в пьяной компании? В России все-таки живет. И потом, не забывай, у меня бабка была колдунья, — улыбнулась прорицательница, пряча гонорар в сейф за занавеской.

— Э-э! — поднял палец брюнет. — Про свои колдовские способности заливай кому другому, только не мне. Я знаю тебя как облупленную. Мы с тобой все-таки в одной деревне росли. Нет, серьезно, откуда ты узнала, что она старая дева?

— Старых дев видно по глазам. У них взгляд тоскливый и осуждающий. К тому же у старых дев полностью атрофировано обаяние. Запомни, любая женщина, какой бы красивой она ни была, без мужика — всего лишь бумажный цветок.

В это время в квартиру снова позвонили.

— Быстро на место и ни звука! — цыкнула на парня Анжелика.

Брюнет спрятался за занавеску, а колдунья зажгла свечи и приняла серьезный вид. Она услышала, как помощница впустила в квартиру клиентку и проводила ее на кухню.

— Кто это, Вика? Опять она? — прошептала колдунья.

— Нет! Другая женщина. Из новых русских. Пахнет французскими духами. Плащ баксов за восемьсот. Костюмчик тянет

на все пятьсот. Туфельки, как у Золушки. Эта выложит двойную цену и бровью не поведет.

— Зови! — приказала Анжелика.

Через минуту в комнату вошла стройная красивая женщина в черном деловом костюме, пахнувшая дорогой парфюмерией. Ее светлые волосы были аккуратно уложены под золотую заколку, на лице минимум косметики, в ушах бриллиантовые сережки, тонкие пальцы в изумрудных кольцах.

— Я слышала о вас, как о самой проницательной ясновидящей, — грустно улыбнулась женщина, — поэтому и приехала.

— Вижу, что само провидение направило вас ко мне, — ответила Анжелика, насторожившись лестью посетительницы. — Сядьте и расскажите, что вас беспокоит?

Женщина элегантно опустила на стул и посмотрела предсказательнице в глаза:

— Можете вы по фотографии определить, жив человек, или нет?

— Элементарно. Фотография при вас?

Светская львица щелчком открыла сумочку, вытянула двумя пальцами фото и протянула предсказательнице.

— Это ваш муж? — спросила Анжелика, внимательно всматриваясь в фото.

— Муж, — ответила посетительница.

— Ушел из дома и не вернулся?

— Да, — еле слышно пролепетала "львица" и судорожно вздохнула: — Прошло уже два с половиной года.

Анжелика не мигая около трех минут глядела на фото, с которого смотрел улыбающийся мужчина лет сорока во фраке со скрипкой в холеных руках, потом подняла на посетительницу глаза и заметила, что та бледна, как бумага.

— Да, не расстраивайтесь вы так, — неожиданно улыбнулась предсказательница. — Жив ваш муж.

— Что вы сказали? — восторгалась женщина. — Он жив?

— Жив! Я его вижу живым и невредимым. И рядом с ним вижу какую-то женщину.

Глаза клиентки расширились до невероятных размеров.

— Нет! Этого не может быть, — простионала она. — Он всегда был верным мужем. И всегда любил только меня! Посмотрите лучше!

Анжелика положила обе руки на стеклянный шар и закрыла глаза. С минуту она молчала, качаясь взад вперед, затем торжественно произнесла:

— Женщина лет тридцати, среднего роста, глаза голубые, волосы пепельного цвета. Ничем особенным не отличается. Таких в Москве тысячи.

— Значит, мой муж в Москве? — ужаснулась женщина.

— В Москве, — кивнула Анжелика.

— А где именно, в каком районе?

— Нет! Район определить невозможно, — устало произнесла прорицательница. — Требуется очень большое напряжение. Всю энергию я потратить не могу. У меня еще сегодня посетители.

— Я заплачу двойную цену! — воскликнула женщина, полезла в сумочку, вытащила из нее шесть стодолларовых купюр и бросила на стол.

— Немедленно уберите деньги, они мешают сосредоточиться, — сердито рыкнула ясновидящая, поднимая ладони к вискам. Но едва посетительница протянула руку к столу, воскликнула: — Стойте! Вижу! Вижу Казанский вокзал! Но это все, что на данный момент я могу сказать про вашего мужа.

Посетительница намека не поняла.

— А чем он занимается? — спросила она.

— Играет в метро на скрипке, — ответила ясновидящая, покосившись на фотографию.

— Этого тоже не может быть, — растерянно прошептала женщина. — Он все-таки дипломант международного конкурса.

— В наши дни все может быть, — отрезала Анжелика.

И на этих словах в прихожей раздался звонок. “Клиент пошел косяком”, — подумала колдунья и покосилась на валяющиеся на столе деньги.

— Что ж, — произнесла женщина, расстроено поднимаясь с места, — пожалуй, я пойду. Но насколько, Анжелика Петровна, можно доверять вашей информации?

— На сто процентов!

— Можете вы мне сказать еще какие-нибудь подробности о моем муже? — спросила женщина.

— Могу, но в следующий раз. Сегодня я израсходовала весь свой энергетический потенциал.

Женщина щелкнула сумочкой и достала визитку.

— Я оставляю вам фотографию и визитку. Очень прошу, если увидите еще какие-нибудь подробности, позвоните мне на мобильный. Это будет оплачиваться отдельно. — Она тяжело вздохнула и вышла из комнаты.

— Эта бабенка — золотая жила, — прошептал из-за занавески охранник. — А ты правда думаешь, что ее мужик жив?

— Вряд ли он жив, — задумчиво ответила Анжелика.

— А вдруг найдут его труп? Тогда твоей репутации хана, — хихикнул за спиной парень.

— Скорее твой труп найдут, если ты сейчас не заткнешься.

В комнату с недоуменным лицом влетела Вика:

— Какой-то парень подозрительный. В кожаной куртке, в джинсах средней паршивости, пахнет пивом. Для клиента слишком веселый.

— Зови!

В ту же минуту в комнату вошел высокий небритый мужчина лет тридцати пяти в коричневой куртке. На плече у него висела кожаная сумка, в руках был мобильник. Он несколько иро-

ничным взглядом осмотрел комнату, после чего широко улыбнулся хозяйке и плюхнулся перед ней на стул.

— Добрый день! Вы потомственная колдунья Анжелика... Извините, не знаю вашего отчества.

— Не важно, — ответила колдунья.

— Меня интересует вот что, — шаловливо подмигнул парень, нисколько не смутившись ее холодным тоном. — Я слышал, что вы заряжаете кошельки с целью приманивания денег. Такое действительно возможно, или это сказки?

— Никакие не сказки, — произнесла обиженно Анжелика. — У людей бывает кармическая бедность. Такие никогда не разбогатеют, если маги не снимут с них блокировку на прибыль. Обычно такие люди трудятся день и ночь, но все равно бедствуют. Это говорит о том, что в прошлой жизни они либо сами были ворами, либо их предки прибирали к рукам все, что плохо лежит. В этой жизни они искупают свою вину. Но такая карма бедности снимается так же, как порча или сглаз. Процедура не простая. Но для меня нет ничего невозможного.

— Прекрасно! — обрадовался посетитель. — Сколько это стоит?

— В зависимости от тяжести кармы. В среднем, от трехсот до пятисот долларов.

— Не так уж и дорого, если учесть, что в перспективе навсегда расстаешься с бедностью! Значит, вы полагаете, что деньги нужно не зарабатывать, а приманивать!

— Вы хотите, чтобы я посмотрела вашу карму?

— Почему бы нет? Если вы зарядите мой кошелек, я буду счастлив. Но учтите, я не совсем клиент. Я журналист.

Посетитель вытащил из кармана удостоверение и сунул в лицо колдунье. «Леонид Берестов, — прочла она. — Газета «Московские Вести».

— Колдовство и магия — это моя тема. Но прежде, чем посмотрите мою карму, не согласились ли бы вы ответить на несколько вопросов?

— Нет! — отрезала колдунья.

— Нет, потому что боитесь разоблачения? — добродушно улыбнулся журналист.

— Нет, потому что устала, — произнесла как можно спокойнее Анжелика. — Сегодня я затратила много энергии, поскольку работала с фотографией. Это отнимает столько сил, что их надо восполнять неделями.

— Вы лечили? — иронично полюбопытствовал Берестов, покосившись на лежащее перед ним фото.

— Определяла, живой или мертвый.

— Это у той красивой женщины, с которой мы столкнулись в коридоре? — оживленно заерзал журналист. — У нее пропал родственник? Ушел из дома и не вернулся?

— Я не имею права разглашать тайны клиентов.

— Какие же это тайны? У нас в газете есть специальная рубрика под названием “Найди меня”. Мы помогаем разыскивать людей. Так что можете смело дать мне адрес вашей клиентки. Я ей помогу реально, а не виртуально.

Анжелика, не раздумывая, протянула назойливому посетителю визитку своей клиентки и сказала:

— Оставьте моей помощнице ваш телефон. Она вам позвонит.

— Так вы не отказываетесь от интервью? — поднял брови журналист. — Прекрасно! Только запомните, порча, лечение, сглаз меня не интересуют. Меня интересует механизм приманивания денег...

3

Когда Маргарита вышла на улицу, то заметила, что небо немного просветлело. Ветер утих, но теплее не стало. Прохожих на улице было по-прежнему мало, да и те с озабоченными лицами неслись по своим делам, не замечая встречных. Какие, к черту, мужчины? Кто с ней заговорит? Сегодня суббота. Все сидят в теплых квартирах. Жены хлопочут по хозяйству, мужья вытягиваются перед телевизорами.

Тем не менее ощущение, что сегодня произойдет нечто судьбоносное, осталось. Она решила поехать на Пушкинскую. Там круглые сутки много шатается всякого праздного сброда. Маргарита вспомнила того придурка из параллельного класса и представила, как бы сложилась ее жизнь, если бы она тогда отдалась ему на скамейке? Воспоминание вызвало такое омерзение, что к горлу подкатила тошнота.

Она не спеша докала по Тверской в сторону Красной площади и тайком посматривала по сторонам. Даже на Тверской в этот день и в этот час народу было немного. В основном — малолетки и иностранцы. Коренные жители столицы по субботам выползают из квартир ближе к вечеру. Уныние и отчаяние опять стали расплзаться по телу и разъедать душу.

И вдруг под козырьком гостиницы “Интурист” она увидела красивого, хорошо одетого мужчину лет сорока в длинном стильном пальто и фетровой шляпе. Это был единственный мужчина на всем ее пути. Он явно относился к иностранцам, поскольку смотрел на нее, широко улыбаясь своей белозубой улыбкой. Сердце Маргариты забилося. Если он обратится к ней на иностранном, то на каком языке она должна будет сказать свою заветную фразу? В случае чего, Маргарита может ответить и по-английски, поскольку владеет им свободно. И даже по-французски. Вот с немецким у нее сложности. Но кажется, это не немец, а американец.

Мужчина грациозно сошел со ступеней и двинулся к ней навстречу. Только бы не заметил ее собачью тоску в глазах. Нужно срочно натянуть улыбку! Когда он подошел совсем близко, Мар-

гарита внезапно сообразила, что он смотрит не на нее, а куда-то за спину. Она оглянулась и увидела роскошную женщину в шикарном пальто-разлетаке и шелковом кашне с кистями. Она улыбалась мужчине и кокетливо делала глазки. Маргарите ничего не осталось, как позорно потупить и прибавить шаг. Она услышала сзади французскую речь и оглянулась. Парочка мило обнималась.

В переходе "Торговых рядов" с ней неожиданно заговорила сидящая на ступенях старушка. Одной рукой она крестилась, другую протягивала Маргарите.

— Подай, дочка, сколько сможешь, на хлеб!

Еще не отошедшая от смущения после облома с иностранцем, Маргарита остановилась, внимательно взглянула на бабульку и протянула ей десять рублей. Она пошла по торговым рядам, пересекла по диагонали Манежную площадь, послушала стихи какого-то поэта, читающего под памятником Жукова, и, немного подумав, решила перекусить в кафе около ГУМа. Стрелки часов показывали три, но было безлюдно и как-то даже сонно. В кафе сидела молодая пара иностранцев и две девушки со скрипками в кофрах. Больше никого. Маргарита заказала себе кофе и два бутерброда с горбушей. Не успела она приложиться к чашке, как с улицы вбежал какой-то мужчина средних лет с озабоченным лицом. Он очень внимательно посмотрел на Маргариту и прошел к бару. Заказав себе пиццу, чипсы и бутылку пива, направился к ее столику. Маргарита побледнела и отвернулась к окну. Мужчина сел напротив и бесцеремонно впился в нее взглядом.

— Извините, это вы — Сверилина? — произнес он, сморщив лоб.

Маргарита вне себя от волнения подняла на него испуганные глаза и уже почти открыла рот, чтобы произнести свою судьбоносную фразу, как в тот же миг в кафе влетела запыхавшаяся женщина в сиреновом пальто. Она сразу же бросилась к их столику и спросила, обратившись к мужчине:

— Извините, вы Олег?

— А вы Маша Сверилина? — оживился незнакомец. — Слава Богу! А то я подумал, что не в то кафе пришел. Что вам заказать?

Они пересели за соседний столик и начали оживленно беседовать по поводу какого-то загородного дома. Маргарита быстро проглотила бутерброды, допила свой кофе и поспешно покинула заведение. На улице она отдышалась и вдруг внезапно поняла, что колдунья ее обманула. Вся инсценировка в той двухкомнатной квартире на Кропоткинской, называвшейся магическим салоном "Анжелика", с фальшивыми дешевыми обоями, благовониями и свечами, была устроена для того, чтобы с нее, с бедной несчастной Маргариты, содрать последние триста долларов.

На глаза навернулись слезы. Денег не жалко, было обидно за этот жалкий мир, привыкший наживаться на чужих несчастьях и людских надеждах.

Маргарита подошла к автомату и набрала номер телефона своей подруги Светки. Всегда, когда ей плохо, она изливается Светке. Конечно, гнусно звонить лучшей подруге только тогда, когда плохо. У Светки и без нее хлопот полон рот. Младший сын нормальный, а старший имбецил, с которым она мучается уже двенадцать лет, но еще не научилась улыбаться.

Светка оказалась дома и обрадовалась звонку Маргариты.

— Я сегодня отдыхаю! Я сегодня кайфую! Муж забрал пацанов и повез их к родителям. Я одна в тишине пью кофе, лопаю банан, спокойно, без страха, что сейчас подбежит Кирилл и с криком вырвет из рук. Словом, наслаждаюсь жизнью. А у тебя как дела?

Маргарита подумала, что очень эгоистично омрачать своими проблемами праздник Светке, который выпадает раз в три месяца, однако не выдержала и рассказала ей о своем визите к колдунье и о том, как ее по-детски обвели вокруг пальца. Когда она закончила, Светка долго молчала. Потом неожиданно воскликнула:

— Слушай! У нас на работе Петрович из конструкторского отдела развелся с женой. Он попросил подыскать ему хорошую женщину. Я сказала, что у меня есть подруга, симпатичная, отзывчивая, интеллигентная, с двухкомнатной квартирой. Он сразу заинтересовался.

Маргарита криво усмехнулась и произнесла со вздохом:

— Ты читала “Божественную Комедию” Данте? Обратила внимание, что сводники в аду находятся на самом дне, гораздо ниже убийц и садистов? А знаешь, почему? Потому что сводить людей для совместной жизни — прерогатива богов, а не презренных смертных.

— А разве я хочу свести вас для совместной жизни? — удивилась Светка. — Просто хочу познакомить любимую подругу с интересным человеком. Словом, так, Марго! Сейчас я ему позвоню, а ты перезвони через пять минут.

Ровно через пять минут Маргарита перезвонила Светке, и та, не спросив даже “кто?”, взволнованно проговорила:

— Он нас ждет! Встречаемся через час у Казанского вокзала!

Маргарита повесила трубку и поморщилась. Это новое знакомство ей не нравилось, было в нем что-то унижительное. Но через двадцать минут она не торопясь вышла из метро, прошла три длинных перехода, осмотрев по пути все киоски, и только после этого подошла к зданию Казанского вокзала. Однако до встречи оставалось еще долгих полчаса.

Маргарита остановилась у пустой скамейки, чтобы взглянуть на себя в зеркальце, расстегнула сумочку, достала помаду и вдруг услышал сзади мужской, усталый голос с хорошей дикцией:

— Девушка, скажите, какой это город?

Она удивленно обернулась. Перед ней стоял настоящий бомж, в ушанке, мятом потасканном пальто, раздолбанных бо-

тинках и грязных рваных джинсах, с длинными слипшимися волосами и кучерявой бородой. На вид ему было не больше сорока. Лицо белое, глаза большие, синие, печальные.

— Я хочу, чтобы вы пошли со мной, — неожиданно выпалила Маргарита и рванула прочь.

4

Выйдя на улицу и заведя машину, журналист внимательно взгляделся в визитку, которую ему сунула прорицательница с целью, чтобы он от нее отвязался. Это было очевидно. Однако к такому обращению Берестов привык. Что делать? Такова журналистская доля — сносить пренебрежение и неприязнь. Также было очевидно, что добровольно колдунья не даст никакого интервью, и ни за какие деньги не согласится сфотографироваться. Берестов на жуликах подобного рода собаку съел. Она будет откладывать свою встречу на неделю, на месяц, на два, а потом съедет с квартиры, потому что к этому времени накопится порядочное количество клиентов, которые захотят возратить свои деньги обратно. Так что по поводу нее Берестов никаких иллюзий не питал. Его интересовала обманутая клиентка, которой зарядили кошелек.

Выцыганенная у колдуньи визитка выглядела шикарно: из черного пластика, на котором с обеих сторон, на английском и русском, было выгравировано золотыми буквами: “Баскакова Виктория Эдуардовна — директор международного концертного агентства “Орфей”, и указано несколько телефонов, в том числе и два мобильных.

Берестов позвонил по одному из них, и ему ответил обаятельный женский голос:

— Да, я слушаю!

— Добрый день, Виктория Эдуардовна! Вам звонит журналист Леонид Берестов. Мне дала ваш телефон хозяйка магического салона “Анжелика”. Она сказала, что вы разыскиваете своего пропавшего мужа. Может быть, я вам смогу чем-нибудь помочь?

— Чем же вы сможете мне помочь? — спросила женщина после некоторого молчания.

— В нашей газете есть рубрика под названием: “Найди меня!” Вы расскажете, где, когда и при каких обстоятельствах исчез ваш муж. Поместим его фотографию. Может, кто-то его и видел. Наши читатели очень активные.

Женщина долго раздумывала, после чего произнесла:

— Спасибо. Обойдусь своими силами.

— Вы меня удивляете, Виктория Эдуардовна! — горячо возразил Берестов. — Вы обращаетесь к проходимцам, платите им большие деньги и отказываетесь от бесплатных услуг тех, которые хотят вам помочь реально.

— По-вашему, Анжелика Петровна проходимка? — удивилась женщина.

— А кто же еще? Я этой колдовской братией занимаюсь десять лет. Девяносто процентов из них — шарлатаны. Настоящих — один на тысячу, и то не всегда.

После этих слов в трубке воцарилось долгое молчание.

— Ну... хорошо, — произнесла неуверенно женщина. — Раз вы настаиваете, давайте встретимся... Когда вам удобно?

Они встретились через час на Кузнецком мосту. Берестов пересел из своих "Жигулей" в ее белый "мерседес", и сразу же его обдало какой-то неземной парфюмерией.

Красивая молодая женщина, холеная, ухоженная, в бриллиантовых сережках и золотом колье, смотрела своими синими глазами на журналиста так внимательно, что Леонид смутился.

— Вы сказали, что Анжелика проходимка? — спросила она, чуть сощурился глаза.

— Естественно! Кто действительно обладает даром ясновидения, тот не берет денег. Это такой закон. Понимаете? Те, кто свой божественный дар пускает на коммерческие рельсы, быстро его лишается. Бог его отбирает. Так говорят настоящие маги.

— Вы мне можете найти настоящую ясновидящую?

— Без проблем!

— Понимаете, у меня не совсем обычный случай, — покачала головой женщина. — Два года назад моего мужа объявили в розыск. А потом его останки нашли в Москве-реке. Меня приглашали на опознание. Это было ужасно. — Глаза ее наполнились слезами. — Он был такой высокий, сильный, обаятельный, а тут мне подают его кости, которые уместились в какой-то коробочке метр на полметра. Что я могла узнать? Ну, часть полуистлевшей одежды. Вроде она. Зубы без единой пломбы. Тоже вроде его. И все.

— Значит, вы не уверены, что это были останки вашего мужа? — спросил Берестов.

— Тогда была уверена. Экспертиза доказала, что это именно он. Но недавно мне сказали, что его снова видели в Москве.

— Что значит, снова? — удивился Берестов.

— До того, как выловили труп, его ежедневно видели на улице, — пояснила женщина. — Но после того, как я его похоронила, он перестал встречаться моим знакомым. Я уже смирилась с его смертью, но вот вчера позвонила моя знакомая и сообщила, что Антона видели у Казанского вокзала. — Она шмыгнула носом и полезла в сумочку за платочком.

— А вы хорошо знаете вашу знакомую? — сощурился Берестов.

— При чем здесь это? — удивилась женщина. — Какой ей резон вводить меня в заблуждение?

— Я думаю, есть резон, Виктория Эдуардовна. Так она сама видела, или видели ее знакомые?

— Говорит, что муж ее видел собственными глазами. Хотя я не верю. Так уже было: начинаешь выяснять, кто видел, оказывается, никто не видел. Только слышал, что кто-то видел.

— Типичный случай, — покачал головой Берестов. — Так что вы зря поспешили выложить деньги Анжелике.

— Есть одно “но”, — возразила женщина, промокнув платочком глаза. — До вчерашнего дня никто не указывал места, а на этот раз указали: Казанский вокзал. И Анжелика Петровна мне сказала, что мой муж обитает у Казанского вокзала.

— Так-так-так! — скептически улыбнулся журналист. — А скажите, Виктория Эдуардовна... за эту подробность колдунья взяла с вас дополнительную плату? Ну, аргументировала тем, что на это уходит много энергии, а ей сегодня еще работать и работать?..

— Да, именно так. Хотя, нет. Я сама предложила деньги...

— Ну, понятно, что сами! А теперь вспомните, кто из ваших знакомых сказал, что видел вашего мужа у Казанского вокзала?

— Моя бывшая одноклассница.

— А не знакома ли ваша бывшая одноклассница с потомственной колдуньей?

— Нет! Точнее... знакома, но не близко. Пользовалась ее услугами пару лет назад... — И вдруг глаза Виктории Эдуардовны просветленно сверкнули. Она бросила на журналиста изумленный взгляд и тихо произнесла: — Вы думаете, они меня обрабатывали?

— Не думаю, а уверен, — снисходительно улыбнулся Берестов. — Я вам сразу сказал, что знаю эту братию, как облупленную. У них даже приемы по обработке клиентов одни и те же. Если маг говорит, что у него недостаточно энергии для более скрупулезного выявления деталей, это явный намек на доплату...

— Но моя знакомая выбралась из нищеты благодаря Анжелике Петровне.

— Это она вам сказала?

— Почему сказала? Все происходило на моих глазах. Ей никогда не везло с деньгами. С мужчинами тоже. Тогда она пошла к Анжелике. Та подкорректировала ей карму, и деньги повалили.

Берестов понимающе улыбнулся.

— Верю, что после посещения колдуньи вашей подруге стало фартить. Только не потому, что Анжелика сожгла ее карму, а потому, что та стала поставлять ей клиентов.

— Не может быть. Со мной она не могла так поступить. Мы с ней знакомы с детства...

— А вы не дадите ее телефон? — перебил Берестов.

— Без ее разрешения не могу!

— Я вам взамен дам адрес настоящей ясновидящей. Бабки Матрены. Она, правда, живет не в Москве, а в Тверской области, однако по силе не уступает Ванге.

Женщина подумала и сказала:

— Что ж, записывайте. Но учтите, я вам не давала.

— Заметано! — обрадовался Берестов и полез в сумку за записной книжкой.

После того, как они обменялись адресами, настроение журналиста улучшилось. Главное достигнуто: он получил клиентку, о которой мечтал, однако смываться сразу было неудобно.

— Если вы сомневаетесь, что ваш муж погиб, я могу поместить его фотографию в нашей газете. А, кстати, при каких обстоятельствах он исчез?

— При весьма странных, — ответила женщина. — Два года назад он, как обычно, отправился на работу, и с тех пор я его больше не видела. Антон работал в музыкальном театре “Рубикон”. Первая скрипка в оркестре. Победитель двух международных конкурсов. Музыкант в Москве довольно известный. Антон Баскаков! Наверняка вы слышали?

— Как же! Конечно, слышал! — воскликнул Берестов, выкатывая на собеседницу удивленные глаза. — Так это ваш муж? Надо же? — Он почти искренне покачал головой, сожалея о том, что за свои тридцать пять лет ни разу не был в “Рубиконе”.

— С утра была репетиция, — продолжала Виктория Эдуардовна. — После нее Антон должен был поехать в автосервис менять шины, но почему-то не поехал, а отправился куда-то пешком. Назад не вернулся. Машина несколько дней стояла у театра. А он исчез. Через год его останки нашли в Москве-реке. Случайно. Во время очистительных работ. Он был убит из пистолета двумя выстрелами в голову.

— Кошмар! Что говорят правоохранительные органы?

— Уголовное дело еще не завершено. Прокуратура уверена, что убийство заказное.

— Заказное? У него были враги?

— В том-то и дело, что не было. Есть версия, что его убили по ошибке. Следователь уверяет, что Антон похож на одного авторитета из можайской группировки... — Женщина судорожно вздохнула и отвернулась к окну. После некоторого молчания она произнесла: — Вы оставьте свой номер телефона. Возможно, я воспользуюсь вашим предложением...

5

Словно в забытьи неслась Маргарита по переходу, сердце ее бешено колотилось. Незнакомец молча следовал за ней, не отставая ни на метр. Не оглядываясь, девушка прибавляла шаг и чувствовала, что идущий за ней мужчина тоже ускоряет ход. Бомж не стремился поравняться с ней, а шел в полтора метра от нее, шаркая своими разбитыми ботинками. Беглянка прошла через турникет метро и помчалась вниз по ступеням. Потом вдруг оглянулась — бомж покорно стоял перед турникетом и растерянно смотрел ей вслед. К нему уже спешил контролер. Он схватил бомжа за рукав и потащил в сторону милицейского пункта. Бомж растерянно указывал рукой вниз, пытаясь что-то объяснить.

Маргарита прошла в конец зала, села на скамейку и закрыла лицо руками. Сейчас домой, поставить к ногам обогреватель, плюхнуться лицом в подушку и обо всем забыть...

Она услышала грохот подходящего поезда, оторвала от лица руки и обомлела. Он стоял в полутора метрах от ее скамейки, робко прислонившись к стене, и украдкой поглядывал на нее. "Как его пустили? — мелькнуло в голове. — Сказать, чтоб отвязался?"

Пассажиры высыпали из вагона. Маргарита вошла в переднюю дверь, бомж вошел в соседнюю. Она села на свободное место, он прислонился к двери и опустил голову. За все время пути бородач ни разу не поднял глаз. Доехали до станции "Спортивная", Маргарита вышла из вагона. Бомж поплелся за ней в том же темпе, что и она. "Сейчас доеду до верха и укажу на него милиционеру", — решила Маргарита, поднимаясь на эскалаторе, потом подумала, что это будет подло. Она ему просто скажет, как только они выйдут на улицу, чтобы шел на все четыре стороны, и даст десять рублей.

Но когда они вышли, Маргарита, оглянувшись и взглянув в его глаза, увидела в них такую детскую доверчивость, что язык тотчас онемел. Она не произнесла ни слова, молча развернулась на каблуках и поцокала к своему дому через дворы. Он потопал следом, но уже где-то в метрах трех. Когда женщина подошла к подъезду, бомж растерянно застыл на середине двора, не решаясь подойти поближе. Распахнув дверь, Маргарита оглянулась, затем быстро посмотрела по сторонам и вдруг неожиданно для себя скомандовала:

— А ну, быстро в подъезд!

Он сорвался с места и приблизился к ней. Маргарита впихнула его в подъезд и захлопнула за собой дверь. Главное, чтобы не встретились соседи!

Соседи, слава Богу, не встретились. Маргарита вызвала лифт, и в абсолютном молчании они доехали до пятого этажа. Прежде чем выйти на площадку, Маргарита внимательно осмотрелась по сторонам, затем быстро отперла решетку, за ней — обе двери и, распахнув их, строго посмотрела на гостя.

— Входите! — произнесла она сурово.

Бомж недоверчиво взглянул в ее глаза:

— Только после вас.

Маргарита схватила мужчину за воротник и втощила в прихожую, досадуя на его излишнюю воспитанность. Захлопнула обе двери и, наконец, вздохнула с облегчением. Гость скромно вжался в стену в ожидании дальнейших приказаний.

— Что ж, раздевайтесь, раз уж вы здесь! — произнесла хозяйка и, скинув с себя плащ, повесила его в шкаф.

Гость разулся, обнажив рваные, разящие потом носки, снял пальто, оставшись в черной рабочей куртке, и, перекинув его через руку, снова врос в стену.

— Положите ваше пальто на пол и идите в ванную, — строго продолжала Маргарита. — Можете вымыться. Шампунь наверху, мыло на полке. Вот это розовое полотенце ваше.

— Спасибо! Вы очень добры, — вежливо произнес гость и зацелнулся на щеколду.

Маргарита прошла на кухню и открыла форточку. От его пальто несло помойкой. Хозяйка немного поразмыслила, после чего решительно бросилась в прихожую, брезгливо подняла пальто с башмаками и отнесла в мусоропровод. Затем спустилась на третий этаж к тете Лиде, которая всем на мужниных поминках навязывала костюмы и рубашки покойного супруга, и спросила, не осталось ли что-нибудь из одежды?

— А вам зачем, Риточка? — поинтересовалась тетя Лида.

— Знакомые просили для беженцев из Чечни.

Кое-что из одежды осталось. Тетя Лида достала две рубашки: одну байковую, клетчатую, почти новую, другую — белую, на выход. Нашлись также брюки в стрелочку, джинсы, пиджак и турецкий джемпер, почти новый, спортивный костюм и черная болоньевая куртка.

— А как насчет нижнего белья? В Чечне ужасный дефицит.

Тетя Лида порылась в шкафу и извлекла из него две белые майки, кальсоны на ляпочках и трусы в горошек. Упаковав все это в четыре пакета, Маргарита пробормотала, что для полного счастья не хватает еще чистых носков и каких-нибудь шлепанцев. Носков нашлось целых четыре пары, синих, из чистого хлопка, а вот шлепанцев — увы. Зато остались китайские кеды сорок второго размера.

— Пойдет? — спросила тетя Лида.

— Вполне! — улыбнулась Маргарита.

Она поднялась в квартиру, и, кажется, вовремя. Распаренный и благоухающий французским шампунем гость уже вышел из ванной и дожидался ее в прихожей, не решаясь без команды пройти в комнату.

— Помылись? Прекрасно! — произнесла с поджатыми губами Маргарита и сунула ему в руки пакет. — Теперь снова зайдите в ванную и переоденьтесь. А старую одежду сложите в пакет. Я ее выброшу в мусоропровод.

— Спасибо, — буркнул бомж и закрылся в ванной.

Через две минуты незнакомец вышел, облаченный в клетчатую рубашку и синие джинсы, которые ему были коротки на целую ладонь. Зато рубашка и носки пришлись впору.

Маргарита критически осмотрела его с ног до головы. Русые мокрые волосы были аккуратно зачесаны назад. Вымытая борода тоже выглядела вполне цивилизованно. Глаза немного прояснились и потеплели, но были по-прежнему настроенными.

— Пойдемте на кухню, — сказала Маргарита. — Есть хотите?

— Спасибо, я сыт! — торопливо ответил гость.

Его вежливость начала раздражать хозяйку.

— Вы вообще кто? — спросила она миролюбиво, ставя на плиту чайник.

Глаза гостя сделались тревожными. Он напряг лоб, затем, грустно улыбнувшись, виновато пожал плечами и прошептал:

— Не знаю.

— Как это не знаете? — нахмурилась Маргарита. — Зовут вас как?

Его взгляд снова сделался растерянным.

— Не знаю.

Маргарита присела напротив и, сощурив глаза, принялась хозяйски разглядывать гостя. “Может быть, шизик? Сбежал из больницы, а я, дура, привела”, — подумала она.

— Ну, а где вы жили до этого?

— Не знаю, — снова повторил он.

— Вы что, инопланетянин? А что вы знаете? Вы, может быть, лежали в больнице?

Глаза бомжа совсем потухли.

— Нет. Больницу я не помню. Только помню, как мыл бутылки...

— Их немывыми не принимали, что ли?

— Нет. Я мыл бутылки в цехе, на каком-то заводе, из шланга. На мне был резиновый фартук и резиновые сапоги. — Он замолчал и задумался. После чего посмотрел на хозяйку уже более осмысленным взглядом: — Еще помню, как я ехал в тамбуре какого-то товарного вагона и чего-то боялся. А вокруг были леса. С обеих сторон деревья, сосны... и так долго-долго... А потом я оказался в этом городе. Три дня назад меня разбудил милиционер на лавочке вокзала и выгнал на улицу.

— И вы все три дня ошивались на вокзале?

— Да. Я не знал, куда мне идти. А там я помогал пассажирам таскать чемоданы. Мне платили. Много платили. У меня есть деньги. Я вам заплачу за одежду. — Он полез в карман и вытащил несколько скомканных десятков.

— А где же вы спали? — поинтересовалась Маргарита, игнорируя его деньги и все больше убеждаясь, что перед ней больной.

— Я, можно сказать, почти и не спал, — произнес он устало.

Сердце Маргариты защемило от жалости.

— Сейчас я вас уложу, — мягко проговорила она. — А пока поешьте.

— Нет-нет, спасибо, я сыт.

Маргарита налила в огромную чашку чай, сделала три больших бутерброда с сыром, горбушей и ветчиной и, строго приказав съесть все это, пошла застилать диван. Когда она вернулась в кухню, то увидела, что гость почти спит, прислонившись головой к стене. Однако при виде хозяйки он встрепенулся и растянулся в виноватой улыбке. На столе не было ни крошки. Большая чашка из-под чая стояла около мойки уже вымытая, тарел-

ка, на которой лежали бутерброды, тоже была помыта и аккуратно поставлена на полку.

— Не похоже, что он из больницы, — подумала Маргарита. — У него манеры хорошего семьянина. Впрочем, возможно, это профессиональное. Ведь он мыл бутылки”.

— Пойдемте, я вас уложу, — вслух произнесла она.

Гость покорно поплелся в зал. Увидев диван с белоснежной постелью, он испуганно попятился.

— Что вы! Мне лучше на полу.

— Быстро ложитесь. И больше ни слова, — повысила голос Маргарита.

— Спасибо. Вы очень добры, — растроганно проговорил гость и стал расстегивать рубашку...

6

В субботу вечером колдунья с охранником праздновали удачу. Вика сгоняла им за водкой и ушла домой, отказавшись участвовать в пьянке. Анжелика, распахнув все форточки, чтобы выветрить благовония, нетерпеливо разлила водку по стаканам и подмигнула охраннику. Парочка весело чокнулась и залпом опустошила содержимое.

— Если бы каждый день, как сегодня, — мечтательно причмокнул Валера. — Девятьсот баксов за день. Не хило!

— У меня эти журналисты вот где сидят, — прохрипела прорицательница, хлопая себе по горлу. — Из-за них я уже в седьмой раз меняю квартиру.

— Кстати! — воскликнул охранник, давясь ветчиной. — Ты зачем журналисту отдала визитку этой тетки? Ее еще доить и доить.

— Второй раз с такой лучше не встречаться, — покачала головой Анжелика. — Поверь моему опыту.

— Так она же еще придет.

— Если успеет. В понедельник мы сматываемся на другую квартиру.

Колдунья разлила остатки по стаканам, но выпить парочке не удалось. В прихожей раздался звонок.

— Это еще кто? — удивилась Анжелика. — Иди посмотри! Если вернулся кто-то из сегодняшних, скажи, что я уже ушла и буду только в понедельник.

Охранник отправился в коридор. Поговорил с кем-то через дверь и вернулся.

— Там какая-то девица. Ей срочно нужно приворожить начальника. Примешь?

Анжелика подумала и спросила:

— Как я выгляжу? Нормально?

— Да, чего тебе будет со стакана.

— Зови! Водку отнеси на кухню.

Парень взял бутылку со стаканами и вышел. Анжелика быстро сгребла в стол нарезанную закуску, закрыла форточку, за-

жгла свечи, благовония и поправила волосы. Она услышала, как в коридоре щелкнул замок. И вдруг до ее слуха донеслась какая-то возня. Явно послышался глухой удар кулаком, стон охранника, и несколько тяжелых ботинок громко затопали по квартире. В тот же миг в комнату предсказательницы ворвались четверо здоровых стриженных парней. Самый высокий из них при виде хозяйки салона презрительно скривил рот:

— Ты потомственная колдунья Анжелика?

— В чем дело, мальчики? Я никому плохого не делала... — испуганно залепетала прорицательница.

— Заткнись! Так это ты, сука, воду мутишь? Давай рассказывай, когда и у какого вокзала видела скрипача?

Анжелика покосилась на лежащую перед ней фотографию мужчины во фраке и все поняла.

— Ничего я не видела. Вы меня с кем-то перепутали...

— Заткнись! — зло скривился незнакомец. — Ты днем сказала женщине, что ее муж жив. Так?

— Я наврала! — выдохнула колдунья.

— Так, я не понял, — произнес главарь, поднимая со стола фотографию, — этот скрипач жив или нет?

— Не знаю! — прошептала Анжелика, сильно побледнев.

— Ты же колдунья!

— Нет, я не колдунья. Как на духу вам говорю, что не колдунья.

Парни снова переглянулись, и кривой рот главаря растянулся в веселой усмешке.

— Чего же ты людям голову морочишь, да еще такие деньги берешь?

— Я больше не буду...

Непрошенный гость вытащил из кармана сотовый телефон и протянул хозяйке.

— Звони!

— Кому?

— Клиентке! Скажи ей, что вышла ошибочка. Никакого мужа у Казанского вокзала не видела, денежки возвращаю и выплачиваю компенсацию в таком же размере...

— Но у меня нет ее телефона.

— Как нет? Она тебе оставляла свою визитку.

— Я отдала ее журналисту, Леониду Берестову...

— Зачем же чужие визитки раздавать, да еще журналистам, — произнес сквозь зубы детина, и вдруг схватил Анжелику своей мочей пятерней за волосы. — Ты знаешь, что за это бывает?

Слезы брызнули из глаз несчастной женщины. Бандит тяжело вздохнул и великодушно произнес:

— Набирай. Диктую!

Анжелика дрожащими руками взяла телефон, набрала продиктованный номер и, услышав голос своей утренней клиентки, жалобным голосом сказала все, что от нее требовали.

— Деньги я вам верну, — добавила она упавшим голосом, — так что не волнуйтесь.

— В двойном размере, — подсказал парень.

— В двойном размере, — повторила Анжелика и обвела парней заискивающим взглядом.

— Ну что, Анжелика Петровна, пора платить по счетам, — усмехнулся главарь. — Тысячу двести ты должна вернуть бедной вдове, четыре — нам за вызов, и тысячу — за то, что работала без лицензии. Итого, шесть двести чистоганом. Извольте, сударыня!

Колдунья растерялась:

— Но у меня нет таких денег!

— Чего? Ты берешь шестьсот баксов за сеанс и у тебя нет денег? — поднял брови главарь. — Может, за лохов нас держишь? А может, хочешь, чтобы мы включили счетчик?

— Нет. Я отдам!

— Еще штуку за вранье.

Анжелика тяжело поднялась с места и зашла за занавеску. В наступившей тишине было слышно, как проскрипела тахта, затем послышался хруст пакета, наконец зашелестели купюры. Всю эту процедуру четверо стриженных слушали, затаив дыхание, дисциплинированно стоя по стойке "смирно". Наконец Анжелика вышла из-за занавески и дрожащими руками протянула пачку стодолларовых купюр.

— Надеюсь, не фальшивые, — улыбнулся главарь.

— Обижаешь, начальник, — скривила губы Анжелика.

Парень сунул пачку в карман, стремительно развернулся и быстро пошел к двери. За ним, так и не вымолвив ни слова, дисциплинированно потопала вся команда. Когда дверь за бандитами захлопнулась, колдунья простионала:

— Козел, ты зачем их пустил?

В конце коридора послышался виноватый шорох, затем жалобный стон. Через минуту в дверях, покачиваясь и держась за распухшую челюсть, появился салонный охранник. Глаза его были мутны, на лице кровоподтеки.

— Профессионалы, собаки! — прохрипел он, прислонившись к косяку. — Вот бы мне с ними... с собаками... Хорошо, хоть Вики не было. Ну что, Петровна, пора уматывать в деревню.

— Дурак! — прошипела сквозь зубы Анжелика. — Мы полные банкроты, а ты о какой-то Вике...

7

До Марии Свериловой Берестову удалось дозвониться только в понедельник.

— А я выходные провожу на даче, — радостно сообщила она. — Надоела, знаете ли, эта Москва.

Такая словоохотливость понравилась журналисту. Опыт подсказывал, что при грамотной постановке дела из такой дамочки можно выцыганить любую информацию. Представившись как

можно обаятельней и популярно объяснив, что от нее требуется, Берестов попросил о встрече.

— Не подумайте, что нечто разоблачительное. Наоборот, это реклама для Анжелики, — уверил журналист.

— Но ведь никто не поверит, — рассмеялась в трубку Сверилина. — Знаете, я тоже сначала не верила, а потом нищета так меня достала...

— Стоп-стоп, Мария Александровна! — мягко прервал журналист. — Давайте с вами встретимся в кафе, как цивилизованные люди, что-нибудь выпьем, съедим, и вы мне расскажете все по порядку.

Они встретились через час в какой-то пустой кафешке на Тверской.

Мария Сверилина оказалась высокой румяной девицей лет тридцати. С первого взгляда безошибочно определялось, что она из тех, у кого душа всегда нараспашку.

— Вы знаете, — начала она, — я сама не верила во всякие эти чудеса, ворожбу, сжигание кармы, а привлечение денег при помощи магии мне вообще казалось диким бредом. А сейчас, — Мария расплылась в счастливой улыбке, — коттедж под Москвой покупаю. Около Солнечногорска. В Ленинградском направлении. Сорок минут на автомобиле. Еще два года назад я о таком даже мечтать не смела. Три этажа! Пятьсот квадратных метров. Двенадцать соток участок. И знаете, за сколько? Всего за семьдесят тысяч.

Берестов мысленно себя поздравил. Это просто находка для журналиста.

— И все благодаря колдунье? — улыбнулся он.

— Исключительно благодаря ей. Дай Бог ей здоровья! Дело в том, что я рентгенолог. Ну, какая у рентгенолога зарплата? Посудите сами! А с деньгами мне вообще никогда не везло. Мои родители были обыкновенными советскими инженерами. Жили мы от получки до аванса. Ни машины, ни дачи. Так, какой-то задрипанный участок — двести километров на электричке. Прикиньте!

— Далековато, — согласился Берестов.

— Не только далековато, а вообще невозможно! — горячо подержала Сверилина. — Замуж я вышла рано. В девятнадцать лет. Нам с Сережкой накидали на свадьбу столько, что можно было купить два "Жигуля". А тут — бац! Реформа. Ну, сняли мы с книжки все деньги и купили себе по паре джинсов и две пары кроссовок. И пошло-поехало: опять безденежье, как у родителей, опять эта тяготища от аванса до получки. Помните, в девяносто третьем все торговали. Мы тоже, заняли денег, начали торговать, заработали кругленькую сумму — положили в "РДС" — бац! И там надули. Опять остались без копейки. Что делать? Снова заняли. Начали "челночить". Вернее, муж "челночил". Я-то работала в своей поликлинике. Только более-менее начали вставать на но-

ги — бац! — августовский кризис. А муж перед этим занял в долларах. Чтобы отдать долги в новой котировке, пришлось выгрести все свои рублевые накопления. Так мы в третий раз остались у разбитого корыта. Мои подруги к этому времени уже все имели роскошные квартиры, дачи, иномарки, объездили весь мир, а мы как сидели с мужем в своей однокомнатной хрущобе, так и сидим. Муж с горя запил. Руки опустились. За что-либо браться уже нет никакой охоты. Сами понимаете. Я получаю в своей поликлинике жалкие гроши. На них мы и жили. Делать нечего, вылезать как-то надо. Вот я, можно сказать, с отчаянья и поперлась к этой потомственной колдунье. Выгрела из загашника последние триста долларов, думаю, все равно Сережка пропьет, и пошла к ней. Анжелика посмотрела мою карму и сказала, что мой дед по материнской линии был вором, и мне предписано отбывать за него наказание. Но это можно исправить. Анжелика пошептала что-то над свечой, покрутила свой магический шар и говорит: “Чтобы избавиться от кармы, ты должна отдать последнее”. Словом, все деньги, которые у меня еще оставались, я должна раздать нищим. А перед этим я у первой попавшейся женщины должна купить то, что она мне предложит. И вот то, что я у нее куплю, принесет мне удачу.

Маша окинула сияющим взором Берестова и расплзлась в широкой улыбке. Журналист улыбнулся в ответ:

— Очень интересно! Продолжайте!

— Выхожу я от Анжелики. В кошельке денег — вот только со слезами дотянуть до аванса. Иду через переход и раздаю последние рубли нищим. А был конец мая. Везде продают клубнику, которую я уже не ела пять лет. У меня текут слюни, а я бездарно раздаю свои последние десятки кому попало. Выхожу из метро на своей станции, половины денег уже нет, но продолжаю совать десятки во все протянутые ладони. И ни одна торговка с клубникой не предложила мне купить ягод. И вот у самого выхода подлетает ко мне какая-то тетенька и сует в нос “Московский комсомолец”. Мол, купите свежий номер! Я его покупаю, раздаю последние деньги и прихожу домой. Валюсь на диван, открываю газету и сразу натываюсь на объявление “Фирма ищет сотрудника на высокооплачиваемую работу. Предпочтение медработникам”. Звоню. Подтверждают. Действительно, фирма нуждается в медработниках. Однако поясняют, что в данный момент у них открытая вакансия рентгенолога. Я отвечаю: “Я и есть рентгенолог”. “Прекрасно! Приходите завтра на собеседование”. Прихожу! Оказалась солидная зарубежная фирма.

— Название? — спросил Берестов.

— Название? — поморщилась Сверилина. — Это было российское представительство международной организации ЮНИСЕФ. Оно проводило независимое медицинское исследование. Но у представительства, насколько я поняла, что-то не ладилось с Министерством здравоохранения. Ну, сами знаете, какая у нас

бюрократия: и сами ничего не делаем, и другим не даем! Тогда в мае представительство намеревалось обследовать группу студентов, но они не знали, как это организовать официально. За каждого обследуемого фирма платила пятьсот долларов. Естественно, от таких деньжищ голова у меня пошла кругом. Я тут же вспомнила, что рядом с моим домом находится автомеханический техникум. Говорю иностранцам: "Давайте передвижную лабораторию, сейчас сниму с занятий любую группу из автомеханического техникума и заставлю пройти флюорографию". Меня тут же сажают в автобус. Оборудование в нем — последний писк. Рентгеновский аппарат — я таких не видела. В мое распоряжение дают сотрудника — иностранца, симпатичного мужчину. По-русски — ни бельмеса. Подъезжаем мы к техникуму, захожу в первую попавшуюся аудиторию, там сидят две группы, ждут преподавателя. Спрашиваю, что за курс? Они отвечают: "Четвертый! Ждем, "препода". Сейчас должна быть консультация. А завтра экзамен". Я им: "Кто не прошел флюорографию, к экзаменам допущен не будет. Поторопитесь, пока машина во дворе!" Они все с криком "ура!" рванули во двор. Буквально за полчаса я прогнала обе группы в пятьдесят человек через свой аппарат, и вдобавок мой сотрудник сделал студентам прививки.

— Прививки от чего?

— От всего. Новая прививка от всех болезней. Гарантия три года. Мне тоже сделали. И вот уже два года прошло, а я, тьфу-тьфу-тьфу, ни разу не болела.

— Понятно. Дальше! Деньги вам заплатили?

— В тот же день, как с куста, двадцать тысяч баксов! Представляете? За полчаса работы. Более того, мои организаторские способности им очень понравились. Мы с ними сотрудничаем до сих пор. Они ко мне частенько обращаются с просьбой найти студентов для независимого обследования.

— Продолжаете нелегально снимать группы с занятий? — улыбнулся Берестов.

— Да, продолжаю снимать нелегально! А что делать? — развела руками Маша. — Один раз я пробовала с директором одного ГПТУ договориться легально. Абсолютный нуль! "Без разрешения Минздрава никаких независимых обследований!". Вышла из его кабинета, сняла с занятий первый же попавшийся класс, и на улицу! Прогнали через автобус тридцать человек, и ни один преподаватель не сказал ни слова.

— И много таким образом вы заработали? — скептически спросил журналист, догадываясь, что девушка, кажется, склонна к большим фантазиям.

— Два раза в год, как часы, перед летними и зимними каникулами, господа из ЮНИСЕФ мне звонят, и я им нахожу группу студентов для обследований. Всего, благодаря мне, они обследовали более двухсот человек.

— Это сто тысяч долларов? — поднял брови Берестов.

— Больше! — замахала руками Сверилина. — Только вы про это не пишите. И фамилию мою не ставьте. Мне об этом вообще запрещено рассказывать.

— Почему?

— А завистников много. Да и сами видите, какие у нас чиновники в Минздраве. Сами ничего не предпринимают для улучшения здоровья нации, и другим не позволяют.

Берестов продолжал дурацки улыбаться, понимая, что его разыгрывают. Все это придумано заранее для того, чтобы подчеркнуть убийственную силу потомственной колдуньи.

— Вы потом поделились гонорарами с предсказательницей, или забыли о ней тотчас, как разбогатели?

Сверилина смущенно захихикала.

— С моей стороны, конечно, форменное свинство, но эту милую женщину я так и не отблагодарила. Зато рекомендую Анжелику всем своим знакомым. У моей подруги муж гулял. Дело дошло до развода. Я посоветовала сходить к предсказательнице. Та сходила, и что вы думаете — сейчас они с мужем не разлей вода... Или, вот, у моей одноклассницы пропал муж, знаменитый скрипач...

— Это который Баскаков? — проявил осведомленность Берестов.

— Да, Баскаков! — обрадовалась Сверилина. — Вы слышали? Так вот, он был мужем моей лучшей подруги, Вики. Мы с ней вместе учились в школе. Два с половиной года назад ее муж пошел на репетицию в театр и с тех пор не возвращался. Он был объявлен в розыск, но безрезультатно. Как в воду канул. Потом пошли слухи, что видели его то в одном месте, то в другом. Договорились до того, что, якобы, Антон Вику бросил, а сам ушел к другой бабе. А ее было за что бросить.

— За что? — насторожился Берестов.

Сверилина покосилась по сторонам.

— Вы только никому ни слова: стерва она! Гуляла направо-налево от такого мужика — красивого, талантливого, удачливого, богатого. Нет! Ей все чего-то не хватало. Впрочем, она с седьмого класса была такой. Вот так! Что имеем, не храним. А сейчас раскаивается и ждет. Не верит, что он погиб. Замуж не выходит. Однако поезд уже ушел, раньше нужно было любовь свою проявлять, — покачала головой Сверилина.

— То есть, вы полагаете, что он погиб?

— Естественно! Его останки нашли в реке.

— Тогда зачем вы посоветовали вдове сходить к колдунье?

— Откуда вы знаете? — захлопала ресницами Сверилина.

— Вы сами только что сказали.

Мария почему-то смутилась и задумалась.

— Понимаете... Мы все-таки с ней подруги. Мне Вику очень жалко. Она мучается. Не верит, что Антона давно нет. Вот я и посоветовала сходить к колдунье, чтобы та убедила ее, что муж

давно в раю, что теперь нужно смириться, успокоиться и продолжать жить дальше...

— Хотели сделать как лучше, а колдунья сказала ей, что муж жив и слупила с бедной вдовы шестьсот баксов, — укоризненно произнес Берестов.

Мария ахнула и побледнела.

— Не может быть! Это какая-то ошибка...

— Почему не может, — понимающе подмигнул Берестов, — если вы сами сказали своей подруге, что видели ее мужа живым и здоровым у Казанского вокзала.

— Нет, я не видела! — замахала руками Сверилина. — Это муж мой видел. Хотя нет! Сам он тоже не видел. Видел его знакомый...

8

Проснувшись рано утром, Маргарита накинула халат и бесшумно направилась в зал. Она с удивлением обнаружила, что диван не только пуст, но и заправлен покрывалом. Простыня с одеялом аккуратно свернуты и положены вместе с подушкой на кресло. На стуле не висело никакой одежды.

Маргарита робко заглянула в кухню, но и там было пусто. И тут она увидела, что в ванной горит свет. Хозяйка осторожно дотронулась до двери. Так и есть — заперто изнутри.

Однако в ту же минуту дверь ванной распахнулась, и из нее вышел гость. Он интеллигентно улыбнулся и вежливо произнес:

— Доброе утро! Я хотел уйти, но не нашел ни ботинок, ни пальто. Извините.

— Куда же вы хотели уйти? — спросила Маргарита.

Незнакомец задумчиво пожал плечами.

— На вокзал. Там нужны носильщики.

Его взгляд сегодня был более осмысленным, чем вчера.

— Вы что-нибудь помните? — спросила Маргарита.

— Я помню все. Я вчера у вас спросил, что это за город, а вы сказали, чтобы я пошел с вами.

— А почему вы именно ко мне подошли с таким дурацким вопросом?

— Я ко многим подходил. Но мне отвечали все по-разному: кто говорил, что это Лондон, кто — Париж, кто — Милан. Один даже сказал, что это Рио-де-Жанейро. Но в Рио-де-Жанейро у самого входа в вокзал растут две пальмы. Это я хорошо помню.

Последние слова вызвали у Маргариты улыбку.

— Пройдите на кухню и сядьте за стол. А я умоюсь. Можете включить телевизор.

Но гость не стал включать телевизор. Он тихо сидел за столом и терпеливо ожидал хозяйку. Когда она вошла, то увидела на столе шесть грязных разглаженных десятков и горсть мелочи.

— Это что? — поинтересовалась хозяйка.

— Это вам. Извините, что так мало, но у меня больше нет.

— Уберите немедленно.

Маргарита добавила в чайник воды и поставила на плиту. Она посмотрела на его руки. Они сияли неправдоподобной белизной. Из-под длинных ногтей было выскоблено все до мельчайшей соринки.

— Этот город называется Москва, — произнесла она.

— Москва? — удивился гость и задумался. — Москва... как много в этом звуке. Москва златоглавая... звон колоколов. — Он неожиданно поднял влажные глаза на Маргариту и взволнованно пролепетал: — Вы знаете, мне кажется, я когда-то жил в Москве. Сретенский переулок, дом номер шесть. Есть такой?

— Сретенский переулок есть. Насчет дома не знаю, — равнодушно ответила Маргарита.

— А может, не дом, — пробормотал он. — Может, палата номер шесть?

Маргарита насторожилась, но виду не подала. Она поставила на стол две чашки, положила перед ним батон и колбасу.

— Порежьте хлеб и сделайте бутерброды. Нож в столе.

Гость ловко нарезал батон и колбасу, намазал маслом и аккуратно положил на них ровные дольки колбаски. “Режет, как в ресторане, — подумала Маргарита. — Уж не официантом ли он работал?”

Закончив эту процедуру, гость смел крошки в ладонь и быстро кинул себе в рот.

— Вам чай или кофе? — спросила Маргарита, едва сдерживая смех.

— Мне все равно.

Она разлила по чашкам кипяток и поставила перед ним банку растворимого “Нескафе”. Разделавшись с кофе и двумя бутербродами, гость поблагодарил. Вдруг он спросил:

— Извините, а как вас зовут?

— Маргарита. А вас?

Он напряг лоб и долго смотрел в пространство.

— Вы не помните?

— Помню маму, платье в горошек, фонтан... Она меня звала Антошей... Хотя не уверен. Нет-нет, точно: она мне говорила: Антоша, отойди от фонтана!

— И больше ничего не помните?

— Напротив фонтана большой дом с колоннами... И колесница на фасаде... Себя четко помнить начал только четыре дня назад. Милиционер сильно тряс за плечо, ругался и сгонял с лавки. Меня вытолкнули из помещения, и я увидел поезда. Это был вокзал. Я спросил, что это за город, и мне сказали: Рио-де-Жанейро. Три дня я жил на этом вокзале, а потом подошли вы и привели меня сюда. — Гость поднял взволнованные глаза на Маргариту. — Вы меня знали?

— Нет.

— Вы меня никогда не знали и привели к себе? Это очень опасно. Вокруг так много нехороших людей. — Вдруг он резко поднялся. — Извините, что принес вам столько беспокойства. Не могу больше пользоваться вашей добротой. Мне надо срочно уходить.

— Куда? — спросила Маргарита.

— Не знаю. Но вам рядом со мной находиться опасно. Меня ищут.

— Кто, милиция?

— Нет. Милиции я не нужен. Меня ищут здоровые парни в черных куртках. У них под куртками пистолеты с глушителями.

“Шизик!” — снова подумала Маргарита, и холодок пробежал по затылку.

— Что вы натворили?

Глаза гостя потухли.

— Я знаю то, чего мне нельзя знать.

— Что именно?

Бородач низко наклонился к столу и, снизив голос до полусшепота, произнес:

— Только, ради Бога, никому ни слова. Это очень опасно. — Он испуганно поднял глаза на люстру и, не шевеля губами, спросил: — Вы уверены, что это не камера?

— Это светильник, — ответила Маргарита.

— Так вот, — продолжил бомж, недоверчиво косясь на люстру. — Я знаю способ, как стать самим собой. Нужно сначала вспотеть, а потом выйти на ветер.

“Точно “шизик”, — заключила про себя Маргарита, услышав этот бред. — Вот это влипла...”

Гость немного помолчал, затем медленно поднялся из-за стола.

— Я пойду. Отдайте мое пальто.

— А вашего пальто уже нет, — ответила хозяйка, поднимаясь с табуретки и направляясь в прихожую. — Но есть куртка. Вот, примерьте!

Она достала из пакета болоньевую куртку и помогла бомжу одеться. Куртка пришлась ему впору. Маргарита мигом отыскала в шкафу свою черную вязаную шапочку и напялила бородачу на голову. Он безропотно выдержал и эту процедуру. Вид у него получился вполне приличный. Мужик как мужик, ни один милиционер не докопается. Единственное, что его портило, это кеды и короткие, выше щиколоток, джинсы. Гость стеснительно посмотрелся в зеркало и благодарно улыбнулся хозяйке.

— Прощайте, — пробормотал он перед тем, как толкнуть дверь. — Вы очень добры и... очень красивы! Еще раз спасибо за все, — жалко улыбнулся бомж и вышел из квартиры.

Маргарита вернулась на кухню, чтобы посмотреть из окна, как он выйдет из подъезда, и вдруг увидела на столе его мятые шестьдесят рублей с горкой мелочи.

“Как же он без единой копейки поедет на метро?” — мелькнуло в голове, и глаза тут же наполнились слезами. Она сгребла со стола деньги и, зажав их в кулаке, бросилась на лестничную площадку. Догнала его уже внизу, когда он пытался открыть дверь подъезда.

— Антон!

Мужчина повернул голову и замер. Маргарита подошла к нему, схватила за рукав и потащила обратно. Он почти не упирался, только в лифте произнес:

— Зря вы вышли в халате. Так можно простудиться.

Маргарита ничего не ответила. Когда лифт доехал до пятого этажа, она втолкнула его в квартиру и властно произнесла:

— Никуда вы не пойдете. Вам некуда идти. Вам нужно в больницу. Там восстановят память.

— Что вы? — грустно улыбнулся он. — Больницы те парни проверяют в первую очередь.

Гость снова был раздет и посажен за кухонный стол. На этот раз Маргарита решила активно вовлечь его в домашнюю работу. Через полчаса выяснилось, что картошку он чистить умел, но очень плохо, кожуру снимал толсто и медленно, а перед этим очень тщательно и долго мыл ее под краном. Зато нарезал почищенный картофель очень ровными и тоненькими квадратиками. После чего спросил, можно ли из части того, что он начил, сделать салат по-корейски.

— Валяйте! — разрешила Маргарита. — Вы были в Корее?

— В Корее не был. В Китае, кажется, был.

Картофель он только на минуту опустил в кипяток, после чего промыл, высыпал в тарелку, приправил солью, уксусом, перцем и тертым яблоком. Ничего подобного Маргарита не пробовала за всю свою жизнь.

— А что вы еще умеете готовить?

— Салат из мяса омаров. Омаров можно заменить креветками.

Маргарита закатила глаза.

— Вас этому тоже научили в Пекине?

— Нет. В Милане.

— Так вы, может быть, повар?

Антон задумался.

— Нет, поваром точно не был. Я мыл бутылки. Это какой-то огромный завод за колючей проволокой по производству водки. Таких, как я, там было много.

— Таких, как вы? Что это значит? — насторожилась Маргарита.

Антон замер и долго мучительно двигал бровями. Затем взглянул на свою ладонь, ее пересекал какой-то странный шрам, и произнес:

— Это значит, меченых. Работали там только меченые. Немецкие присматривали.

Снова пошел какой-то бред. Стоящая у плиты хозяйка на всякий случай повернулась к нему вполоборота.

— Кто же вас метил? — поинтересовалась она.

— Сатана, — ответил Антон.

Маргарита вздрогнула.

— Вы видели его своими глазами?

Ложка, которой Антон мешал салат, полетела на пол. Глаза сделались безумными.

— Кажется, да, — прошептал он еле слышно. — Высокий, черный. Глаза карие. Брови широкие, сросшиеся. На нем длинное черное пальто, а поверх пальто белый шарф. Он всегда в бабочке и в блестящих лакированных ботинках. Над бровью шрам. Под ухом родинка, величиной с монету. Он видит насквозь и слышит все, до самых затаенных мыслей.

Маргарита посмотрела на часы. Уже первый час. Светка должна вернуться с прогулки. По воскресеньям они с Кирюшкой гуляют до обеда.

Хозяйка оставила гостя на кухне, приказав следить за кипящей кастрюлей, а сама направилась в спальню звонить Светке.

— Что? — изумилась Светка, выслушав историю с бомжем. — Бомж у тебя до сих пор?

— Он не совсем бомж. Он просто меченый...

— Меченый? Немедленно выгони, дура!

— Я уже пыталась, но у меня не получилось. Помчалась за ним и вернула обратно.

— Даже так? — задумалась Светка. — А звонишь чего?

— Его нужно поместить в больницу. По-моему, он не совсем здоров. В понедельник прозондируй у себя в больнице. Может, у вас есть свободные места?

— Он тебе дорог, что ли? Ладно, не отвечай! Я поняла. Сиди! Сейчас подъеду.

— Спасибо, Светка! И вот еще какая просьба. Прихвати какие-нибудь штаны своего мужа... И обувь...

Светка явилась через полчаса, запыхавшаяся, красная, полная энергии. Сразу стало легко и весело. Не успев захлопнуть за собой дверь, она оттолкнула подругу и, не разувшись, прошла на кухню. С минуту гостя молча разглядывала "Казанское чудо", после чего кашлянула и дурашливо произнесла: "Здрасьте!"

— Доброе утро, — вежливо ответил бомж и перевел растерянный взгляд на Маргариту.

Светка взяла подругу за рукав и вывела в коридор.

— А мужик-то породистый, — со свистом прошептала она, на ходу сбрасывая дубленку. — Ставь чайник, сейчас я его выведу на чистую воду...

После того, как чайник вскипел, Светка выпроводила Маргариту из кухни и принялась тестировать незнакомца по всем направлениям. Маргарита даже из соседней комнаты слышала, как испуганно отбивался гость от лавины ее разоблачающих во-

просов. Но потом его ответы сделались уверенней, и бубнение превратилось в членораздельную речь. "Такая разговорит кого угодно, — подумала Маргарита. — Что значит профессионал!"

Таким образом они беседовали около часа. Маргарита все это время сидела как на иголках. Наконец на кухне замолчали, и Светка вошла в зал.

— Ну что? — прошептала хозяйка, делая выразительные глаза.

Вид у гостя был усталый. На лбу испарина, на щеках румянец. Она опустила в кресло и промокнула платочком лицо.

— По-моему, никакой шизофрении у него нет. Просто сильно напуган. На первый взгляд может показаться, что у него мания преследования, но у кого мания, тот, прежде всего, боится за себя. Твой кадр боится за окружающих. Можно сказать, самая больная его точка. С чем это связано, выяснить не удалось. А вообще он очень чувствительный. Пролетарию это не свойственно. На физической работе, судя по всему, недавно. Чем занимался до этого, не помнит. Но его потеря памяти связана не со стрессом.

— А с чем же? — удивилась Маргарита.

— Не знаю, — ответила Светка. — Память мужику можно вернуть только в том случае, если поместить его в ту же среду, из которой он вышел. Разбудить память можно даже посредством предметов из его бывшего обихода. Понимаешь? Твоя кухня ему чужда. И предметы, которые находятся в твоей кухне, ему непривычные.

9

От Сверилиной у Берестова осталось двойное впечатление. Либо эта девушка не так проста, как кажется на первый взгляд, либо он, тертый и остро чувствующий жулье журналюга, вконец потерял нюх. Ни единого факта, ни единой зацепки, ни даже пространного намека на связь Сверилиной с колдуньей. Получалась какая-то одна сплошная реклама.

Возвратившись в редакцию, Берестов сел за свой компьютер и задумался. Что же получается, эта простодыра Маша его переиграла? Нет-нет, здесь что-то не так...

Подошел замредактора Топоров и поинтересовался:

— Мага нашел?

— Найти-то нашел. И клиента, которого избавили от бедности, нашел. Да что-то все это подозрительно...

И Берестов вкратце обрисовал ситуацию.

— Нечего думать. Отлично! Давай фотографию тетки и пиши с ней интервью. Правда, действительно получается как-то очень слащаво для колдуньи, но поговори с ней: может, она отстегнет пару штук? Тогда сделаем ей рекламу. Если нет — ее салон упоминать не будем.

Вариант, конечно, не блестящий, но что делать, если журналистское расследование не удалось? Берестов позвонил в магический салон "Анжелика", но трубку взяла женщина далеко не с магическим тембром голоса.

— Анжелика съехала, — мрачно произнесла она.

— Куда? — удивился Берестов.

— Понятия не имею.

Через минуту выяснилось, что с журналистом разговаривает хозяйка квартиры, сдававшая колдунье свою самую лучшую площадь из тех, которые имела. Причем, сдавала ее за сущие гроши — всего за триста баксов. Однако мерзавка не заплатила и этих денег. Можно сказать, что "мэтр магии" не съехала, а сбежала самым постыдным образом, втихомолку, не предупредив и не расплатившись за три последних месяца. Более того, содрала с коридора обои и сняла светильники. А ведь при въезде обещала сделать евроремонт. Собственно, из-за этого хозяйка и согласилась на такую мизерную плату.

Обиды, которые выливалась женщина на лохматую голову журналиста, были для него слаще нектара. Сразу же в голове зародился подзаголовок: "Специалист, избавляющий от бедности, сбегает, не заплатив за квартиру".

— Неплохо бы ее разыскать, — мечтательно пробормотал Берестов. — Вот это была бы бомба...

— Ну, куда она драпанула, я приблизительно знаю, — ответила женщина. — Это дом у метро "1905 года", через дорогу от "Московского комсомольца". Квартиру только не знаю...

— Квартиру найти не проблема. Лишь бы дом оказался тот.

Записав адрес, Берестов положил в сумку редакционный фотоаппарат и уже хотел выбежать из отдела, как у дверей ему преградили путь трое неизвестных мужчин. Один из них спросил:

— Вы Леонид Берестов?

— Да, — ответил журналист.

— Старший следователь прокуратуры Виктор Дрянцев. Вам нужно поехать с нами.

— Это еще зачем?

— Объясним на месте.

Однако на месте, куда привезли Берестова, а это был институт судебно-медицинской экспертизы, тоже ничего не объяснили. Его молча втолкнули в какую-то жуткую лабораторию из белого кафеля и подвели к лежащему на столе труп под белой простыней.

— Узнаете? — спросил следователь, резко откинув простыню.

Берестов вздрогнул и попятился. На столе лежала женщина с остекленевшими глазами, волосы в крови, лицо обезображено. Она была в сиреновом пальто и красном шарфе.

— Сверилина, — прошептал Берестов и поднял глаза на экспертов.

— Так вы узнали? — кивнул головой Дрянцев, не сводя с него взгляда. — Прекрасно! Теперь пройдемте со мной...

Журналиста отвели в соседнюю комнату, усадили на стул, и расположившийся напротив следователь впился в него глазами.

— Вы сегодня с ней встречались?

— Да, в одном кафе на Тверской! — чистосердечно признался Берестов, замечая, как дрожит его челюсть. — Расстались около двенадцати.

— А в половине первого она выбросилась с девятого этажа, — закончил мысль следователь. — Вы последний, кто видел ее живой.

— Не может быть! — затряс головой журналист.

— Что не может быть?

— Что она взяла и выбросилась.

— Почему? — удивился следователь.

— Потому что, когда мы с ней расстались, у нее было прекрасное настроение. Я не заметил на ее лице никакой озабоченности. Не может быть, что она сама.

— В том-то и дело, что сама, — понизил голос следователь. — После того, как вы расстались, она добралась до дома, вошла в подъезд, села в лифт и нажала на самый последний двенадцатый этаж, хотя живет на восьмом. Затем из окна лестничной площадки кинулась вниз головой. Сама. Заметьте! Сама! Так вот, я хотел бы знать, о чем вы с ней говорили?

Лицо Берестова одновременно выразило испуг и недоумение. Он пожал плечами и растерянно посмотрел по сторонам.

— Да ни о чем таком, из-за чего можно вниз башкой, мы не говорили. Ей Богу, ума не приложу. Главное, в ее облике не было ничего трагического. Клянусь!

Журналист рассказал следователю про ее патологическую бедность, про колдунью, которая сняла с нее карму за триста долларов, наконец, про объявление в газете и про то, как она вышла на российское представительство ЮНИСЕФ. На Дрянцева откровение журналиста не произвело ни малейшего впечатления. Но когда Леонид обмолвился о том, что она собиралась купить загородный дом, следователь встрепенулся:

— Об этом, пожалуйста, подробнее! Где она собирать купить дачу и у кого?

— У кого, не знаю. Но, по-моему, где-то под Солнечногорском. Даже назвала цену: семьдесят тысяч.

В глазах Дрянцева появился блеск.

— Я правильно понял, она вам сказала, что покупает дачу за семьдесят тысяч долларов?

— Поняли совершенно правильно.

— Вот так, запросто, постороннему человеку, которого видит впервые в жизни?

— Ну... да, — неуверенно ответил Берестов, соображая, что это звучит не вполне правдоподобно.

Следователь откинулся на спинку стула и хитро усмехнулся.

— Может быть, она вам еще и показала эти семьдесят тысяч?

— Ну, это уже слишком! — обиженно шмыгнул журналист.

— Почему же? — оскалился следователь. — В половине десятого она снимает эту сумму в сберкассе, а в одиннадцать встречается с вами. Не правда ли, странно?

— Вы хотите сказать, что эти деньги были у нее с собой? — вытаращил глаза Берестов.

— Вполне возможно. Какая у нее была сумка?

— Никакой сумки, — повел плечами Берестов, — если не считать маленькой кожаной сумочки через плечо. В ней не было семидесяти тысяч. Это я вам гарантирую, поскольку она при мне ее открывала. И потом, вы сказали, что в половине десятого она была в сберкассе. Но в десять я разговаривал с ней по телефону. Сберкасса в соседнем доме, что ли?

— Вы звонили ей в десять? — удивился следователь.

— Ровно в десять. Как раз перед летучкой. Это может подтвердить наша секретарша.

Следователь замер. После минутной задумчивости он неожиданно улыбнулся.

— Вероятно, в сберкассе что-то напутали. Не могла же она за полчаса доехать до дома. Но это уже не так важно. Спасибо! Вы нам очень помогли. Возможно, еще понадобится в качестве свидетеля. Распишитесь вот здесь! Это подписка о невыезде.

Берестов вышел на улицу в некотором замешательстве. Точно сомнамбула доехал он до газеты, и, когда вошел в редакцию, коллеги дружно высыпали навстречу.

— За что тебя замели, рассказывай!

— Понимаете, я в двенадцать взял интервью у одной женщины, а в половине первого уже находят ее труп.

— Ну, Леня, даешь! Ты опять в своем репертуаре, — покачали головой коллеги и в замешательстве разошлись по своим местам. А Топоров произнес, хитро улыбувшись:

— Фотография Сверилиной есть?

— Есть! Я успел ее щелкнуть.

— Быстро неси на проявку! И сегодня же с этой фотографией езжай к колдунье. Я распоряджусь, чтобы в бухгалтерии тебе выдали триста долларов. Заплатишь и спросишь про здоровье этой дамочки на фото. Если колдунья скажет, что она здорова и процветает, считай — ты ее разоблачил! Триста баксов заберешь обратно и вернешь в бухгалтерию.

— Кому что, а лысому гребенка, — нервно засмеялся Берестов.

10

В воскресенье Светка пробыла у подруги до позднего вечера, хотя намеревалась приехать только на час. Она провела с гостем

еще несколько тестов, после чего привлекла его к хозяйственным работам.

В результате, они вместе починили кухонный кран, который не закрывался до конца, поменяли две прокладки в ванной и сливном бачке, помыли посуду, перестирали белье, отремонтировали выключатель, ввернули недостающие лампочки и сварили обед из трех блюд с экзотическим салатом из креветок. Антон инициативу гостя поддерживал весьма охотно и все ее команды выполнял молча и безропотно. О своих результатах и выводах Светка докладывала подруге на ухо:

— Сантехником не работал. Даю сто процентов. Разводной ключ видит впервые. Электриком тоже не был. С проводами терется, лампочки заворачивает с большим напряжением. Вручную стирает с трудом. Стиральную машину тоже, кажется, никогда не видел.

Кухонные достижения Антона были более приемлемы.

— Шинковать капусту вручную не умеет. Зато с кухонным комбайном управляется виртуозно. Чай заваривает по всем правилам, четыре ложки на чайник и после заварки пытался поставить его на большой чайник.

— Что это значит? — удивилась Маргарита.

— Из самовара привык пить, мерзавец. Но сорт чая, который есть у тебя, не производит на него впечатления. Видимо, пользовался другими сортами. Растворимый кофе также ему чужд. Жаль, что у тебя нет зерен.

— Полагаешь, бомжи пьют только в зернах?

Подруги хмыкнули.

— А вообще он старательный, усердный, терпеливый. Не исключено, что когда-то был хорошо воспитан. Всегда пропускал меня вперед, как в лучших домах...

— Это в туалет и ванную?

— Почему же? И на кухню тоже.

За полдня незнакомец привык к Светке. Он слушался ее, ловя каждое слово. Гостье это нравилось. Во время обеда Светка поразилась, как бродяга с Казанского вокзала безукоризненно управлялся вилкой и ножом. Салат же, сделанный его руками, был верхом совершенства.

— Из вас может получиться толк, — произнесла наставница с умным видом, критически осмотрев его с ног до головы.

— Спасибо, — вежливо улыбнулся он.

Светка покровительственно похлопала его по плечу, и вдруг ее озарило:

— А что если вам побриться и постричься?

— Я бы с удовольствием, но у меня нет бритвы. К тому же, я не знаю, где тут поблизости находится салон красоты.

Подруги переглянулись и расхохотались.

— Бритву мы найдем. А оболванить вас я могу почище, чем в салоне красоты.

Антон посадили посреди кухни, обернули вокруг шеи простыню, и Светка принялась энергично встригаться в его пышную шевелюру. Волосы клоками полетели на пол и на простыню.

— Вшей нет! — прошептала Светка подруге.

— Ты где научилась стричь? — спросила Маргарита.

— Спокойно! Стригу впервые.

Через десять минут незнакомец, назвавший себя Антоном, был пострижен под расческу. Кое в каких местах зияли позорные залысины, зато в области висков и за ухом было выстрижено вполне профессионально. В целом для дебюта совсем неплохо. Антон преобразился. Выглядеть он стал значительно моложе и современной. Светка тут же всучила ему ножницы с бритвой и бесцеремонно втокнула в ванную.

— Чтобы с бородой я вас больше не видела.

В ванной Антон находился более часа. Женщины изнервничались, пока дождались его выхода. Было слышно, как мужчина включал воду и что-то бормотал. Потом заклацали ножницы, и все стихло. Наконец гость вышел с выбритым подбородком и с застенчивой улыбкой на губах. Подруги переглянулись. Теперь не осталось и последних следов того, что этот дяденька бомжевал на Казанском вокзале. У него были красиво очерченные губы и породистый подбородок с ямочкой. Внешне он напоминал актера Николая Еременко.

— Слушай, а красивый получился мужик, — прошептала подруге Светка. — С таким и прогуляться не стыдно. Собирайся! Идем гулять!

— Чего ты еще придумала? — нахмурилась Маргарита.

— Сейчас свозим его на Сретенку.

Брюки, которые притащила Светка, в длину оказались нормальными. Ботинки на липучках были несколько великоваты, но Антон не ощутил никаких неудобств. Теперь, после того, как его облачили в куртку и вязаную шапочку, в его облике не просматривалось ничего неестественного, что могло привлечь косые взгляды милиционеров. Он также безропотно и без лишних слов позволил себя вытащить на улицу и повести в сторону метро.

По дороге Светка продолжала свои наблюдения.

— Он не москвич, потому что пропускает всех женщин вперед. Теряется перед турникетом. Значит, провинциал. Или с детства привык ездить на персональном авто. Точно! Невооруженным взглядом видно, что метро для него — редкость.

Когда тройца вышла из метро на улицу, Светка решила провести эксперимент. Отправила его к киоску, купить им по шоколадке.

— Посмотрим, чего он купит? — хитро подмигнула она.

Антон потоптался у киоска, что-то спрашивал у продавщицы и грустно вернулся ни с чем.

— Шоколада там нет. Один пластилин, — вздохнул он.

Светка пожалала плечами и не сделала никакого вывода. Однако, когда они проходили мимо другого киоска, Антон указал пальцем на шоколад "Вдохновение".

— Вот этот есть можно, — произнес он неуверенно.

Это был самый дорогой шоколад. Светка его выбор не одобрила. Еще кое-что она заметила, а Маргарита не придавала этому значения: их питомец как-то болезненно реагировал на уличных музыкантов. Он вздрагивал и морщился. Что это значило? Светка не могла объяснить. В остальном — ничем особенным их путь до Сретенского переулка не ознаменовался.

Ближе к переулку Светка взяла Маргариту под руку и сбавила шаг. Антон оказался впереди. Он сам завернул в Сретенский переулок и пошел медленней, после чего растерянно оглянулся. Светка подмигнула, махнула рукой, и он зашагал более уверенно, с интересом посматривая по сторонам. У дома номер шесть Антон неожиданно остановился и вдруг направился во двор. Дамы переглянулись и последовали за ним. Во дворе не было ни души. "Подшефный" остановился посередине и принялся озираться.

— Что-то не так? — поинтересовалась Светка, останавливаясь рядом.

— По-моему, вон там, — кивнул он на гаражи, — был летний кинотеатр. А вот здесь, — указал он на детскую песочницу, — стояла деревянная беседка.

— Но подъезд ты какой-нибудь узнаешь?

Антон неуверенно подошел ко второму подъезду и дернул за ручку. Разумеется, попытка не удалась. Дверь была под кодовым замком. Однако некоторое время спустя из соседнего подъезда выползла какая-то старушенция.

— Вы не подскажете код этого подъезда? — нагло спросила Светка.

— Нажимайте одновременно на три первые кнопки, — ответила старушка и присела на лавочку.

Фокус с тремя кнопками удался. Дверь открылась, и странная тройца вошла в подъезд. На третьем этаже Антон остановился и уставился на дверь, которая была ближе к лестнице.

— Знакомая дверь? — спросила Светка и, не дождавшись ответа, нажала на кнопку.

На звонок сразу же вышла хозяйка квартиры, женщина лет пятидесяти в очках и байковом халате. Она обвела гостей недоуменным взглядом и спросила:

— Вам кого?

— Вы узнаете этого человека? — строго произнесла Светка, указывая на Антона.

Женщина осмотрела его с ног до головы и ответила:

— Нет! А вы кто?

— Вы давно живете в этой квартире? — спросила Светка, игнорируя ее вопрос.

— Да, уже так... лет восемнадцать. А в чем дело?

— Вы помните, кто жил в этой квартире до вас? — продолжала напирать Светка, не удовлетворяя ее любопытство.

— Понятия не имею! — развела руками женщина, уже начавшая терять терпение. — Объясните, наконец, в чем дело и что вам надо?

Светка шепнула ей что-то на ухо, и та уставилась на Антона, открыв рот.

— Вспомнила, кто здесь жил до нас! Киселевы.

— Куда они переехали, знаете?

— Нет!

Троица дружно развернулась и потопала вниз. Когда они вышли во двор, Светка спросила у Антона:

— Вы не напутали с квартирой?

— Возможно, напутал, — застенчиво ответил Антон. — Возможно, я и с двором напутал. В том дворе был летний кинотеатр и большая деревянная беседка.

Сидевшая на лавочке старушка, с живейшим интересом наблюдавшая за этой компанией, неожиданно вмешалась в разговор:

— А здесь был летний кинотеатр! Вон на том месте, где сейчас гаражи. И беседка была, где сейчас песочница. В нее всегда радиоло выносили. Это было этак лет двадцать... нет! тридцать назад.

Светка метнулась к старушке.

— Скажите, бабуля, а вы здесь давно живете?

— Всю жизнь.

— Вы не знаете вот его? — указала Светка на Антона.

— Нет, не знаю, — покачала головой старушка.

— А может быть, вы помните Киселевых? Они жили во втором подъезде на третьем этаже.

— Клавку, что ли, Киселеву? — поморщилась старушка. — Кто же ее не помнит? Она весь дом на уши ставила. Стерва была еще та. Они с Федькой, мужем, глушили по-черному. Федька как напьется, начинает голым по двору бегать, а Клавка — мебель из окна выбрасывать. Потом Федька умер от перепоя. В канаве нашли. Вот здесь же во дворе. А Клавка совсем спилась. Ее даже родительских прав лишили, семилетнего сына отправили в детдом, а саму выселили.

— Выселили? И куда услали?

— А кто его знает? На исправление куда-то...

Обратный путь был унылым. Впереди шел Антон, виновато опустив голову, в полутора метрах от него в полном молчании вяло плелись подруги. У входа в метро Светка со вздохом прошептала:

— Теперь понятно, почему он ничего не умеет по хозяйству. В детдоме воспитывался. Если унаследовал гены родителей, то труба... Ты не расстраивайся, завтра я его определю в стационар. Может, сегодня устроим его в ночлежку?

Маргарита отрицательно покачала головой, и подружки расстались. До "Спортивной" Маргарита с Антоном доехали в гробовом молчании. Также, не проронив ни слова, они дошли до подъезда, поднялись на пятый этаж и только когда переступили порог, Антон неожиданно произнес, подняв на хозяйку свои влажные глаза:

— Мне кажется, моя фамилия была не Киселев. Завтра обязательно вспомню. Я знаю способ, как снова обрести себя...

— Ложитесь спать! — устало отозвалась Маргарита.

На следующее утро Маргарита дважды звонила Светке. Только ни дома, ни на работе ее не оказалось. Пришлось закрыть гостя в квартире и отправиться на работу. В школе среди урока Маргариту неожиданно позвали к телефону. Звонила Светка.

— Ритка — труба! Мест в диспансере нет. Возможно, к концу недели появится одно место, но это не точно. Я сегодня целый день выясняла про семью Киселевых, жившую в Сретенском переулке, и вот что узнала в жилуправлении: жили они там семь лет. Отец, Федор Киселев, там и скончался в начале семидесятых. Клавдия умерла десять лет спустя в спецприемнике. Их сын, Кирилл Киселев, воспитывался в ивановском детском доме, а потом — в детской колонии. После этого он не вылезал из тюрьмы. Слушай дальше: два года назад он бежал из колонии строгого режима и до сих пор не найден. Судим был трижды, и все три раза за разбойные нападения с особой жестокостью. А последний срок отбывал за убийство с расчленением...

— Боже мой! — ужаснулась Маргарита.

— Вот и я говорю, Боже!..

11

Через полчаса фото Свериловой было готово. Мария получила на нем на редкость жизнерадостной. А еще говорят, что люди заранее чувствуют свою смерть.

Берестов сунул фотографию в сумку и побежал вниз. Часы уже показывали половину пятого, нужно поторапливаться. Еще неизвестно, удастся ли разыскать колдунью у метро "1905 года"?

Дом, на который указала хозяйка квартиры на Кропоткинской, журналист отыскал без труда. Он находился строго напротив здания "Московского комсомольца". Основная задача заключалась в другом: вычислить квартиру, или хотя бы подъезд, в который въехала Анжелика.

Берестов поставил машину во дворе рядом с мусорным контейнером и принялся энергично расспрашивать сидящих на скамейках старушек о новых жильцах, въехавших в дом в эти выходные. Те дружно пожалы плечами и посоветовали обратиться в ЖРЭУ. Уж кто-кто, а домоуправы знают всех, кто сдает квартиры в этом доме. По счастью, домоуправление находилось в том же дворе. Однако в ЖРЭУ сказали, что в выходные администра-

ция не работала, а сегодня к ним с просьбой о регистрации никакие жильцы не обращались. Скорее всего, новоселы въехали в квартиру без их ведома, поэтому с таким вопросом лучше всего пойти к участковому. Уж кто-кто, а участковый по долгу службы обязан знать всех, кто на его участке сдает жилплощадь без регистрации.

Опорный пункт тоже был неподалеку. Но участковый, курирующий дом, оказался в отгуле. Берестов вернулся во двор и принялся активно опрашивать всех, кто входил и выходил в подъезды. Только все старания были напрасными.

“Вполне возможно, что владелица квартиры на Кропоткинской ошиблась с домом”, — подумал Берестов и сел в машину. Он уже почти тронулся с места, как вдруг внезапно увидел, что из третьего подъезда вышла Вика. Берестов выскочил из машины и бросился к ней.

— Добрый вечер! Вы меня не узнали? Я хочу увидеться с вашей работодательницей, колдуньей Анжеликой!

Девушка удивленно подняла глаза на журналиста и произнесла:

— Но Анжелика сегодня не принимает.

— Меня примет! — воскликнул Берестов.

— Она вам дала свой новый адрес?

— Конечно.

— Но меня она не предупредила, что сегодня ожидает вас.

— Неважно! Какой этаж?

— Седьмой.

— А квартира?

Девушка подозрительно всмотрелась в журналиста и все поняла.

— Ну, если она сказала вам адрес, то и квартиру вы знаете.

В это время двери третьего подъезда снова отворились, и Берестов метнулся к ним. Успел он вовремя, едва не сбив с ног выходящего во двор офицера.

Журналист доехал до седьмого этажа и позвонил во все четыре квартиры. Из двух не откликнулись. В третьей — старческий голос прошамкал, что никакие Анжелики тут не проживают. На звонок из четвертой квартиры вышел молодой мужчина с кобурой на ремне и распухшей челюстью.

— Я к Анжелике! — доверительно произнес Берестов, сообразив, что на этот раз попал в точку.

— С какой целью? — нахмурился парень.

— С целью выявления на предмет живучести по фотографии, — серьезно произнес Берестов, полагая, что чем витиеватей он объяснится с охраной, тем больше у него шансов повидаться с потомственной колдуньей.

— Ставка известна? — спросил охранник с кобурой.

— Триста долларов! — прошептал Берестов и для суеверной достоверности сунул в нос парню три стодолларовые купюры.

Столь великодушный жест снял с припозднившегося клиента все подозрения. Телохранилитель прорицательницы попросил подождать и исчез, захлопнув перед носом дверь. Через минуту дверь снова отворилась, и охранник сделал пригласительный жест.

Берестов последовал за ним через длинный коридор в дальнюю комнату, с изумлением отмечая по сторонам все те же обои под дерево, что и на старой квартире, все ту же чеканку и те же светильники, висящие на прежних местах. Приглядевшись, он заметил, что обои прикреплены канцелярскими кнопками. Когда он шагнул в комнату, то услышал запах того же дешевого благовония. А на столе, покрытом бордовым бархатом, стояли те же зажженные свечи в медных подсвечниках. По углам на прежних местах были развешаны те же иконы, и она, потомственная колдунья, восседала за столом в той же величественной позе.

Однако, когда Берестов переступил порог ее комнаты, царственное величие сдуло как ветром. Глаза колдуньи округлились, и в них появился нехороший блеск. Она бросила укоризненный взгляд на охранника, и тот, собравшийся было выйти, замер у стены.

— Вы насчет интервью? — мрачно спросила предсказательница.

— Нет! — ответил Берестов, нагло усаживаясь перед ней. — Я к вам не в качестве журналиста, а в качестве клиента. Меня интересует вот эта девушка. Ставку я знаю. Могу заплатить вперед.

Берестов вытащил из кармана триста долларов и бросил их на стол. Затем достал из сумки фото Сверилиной и положил перед колдуньей. Глаза Анжелики потеплели, но подозрительность осталась. Она метнула взгляд на охранника, и он вышел. Колдунья внимательно взгляделась в фото. Берестов уставился на нее. По всему было видно, что она не узнает этой девушки, или делает вид, что не узнает ту, которая поставляла ей богатых клиентов.

— Что вас интересует в этой даме? — спросила она наконец.

— В первую очередь, жива она или мертва, — улыбнулся Берестов, и сердце его замерло. Что бы сейчас ни сказала эта потомственная авантюристка, все будет не в ее пользу.

— Она мертва! — тихо проговорила колдунья.

— И давно? — спросил Берестов шепотом, несколько растерявшись.

— Более двух лет назад.

Берестов ожидал услышать что угодно, только не это. Он замер, уставившись в глаза колдуньи, пытаясь понять, иронизирует она или откровенно издевается. Однако колдунья смотрела на журналиста строго. Берестов сглотнул слюну.

— Странно! Я с ней сегодня разговаривал. И снимок этот сделал сегодня. И разговор, кстати, у нас шел о вас. Она вас очень

хвалила. Рассказывала, как два года назад приходила к вам зарядить кошелек и после этого сразу разбогатела. Вы ее помните?

— Я ее помню, — прохрипела колдунья, глядя журналисту в глаза. — Сразу же после меня она умерла. Так что сегодня вы беседовали не с ней, а с ее призраком.

— С призраком? — машинально повторил Берестов. — Хм. А на вид — как живая. Выходит, сегодня днем с двенадцатого этажа выбросилась не она, а ее призрак?

— Вы не так поняли. Два года назад она умерла для Бога, ибо избрала себе путь служения маммоне.

— А! Ну, так бы и сказали! — облегченно выдохнул журналист. — Предупреждать надо, что это иносказание. Если с этой точки зрения подходить, то живых давно уже нет, поскольку сейчас маммоне служат все. Вы сами-то кому служите? Богу, что ли? Морочите голову бедным гражданам и берете за это деньги. Ваша ложь поставлена на поток. Вы существуете за счет своей лжи и еще имеете наглость утверждать, что не умерли для Бога, а Сверилина, значит, умерла, едва ей обломались легкие деньги?

— Во всяком случае, на мне Сатана не ставил свою печать, — произнесла Анжелика, и взор ее сделался мутным.

— А на Сверилиной поставил? — не на шутку раскипятился Берестов. — Стыда у вас нет, Анжелика Петровна!

— Уходите! — скрипнула зубами колдунья. — И деньги ваши сраные забирайте.

Берестов поднялся, не спеша поднял со стола редакционные доллары и фото Сверилиной, затем молниеносно вытащил из сумки фотоаппарат и, не дав колдунье опомниться, сделал быстрый снимок со вспышкой.

— На память! — радостно щелкнул он пальцами и поспешно ретировался в коридор.

С обаятельной улыбкой проскользнул мимо парня, и тот беспрепятственно выпустил его на лестничную площадку. Тут же подвернулся лифт. Берестов запрыгнул в него, спокойно доехал до первого этажа и не почувствовал никаких следов погони. Главное, чтобы сразу завелся “жигуль”, он иногда барахлит. Однако “жигуль” не подвел.

Мотор уже во всю тарахтел, когда охранник с искаженной от злости физиономией выскочил из подъезда. Берестов надавил на газ, и машина рванула с места. Парень понесся за ней, но куда там? Водитель завернул за угол, выехал на шоссе и дал полную скорость.

Это была удача! Он не только разоблачил магический салон, но и сделал снимок. Сработал по высшему классу! Вот это будет настоящая бомба! Да еще с фотографией. “Два года тело ходило без хозяина, а потом бросилось с двенадцатого этажа, — мелькнул в голове подзаголовок. — Такой вывод сделала известная в Москве колдунья Анжелика, бросив беглый взгляд на фотографию...”

Берестов на ходу набрал телефон редакции и спросил, не ушел ли еще фотограф.

— Нет, но уже собирается домой! — ответила секретарша.

— Тормозни его! Мне нужно срочно передать ему пленку...

И пока Берестов в приподнятом настроении мчался по вечерней Москве в направлении Китай-города, охранник с кобурой на ремне в совершенно ином настроении топтался перед столом своей работодательницы с виновато опущенной головой.

— Значит, не догнал? — зловеще прохрипела колдунья.

— Он на машине, а я на своих двоих... Как догнать?

— Ты зачем вообще его впустил? — метала искры колдунья. —

Это же тот самый журналюга, который приходил в пятницу.

— А я откуда знал? Я его морду не видел, был за занавеской.

— А по голосу не мог определить?

— У меня с детства слух отсутствует.

Колдунья швырнула в охранника подсвечник, но он увернулся.

— Я зачем тебя держу! Идиот! Недоносок! Скотина! Этот журналюга принес нам несчастье на той квартире. Теперь надо смазываться и с этой, а я уже заплатила за три месяца!

— Я запомнил номер его машины! — пробормотал охранник.

— И что? Завтра его статья с моей фотографией облетит всю Москву. Все! Мне конец. Надо менять профессию! — Анжелика закрыла лицо ладонями и громко разрыдалась. — Эти журналюги поганые всю жизнь мне отравили! С ментами еще можно договориться, с бандитами можно договориться. Этих же — только убивать. Боже мой, я ему такого наплела: если он опишет, все московские маги будут валяться без памяти.

— Зачем же ты ему наплела? — удивился охранник.

— Сначала ляпнула, что первое пришло в голову, а потом понесло. Остановиться не могла... Черт!

Около семи Берестов подъехал к гастроному, находившемуся на той же улице, что и его дом, устало вышел из машины и нырнул в магазин. На улице уже было темно. В магазине почти никого. Леонид купил батон, пельменей, креветок, кетчуп и три бутылки пива. Рассчитавшись и сложив покупки в два пакета, он вышел из магазина, кинул мешки на заднее сиденье машины и уже хотел завести двигатель, как к окошку подошла незнакомая женщина и взволнованно прошептала:

— Молодой человек, сейчас в вашей машине возился какой-то подозрительный тип в кожаной куртке.

— Что? — не поверил ушам Берестов и, сунув руку под магнитолу, нащупал два посторонних проводка, которые вели под сиденье.

Бедняга тут же выскочил из машины и, поблагодарив женщину, помчался обратно в магазин. Там, в присутствии всех продавщиц, заведующего магазина и четырех покупателей, он по-

звонил в оперативный отдел РУВД и сообщил, что в его автомобиль, возможно, подложена бомба.

12

Непонятно, что заставило Маргариту обернуться. Она уже почти подошла к своему дому, как внезапно заметила, что за ней следуют двое высоких парней в кожаных куртках. Ей показалась, что она их видела в Кузьминках, где сегодня давала уроки, затем в переходе метро, и даже, кажется, в обоих вагонах поезда, в которых она возвращалась домой. После этого парни мелькнули на выходе у киоска, где она покупала хлеб, и вот сейчас они снова угрюмо маячили сзади, не отставая ни на шаг. Но, возможно, Маргарита ошибалась. Ведь это не шутка, увидеть, как на твоих глазах в автомобиль подкладывают бомбу. Да еще дома... Боже мой, что ждет ее дома?

В квартире было подозрительно тихо. Хозяйка заглянула в кухню — никого. На плите стояла сковородка, и пахло рыбой. Она открыла крышку и с удивлением обнаружила под ней жареную мойву в сухарях. Откуда? У нее не было мойвы. Вдруг сзади послышался осторожный шорох. Маргарита обернулась и вздрогнула.

В проеме двери стоял ее квартирант, но в каком виде: пунцовый, потный, со вздутыми на лбу венами и дрожащим подбородком, глаза лихорадочно блестели и были совершенно невменяемы.

— Что с вами? Вы выпили?

— Что вы! — улыбнулся Антон. — Просто меня немного продуло. Не обращайтесь внимания.

— Продуло? Где?

— На балконе.

— Вы выходили на балкон? И мойву вы пожарили?

— Да. Специально для вас. Это, конечно, не самая лучшая рыба, но на большее у меня не было денег.

— Вы выходили из квартиры? — подняла брови Маргарита. — Без ключей?

— Извините, — виновато улыбнулся квартирант и вытащил из кармана связку ключей. — Я нашел это в тумбочке прихожей!

— Вы лазили по тумбочкам?

— Еще раз извините! Я искал градусник.

— Градусник у меня в правом ящике под телевизором. Возьмите! Я разрешаю!

— Спасибо! — произнес он вежливо и исчез.

Маргарита услышала, как в зале щелкнула магнитная дверца тумбочки, и без сил опустилась на стул. Сегодняшнее его поведение было очень настораживающим. "А что если сейчас вежливо предложить ему исчезнуть?" — мелькнула неожиданная мысль.

Хозяйка решительно поднялась со стула и направилась в зал. Он сидел на полу в расстегнутой рубашке, из-под которой торчал

градусник, и глаза его нездорово блестели. Подняв туманный взгляд на хозяйку, Антон устало произнес:

— Я кое-что начинаю припоминать, дорогая Маргарита. Это ужасно. Это очень ужасно. Возможно, сегодня мне понадобится скальпель. У вас есть скальпель?

— Нет, — рывкнула Маргарита.

— А вы можете спросить у соседей?

Но хозяйка не ответила, потому что зазвонил телефон. К телефону Маргарита бросилась, как к спасению.

— Я слушаю, — произнесла она полупшепотом, подняв трубку.

— Это я, тетя Лида, — послышался в ответ встревоженный шепот соседки. — Риточка, у вас все нормально? Я час назад звонила, никто трубку не брал. А свет на кухне горел.

— А почему вы решили, что у меня не нормально?

— Да потому, что у вас днем по балкону ходил голый мужик. Мало того что голый, так он еще был мокрый и даже распаренный. Это так надо?

Маргарита не нашлась, что ответить. Ее руки затряслись. Теперь она поняла, кто был этот человек, ночевавший у нее две ночи. Теперь было ясно, у кого он унаследовал такую идиотскую привычку — ходить голым. Соседка паузу поняла по-своему.

— Вы, Риточка, не можете говорить? — спросила она, приглушая звук. — Может, вызвать милицию?

— Вызовите! — шепнула Маргарита, испуганно покосившись на дверь. — И предупредите, что в моей квартире, возможно, известный рецидивист Кирилл Киселев, который объявлен в розыск.

— Боже! — вскрикнула соседка. — Бегите же скорей...

Связь оборвалась. Маргарита осторожно положила трубку на аппарат и несколько минут сидела не шевелясь. Затем собрала в себе силы, какие нашлись, и на цыпочках выползла из спальни. При этом кровать ее предательски дрогнула, дверь скрипнула, а из рук неожиданно выпрыгнул газовый баллончик, который громко покатился по паркету.

Маргарита подобрала его, прокралась мимо дверей зала, бесшумно вошла в туфли, сняла с вешалки плащ и принялась скрежетать ключом в двери. Это было непросто. В одной руке плащ, в другой баллончик. Пришлось баллончик быстро сунуть в карман юбки. Дверь, наконец, поддалась и с изуверским скрежетом отворилась.

Маргарита выскочила наружу и кинулась к решетке. Ежесекундно оглядываясь назад, она тыкала ключом в решетку и все никак не могла попасть в замочную скважину. Когда же попала, то не смогла его повернуть. Замок заедал довольно редко, но весьма метко. Вот и сейчас заартачился. Девушка бросила плащ на пол и начала обеими руками давить на ключ. Замок щелкнул,

решетка с душераздирающим лязгом нехотя поддалась. Маргарита схватила плащ и выскочила на площадку. Однако не успела она коснуться кнопки лифта, как сзади чья-то сильная рука заткнула ей рот, и напуганную женщину втоптали обратно в квартиру. Она услышала, как двое неизвестных переступили порог ее прихожей и захлопнули за собой бронированную дверь. Маргариту бесшумно протащили в кухню, и там она с ужасом увидела перед собой тех самых стриженных отморожков, которые следовали за ней с самых Кузьминок. Один, что постарше, показался ей знакомым.

— Кто еще есть в квартире? — спросил он шепотом, не отрывая громадной ладони от ее рта.

Маргарита замычала и указала глазами на стену, за которой был зал. Тот, что помоложе, вытащил из-за пояса пистолет и бесшумно направился в коридор. Из кухни было видно, как он быстро юркнул в ванную, потому что в зале хлопнула дверца тумбочки.

Немного погодя послышался звук открываемой двери, а следом донеслись приближающиеся шаги. Тот, что держал хозяйку, отпустил ее, вытащил из-за пояса пистолет и метнулся за холодильник. На пороге кухни появился квартирант. Настроение его было приподнятым.

— Уже тридцать восемь и две, — сообщил он весело и вдруг заметил в глазах Маргариты испуг. Улыбка моментально слетела с его лица.

— Вы чем-то напуганы? — спросил он озабоченно.

В ту же секунду из-за холодильника выскочил бандюга и наставил ему на лоб пистолет.

— Тише, дядя! Одно слово, и ты труп.

Растерянность отразилась в глазах у бывшего бомжа.

— Вы кто? — спросил он тихо.

— А вот кто! — произнес появившийся сзади второй и ударил его по макушке тяжелой рукояткой пистолета.

Квартирант рухнул на пол лицом вниз, беспомощно раскинув руки, а парень усмехнулся. Он направил на лежащего без чувств человека пистолет, но товарищ его остановил:

— Ты хоть глушитель надень, олух! Здесь стены тонкие. А я пока займусь дамочкой.

Бандюга вытащил из кармана кусок пластыря и залепил Маргарите рот, после чего грубо поволок в зал.

Когда он бросил ее почти бесчувственную на диван, она внезапно вспомнила, откуда знала этого типа. Да это же тот самый подонок из параллельного класса, который тогда после дискотеки чуть не изнасиловал ее на лавочке. Тело узнавало его цепкие, липкие руки и так же, как тогда, неприязненно отторгало. Так же, как в далекой юности, бедняжка извивалась в его мерзких объятиях, но тогда можно было кричать, а сейчас ее рот был залеплен пластырем. Бандит заломил обе руки за спину, но Маргарита продолжала отчаянно отбиваться ногами.

— Ух, мы какие! — произнес он с ухмылкой и ударил женщину в челюсть.

В ту же секунду на кухне произошло какое-то движение: слышался удар, короткий стон и звук падающего тела. Бандит замер.

— Леха, ты его кончил? — спросил он встревоженно.

Однако в ответ не услышал ни звука. Бандит отпустил одну руку жертвы и вытащил из-за пояса пистолет. Дверь в комнату отворилась, и на пороге возник Антон с топориком для рубки мяса в руках.

— Ты “замочил” Леху? — вытаращил глаза бандит. — Ну, ты, козел...

Бандюга взвел курок, но в тот же миг Маргарита брызнула ему в глаза из газового баллончика, который неизвестно как оказался в руке. Раздался выстрел. Зазвенело разбитое стекло двери. Пуля прошла в сантиметре от виска квартиранта. Не дожидаясь второго выстрела, Антон подскочил к бандиту и шарахнул ему по макушке обухом. Тот коротко охнул и отключился.

В ту же минуту в кухне слышался стон и возня. Парень, видимо, приходил в себя.

— Бежим! — воскликнул Антон, хватая Маргариту за руку.

Они выскочили из квартиры и, не дожидаясь лифта, со всех ног понеслись на первый этаж. Выскочив из подъезда, бросились к первой попавшейся машине.

— Ключи у вас есть? — спросил Антон.

— Нет! — ответила Маргарита.

Не долго думая, он разбил топориком переднее стекло и открыл дверцу. После того, как они прыгнули на сиденья, Антон со знанием дела пошуровал кончиком топора в замке зажигания, и машина завелась. Минуту спустя автомобиль на невероятной скорости уже выскакивал на шоссе, а с другого конца дома во двор въезжали две милицейские машины.

13

После того как взрывное устройство было обезврежено, и автомобиль поставлен в гараж, Берестов возвратился домой и позвонил в “КоммерсантЪ” Калмыкову.

— Привет, Толик! Меня только что чуть не грохнули.

— Что? В тебя стреляли?

— Если бы стреляли! Подложили в машину бомбу. Под сиденье, старик. Представляешь, чтобы со мной было? А главное, где подложили? В двух шагах от дома. Я только на минуту отлучился в гастроном.

— Да ты, я вижу, растешь! Поздравляю! В качестве журналиста уже котируешься по высшему разряду. — Толик выдал раскатистый смешок и ненадолго умолк. — Извини, это нервное. Ты опять занялся криминалом?

— Окстись! Какой, к черту, криминал? Всего лишь разоблачил одну предсказательницу.

И Берестов в подробностях описал оба своих визита к потомственной колдунье, не опустив, конечно, что охранник мчался за машиной с револьвером наголо.

— Потрясающе! Это такие крутые предсказательницы стали? — удивился Калмыков. — Нет, старик, тут что-то не так. Вспоминай, что ты опубликовал на минувшей неделе?

Берестов удивленно сморщил лоб и отрицательно pokrutil головой.

— Знаешь, самое странное, что за последнюю неделю я вообще ничего не опубликовал. Даже вшивой информации! Я только что вышел из отпуска! Еще даже, можно сказать, не раскочался, и тут на тебе! Сразу бомбу под задницу. Прикинь!

— Действительно странно. Может, тебя с кем-то спутали? Хотя нет! Обычно в таких случаях не путают. Вспомни: позавчера, вчера, сегодня с кем ты беседовал? О чем?

— Да ни с кем. Хотя нет! С одной из клиенток этой самой колдуньи. Она рентгенолог. Кстати, совсем забыл: через полчаса после нашего разговора она выбросилась с двенадцатого этажа.

Толик расхохотался.

— Мне нравится, что даже в самые тревожные минуты ты не теряешь чувство юмора!

— Думаешь, я шучу? Клянусь, все правда! Понимаешь, тут дело темное. Буквально за час до нашего разговора эта бабенция сняла в сберкассе семьдесят тысяч баксов на покупку дома в Солнечногорске. Возвратилась из сберкассы домой, пристроила куда-то деньги и помчалась на интервью со мной. Можешь такое представить? А после интервью она доехала до дома, однако, войдя в подъезд, в квартиру не зашла, а поднялась до двенадцатого этажа и бросилась вниз башкой. Не хило?

— Интересно... — задумчиво промычал Калмыков. — А деньги, конечно, исчезли?

— Конечно! Хотя нет! Такие подробности мне не известны.

— Расскажи подробней, о чем ты с ней трепался?

Берестов добросовестно пересказал другу байку про то, как несчастной всю жизнь не везло с деньгами, и тогда она решила отправиться к колдунье...

— Понятно! — нетерпеливо перебил Калмыков. — История известная. Вспомни, с кем еще ты разговаривал в последние три дня?

— В субботу у меня была беседа в "мерседесе" с одной очень состоятельной и неопишимо красивой женщиной. Тоже, кстати, клиенткой колдуньи. У нее два года назад пропал муж.

— Так! — оживился Калмыков. — Труп нашли?

— Кажется, нашли. Однако колдунья по фотографии всего за шестьсот баксов определила, что он жив.

— За такую сумму я и сам кого хочешь оживлю. Значит, говоришь, два года назад он пропал? Вообще, к твоему сведению, начиная с середины девяносто шестого, в России начали пропадать целыми толпами. Самый пик приходится на девяносто седьмой год. А в феврале девяносто девятого в Москве обнаружили около двухсот человек, которые считались без вести пропавшими. Они не помнили ничего. Даже своего имени. Потом некоторые из них постепенно вспоминали жен, детей, родственников, вспоминали свое детство, прошлое, но только до того момента, как пропали. Где они находились все это время, чем занимались — полнейший провал. Этого не добился от них ни один гипнотизер. Так вот, мое личное наблюдение: в девяносто седьмом году в России победила спиртовая мафия. По объему самые огромные поставки турецкого спирта в страну пришлось именно на девяносто седьмой год. Усекаешь?

— Честно говоря, нет!

— Я начертил два графика: объем завоза контрабандного спирта в Россию за последние четыре года и количество пропавших людей. Они почти идентичны. Ты понял?

— Понял.

— Ну, ладно. Это к слову. Я к чему все это веду, что предсказательницы подобного рода держат нос по ветру. Так что... Слушай, — неожиданно воскликнул Калмыков. — Я, кажется, догадался, куда ты вляпался. Точно! И как тебя угораздило? Ё-мое! Ты хоть из дома звонишь?

— Откуда же? — удивился Берестов.

— Пистолет есть?

— С ума сошел, что ли?

— Сиди и не высывайся. Я сейчас подъеду...

Столь поспешное окончание разговора несколько удивило Берестова. Что это с Калмыковым? Никак припахали писать заметку? Скорей всего.

Леонид пожал плечами и отправился на кухню. И вдруг ему послышалось, что за дверью ковыряются с замком. Хозяин вышел в прихожую, зажег свет и ясно услышал, как снаружи к его противотанковому замку на бронированной двери подбирают ключи. Не успел он что-либо сообразить и возмутиться, как дверь распахнулась, и в квартиру влетели двое плечистых парней в масках. Они сбили беднягу с ног и сунули в нос тряпку с эфиром.

“Вот и каюк!” — последнее, что промелькнуло в голове. И вслед за этим откуда-то издали раздался назидательный голос, сказавший про него почему-то в третьем лице: “Так Леонид Берестов и не узнал, в какую историю вляпался, сам того не осознавая”.

Несчастный очнулся на заднем сиденье машины. Рот его был заляпан пластырем, на глазах черная шапка, руки и ноги крепко стянуты капроновой веревкой. “Если не убили сразу, значит,

будут беседовать. Может, тогда выяснится, что это недоразумение”, — пронеслась в голове наивная мысль.

Через полчаса автомобиль съехал с шоссейной дороги и покотился по проселочной. Пока они прыгали по кочкам, Берестов забывался дважды. Как ни мучительна была дорога, но когда автомобиль затормозил, сердце журналиста ускользнуло в пятки.

Сидящие впереди парни вышли наружу, глухо хлопнув дверцами, открыли заднюю дверцу, схватили пленника за голову и грубо выволокли наружу. При этом шапка немного съехала на затылок, и Берестов краем глаза увидел трехэтажный кирпичный дом, глухой забор и две скуластые физиономии. Шапочку ему поправили и поставили на ноги. Один из них выругался и развязал ноги. Пленника толкнули в сторону дома, довели до каких-то ступеней, затем поставили подножку, и он покотился вниз по шершавому бетону.

Ощутив спиной жесткую плоскость, журналист понял, что прибыл до места назначения. Дверь наверху со скрежетом закрылась, и стало очень тихо. Леонид полежал несколько минут на ледяном полу, затем поднялся на ноги и принялся на ощупь обследовать помещение. Доковыляв до стены, он потерся о бетон щекой и тем самым скинул с себя закрывавшую глаза шапочку. Осмотрелся. Он находился в темном подвале с двумя крошечными окошечками в решетках. В одном виднелась часть двора с глухим забором и двумя тощими яблоньками. В другом, кроме забора, был виден белый “нисан”. Номеров не разглядеть из-за темноты.

Леонид осторожно обошел весь подвал. В одном углу он наткнулся на пружинный матрас и ворох какого-то белья, в другом — на пустую деревянную бочку.

Предстояла нелегкая задача — освобождение рук. Он долго ходил вокруг бочки и все соображал, как снять с нее обруч, чтобы перепилить веревку, он пару раз пнул ее ногой, но в домашних тапочках это не возымело эффекта. Тогда журналист решил перетереть веревку о бетонную стену.

Через час оба запястья были ободраны в кровь и до самых костей стерты ладони. Однако время упорного трения у стены дало свои результаты. Веревка перетерлась. После того, как руки освободились, Леонид отлепил от лица пластырь и начал растирать затекшие кисти. Они плохо слушались, поскольку дико окоченели. Ничего не оставалось, как отправиться к пружинному матрасу и покопаться в полусгнившем барахле. От холода зуб на зуб не попадал.

Бедняга напялил на себя сырую фуфайку, а шею обмотал какими-то холодными тряпками. Шапочку, которая осталась на полу, пришлось снова подобрать и напялить на голову. На ноги пленник натянул дырявые шерстяные носки, которые нашлись в куче с ветошью. Чтобы согреться, Берестов сделал несколько

приседаний, после чего повалился на матрас и укутался в пыльное одеяло.

Притихнув и немного согревшись, журналист услышал, что из угла доносятся какие-то голоса. Он встал и, не снимая с плеч одеяла, принялся обследовать угол. В него была впечатана идущая наверх труба. Если к ней приложить ухо, можно услышать, о чем говорили наверху. Однако наверху говорили мало. В основном слышался шум телевизора.

Берестов сел перед трубой на корточки и принялся тщательно ловить каждый звук. Его слух обострился настолько, что он даже начал различать отдельные слова диктора. Когда что-то вставляли бандиты, их голоса звучали значительно весомей. Они, судя по всему, играли в карты, поскольку произносили одно и то же.

За полчаса сидения на корточках Берестов не узнал для себя ничего полезного. Он встал, перетащил матрас к трубе и задремал. Лежа, да еще в полудреме, слышимость была лучше. Он даже четко расслышал, как прозвенел телефон, и один из бандитов сипло прохрипел в трубку:

— Слушаю. Это Макс! Что? Мы не в курсе. Они пошли за бабой, и их до сих пор нет. Баба увидела, как Стас возился в машине. Она предупредила журналиста. Журналист вызвал легавых. Да нет! Все нормально! Потом мы его взяли. Прямо из дома. А Вольдемар с Лехой пошли за бабой. Нет! Поехали на метро. Что? Повязали! По НТВ в новостях?

Было слышно, как бандит крепко выругался и дико вскрикнул:

— Переключай на НТВ. В новостях передают, что Леху с Вольдемаром повязали!

Канал, по всей видимости, переключили и прибавили звук. Минуты две длилась тишина, только диктор деловито сообщал какие-то новости. И вдруг бандиты оживились:

— Вон, вон они! Тихо ты, заткнись.

— Сегодня вечером сотрудниками уголовного розыска в квартире музыкального работника Маргариты Гореловой были задержаны двое грабителей. Их личности уточняются. У задержанных обнаружено огнестрельное оружие и взрывчатые вещества. Оперативники предполагают, что это не просто грабители, а члены одной из подмосковных криминальных группировок, предположительно, можайской.

— Оба бандита покатились со смеху.

— Сами вы можайские.

— Да заткнись ты, дай послушать!

— Между тем, — продолжала дикторша, — Маргарита Горелова до сих пор не найдена, хотя, как утверждают соседи, именно по ее настоянию они вызвали милицию. Обстоятельства этого происшествия выясняются.

Бандиты возмущенно загалдели:

— Козлы! Чем они там занимались? Вдвоем одну бабу не могли грохнуть...

— Тихо ты! Заткнись! Киселя показывают.

— Разыскивается особо опасный преступник Кирилл Киселев, — невозмутимо продолжала дикторша. — Тысяча девятьсот шестьдесят пятого года рождения. Приметы: рост метр семьдесят восемь, телосложение среднее, глаза карие, волосы русые, прямые. Особые приметы: большой шрам на лбу. Лиц, располагающих какой-либо информацией, просят позвонить по следующим телефонам...

— Ты чего-нибудь понял, Макс? Кисель-то здесь при чем?

— Ничего не понял. Он че, воскрес?

14

Они летели по Ленинградскому шоссе куда-то за городскую черту, и у Маргариты никак не поворачивался язык спросить, куда же они так несутся? Во-первых, от удара челюсть ее распухла, во-вторых, из разбитого окна так хлестало, что стоило открыть рот, как она сразу начинала задыхаться. Первым голос подавал Антон.

— Как бы вам не простыть на таком сквозняке. Сорвите с заднего сиденья чехол и обернитесь.

Маргарита, немного подумав, так и сделала, быстро, по-деловому, без лишних слов, поскольку ее трясло как в лихорадке. Когда она завернулась в толстый вельветовый чехол и немного согрелась, то неожиданно тоже проявила заботу:

— А вы? Вы же с температурой, да еще на ветру.

Он улыбнулся какой-то новой, более уверенной улыбкой и хрипло ответил:

— Это, наоборот, пойдет мне на пользу.

После этого некоторое время рассекали ночное шоссе молча. Он лихо лавировал с полосы на полосу, подрезая и оставляя сзади более крутые иномарки, не снижал скорости даже при виде поста ГИБДД, а на патрульные машины вообще не обращал внимания.

— Лихо вы водите, — произнесла Маргарита, несколько уняв дрожь.

— Когда машина классная, она сама идет, — улыбнулся Антон. — Кстати, сколько вы за нее дали?

— За что? — не поняла Маргарита.

— За ваш "ауди".

Она бросила изумленный взор на попутчика и едва заметно усмехнулась.

— Вы думаете, это моя машина?

— А чья?

— Не знаю. У меня вообще нет машины.

— Тогда почему вы сразу бросились к ней? — спросил с недоумением Антон.

— Я бросилась? По-моему, мы вместе бросились.

— Выходит, мы угнали чужую машину. — Он лукаво улыбнулся и вдруг рассмеялся. Следом засмеялась и Маргарита.

Когда показался Солнечногорск, она почувствовала, как ее спутник за рулем весь напрягся. Он сморщил лоб и начал что-то вспоминать, всматриваясь в горящие огни и светофоры. Наконец уверенно свернул налево, сполз с дороги и въехал в коттеджный городок.

Остановившись у одного трехэтажного дома с двумя башнями и глухим забором, Антон долго вглядывался в темные окна на втором этаже, затем, не сказав ни слова, вышел из машины и полез через забор. Минут через пять, к удивлению Маргариты, ворота отворились, и из них как ни в чем не бывало вышел Антон. Он загнал машину во двор и велел Маргарите подождать, а сам полез по водосточной трубе на второй этаж, легко прошел по карнизу вдоль окна, толкнул форточку и вошел в дом. «Если что, скажу, что он меня принудил», — подумала она.

Вскоре на первом этаже вспыхнул свет, двери отворились, и Антон сделал приглашающий жест.

— Предупреждаю, что этот дом не мой, — произнесла Маргарита, клацая зубами.

— И, кажется, не мой, — грустно улыбнулся Антон.

— Чей же?

— Если бы еще знать, чей?

Он запер дверь, провел ее в каминный зал и посадил в кресло. Сам приволок откуда-то охапку дров и растопил камин. Затем спустился по лестнице откуда-то сверху с двумя бокалами и квадратной бутылкой шотландского виски. Налил ей полный бокал, а себе плеснул на донышко:

— Выпейте залпом, вам надо согреться!

— А вам не надо? — удивилась она.

— Мне наоборот...

Антон пригубил из своего бокала, поморщился, затем посмотрел на этикетку и ничего не сказал. Маргарита сделала три глотка и подумала, что такого шикарного виски она не пила никогда. Ей сразу сделалось хорошо и потянуло в сон. К тому же со второго этажа Антон приволок длинную норковую шубку и настоял, чтобы она укуталась. Сам же снова куда-то исчез.

Несмотря на то, что на душе было тревожно, от виски стало легко и тепло, даже уютно.

Антон приволок откуда-то маленький телевизор и поставил перед ней на стул.

— Не скучай. А я пока соображу насчет ужина.

По телевизору ничего интересного не было. Она пощелкала каналы и, остановившись на НТВ, пошла бродить по дому. На первом этаже был зал с шикарной мягкой мебелью, комнатка со столом и просторной кроватью, огромная прихожая, невероятных размеров кухня и еще несколько подсобных комнатушек.

На втором — две спальни, кабинет с красивым антикварным столом и огромный музыкальный зал. В нем стоял рояль, должно быть, очень дорогой. На стенах висели несколько скрипок, виолончель и гитара. Она ущипнула гитарную струну, и от звука, который издал инструмент, все в душе перевернулось. О такой гитаре можно только мечтать. Ей за всю жизнь не заработать на такую прелесть.

Она осторожно сняла со стены инструмент, поставила ногу на подоконник и заиграла концерт Палау, сначала робко, потом все уверенней и вдохновенней. Звуки полились так свободно, что она обо всем забыла. Опомнилась только тогда, когда почувствовала на спине чей-то горящий взгляд.

В дверях вырисовывался громадный силуэт с длинным ножом в руках. Тут не могло быть никакой ошибки: в его руках было именно нож. Это было видно весьма четко.

— Антон, это вы?

Это был он, Антон. Но в каком виде! Глаза мутные, лицо красное, потное, напряженное. Он тяжело дышал, трясся и был явно не в себе. В одной руке действительно сверкал огромный никелированный нож. Взгляд его был устремлен куда-то мимо Маргариты и выражал усталую боль. Наконец его зрачки пошевелились, и жутким, почти загробным голосом он произнес:

— Антона давно нет. Остался лишь его призрак.

Призрак, покачиваясь, сделал шаг по направлению к Маргарите, и та с визгом бросилась за рояль. Антон остановился, выпучил глаза и принялся трясти головой. Когда он поднял голову, глаза его были уже менее безумными, хотя по-прежнему больными. Он посмотрел на свою руку с ножом, спрятал ее за спину и уже спокойным голосом проговорил:

— Извините, Маргарита! У меня, кажется, сильная температура. Если буду бредить, не обращайтесь внимания... А я вожусь на кухне, слышу, вы играете... Знаете, не могу себя удерживать... когда искажают. Извините, в первой части нужно играть ре-диез, а не ре-бекар... И басы должны быть глубже по звуку...

— На традиционной гитаре это невозможно, — выдавила из себя Маргарита. — Нарсисо Йепес специально для этого концерта Палау заказывал десятиструнную гитару.

— Что? Йепес? В Мадриде я три дня поил его в лучших ресторанах, а он мне так и не показал свою знаменитую десятиструнную гитару.

Антон развернулся и, покачиваясь, пошел прочь. Остановившись на лестнице, он оглянулся.

— Я закажу вам... десятиструнную гитару.

15

Калмыков так долго и отчаянно звонил в квартиру Берестова, что из соседней квартиры вышла соседка.

— Ну, что вы названиваете? Нет его дома. Вы ему звоните, а у нас все отдается. У него такой громкий звонок.

— Вы не знаете, где он?

— Откуда мы можем знать? Он нам не докладывает.

— Может, вышел куда, в магазин или мусор вынести? Вы не слышали ничего? Я ему и на сотовый звонил — никто не отвечает.

Голос у Калмыкова был таким расстроенным, что женщина сообразила: с соседом что-то произошло.

— Вообще-то у него в прихожей слышалась какая-то возня, а потом как будто что-то упало на пол. Затем все стихло.

— Стон, крики, хрипы слышали? Запах крови у вас в прихожей чувствуется?

— Что вы такое говорите? — попятилась соседка и быстро закрыла дверь перед носом журналиста.

Калмыков позвонил с мобильного своему знакомому полковнику Кожевникову и вкратце обрисовал ситуацию.

— Стой на месте, сейчас подошлю ребят. По-моему, бомбой занимался капитан Горохов.

Ровно через двадцать минут опергруппа из трех человек в полном боевом обмундировании вышла из лифта.

— Анатолий Калмыков? — спросил один из них. — Очень приятно! Капитан Горохов! Где квартира журналиста?

Квартиру открыли легким движением руки при помощи какой-то отмычки. Оперативники внимательно осмотрели прихожую. На полу была разбросана обувь, и валялся раздавленный сотовый телефон. Капитан присел, внимательно осмотрел полы. Подобрал какой-то подозрительный комочек грязи, затем принюхался.

— Мужики, по-моему, пахнет эфиром.

Мужики начали водить носами, и все трое подтвердили: эфир, вне всякого сомнения. Кроме этого, капитан унюхал еще и запах какого-то редкого английского одеколona. Он вошел в ванную, перенюхал все пузырьки и высказал предположение, что, кроме хозяина, в квартире было еще двое. Однако эти двое в комнату не входили.

— Стас, посмотри замок!

Один из милиционеров присел перед дверью и долго что-то выискивал через увеличительное стекло в скважине замка.

— Похоже, открывали булавкой.

— Все ясно! — нахмурился капитан Горохов. — Открыли отмычкой и ворвались. Журналист, видимо, вышел на шум в прихожую, и они сразу накинули на него маску с эфиром. Затем отволокли в машину. Словом, сейчас работаем с соседями...

Милиционеры рассыпались по этажам и принялись опрашивать жильцов на предмет подозрительных звуков в подъезде. Калмыков тоже принял горячее участие в опросе. Именно он на

пятом этаже нашел свидетельницу, видевшую, как полчаса назад трое пьяных молодых людей в обнимку выходили из лифта. Двое были в кожаных куртках. Они даже пытались что-то петь. Третий был в одной рубашке и совершенно невменяем. Но что ее поразило: от них воняло ацетоном.

— Это они! — насторожился капитан. — В какую машину сели?

— Насчет машины ничего сказать не могу, — развела руками свидетельница. — Я вообще на машины не обращаю внимания.

— Но, может быть, какая-нибудь посторонняя машина у подъезда бросилась вам в глаза, — продолжал допытываться капитан.

— Ничего постороннего мне в глаза не бросилось, — ответила женщина с пятого этажа и закрыла дверь.

Опросили хозяев квартир первых этажей, чьи окна выходили во двор. В подъезде Берестова никаких посторонних машин не заметили, а в соседнем сказали, что, кажется, видели какую-то белую иномарку. Но это не точно.

Вот, собственно, и все сведения, какие смогли собрать оперативники. Группа захвата с Калмыковым сели в милицейскую машину и на всякий случай сообщили всем постам дорожно-патрульной службы, чтобы приглядывались к подозрительным белым иномаркам.

— Но вряд ли будут приглядываться, — покачал головой капитан Горохов. — Слишком уж неконкретные сведения. Одно не возьму в толк, зачем они его похитили, когда перед этим хотели взорвать?

— Кто? — вздрогнул Калмыков.

— Судя по амуниции, братки из можайской группировки. Хотя это не точно. Их еще продолжают допрашивать.

— Что? Их поймали? Тех, кто подложил бомбу?

— Двоих поймали. Но еще неизвестно, они ли это? Хотя, судя по всему, команда одна.

Машина тронулась. Капитан закурил и откинулся на сиденье.

— Команда одна, как пить дать! Решили убрать свидетельницу, которая могла опознать минера. Выследили, проникли в квартиру, и тут мы их накрыли...

Калмыков удивленно взглянул на капитана.

— Свидетельница не пострадала?

— Этого мы пока не знаем, — задумчиво выпустил дым капитан. — Она исчезла. И тот, который профессионально “замочил” бандитов в квартире свидетельницы, тоже исчез.

— А кто это был? — удивился Калмыков.

— Вот и я думаю, кто? Музыкантша одинока. Сожителя, по словам соседей, никогда не было. Кроме этого, непонятно, кто вообще вызвал милицию? Вызывала женщина, но, кажется, не сама Горелова. И вот что любопытно, она сказала, что в ее квар-

тире хозяйничает известный рецидивист Кирилл Киселев. Два года назад он совершил побег из мест не столь отдаленных, и, по слухам, его приютили люблинские.

Капитан впал в окончательную задумчивость, а машина продолжала нестись по ночной Москве.

— Судя по почерку, это орлы из новой формации, — пробормотал себе под нос капитан после длительного молчания.

— Что это значит? — поднял брови Калмыков.

— Сейчас в бандитском мире происходит новый передел. Криминальные группировки второй год энергично теснит какой-то молодняк. Откуда он взялся, непонятно. Работает новая волна, как правило, либо в одиночку, либо парами: парень с девушкой. Ребята очень хорошо подготовлены — смелые, дерзкие, неуловимые. Где их готовят, неизвестно. Но главное, непонятно, кто за ними стоит?

16

Наутро полусонного журналиста выволокли за шиворот из подвала и молча втащили в дом. Несмотря на то, что ночью пленник промерз до самых костей, спал он настолько крепко, что даже не слышал, как утром во двор въехал фиолетовый “джип” с темными окнами. Леониду пару раз засветили по физиономии за то, что он перетер веревку, затем поставили в гостиной перед каким-то холемым мужчиной в кожаном пальто. Он сидел в кресле нога на ногу и смолил сигару.

Незнакомцу было около тридцати. Коротко стрижен, чисто выбрит, сытый, пахнущий дорогим одеколоном. Голубые глаза ледяные и наглые, явно привыкшие к вседозволенности. Он молча осмотрел журналиста с ног до головы, и его тонкая ноздря презрительно дернулась. Разумеется, заспанный, в рваной фуфайке и грязными тряпками на шее, Леонид выглядел не лучшим образом.

— Маргарита Горелова — твоя знакомая? — спросил незнакомец высокомерным тоном.

— Кто это? — сморщился Берестов, втягивая голову в плечи. — Подозреваю, что вы меня с кем-то путаете.

— Мы никогда никого ни с кем не путаем, — назидательно пояснил мужчина. — Женщина, которая подошла к твоему “Жигулю” предупредить о бомбе, до этого тебя знала?

— А, вот кто! — тряхнул головой Берестов. — Нет! Я видел ее впервые.

В глазах мужчины промелькнула искра недоверия. Задумчиво пожевав губу, он лениво поинтересовался:

— Тогда зачем она к тебе подходила? Ей жизнь не дорога или делать нечего?

— Это вы у нее спрашивайте, а не у меня!

— Спросим, — криво усмехнулся господин. — Когда поймем.

В гостиную вошел еще один господин. На его шее красовалась черная бабочка в горошек, ноги были обуты в лакированные ботинки. Черные волосы набриолинены и зачесаны назад. Глаза карие и очень внимательные. Брови сросшиеся, на одной из них бордовый шрам.

Господин в лакированных туфлях осмотрел пленника с ног до головы и спросил с иностранным акцентом:

— Вы занимаетесь спортом?

— Нет, — ответил Берестов.

— А хорошо умеете стрелять?

— Нет. Стреляю неважно. В армии всегда мазал.

— Это очень плохо, — покачал головой иностранец. — Вы, русские, очень ленивые, поэтому ничего не умеете.

— Не такие уж мы и ленивые, — криво усмехнулся Берестов. — Кое-что все же умеем. Например, морды бить. И бьем их получше, чем вы, американцы.

— Я не американец. Я англичанин, — поправил иностранец.

— Мне один черт!

— А мне не один. Вы товар не высшего класса. На вас сейчас спроса нет. Спрос сейчас на молодых, спортивных, сильных.

— Я журналист, а не спортсмен, — произнес Берестов с обидой.

— Мне не нужны журналисты. Мне нужны работники.

— А журналисты, по-вашему, не работники? — удивился Берестов.

— Русские журналисты не годятся даже на то, чтобы мести улицы. Но вас, в виде исключения, я куплю за полцены. Есть одно место в цехе.

— Но, мистер Ричард, мы на бензин больше потратились... — зашевелился в кресле парень с рыбьими глазами.

— Или за полцены, или пускайте в расход, — отрезал иностранец. — На такого заявок нет.

Продавец в кресле махнул рукой, и Берестова, грубо схватив за руки, потащили к "форду". Толкнув в салон, ему мигом закатали рукав и всадили иглу в руку. В ту же секунду глаза его помутнели. Пленник дернулся в какой-то неистовой судороге и без чувств свалился на сиденье.

Очнувшись он в какой-то чистенькой лаборатории на жесткой кушетке. В голове шумело, в висках ломило, все кости ныли.

Леонид поднял голову и заметил, что он совершенно голый. Вокруг никого. У стены стоял какой-то медицинский аппарат, похожий на рентгеновский. Внезапно открылась дверь, и на пороге появился тот самый иностранец в бабочке и лакированных туфлях. За ним вошли два угрюмых бугая.

— Итак, — деловито произнес мистер Ричард, — пока вы спали, мы вас обследовали. Несмотря на то, что вы пренебрега-

ете спортивными занятиями, состояние ваше не такое уж и плохое. Встаньте на машину!

Иностранец указал на стоящий у стены рентгеновский аппарат. Берестов покорно взошел на него и прижался к экрану. Иностранец сел напротив и приложился глазами к перископу.

— Неплохо, — повторил он. — Легкие хорошие. Еще бегаете без одышки. Очень жаль, что вы не стрелок. Мне сейчас нужны стрелки.

— Что вы заладили: “Мне, да мне!” — с раздражением произнес Берестов. — Вы кто здесь? Господь Бог?

— Забудьте о Боге, — приказал иностранец. — Теперь вы будете служить только мне.

— Откуда такая уверенность? — возмутился Леонид.

Англичанин поднялся с места, и Берестов заметил под мочкой его уха огромное родимое пятно.

— Не только служить, но и поклоняться мне, как Богу. А кто не будет служить и поклоняться, будет убит.

— Да вы зверь! — воскликнул Берестов.

— Совершенно верно. Я — зверь, — удовлетворительно кивнул иностранец. — Это про меня сказано в тринадцатой главе Апокалипсиса: “И дано ему было вложить дух в образ зверя, чтобы образ зверя говорил и действовал так, чтоб убиваем был всякий, кто не будет поклоняться образу зверя. И он сделает то, что всем — малым и великим, богатым и нищим, свободным и рабам — положено будет начертание на правую руку их или на чело их”. Так что, Берестов, готовьте свою правую руку и лоб. Я буду вас метить!

17

Маргарита, в ужасе издав короткий стон, попятилась назад. Безумец смотрел на несчастную мутным взором. Он сжимал в руке окровавленный скальпель и, кажется, не собирался узнавать ее. Около двух минут они молча смотрели друг на друга, после чего он, качнувшись, угрюмо двинулся на Маргариту. Она с визгом кинулась на второй этаж, забежала в спальню и забилась в платяной шкаф.

Через некоторое время Маргарита услышала на лестнице тяжелые шаги. Они протопали в музыкальный зал, затем — в кабинет, наконец, в соседнюю спальню. После чего зловец направился к ней.

Антон переступил порог спальни и остановился. Маргарита услышала, как его рука заскользила по стене, наткнулась на выключатель и зажгла настенное бра. С минуту было тихо, затем его шаги стали тихо приближаться к шкафу.

Уже наполовину отключившаяся Маргарита почувствовала, что он остановился рядом, даже услышала его тяжелое дыхание, но преследователь почему-то не спешил распахнуть дверь.

цы. Маньяк какое-то время безмолвно принюхивался, затем неожиданно постучал.

— Маргарита! — услышала она. — Я чувствую по запаху, что вы здесь. Я очень болен. Мне нужно поспать. Извините, что невольно напугал вас. Я не хотел. Ложитесь здесь и ничего не бойтесь. Завтра я приду в норму.

В эту же минуту его шаги стали удаляться. Но за порогом он остановился, и девушка услышала:

— Знайте, что вы мне очень дороги.

Антон ушел, но Маргарита еще долго сидела в шкафу.

Как она наутро оказалась в разобранной кровати, для нее осталось загадкой. Утро было на редкость солнечным. За окном что-то уютно шелестело и чирикало. А в доме царил невероятная тишина. Маргарита оделась и как можно тише спустилась на первый этаж. Вдруг она услышала сзади чьи-то мягкие шаги. Девушка испуганно обернулась и увидела Антона, выходящего из соседней спальни. Его глаза как-то непривычно светились, и на лице сияла широкая улыбка.

— Доброе утро, Маргарита! — обаятельно произнес Антон. — Как вы спали?

— Прекрасно спала, — скороговоркой ответила гостья.

— Я тоже прекрасно спал. И, кажется, неплохо себя чувствую. А вы как?

— Нормально, — сухо ответила Маргарита.

Антон чутко уловил ее настроение.

— Извините, я вчера вас напугал. Ей Богу, это произошло ненароком. Вас нужно было сразу отнести в спальню, но вы так трогательно сопели в кресле, что я не посмел вас потревожить. Хорошо бы нам хлебнуть кофейку, — бодро произнес он. — Какой вы предпочитаете?

— “Нескафе”, — пробормотала Маргарита.

Антон весело расхохотался.

— Я приготовлю кофе по-бразильски, если вы не возражаете, на кухне есть кофеварка.

Он легко сбежал с лестницы, коснувшись ее полами своего бежевого халата, и скрылся в кухне. Маргарита направилась в ванную, а когда вышла, дом уже наполнился изумительным кофейным ароматом. Антон держал в руках поднос, на котором дымились две чашки кофе и лежало несколько бутербродов с ветчиной. Он элегантно жестом указал гостье на кресло и поставил поднос на журнальный столик, после чего мягко заглянул в глаза:

— Не знаю, понравится ли вам кофе по-бразильски. Большинство предпочитают по-турецки, но, на мой взгляд, у турков не столь изысканный вкус к кофе.

Позавтракав, Маргарита вежливо поблагодарила Антона и добавила:

— Мне нужно срочно в Москву. У меня сегодня уроки.

- Понимаю, — ответил он. — Но вас ищут бандиты.
- Никто меня не ищет, — нахмурилась Маргарита. — Их вчера поймали.
- Глаза Антона радостно блеснули.
- Откуда вы знаете?
- Вечером сообщали по НТВ.
- Ну, что ж, это прекрасно! — бросился он к телефону. — Вам нужно дать показания в милиции. Советую позвонить, чтобы они за вами приехали.
- Куда? Сюда? — вытаращила глаза Маргарита. — Чтобы сразу вклеили срок за то, что я влезла в чужой дом?
- На его лице появилась растерянность.
- А ведь точно, — грустно улыбнулся Антон. — Я совсем забыл, что это чужой дом. А мы здесь во всю хозяйничаем...
- Чей этот дом, вы знаете? — сощурилась Маргарита.
- Он пожал плечами и отвел взгляд. Затем деловито сложил на поднос пустые чашки и отнес в кухню, бросив по пути:
- Что ж, я вас отвезу.
- На угнанной машине? Нет уж, спасибо. Я лучше на электричке.
- Никаких электричек! Поедем на машине...

18

Она не вошла, а буквально влетела в квартиру, в которой уже были ободраны обои под дерево и почти полностью упакованы чемоданы. Красивая женщина в элегантном плаще из мокрого шелка, с бриллиантовыми сережками и золотой заколкой в волосах была бледна. Анжелика при виде ее нахмурилась.

— Что вам еще от меня надо? Я же вернула вам деньги!

— Плевать мне на деньги! — крикнула женщина. — Вы должны напрячься и сказать, где сейчас мой муж. Я вам заплачу столько, сколько вы запросите.

Женщина бросила фотографию на стол и изнеможенно опустилась на стул перед колдуньей. Анжелика внимательно всмотрелась в ее безумные глаза.

— Скажите прямо, что вы от меня еще хотите? Я же вам все вернула в двойном размере. И вашим людям заплатила штраф. У меня больше нет ни гроша.

— Я вам все возьму! — устало отмахнулась женщина. — Где мой муж? Говорите, вы должны знать.

— Да вы что? — выпучила глаза Анжелика. — Издеваетесь надо мной? Или это у вас такой вид бизнеса? Я не знаю и знать не хочу, где ваш муж!

Женщина вытащила из сумки пачку долларов и бросила на стол.

— Здесь десять тысяч! Вы должны немедленно сказать, где мой муж!

— Уберите ваши деньги и убирайтесь сами! — вскрикнула Анжелика, потеряв терпение. — Сначала даете деньги, а потом посылаете свою “крышу” требовать с меня в десять раз больше. Валерка, выкинь ее отсюда! — крикнула в открытую дверь колдунья.

В ту же минуту охранник расторопно влетел в комнату и уже протянул к гостье руки, но она угрожающе прохрипела:

— Назад, козел! Только попробуй до меня дотронуться! Вон отсюда!

Охранник недоуменно покосился на хозяйку, пожал плечами и послушно удалился из комнаты.

— Сядьте, Анжелика Петровна, и прекратите вашу истерику, — властно приказала женщина. — Никакую “крышу” я к вам не посылала. Они приехали сами. Обещаю, что больше к вам не сунутся. Сядьте и успокойтесь!

Анжелика послушно села на свое место за столом и с мольбой заглянула посетительнице в глаза:

— Что вы от меня еще хотите? Я же вам сказала по телефону, что предсказывать не умею, умею только дурачить. И вас я одурачила. Но все вам возместила...

— Нет! — стукнула по столу посетительница. — Мне лгать бесполезно. Из всех предсказательниц, которых я знаю, вы единственная говорите правду. Я наводила о вас справки, Анжелика Петровна. Лично беседовала со многими вашими клиентами: ни у одного из них нет к вам претензий.

Анжелика выкатила глаза и потеряла дар речи. Ее удивление было искренним.

— Вообще-то, моя бабушка была, кажется, колдуньей... — произнесла неуверенно колдунья. — В деревне так считали. Но сама я не знаю... Честное слово. Клиентам обычно плету первое, что взбредает в голову. Не задумываясь.

— Вот и скажите, не задумываясь, где сейчас этот человек? — указала на фотографию женщина. — Вы мне сказали, что он жив, а между тем, год назад меня приглашали в бюро судебной экспертизы на опознание его останков. И я их опознала.

Анжелика вздрогнула.

— Тогда зачем вы пришли ко мне, если его труп опознан?

— А затем, что на днях его снова видели. И видели именно у Казанского вокзала, про который вы упоминали. Он был с той самой бабой, про которую вы говорили. Скажите, где они прячутся? Вы можете это сказать, я знаю! Умоляю, напрягите мозги! — В глазах клиентки появилось отчаяние.

Анжелика растерянно взглянула на фотографию мужчины со скрипкой и задумалась.

— Честно говоря, ничего не вижу...

— Сосредоточьтесь, — подбодрила женщина. — Задерните шторы, зажгите свечи, возьмите в руки свой магический шар, наконец. Я жду!

— Стоп! — воскликнула Анжелика. — Вижу! Вижу его в казенном доме. То ли в тюрьме, то ли больнице. Скорее всего, в тюрьме! Нет! В тюремной больнице.

— Повязали? — удивилась женщина.

— За убийство, — кивнула Анжелика.

Глаза клиентки подозрительно сощурились.

— Вы опять дурачите?

— На этот раз, клянусь, что нет.

— А в какой он тюрьме?

— Из красного кирпича.

— В Бутырке?

— В ней.

— Вы это серьезно? — переспросила женщина.

— Серьезней некуда.

Посетительница поднялась со стула и, не попрощавшись, направилась к выходу. Едва дверь за ней захлопнулась, Анжелика, схватив со стола деньги, истерично закричала:

— Валерка, быстро заканчивай с чемоданами, и тикаем!

— Куда? — удивленно донеслось из коридора.

— Из Москвы, дурак! Я такое ей наплела...

— Зачем? — пожал плечами охранник, войдя в комнату.

— А вот зачем! — хихикнула Анжелика, сунув ему в нос пачку долларов.

В ту же секунду в квартиру позвонили.

— Не открывать! — приказала колдунья.

Охранник на цыпочках подкрался к двери и, приложившись к дверному глазку, прошептал:

— Это милиция! Я открываю! Все равно они видели, как от нас вышла женщина.

Охранник звякнул задвижкой, и в квартиру вошли пятеро: четверо в форме и один в штатском. Тот, что был с погонами капитана, насмешливо поздоровался и спросил у хозяйки:

— Так это вы потомственная колдунья Анжелика, а это, насколько я понял, ваш магический салон? — Он скептически обвел взглядом ободранные стены и вытащил удостоверение. — Отдел по борьбе с организованной преступностью. Капитан Горюхов.

— Чем обязана? — нахмурилась Анжелика.

— У меня к вам несколько вопросов. Итак, где вы были вчера вечером с девяти до одиннадцати?

— Ужинали в ресторане "Монарх", — ответила Анжелика.

— Кто это может подтвердить?

— Персонал ресторана. Мы были единственными посетителями.

— Позвольте полюбопытствовать: часто вы ужинаете в ресторане?

— Не часто. Можно сказать, только в исключительных случаях. Вчера как раз был исключительный. Мы отмечали "от-

вальную". Я решила завязать с магической деятельностью. Вот это мы и отмечали.

— Что так? — улыбнулся капитан.

— Убыточно. Клиентуры почти нет.

— Кроме того, "крыша" еще большие бабки дерет? — понимающе подмигнул капитан.

Анжелика с охранником переглянулись и обиженно скривили рты.

— У нас нет никакой "крыши". Не такие обороты, чтобы позволить себе подобную роскошь.

Капитан обвел глазами ободранные углы комнаты и сочувственно покачал головой.

— Не наезжают без "крыши"?

— Да, как-то Бог миловал, — чистосердечно призналась Анжелика. — Какой у нас доход? Только за аренду заплатить! А клиент сейчас пошел нищий...

— Кстати, о клиенте, — поднял палец капитан. — Кто эта "нищая" женщина, которая только что вышла от вас?

Анжелика потупила взор.

— Честно говоря, не знаю ни имени, ни фамилии. Она уже второй раз приходит. Первый раз оставляла визитку, но я отдала ее одному журналисту.

— Берестову? — спросил капитан.

— Да, ему! — удивленно вскинула глаза колдунья. — Откуда вы знаете?

— Вчера в его машину подложили взрывное устройство. Как только от вас уехал, так сразу и подложили.

— Это не мы! — покачала головой Анжелика. — Неужели вы вправду думаете, что мы? Мы были в ресторане "Монарх". Это вам подтвердит любой официант.

— Скажите, пожалуйста, — вмешался молодой человек в штатском, — эта женщина приходила к вам по поводу своего пропавшего мужа?

— Точно, по поводу мужа! Он у нее пропал два года назад. А через год его останки нашли в реке. Их опознали, похоронили, и вот недавно, как она рассказывала, ее мужа видели живым и невредимым у Казанского вокзала...

— Просто мистика какая-то, — рассмеялся капитан, поднимаясь со стула. — Ну что, Петров, дальше твоя работа, — обратился он к прапорщику, по всей видимости, участковому.

Все четверо, кроме Петрова, отправились на выход, а он сдвинул брови и строго произнес:

— Ну-ка, ребятки, покажите ваши паспорта! Сдается мне, что по этому адресу вы не зарегистрированы...

Когда четверо мужчин вышли на лестничную площадку, капитан усмехнулся, обращаясь к молодому человеку в штатском:

— Типичные лохи! Бомба — не их рук дело. Бомбу подложили профессионалы...

19

Берестов со страхом и любопытством наблюдал за тем, как иностранец возится с каким-то прибором, напоминающим пистолет, но только с зауженным до величины иглы дулом.

— Сейчас пшик — и все! — улыбался мистер Ричард, подкручивая что-то в этой штуковине тоненькой отверткой. — Пшик, и... прощай, немытая Россия! Страна рабов, страна рабов.

— Страна рабов, страна господ, — поправил Берестов.

— Господ? — поднял брови иностранец. — Русские не рождены для господства. Они рождены для рабства. Это сорная народность, которая будет уничтожена в ближайшие годы. В новом тысячелетии не должно быть русских. Ну, миллионов пять можно оставить для подсобных работ, но не более. Остальные должны быть уничтожены.

— Кем уничтожены? — спросил Берестов, поднимая взгляд на безучастных бандитов, безмолвно стоящих у дверей.

— Русские будут уничтожены руками самих же русских, — радостно пояснил англичанин. — Потому что Ваня завсегда дурак, и завсегда рад служить иностранцу. Русские уже начали эту работу. Не без нашей помощи, конечно.

Англичанин нажал кнопку на каком-то приборе, с которым соединялся шлангом его странный пистолет. У него явно что-то не ладилось. Он вытащил из ручки своего агрегата плату с микросхемами и принялся протирать спиртом.

— Только русские, — продолжал Ричард, — могут сначала победить, а потом добровольно пойти в услужение к побежденному. Только русские в угоду своим врагам уничтожают себе подобных. Вот какова загадочная русская душа! А загадки никакой нет. В русских просто течет рабская кровь. Русские не любят господствовать, они любят пресмыкаться. Они любят, когда их бьют плетью по спине. Вы потому в семнадцатом и прогнали своих господ, что они были для вас слишком либеральные.

— В любом случае, с русскими все ясно, — хмуро произнес Берестов. — Еще Гитлер говорил, что с русскими всегда все понятно: они либо обнимают, либо бьют в морду, а эти проклятые англичане могут сто лет рассуждать о честности и добродетельности, но как только почувствуют выгоду, тут же предадут.

Мистер Ричард поднял голову и очень внимательно посмотрелся на Берестова.

— А я вижу, ты не так глуп, как кажешься. Хотя лучше бы тебе быть глупым.

В это время у иностранца зазвонил мобильный. Он поднес его к уху и переменялся в лице.

— Опять сбой? Хорошо, сейчас подъеду.

Иностранец поспешно покинул лабораторию, и сердце Берестова замерло. Его мобильник остался на столе, а рядом на стуле висела одежда журналиста. Леонид несуетливо поднялся с кушетки, направился к ней и умудрился незаметно смахнуть телефон со стола на собственные джинсы. Вцепившись в штаны, он большим пальцем захватил телефон, после чего ловко влез в одну штанину и заметил, что бандиты молча направляются к нему. Берестов принялся дурашливо крутиться, прыгая на одной ноге, прикидываясь, что другая ступня никак не хочет вдеваться в штанину. Но все это делалось для того, чтобы незаметно засунуть телефон в карман. Это удалось.

Бандит подошел к пленнику, ни слова не говоря, грубо схватил его за голову и вышвырнул в коридор. Вслед за хозяином бросил рубашку и тапочки с носками.

— Повежливей нельзя? — подал голос Берестов, подбирая с пола свои пожитки и думая о том, что, если сейчас зазвонит телефон, — ему конец.

Журналиста повели по длинному коридору куда-то вниз, где что-то шипело, шелестело и грохотало. Чем ниже спускались они по ступеням, тем мрачнее становились бетонные стены по бокам. Наконец его втокнули в какое-то темное большое помещение, где он сразу же наткнулся на деревянный топчан. В ту же минуту дверь за ним закрылась, и стало совсем темно.

Прошло минут десять, прежде чем глаза журналиста привыкли к темноте. Он с удивлением увидел, что помещение по объему в полтора раза превышает спортивный зал и сплошь состоит из стоящих в четыре ряда двухъярусных лежанок.

“Да это казарма”, — удивился Берестов и достал из кармана мобильник. Он сделал четыре попытки набрать номер Калмыкова, но в темноте на ощупь не удавалось. Неожиданно в казарме зажглись две тусклые лампочки. Берестов быстро сунул мобильник в носок и кинулся на топчан.

Дверь в казарму распахнулась, и в нее начали молча входить какие-то люди с равнодушными и совершенно бессмысленными глазами. Они по двое проходили мимо журналиста и дисциплинированно ложились на лежанки, начиная с самой отдаленной: один сверху, другой снизу.

Поначалу Берестов пытался с ними здороваться, но они не только не слышали, но, кажется, в упор не видели новичка. Леониду сделалось страшно. Цепочка людей, бородатых, невымытых, в старой, вылинявшей одежде, текла монотонным потоком у его ног и без единого звука послушно занимала свои места.

Когда все улеглись, свет потух.

Берестов долго лежал с открытыми глазами, не шевелясь. Страшная тоска овладела им. Ему хотелось вскочить и бросить-

ся к дверям, но он боялся даже шелохнуться. Журналист опять вспомнил про телефон и полез в носок. Однако, вытащив его, позвонить не решился. Так с рукой в кармане журналист и заснул.

Проснулся он от того, что кто-то дернул его за ногу. Бедняга открыл глаза и увидел, что в помещении горит свет и около него струится цепочка выходящих из помещения людей. Они молча и дисциплинированно следовали друг за другом. Берестов вгляделся в их равнодушные лица и вдруг заметил невысокого, лысеватого мужичка во фланелевой рубашке. Он покосился на журналиста и быстро отвел взгляд. Леонид вскочил с топчана и пристроился за ним.

— Встаньте впереди меня и выверните рубашку наизнанку, — слышался шепот.

Берестов в одну секунду расстегнул рубаху, скинул ее с себя и мигом натянул задом наперед. Застегивался уже в коридоре. Журналист хотел заправить ее, но шепот сзади предостерег:

— Не суетитесь и не делайте резких движений. Смотрите только в затылок идущему.

— Давайте на "ты"! — повернул голову Берестов.

— Не оглядывайся! — шикнул мужичок. — Старайся говорить, не шевеля губами. Охранников лучше не замечать. Я меченый. Но срок годности моей вакцины прошел. Если ничем не выделяешься, то на это закрывают глаза, потому что делать повторную вакцину дорого...

— Как тебя зовут? — спросил Берестов.

— Не помню, — ответил мужчина.

Цепочка завернула в столовую. Берестов, как и все, прошел мимо стоящего у входа надзирателя, тот задержал на нем подозрительный взгляд, однако ничего не сказал.

Все по очереди подходили к стойке, брали по стакану чая, по железной миске с вареной мойвой и куску черного хлеба, после чего дисциплинированно садились на лавки за длинные столы.

Берестов, как и предшествующий, взял тарелку и стакан чая и сел за стол. Рядом с ним опустился на скамью и его новый друг в коричневой рубашке.

— Тарелка должна остаться чистой, — произнес он тихо, не разжимая губ.

Журналист украдкой посмотрел в тарелки других и увидел, что они уплетают мойву вместе с костями и кишками. Процесс этот был настолько быстрым и механическим, что, пока задние еще садились за столы, передние уже вставали и выходили в открытую дверь. Леонид тоже встал, поставил чистую посуду у мойки и направился вслед за другими.

Шеренга безмолвных людей пошла по длинному коридору куда-то в глубь этого глухого бетонного бункера, где что-то шипело, грохотало и издавало странные звуки. Вскоре Берестов оказался в огромном, залитом искусственным светом цехе. Он

увидел станки, конвейер и почувствовал удушливый запах спирта. Все по очереди подходили к вешалке, надевали на себя клеенчатые фартуки и молча разбредались по своим местам. К Берестову подошла какая-то толстая женщина в белом халате и спросила:

— Новенький?

Берестов молча кивнул.

— В таком случае, живо за мной! Будешь мыть бутылки.

20

Когда Маргарита и Антон вернулись домой, Антон тут же бросился на диван и мгновенно отключился. У него снова поднялась температура, и Маргарита подумывала позвонить в "скорую".

В это время телефон зазвонил сам. В трубке раздался встревоженный голос Светки:

— Ритка, ты живая? Слава Богу! На тебя же розыск объявлен!

— Знаю! Видела по телевизору.

— Куда ты делась? Слушай, а я ведь кое-что выяснила! Когда ты пропала, я сразу же прозондировала по своим каналам. Так вот: это не Кирилл Киселев. Успокойся! Я видела фоторобот Киселева. Кроме того, узнала, что до Киселевых в той квартире в Сретенском переулке жила семья Баскаковых. У них был сын Антон, который потом стал известным скрипачом, чуть ли не мировой знаменитостью. Он шестидесятого года рождения, рост метр восемьдесят. На подбородке родинка.

— Слушай, у моего тоже на подбородке родинка.

— Как? Уже твоего? Поздравляю! Только Баскакова похоронили год назад на Новодевичьем.

Маргарита вздрогнула.

— Одно другого не легче. Что с ним случилось?

— Сначала пропал без вести. Через полтора года его останки нашли в Москве-реке. Экспертиза установила, что это были останки именно Баскакова.

— Боже мой, какой ужас! Лучше бы ты ничего не выясняла! Но, возможно, экспертиза и ошиблась.

— Запомни, милая: наша экспертиза не ошибается!

После того, как Светка положила трубку, Маргарита долго сидела перед телефоном с поднятыми к вискам ладонями. Она направилась в зал и принялась рыться в пластинках. Скрипичный концерт Антона Баскакова у нее имелся, но она не знала, была ли на конверте его фотография? Пластинка нашлась. И фотография на конверте тоже.

Маргарита долго всматривалась в лицо веселого, холеного, элегантного музыканта, облаченного во фрак, и вдруг заплакала. Это был он. Это был точно он. Совпадало все: овал лица, нос, губы, глаза, цвет волос и даже родинка на подбородке. На ее

диване лежал двойник либо мировой знаменитости, либо его призрак.

Внезапно в прихожей раздался звонок. Маргарита вздрогнула от неожиданности, затем на всякий случай достала из ванной топорик и отперла бронированную дверь. Выглянув в коридор, она увидела, что перед запертой решеткой топчутся три милиционера. При виде Маргариты они оживились.

— Вы Маргарита Горелова? Отдел по борьбе с организованной преступностью!

21

Берестова привели на мойку с бетонным полом, дали в руки шланг и показали, как мыть бутылки.

— Которые с этикетками, бросай в ванную отмокать, — пояснила женщина. — Мытые будешь ставить в пустые ящики. Ферштейн?

Берестов кивнул.

— Прекрасно! А сейчас можешь сходить в туалет. Как раздается звонок, бегом на рабочее место.

Начальница указала в сторону цеха и исчезла. Берестов подошел к мойке и принялся за работу. Он усердно мыл бутылки и незаметно осматривался. Прошло довольно много времени, прежде чем снова раздался звонок, может быть, даже часов шесть или восемь. Журналист устал и проголодался. Его никто не контролировал. Он был один, если не считать двух угрюмых мужичков, наведывавшихся на мойку. Они молча загружали тележку мытой посудой и отвозили в цех. В открытую дверь Берестов видел, что в цехе все работают молча, сосредоточенно и отлаженно. "Точно механизм в часах, — удивлялся Берестов. — Здорово отдрессированы". Когда прозвучал звонок, журналист увидел, что конвейер встал, и в наступившей тишине раздался дружный топот ног. Бросив на пол шланг, он направился в цех. Там стояла длинная очередь в туалет. Леонид пристроился самым последним и нацупал в кармане мобильник. Лысый в коричневой рубашке вышел из очереди и встал за ним. Когда они вошли, он тихо проговорил:

— Руки в карманы никогда не клади. Они секут.

Вместо ответа Берестов извлек из кармана мобильник и принялся деловито набирать рабочий номер Калмыкова. Все, кто находился в туалете, затихли и уставились на него. Водарилась такая тишина, что стало больно в ушах.

— Алле! — радостно воскликнул Берестов, услышав голос Калмыкова. — Старик, это я!

— Леня, ты жив? — откликнулся тот. — Ты где? Откуда звонишь?

— Не знаю. На каком-то подпольном ликероводочном заводе. Он находится в лесу. А где — понятия не имею.

— В шестидесяти километрах от Рязани. В южном направлении, — раздался чей-то бас из толпы.

— Вот здесь подсказывают, что под Рязанью. Шестидесять километров на юг от города.

— Народу на заводе много?

— Много. И такое ощущение, будто все накачана наркотиками.

— Меченые Сатаной, — угрюмо поправил тот же бас.

— Мне подсказывают, что здесь все меченые Сатаной. Меня еще не метили, но обещали. Хозяин, судя по всему, англичанин. Его зовут Ричардом. Это у него я свистнул мобильник, по которому сейчас звоню.

В это время мужчина в коричневой рубашке подал знак, чтобы Берестов прекращал разговор.

— Говорить больше не могу. Возможности звонить тоже нет. Аккумулятор в телефоне садится.

— Не вздумай отключить телефон! — крикнул Калмыков. — Может быть, удасться засечь район.

Берестов сунул мобильник в карман, и в туалете все пришло в движение. Прозвенел звонок. Журналист с удивлением отметил, что все снова расходится по своим местам. А ведь он подумал, что рабочий день окончился.

Трудно сказать, сколько времени прошло после этого. Может, часов восемь, а может, все десять. Беднягу уже качало. Он был мокрый с головы до пят и валился с ног от усталости. А мужички, которые приходили за бутылками, были такими же, как и утром: молчаливыми и невозмутимыми.

— Мужики, когда жрать поведут? — спросил у них Берестов, но они не ответили.

Наконец прозвенел долгожданный звонок, и Леонид, покачиваясь, направился в цех. Все, кто там были, снимали фартуки и вешали на гвозди у входа. "Слава Богу", — подумал Берестов и встал последним. За ним, выйдя из строя, встал лысый в коричневой рубахе. В столовой Леонид получил миску с вареной мойвой, кусок черного хлеба и стакан чая. Умяв все это за три секунды, он поднялся и пошел к выходу, чувствуя, что его новый друг не отстает ни на шаг.

Процессия цепочкой вошла в казарму, освещаемую двумя сороковаттными лампочками, и по порядку легла на топчаны. Свет потух, и Берестов тут же куда-то провалился. Проснулся от того, что кто-то толкал его в бок. Это был лысый мужичок.

— Я советую избавиться от телефона, — прошептал он. — Найдут — застрелят.

Берестов полез в карман, вытащил мобильник и, пикнув кнопкой, убедился, что аккумулятор еще не сдох. Если Калмыкову удалось поднять на уши Управление по борьбе с организованной преступностью, то это место уже должны запеленговать.

— Год назад здесь был бунт. Его организовал один человек. Он тоже, как и ты, мыл бутылки, — продолжал мужчина. — Это он нас научил, как обрести себя...

В это время в казарме внезапно вспыхнул свет, и в ту же минуту в помещение вошли четверо парней. Они сразу направились к Берестову и к его новому товарищу. Обоих молча стащили с топчанов, дали кулаком под глаз и начали обыскивать. Обыскав лысого, охранники отшвырнули его в сторону и принялись обшаривать Берестова. Когда они извлекли из кармана сотовый телефон, их глаза чуть не выпрыгнули из орбит. Они растерянно переглянулись и поволокли новенького в коридор. Его поставили под лампу и очень внимательно вгляделись в глаза.

— Да ты, оказывается, не меченый, — покачал головой старший.

Тяжелый удар в челюсть свалил журналиста с ног, после чего его принялись энергично пинать.

— Кому звонил? — спросил начальник охраны, сунув в нос сотовый.

Берестов отрицательно покачал головой и снова получил ботинком в челюсть. От удара головой о стену он потерял сознание.

Бедняга очнулся на холодном бетонном полу. Было темно. Голова раскалывалась, тело ныло, любое движение причиняло боль. Казалось, что все внутренности отбиты. Берестов хотел встать и осмотреться, но у него не было сил даже пошевелиться. Дернув ногой, он потерял сознание от прострелившей насквозь боли. Так было несколько раз. Берестов приходил в себя, делал движение и снова терял сознание. Иногда ему казалось, что у него нет тела. Он забывался и погружался в небытие настолько глубоко, что когда приходил в себя, удивлялся тому, что еще жив.

Внезапно за дверьми он ясно уловил какую-то нехарактерную суету. Это было странно, поскольку беготню за все время нахождения в темноте журналист слышал впервые.

Подняться на ноги Берестов не смог. Он на карачках пополз до железной двери и постучал. Стук получился очень тихим, поскольку бронированная дверь была толщиной с бункерскую. Леонид принялся шлепать по ней обоими ладонями и громко, насколько позволяли силы, стонать. За дверьми притихли. После чего раздались чьи-то приглушенные голоса. И вдруг Берестов услышал, как скрежещут в замке. Скрежетали долго. С замком явно что-то не ладилось. Неожиданно раздались выстрелы, от которых журналист едва не оглох. Он испуганно пополз обратно, но в ту же минуту дверь отворилась, и луч фонаря вонзился пленнику в глаза.

С минуту царил тишина, и вдруг Леонид услышал плачущий голос Калмыкова:

— Лена, что они с тобой сделали, сволочи!

— Толик, мне снится, или это действительно ты?

Один человек тут же отделился от толпы, поднял на ноги бедного журналиста и обнял. Это был Калмыков. Подошли какие-то люди в военной форме и, взяв Берестова под руки, осторожно вывели в темный коридор.

— Носилки! — скомандовал кто-то.

Тут же из темноты вынырнули военные носилки, на которые тотчас с необычайной осторожностью уложили узника бетонного бункера.

— Старик, мы тебя чудом нашли, — признался Калмыков. — Ты хоть что-нибудь помнишь?

— А что, прошло так много времени? — удивился Берестов.

— Прошло не более суток после твоего звонка. Ты мне звонил вчера в половине четвертого. Хоть это помнишь?

— Да все я помню! Расслабься! Почему я не должен помнить? — возмутился Берестов.

— Тебя здесь чем-то кололи? Наркотиками накачивали?

— Нет! Но собирались поставить печать Сатаны.

В это время в конце коридора забрезжил свет. Пахнуло свежим воздухом и пряной осенней листвой. Берестова вынесли во двор, где стояло несколько бронетранспортеров, военных автомобилей и два вертолета. К журналисту сразу направился высокий седой мужчина.

— Это Берестов, Вадим Александрович! — сказал ему Калмыков.

Командир подошел и протянул журналисту руку.

— Полковник Кожевников. Начальник отдела по борьбе с организованной преступностью. Как себя чувствуете, Леонид Александрович?

— Прекрасно чувствую! — расплылся в улыбке Берестов. — Так, слегка помяли. Пустяки!

— Искренне рад видеть вас бодрым и в полном здравии. А то мы такого здесь насмотрелись... До сих пор не понимаем: то ли люди, то ли зомби. Ни одного здравомыслящего.

— А начальство?

— Начальства нет. Разбежалось! Ни охраны, ни мастеров, ни начальников цехов. Кто хозяева — непонятно. Из рабочих не вытянешь ни слова. Как будто все немые.

— Но есть, которые говорят! — воскликнул Берестов.

— Вы их знаете?

— Двоих — знаю. Может быть, даже шестерых смогу узнать. Ведите!

Берестов резко вскочил с носилок, но почувствовал слабость. Его тут же заботливо подхватили оперативники.

— Лежите, вас донесут.

Его внесли в цех, где с опущенными глазами по стойке "смирно" послушно стояла длинная шеренга рабочих. Бересто-

ва пронесли по всей длине шеренги, и он удивленно поднял глаза на полковника.

— А где остальные?

— Больше никого не нашли. Вот только двести пятьдесят два человека.

— По-моему, не хватает еще человек пятнадцать. И как раз именно тех, у которых кончился срок вакцины.

— Искать! — приказал полковник.

Берестова накормили тушенкой и напоили кофе с коньяком. После этого его самочувствие значительно улучшилось. Через час он уже самостоятельно передвигался, хотя и слегка прихрамывал. Журналист рассказал полковнику, как его похитили, описал бандитов, загородный дом, подвал, в котором провел ночь, обрисовал главаря с рыбьими глазами и англичанина, имеющего "форд". Последнего Берестов описал особенно подробно и даже пересказал полковнику свою короткую переписку с ним, а также то, что написано о нем в тринадцатой главе "Апокалипсиса".

— Как вы сказали, Ричард? — задумался полковник. — Случайно, не запомнили номер его машины?

Берестов развел руками.

— Зато я, кажется, знаю, чем он воздействовал на людей. У него здесь лаборатория...

Мужчины поднялись в лабораторию и взломали двери. Однако аппарата в виде пистолета с зауженным концом там уже не было. Тем не менее, лаборатория чрезвычайно заинтересовала военных экспертов.

Немного погодя к полковнику подбежал взволнованный лейтенант и шепнул ему что-то на ухо. Кожевников помрачнел.

— Пойдемте, Леонид Александрович, в подвал. Там найдено семнадцать трупов.

Берестов узнал всех. Среди них был и лысый мужичок в коричневой рубашке, и угрюмый бородач, который басом подсказал место расположения завода, и другие, в которых брезжило что-то человеческое. Они все были расстреляны в упор.

Полковник положил Берестову руку на плечо и устало произнес:

— Теперь вы единственный свидетель...

22

Было около десяти утра, когда в кабинете старшего следователя Виктора Дрянцева раздался звонок. Звонили из Солнечногорска. Накануне следственная группа опросила всех жильцов коттеджного городка, но ни один не продавал своего дома. В бюро по недвижимости тоже ничего не знали о продаже особняка под Солнечногорском. Какой же коттедж осматривала Сверилина в выходные?

От мужа Сверилиной, который в дела жены не вмешивался, удалось узнать только одну подробность: дом под Солнеч-

ногорском был под номером шесть. Этому обстоятельству, по словам вдовца, Маша очень радовалась, поскольку шесть — ее число. Что касается продавца, то о нем супруг Сверилиной не знал ничего. Но предполагал, что он ездит на “ауди” серого цвета. Автомобиль Сверилин видел из окна квартиры в воскресенье, когда продавец заезжал за женой. Сам же он в квартиру не поднимался, а позвонил с мобильного, не выходя из автомобиля. Маша спустилась вниз, села в его иномарку, и они укатили.

Как выяснилось, в воскресенье в коттеджном городке пустовало шесть домов. Но только один из них был под номером шесть. Это дом погибшего скрипача Баскакова.

Дрянцев тут же связался с его вдовой, и та очень разволновалась, когда узнала, что ее загородный дом кто-то продает. Сама же она ничего не продавала и на своей даче не была уже сто лет. Ее свозили в Солнечногорск, но никаких следов пребывания на даче посторонних Баскакова не обнаружила.

Однако вот что было любопытно: ее соседка утверждала, что в воскресенье в доме убитого музыканта кто-то гостил. Она, правда, не видела, кто, но заметила, как у ворот Баскаковых останавливался автомобиль. Какой марки, не обратила внимания. Смотреть было некогда, поскольку была занята консервированием.

И вот она снова позвонила:

— Виктор Александрович, вы просили позвонить, если я замечу что-нибудь подозрительное. В доме у Баскаковых кто-то есть. Гарантирую, что это не Виктория Эдуардовна. У нее “мерседес”, а у этих какая-то иномарка. Номеров, к сожалению, не вижу. Бинобль у меня театральный.

— Какого цвета иномарка?

— Весьма неопределенного. Ближе к белому. Но очень грязному.

— То есть, серого?

— Пожалуй, что серого.

— А марка? Может быть, “ауди”?

— Может быть. Я не особенно разбираюсь в машинах. Так вот: они приехали вчера вечером.

— Вы видели, как они приехали?

— Как приехали, не видела. Но свет в доме горел. В гостиной на первом этаже. И из трубы валил дым. Видимо, жгли камин. Я вам вчера вечером звонила, но вы уже ушли домой.

— А хозяйке дома звонили?

— К сожалению, у меня нет ее московского телефона. А позвонить ей на дачу я как-то не решилась. Мы не в очень хороших отношениях...

Поблагодарив, следователь набрал телефон Виктории Баскаковой. Та, узнав, в чем дело, очень разволновалась.

— Я немедленно еду туда!

— Ни в коем случае! Это очень опасно. Едем вместе!

Она под села к следователю на Ленинградском проспекте, около банка "Москва". Виктор Александрович уступил ей место впереди, а сам сел сзади, втиснувшись между двумя оперативниками.

— Кто бы это мог быть на вашей даче, у кого есть "ауди" серого цвета?

Виктория Эдуардовна растерянно пожала плечами.

— У меня есть знакомый с "ауди", но в данный момент он на работе. Я ему только что звонила.

— У вашего знакомого есть ключи от дачи?

— Конечно, нет!

— Зачем же вы ему звонили?

— На всякий случай.

Весь остальной путь группа проехала в гробовом молчании. Только у самого Солнечногорска водитель, кивнув на встречную машину, подал голос:

— Вон, кстати, "ауди" катит. Не этот ли?

— Тот должен быть серым, а этот белый. К тому же у этого вместо стекла целлофановый пакет...

Когда машина остановилась у кирпичного дома номер шесть с двумя башнями и глухим забором, Виктория Эдуардовна первой выскочила наружу и нетерпеливо нажала на пульт. Электронные ворота медленно открылись. Но во дворе уже не было никакого автомобиля. Тем же пультом хозяйка открыла двери дома и вбежала в прихожую. За ней с пистолетами наголо влетели оперативники. Они оттеснили ее у входа в гостиную и принялись молча обшаривать дом. Заглянув во все двери и поднявшись на второй этаж, они разочарованно пожали плечами:

— В доме никого.

Только после этого следователь разрешил выпустить из коридора хозяйку. Она зашла, принялась и подошла к камину.

— Камин топили.

Виктория Эдуардовна внимательно взгляделась в кресла и вдруг испуганно замерла.

— Что-то не так? — спросил следователь.

— Телевизор, — указала она дрожащим пальцем на стул. — Он должен быть в спальне...

— Понятно, что здесь кто-то побывал. Мы же вам сразу сказали, — произнес следователь, удивляясь ее испугу.

— Но это же его привычка... — пробормотала хозяйка и, недоговорив, поспешила на кухню.

В кухне она сразу бросилась к двум чашкам, стоявшим на подносе около мойки. Хозяйка схватила одну из них и ногтем черпнула осадок. Затем попробовала на язык и пробормотала:

— Кофе по-бразильски.

— Что вас удивляет, Виктория Эдуардовна? — изумился следователь, внимательно наблюдавший за ее поведением. —

Вас удивляет, что их было двое? Кстати, руками ничего не трогайте. Мы будем снимать отпечатки.

Дрянцев платком отобрал у нее чашку и поставил на место. Хозяйка снова пригнулась и открыла духовку, вытащила противень с какой-то запеканкой, и глаза ее наполнились ужасом.

— Мясо по-французски, — прошептала она.

— Да в чем дело, Виктория Эдуардовна? Здесь хозяйничал кто-то из ваших знакомых?

— Муж, — выдавила она растерянно.

— Какой муж? Который погиб? — Дрянцев сощурил глаза. — Посмотрите еще, Виктория Эдуардовна. Только, умоляю, ничего не трогайте руками!

Хозяйка заглянула в хлебницу, в холодильник, скрупулезно осмотрела ножи, вилки и, не произнеся ни слова, отправилась на второй этаж в музыкальный зал. Следовательно, точно тень, ходил за ней. Он замечал, что Виктория находит все новые следы пребывания в доме покойника, однако с расспросами не приставал.

В музыкальном зале Виктория Эдуардовна подошла к одной из скрипок на стене и, ощутив ее, отрицательно покачала головой.

— Нет, это не муж, — облегченно выдохнула она. — Муж бы обязательно поиграл на этой скрипке, а на ней пыль.

— Вы посмотрите на другие скрипки, — посоветовал Дрянцев.

Хозяйка осмотрела остальные инструменты и задержалась у гитары.

— Точно не муж. Потому что на гитаре играли, а на скрипке нет. Мой муж не любит играть на гитаре.

После этого хозяйка дома отправилась в спальню. Распахнув платяной шкаф, она с раздражением произнесла:

— Ну, здесь явно кто-то копался.

— Что-нибудь пропало? — поинтересовался следователь.

Виктория перебрала на вешалке платья и с удивлением извлекла из шкафа юбку, блузку с оторванными пуговицами и домашние тапочки.

— Это точно не мое, — с раздражением произнесла хозяйка и брезгливо швырнула вещи на пол. — По-моему, здесь побывали бомжи. Кстати, не вижу своих черных джинсов и розового джемпера... И сапожек тоже нет...

Виктория Эдуардовна подошла к кровати, отвернула одеяло и пригнулась.

— Боже мой, — поморщила она носик, — на моей кровати кто-то спал. Теперь нужно все стирать...

В другой спальне она извлекла из шкафа чужие штаны, кеды и клетчатую рубашку. Рубашку она долго нюхала и сильно нервничала.

— Ну, что? Мужем пахнет? — спросил следователь.

— Пахнет больницей, — ответила хозяйка.

Все вещественные доказательства были запечатаны в целлофан. Ничего ценного не пропало, кроме кое-какого тряпья. Наиболее ценные вещи: скрипка, стоимостью шестьдесят тысяч долларов, и гитара, стоимостью двадцать тысяч долларов, были на месте. А также видеомагнитофон, телевизор, кинокамера, норковая и песцовая шубы, серебряные ложки с вилками и многое другое, что представляло ценность для воров. Явно, здесь побывали не грабители.

— Какие у вас по этому поводу соображения, Виктория Эдуардовна? — допытывался следователь.

— Понятия не имею, — развела руками Баскакова. — А вы что думаете?

— Я думаю вот что... — почесал под глазом Дрянцев. — Ваш дом используют мошенники. Показывают его покупателям, берут с них деньги и исчезают.

— Но тогда были бы претензии ко мне, как к хозяйке.

— А претензии предъявлять некому. Как только покупатели снимают со счета деньги, их убивают.

— Боже мой, какой ужас! — дернула плечами Виктория. — Нет, я в это не верю!

После осмотра дома были опрошены соседи. Никто ничего не видел, не слышал, не знал. Звонившая следователю соседка не заметила, как гости Баскаковой уехали на своем белом "ауди", потому что шинковала капусту.

— Пардон, почему на белом, когда на сером? — удивился Виктор Александрович.

— Разве я говорила о сером? — в свою очередь удивилась соседка. — По-моему, я говорила, что он был неопределенного цвета из-за грязи, а первоначальный цвет ее белый.

И тут следователь вспомнил про белую иномарку, выскочившую им навстречу.

— Вы не помните, у машины все стекла были на месте? — спросил он.

— Не помню, — развела руками соседка. — Я шинковала капусту.

Когда все соседи были опрошены, следователь всыпал по первое число водителю за то, что он не запомнил номеров попавшегося им навстречу "ауди" с выбитым стеклом. Водитель слабо отнекивался и виновато пожимал плечами, но Виктория Эдуардовна внезапно произнесла:

— Я запомнила!

Дрянцев даже подпрыгнул от неожиданности. Наконец-то в этой темной истории появилась хоть одна зацепка. Следователь тут же позвонил в городскую дорожно-патрульную службу и попросил отыскать хозяина иномарки с номерами, которые продиктовала вдова.

Пока они добирались до Москвы, дорожная служба отыскала по картотеке хозяина белого "ауди". Им оказался некий Геннадий Петров, сотрудник частной продовольственной фирмы, проживающий неподалеку от "Спортивной" на улице Доватора. Заполучив телефоны, Дрянцев, не откладывая в долгий ящик, позвонил к нему на работу прямо из машины. Секретарша продовольственной фирмы попала на редкость разговорчивой. Она охотно ответила, что Петров на работе отсутствует вторую неделю по неизвестным причинам. Ничего не оставалось, как позвонить ему домой.

Женщина с хриплым голосом чистосердечно призналась, что ее муж Гена в очередном запое. Бедняга седьмой день не может выйти из дома, хотя и рвется всей душой на работу, поскольку очень ответственный. И если милиция не верит, пусть приедет и удостоверится.

— А машину у вас, случайно, не угоняли? — спросил следователь.

— Нет! — твердо ответила женщина. — Как торчала у подъезда, так и торчит. И некому ее загнать в гараж. Только какие-то идиоты выбили этой ночью стекло...

— Ну что ж! — произнес Виктор Александрович, пряча телефон в карман. — Кажется, это то, что мы ищем. Нужно срочно послать экспертов на Доватора...

Однако мысль по поводу экспертов следователю не удалось довести до конца. В ту же секунду позвонили из отдела по борьбе с организованной преступностью.

— День добрый, Виктор Александрович! Это капитан Горохов. Найден Антон Баскаков, скрипач, пропавший два года назад. Вы, кажется, вели его дело. Нам нужен адрес его супруги.

— Так она со мной! — воскликнул Дрянцев. — А вы уверены, что это он?

— Не вполне. Сам он ничего не помнит. Однако женщина, у которой он скрывался, уверяет, что это и есть тот самый скрипач, которого выловили из Москвы-реки. Словом, точку в этом деле может поставить только его жена.

— Сейчас я вам ее привезу, — произнес Дрянцев, метнув тяжелый взгляд в затылок сидящей впереди дамы. — Спокойно, Виктория Эдуардовна. Сейчас мы с вами заедем в одно место, и, кажется, по поводу ваших гостей кое-что прояснится.

Баскакова ни о чем не спросила, но следователь заметил, как задрожал ее подбородок. Она молчала всю дорогу до Москвы, молчала, когда ее вели по коридору больницы, молчала, когда ее пригласили в палату. И только тогда, когда увидела на больничной койке какого-то бледного человека с мутными глазами, бедняжка с визгом и со слезами бросилась к нему на шею.

— Антоша! Милый! Что они с тобой сотворили? — вскрикнула женщина, еще не зная, что ей делать: плакать или смеяться?

Глаза лежащего на койке прояснились.

— Вика! — простонал он и заплакал.

23

— Вы оказались правы, это действительно он, скрипач Антон Баскаков, — улыбнулся Виктор Александрович. — Его опознала жена.

— Жена? — ужаснулась сидящая напротив Маргарита.

— Жена, жена, — утвердительно кивнул Дрянцев. — Что вас удивляет? Или вы полагаете, что у скрипача с мировым именем никогда не было жены? Все у него было! И жена в том числе. Удивительно другое. Как это вы, Маргарита Николаевна, решились привести домой подозрительного бомжа с вокзала, который ничего не помнил?

Маргарита пожала плечами и тяжело вздохнула.

— Сама не знаю. Мне стало его жалко. У него был такой растерянный взгляд.

— И за эти дни, что вы с ним были, он ничего про себя не рассказал? — недоверчиво сощурился следователь.

— Ничего. Только вспомнил дом, в котором жил в детстве и... пожалуй, все.

— Ничего не помнил, а когда увидел жену, память сразу вернулась. Разве так бывает?

— Наверное, бывает, — грустно улыбнулась Маргарита.

Следователь скептически покачал головой.

— А не показалось ли вам странным, что простой российский музыкант, гуманитарий, интеллигент в четвертом поколении, мастерски “вырубил” двух вооруженных до зубов профессионалов?

— Когда мне было над этим думать?

— Ну да, понимаю. Однако не удивительно ли, что человек, ничего не помнящий, привозит вас на собственную дачу?

— Во-первых, я не знала, что это его собственная дача, хотя догадывалась, что она не совсем ему чужая. Во-вторых, полагала, что кое-что он все-таки вспомнил. Он мне обещал к понедельнику все вспомнить, но обстоятельства складывались так, что у нас не было возможности поговорить...

Следователь расхохотался.

— То есть, он взял обязательство вернуть себе память к понедельнику, и в понедельник действительно вспомнил про свой загородный дом? Маргарита Николаевна, вы же взрослый человек. Если бы вам рассказали нечто подобное, вы сочли бы это за анекдот.

Маргарита опустила голову и подумала, что следователь прав. Это действительно воспринимается со стороны форменным идиотством. Но не рассказывать же ему всю правду, начиная с того, что она умирает каждую осень и что в знак протеста против судьбы-злодейки потащила к колдунье, и та приказа-

ла привести в дом первого попавшегося в штанах. После такого признания следователь точно упечет в психушку. Свидетельница вздохнула и подняла усталые глаза.

— Не знаю... Может быть...

— Ну, хорошо. Допустим, вы были в эйфории. Но когда вы на даче успокоились, выспались, покушали, прилично оделись, — тут следователь подавил улыбку, — почему не отправились сразу в милицию? Ведь вы знали, что вас объявили в розыск.

— Так мы и отправились в милицию. На Лубянку! Но ему стало плохо. Поднялась температура. Пришлось ехать домой и вызывать “скорую”.

Виктор Александрович серьезно задумался. Он смотрел куда-то мимо Маргариты и молчал так долго, что девушка забеспокоилась. Наконец Дрянцев тяжело вздохнул и перевел взгляд на свидетельницу.

— Где вы были в понедельник с одиннадцати до часа?

— На работе, — ответила Маргарита, удивляясь прокурорскому тону, каким был задан вопрос.

— А где был он?

— У меня дома.

— Он выходил в эти часы из вашей квартиры, Маргарита Николаевна?

— Выходил, — ответила Маргарита.

В глазах следователя блеснул охотничий блеск.

— Надолго?

— Не знаю. А в чем дело?

— А в том, что в понедельник в половине первого произошло убийство Сверилиной, — строго отчеканил следователь.

— Это еще кто? — вздрогнула свидетельница, подумав, что где-то слышала эту фамилию.

— Это та, которая собиралась купить дачу Баскакова. В субботу в половине второго она встретила с хозяином дачи. Они договорились в воскресенье поехать за город смотреть дом. Съездили, посмотрели, Сверилиной понравилось. В понедельник с утра она сняла в сберкассе деньги, а в половине первого выбросилась с двенадцатого этажа.

— Сама? — удивилась женщина.

— Скорее всего, ей кто-то помог. И, скорее всего, хозяин дачи.

Маргарита побледнела.

— Вы хотите сказать, что это он? Какой бред! Все воскресенье мы провели вместе. Это может подтвердить Светка...

— Вот и я говорю, что у него есть сообщник, — нахмурился следователь. — Процесс здесь накатанный: сообщник показывает дачу, а этот выслеживает покупателя. Под видом бомжа, собирающего бутылки, это делать значительно легче. Ну, какой опергруппе из отдела убийств взбрдет в голову задержать

бомжа, тем более не помнящего своего имени? Бомжи — поле деятельности более мелких чинов. Да и те ими откровенно брезгают. Вот какой у нас получается бомжик: где надо — помнит, где надо — не помнит. Сейчас вас повезут на опознание. Там особо не теряйтесь.

Когда Маргарита выходила из кабинета Дрянцева, ее слегка покачивало. Ее вывели во двор, посадили в машину и повезли в Бутырку. За все время пути она не произнесла ни звука. Точно во сне свидетельницу подняли на четвертый этаж и препроводили в комнату, где уже стояло несколько человек для опознания.

Этих двоих, ворвавшихся в ее квартиру в тот вечер, она узнала сразу и без какого-либо ужаса указала на них пальцем. У одного на лбу красовался пластырь, у другого была перебинтована голова. Глаза у обоих были грустные и растерянные.

Маргарита расписалась в протоколе и еще раз взглянула на Вольдемара, с которым когда-то училась в одной школе. Он тоже поднял глаза на женщину, и они внезапно сузились. “Узнал! Наконец-то, узнал свою однокашницу из параллельного класса”, — едва заметно усмехнулась Маргарита и вышла из ворот Бутырки к Савеловскому метро. Неожиданно к ней подбежал какой-то мужчина и, улыбаясь, произнес:

— Позвольте поцеловать вашу руку.

— В чем дело? — возмутилась она, пряча обе руки за спину.

— Вы еще спрашиваете! Вы же спасли мне жизнь! Не узнаете? Я тот самый журналист, которого хотели взорвать...

24

— И все-таки, кто вас “заказал”? — сморщил лоб Кожевников, выпустив дым в потолок. — Давайте все по порядку. Колдунью можете исключить. Это мелкая сошка. “Заказали” очень серьезные ребята. Исполнители сами не знают, кто. Разрядка пришла сверху, а киллеры, как известно, лишних вопросов не задают.

— Я и сам удивляюсь, — пожал плечами Берестов. — После нашей встречи с колдуньей я поговорил с Викторией Баскаковой, директором международного концертного агентства “Орфей”.

— Напомните, Вадим Александрович, что это за дама, — перегнулся через стол капитан Горохов.

— Я навел о ней справки. Она может “заказать” любого. Ее фирма занимается устройством концертов российских музыкантов за рубежом. Это очень денежно, тем более что на музыкальном рынке Баскакова уже больше десяти лет. Практически агентство может сделать мировой знаменитостью любого провинциального музыканта.

— Но провинциалы их не интересуют, — улыбнулся капитан Горохов, закуривая сигарету.

— Совершенно верно. В первую очередь, агентство раскручивает своих, и, надо понимать, не бескорыстно. В принципе, Антон Баскаков своим победам на международных конкурсах обязан агентству своей жены. Через “Орфей” он имел доступ на престижные европейские фестивали. И, кстати, скрипач Олег Кирсанов, который сейчас у всех на устах, своей победой в Америке тоже обязан “Орфею”.

— Это понятно! Так о чем, Леонид Александрович, вы говорили с Викторией Эдуардовной?

— О ее пропавшем муже! Я предложил помощь нашей газете. Еще предостерег ее, что Анжелика — шарлатанка. И, кажется, все. А, вот еще! Дал ей адрес бабки Матрены, тверской колдуньи.

— Что же мы имеем? — прищурился полковник. — Колдунью, у которой есть причина вас “заказать”, но нет возможности, и Викторию Эдуардовну, у которой такая возможность есть, но нет причины.

Полковник хмыкнул и вдавил окурочек в пепельницу.

— С кем вы еще встречались?

— В тот день больше ни с кем. Но в понедельник встречался со Сверилиной, которая через час после нашей встречи выбралась из окна.

— Разговор с ней поподробней, — нахмурился полковник.

— В общем, — пожал плечами журналист, — разговор у нас шел исключительно об Анжелике: какая она добрая, бескорыстная. Наколдовала и — сразу невезучей Сверилиной начало фартить. По ее словам, не успела она выйти из салона, как сразу наткнулась на объявление в газете “Требуется медработник на высокооплачиваемую работу”. Ее с ходу берут. Благодетели оказались, ни больше, ни меньше, представителями ЮНИСЕФ, обеспокоенными здоровьем российских граждан. У них трения с нашим Министерством здравоохранения, а тут такая удача: подвертывается энергичная Сверилина и в тот же день организывает обследование пятидесяти студентов автомеханического техникума.

— Стоп! — стукнул по столу полковник. — Автомеханического техникума, вы сказали?

— Ну, да! У метро “Текстильщики”.

Полковник метнул зверский взгляд на своего коллегу. В кабинете воцарилась убойственная тишина.

— В каком году это было? — спросил он взволнованно.

— Ну, приблизительно так... — задумался Берестов. — Если минус два года, то где-то в девяносто восьмом. В конце мая.

— вспомните все до слова. Что за организация предложила Сверилиной работу, какому иностранному подданству принадлежит, и где располагается их контора.

— Насчет подданства не знаю, — поморщился Берестов. — Сверилина говорила, что это международная организация по

линии ЮНИСЕФ. И все. Про их контору я не спрашивал. По ее словам, она в ней была только один раз, на собеседовании, а потом иностранцы сами стали выходить на нее.

Полковник с капитаном не спускали с Берестова глаз и, затаив дыхание, ловили каждое слово.

— Как проходило обследование в автомеханическом техникуме? Она рассказывала?

— Все было очень просто. В ее распоряжение дали автобус, оборудованный по последнему слову. В нем был рентгеновский аппарат, УЗИ и все остальное, что требуется для экспресс-обследования. Еще она говорила, что в ее распоряжение дали иностранного сотрудника.

— Мужчину?

— Именно! Она без разрешения дирекции сняла с занятия две группы четверокурсников...

— Выпускников?

— Скорее всего. Поскольку обе группы готовились к экзаменам. Но я не уверен. Если бы я знал, я бы, конечно, уточнил...

— Не отвлекайтесь! Дальше! — перебил полковник. — Итак, Сверилина сняла эти группы с консультации и погнала на обследование. В чем конкретно заключалось обследование?

— Ну, как я понял, в основном производился рентген.

— Что делал иностранный сотрудник?

— Кажется, прививки.

Полковник снова послал выразительный взор капитану и сдержанно произнес:

— Так вот, где собака зарыта...

— И дата выпуска совпадает, — добавил капитан.

После этого воцарилась тишина. Спустя несколько минут полковник пошевелился, закурил и откинулся на спинку кресла.

— Это чудо, что вы еще живы, — подмигнул он журналисту. — Теперь от нас ни на шаг. Ходить только с охраной.

— Объясните, в чем дело! — взмолился Леонид.

— Если говорить коротко, то полтора года назад в криминальных структурах началась война за сферы влияния. Начался новый отстрел авторитетов и близких к ним промышленников. Заказчики неизвестны. Исполнители — не из криминальной среды. Все больше — одиночки и пары, так называемые новые киллеры. Молодые, дерзкие, хорошо обученные. Действуют очень четко, профессионально и всегда ускользают. Едва мы нападаем на след, они тут же кончают жизнь самоубийством.

— Я нечаянно попал на след? — удивился Берестов.

— Возможно. Вот вам информация к размышлению: год назад в мае в Измайловском парке повесились парень с девушкой. Эта пара убила четверых влиятельных авторитетов, двух

банкиров и двух директоров фирм. Они оба бывшие студенты автомеханического техникума девяносто восьмого года выпуска. Буквально через месяц после их самоубийства в Москве появилась новая пара киллеров. Она отстрелила шестерых авторитетов, двух банкиров и четырех промышленников. Когда мы вышли на след, парочка выбросилась с балкона двенадцатого этажа.

— Просто русские камикадзе! — воскликнул Берестов.

— Совершенно верно! Что любопытно, эти двое тоже выпускники автомеханического техникума девяносто восьмого года.

— Из тех самых групп, которые обследовала Сверилина? — догадался Берестов.

— Скорее всего. Это мы уточним...

После беседы свидетеля под охраной отвезли домой и поставили в подъезде милиционера. Однако ближе к вечеру за Берестовым приехал капитан Горохов.

— Разыскали одного из выпускников. Вадим Александрович хочет, чтобы вы на него взглянули.

Журналиста снова доставили в отдел и пригласили в кабинет к шефу, где за столом сидел молодой рабочий автозавода "Иж". Пока он беседовал с полковником, Берестов незаметно за ним наблюдал. Однако, как ни вглядывался в этого молодого человека, не находил в его лице ни малейших признаков отклонения. Парень как парень. Нормальный российский мужик. Глаза умные, речь осмысленная.

— Вы помните, как вас перед экзаменами заставили пройти флюорографию? — напирал на него полковник.

Парень долго чесал затылок и недоуменно водил глазами.

— А! — наконец воскликнул он. — Что-то такое припоминаю. Это во время консультации по физике. Сидим мы, значит, в классе, ждем физика. Вдруг вбегает какая-то сумасшедшая тетка с шарами на лбу и кричит: "Все, кто не прошел флюорографию, к экзаменам допущены не будут. Быстро всем пройти!" Ну, мы побежали во двор, где стоял автобус, и прошли. Какие проблемы?

— И много это заняло времени?

— Да нет! Минуты две. Заходишь в автобус, говоришь фамилию, раздеваешься до пояса, встаешь за аппарат, потом подходишь к мужику, он делает прививку, и готов.

— Что за прививка? — заинтересовался полковник.

— Новая какая-то. От всех болезней. После нее я действительно ни разу не болел.

— Укол под лопатку? — сощурился Кожевников.

— Типа того! Только укол делали не шприцем, а какой-то фигней с ручкой, вроде пистолета. Вместо дула игла. И не под лопатку, а в ладонь.

— В ладонь? — удивился полковник.

— В ладонь и в лоб. Две прививки делали. Одну, как нам объяснили, от инфекции, другую — как профилактическое средство от рака...

Когда парня увели, полковник повернулся к журналисту:

— Ну, как он вам? Аналогия есть с теми, кто работал на спиртзаводе?

— Аналогии не заметил. Но шприц такой существует. Его я видел своими глазами. Причем непосредственно в руках самого Ричарда. Он мне прочел два стиха из тринадцатой главы "Апокалипсиса" и приказал готовить лоб и ладонь.

— Для прививок?

— Если бы! Для его печати. Печати Сатаны.

25

После того, как Маргарита вышла из кабинета, Дрянцев запросил материалы дела по убийству Антона Баскакова. Ему еще в прошлом году показалось, что останки скрипача были не найдены, а подброшены. Кому-то очень хотелось, чтобы розыск известного скрипача был прекращен. Только кому?

Следователь раскрыл толстую папку с документами и погружился в их изучение.

Итак, останки были найдены весной при очистительных работах. Их вместе с песком и илом всосало в трубу землесоса. Еще тогда, полтора года назад, Дрянцева удивило, что труп был утоплен на территории очистительных работ, как бы специально с таким расчетом, чтобы в конце концов быть обнаруженным. Его гораздо проще было сбросить с любого московского моста. Камень на шею — и вниз. Нет! Тело утопили именно на пути следования землесоса. А для этого нужен, как минимум, катер.

Удивило следователя и то, что жертва была прикончена двумя выстрелами, хотя для того, чтобы убить, хватило бы и одного. Значит, хотели продемонстрировать, что музыканта именно "заказали", что он не жертва случайного ограбления. И, наконец, тело было одето в одежду музыканта. Все признаки того, что тот, кто это делал, преследовал одну цель: показать, что всемирно известный скрипач отнюдь не без вести пропавший, а жертва покушения. Любопытно, для кого сыгран этот спектакль?

Следователь трижды прочел результаты экспертизы и покачал головой. Окончательное заключение основывалось на опознании найденных останков вдовой. Еще тогда присутствующий при этой процедуре Дрянцев уловил в поведении вдовы какую-то брезгливую поспешность. Да-да, складывалось впечатление, что она хотела как можно быстрее признать выуженные из реки останки мужниными, чтобы дело с его исчезновением поскорее положили в сейф. Старший следователь соотнес ее торопливость с потрясением. Однако сейчас суетливость вдовы воспринималась совсем по-другому.

Дрянцев перечел протокол и снова покачал головой. Рост не совпадает на два сантиметра, на макушке черепа следы ушиба, о котором ни слова не сказано в амбулаторной книжке музыканта, нижняя челюсть, на которой стояли две пломбы, отсутствовала вообще. Подлинными были признаны только клочки одежды и малахитовый перстень.

Следователь позвонил Виктории Эдуардовне на мобильный. Она дежурила у постели найденного мужа.

— Вы день и ночь находитесь в больнице? — вежливо поинтересовался он.

— Если бы день и ночь, я была бы просто счастлива, — вздохнула женщина. — А так без конца дергают на работу.

“Надо же, любовь какая, а череп в руки взять побрезговала”, — подумал Дрянцев, а вслух сказал:

— Извините, что вынужден докучать вам вопросами. Но такова моя работа. Итак, какой марки у вашего мужа автомобиль?

— “Форд”. Цвет — мокрый асфальт. Хорошо, что я его не продала, — ответила Виктория Эдуардовна.

— Мокрый асфальт? — переспросил следователь. — Интересно... В отсутствие мужа на “форде” кто-нибудь ездил?

— Ни единая душа! Я даже не заходила в его гараж. У меня и мысли не было продать автомобиль. Я как чувствовала, что он еще послужит Антону.

Следователь положил трубку и подумал, что эксперты определят потом точно, ездили на автомобиле скрипача, или нет. Кстати, с восьмого этажа “форд” вполне можно принять за “ауди”.

В ту же минуту Дрянцев покинул стены прокуратуры и, сев в машину, приказал водителю ехать в театр “Рубикон”. В театре он встретился с дирижером оркестра Геннадием Быстрицким. Геннадию Ивановичу было около пятидесяти, тонкая сутулая фигура, благородная седина на висках, обаятельная улыбка. Узнав, что Баскаков найден, маэстро очень взволновался. Он тут же решил отменить репетицию и отправиться к Антону в больницу. Однако следователь охладил его порыв.

— Геннадий Иванович, об этом никто не должен знать.

— Почему? — поднял брови дирижер.

— Для его же личной безопасности. Преступники еще не пойманы. Так что наберитесь терпения.

— Господи! Кому понадобилось на него покушаться? — всплеснул руками дирижер.

— Вот об этом я и хотел с вами поговорить. Скажите, Геннадий Иванович, кому Баскаков мог перейти дорогу?

Дирижер закусил верхнюю губу и остекленевшим взглядом уставился в пустоту.

— Ума не приложу. Дороги он никому не переходил, закулисных интриг не плел. Побеждал в конкурсах всегда честно.

Да никто не сомневался в его таланте, и все его первые места принимали как должное.

— То есть, ему даже не завидовали?

— Завидовать-то завидовали, но не до такой степени, чтобы нанять киллера. Все это очень странно. Человек шел в гору, в нашем оркестре был первой скрипкой, что вполне естественно. Ни у кого не возникало и мысли по поводу того, что первой скрипкой должен быть кто-то другой.

— А кто сейчас первая скрипка оркестра?

— Пока Олег Кирсанов.

— Почему, пока?

— Наверное, потому, что Олег Ефремович у нас долго не задержится, — тонко улыбнулся дирижер. — Сейчас он у всех на устах. Победил в международном конкурсе виртуозов в Нью-Йорке. Получил большой денежный приз за авторскую сонату. Кстати, в нашем театре она будет исполняться завтра. Обязательно приходите! Это первое выступление в России, после Америки, естественно. Так вот, Олег Ефремович, по всей видимости, в России долго не задержится. — Дирижер интеллигентно покачал головой и вздохнул. — Вот такие метаморфозы откальвает жизнь. Просто удивительно.

— Что удивительно? — насторожился следователь.

— Я всегда думал, что Олег Ефремович — музыкант весьма невысокого полета, но всегда отмечал в нем бычье упорство и зверскую работоспособность. Он все-таки добился мировой известности. Что я могу сказать? Молодец! За два года сделать такой рывок. Конечно, тут сыграло не последнюю роль и его везение, что "Орфей" сделал ставку именно на него, а не на другого музыканта. Впрочем, "Орфей" редко ошибается.

— "Орфей" — это международное концертное агентство, которое возглавляет жена Баскакова? — уточнил следователь.

— Совершенно верно, — кивнул дирижер. — В наше время международную раскрутку музыканту делают агентства подобного рода. Так что Антон своими музыкальными победами во многом обязан жене. Ни для кого не тайна, это именно она управляла мужем в Париж, в Брюссель, в Вену, где он получал Гран-при. Но не подумайте, что Виктория Эдуардовна делала это исключительно из родственных соображений. Она дама весьма принципиальная. Думаю, если бы Антон ничего собой не представлял, на конкурсы ездил бы другой. Вкус у Виктории Эдуардовны безукоризненный. Не каждое концертное агентство может похвастаться таким вкусом. Хотя сейчас любая контора с международным статусом может раскрутить какого угодно музыканта, даже бесталанного. Но у Баскаковой на талант чутье. Вот она и в Олеге Ефремовиче не ошиблась. Кстати, вы можете с ним побеседовать, если хотите. Я его приглашу.

Через пару минут в комнату дирижера вошел высокий, смуглый, черноволосый мужчина лет тридцати пяти в элегантном костюме и лакированных туфлях. Глаза его были встревоженными.

— Это правда, что Антон нашелся? — спросил он с порога.

— Пока никому ни слова, — произнес следователь.

Кирсанов присел на соседний стул.

— Преступников нашли?

— Пока еще нет. Баскаков не вполне здоров. Думаю, на днях начнет давать показания. Скажите, Олег Ефремович, вы давно знакомы с Антоном Павловичем?

— Уже лет десять. Он, можно сказать, мой учитель.

— Были у него враги?

— Нет! Никаких врагов у него не было, — тряхнул головой скрипач. — Когда я узнал, что его застрелили, был просто шокирован. Не поверил своим ушам. И, оказывается, правильно, что не поверил.

— Вы не в курсе, почему он ушел из дома?

— Ушел? — удивился музыкант. — Я слышал, что его похитили.

— От кого вы это слышали?

— От Виктории Эдуардовны.

— Когда она вам об этом сказала?

— На днях.

— На днях, говорите? — задумался следователь. — Хорошо... Похитили, так похитили. Кто же мог его похитить?

— Понятия не имею, — пожал плечами Кирсанов. — Он не политик, не банкир. Если вас интересует мое мнение, я думаю, его похитили по ошибке.

Следователь наклонился через стол и, приглушив голос, спросил:

— А не мог он сам себя похитить?

— Зачем? — вытаращил глаза музыкант.

— Не знаю, зачем. Может быть, вы знаете? Вы же с ним бок о бок десять лет...

— А сам он что говорит?

— Он ничего не говорит, поскольку ничего не помнит. Даже своего имени.

Кирсанов задумался.

— А знаете... На него это похоже. Он бы мог бросить все и уйти из дома. Антон не фанат музыки, понимаете? Когда он учился в консерватории на четвертом курсе, то за месяц до экзаменов отбыл в какую-то четырехмесячную экспедицию на судне. Друг его позвал, и он, не задумываясь, поплыл с ними матросом второго класса. А восемь лет назад он уходил из "Рубикона" на полгода. И ради чего? Ради презренной коммерции. Да-да! Бросил оркестр, где уже был первой скрипкой, занял денег и начал ездить в Турцию. Тогда музыкантам платили мало,

и Антон таким образом решал свои материальные проблемы. Вернулся он в музыку только после того, как познакомился с Викторией, своей будущей женой. Благодаря ей он стал ездить за границу и хорошо зарабатывать.

— Скажите, а как у него шли дела перед исчезновением?

— Я бы не сказал, что блестяще, — покачал головой Кирсанов. — За два месяца до этого он приехал из Голландии с каким-то второстепенным лауреатским дипломом. Для него это равносильно поражению...

Когда Дрянцев вернулся в прокуратуру, немедленно позвонил прокурору и попросил санкцию на арест Баскакова.

— Обоснуйте, — ответил прокурор.

— У меня все основания полагать, что убийство Сверилиной с целью ограбления совершил Антон Баскаков. Разумеется, не без участия своей жены. Именно она в воскресенье показывала дачу покупательнице. В понедельник Сверилина сняла деньги в банке, вернулась с ними домой, а в подъезде ее уже ждал Баскаков под видом бомжа...

— Мысль понятна! — не дослушал прокурор. — Но это только ваше предположение. Какими-нибудь конкретными доказательствами располагаете?

— Самое главное доказательство — исчезновение денег. Я думаю, на допросе память к Баскакову вернется...

— Найдите конкретные факты, доказывающие причастность Баскакова к этому делу, — ответил прокурор. — Пока санкции дать не могу.

26

На следующий день полковник позвонил Берестову и сказал, что ему надо обязательно появиться в миграционном центре, чтобы среди фотографий на мониторе опознать Ричарда, и обещал прислать за ним машину.

— Опознать Ричарда — ваш гражданский долг, — добавил он под конец.

...К вечеру все эти английские физиономии, мелькавшие на мониторе, слились в одно огромное цветное пятно.

— Больше не могу! — вскочил со стула Берестов. — Продолжим завтра!

— Как скажете, — вежливо улыбнулся компьютерщик. — Осталось всего пятнадцать. А всего мы с вами просмотрели шестьсот шестьдесят.

— Какой ужас! Шестьсот шестьдесят! Ладно, продолжим! Еще пятнадцать осилю...

И вдруг шестой по счету оказался тем, кого искали. Берестов даже вздрогнул при виде его:

— Вот он! Надо же? Как живой...

“Джон Смит, — прочел Леонид под фотографией. — Медицинская фирма “Heart lions”.

— Надо позвонить Кожевникову, — произнес компьютерщик.

За то время, пока Берестов добирался в отдел, Кожевников успел сделать запрос по поводу деятельности Джона Смита в России. Оказалось, что в данный момент он пребывает на своей исторической родине в Англии. Как выяснилось, Смит вылетел из России в тот самый день, когда оперативники накрывали подпольный спиртзавод под Рязанью. Также после запроса в Министерство здравоохранения выяснилось, что Джон Смит осуществляет крупные поставки лекарственных препаратов из Англии. Причем, все препараты одобрены Минздравом.

— Свяжитесь с таможенной, — приказал по телефону полковник. — Немедленно выясните, были у Джона Смита случаи несоответствия поставляемой продукции? — Водворив трубку на место, он взглянул на часы и весело подмигнул Берестову: — Ну что, Леонид Александрович, устали? Ничего. Сейчас вас отвезут домой. Однако охрану я с вас снять не могу.

Но неожиданно позвонили из отдела информации УВД и сообщили, что медицинской фирмы "Харт Лайнс" в Англии нет и никогда не было. Зато с аналогичным названием существует электронная фирма.

— Час от часу не легче, — промокнул потный лоб Кожевников. — Как это переводится? Львиное сердце? Теперь понятно, почему его называют Ричардом. Хотя имя Джон Смит наверняка вымышленное. Нужно навести справки про электронную фирму. На сегодня все, Леонид Александрович! Езжайте домой...

Вечером Берестову позвонил Калмыков.

— Привет, Лёня! Как ты, жив?

— Еще жив, не радуйся! Чего звонишь?

— Узнать, как ты себя чувствуешь. Органы еще не раскрыли, за что тебя "заказали"?

— За что — еще неизвестно. Зато могу с гордостью сказать, кто меня "заказал"! Только не падай: некий Джон Смит, гражданин Великобритании, представитель медицинской фирмы "Харт Лайнс".

— Поздравляю. Это солидно! — засмеялся Калмыков. — Твой рейтинг журналиста растет как доллар. "Харт Лайнс", по моему, какая-то электронная фирма, а не медицинская.

— Ты о ней слышал?

— Да, мы о ней писали. В 1996 году эта фирма разработала микрочип для вживления под кожу человека.

— Боже мой! Это еще зачем?

— Надо полагать, вместо единой электронной карты. У англичан на одной электронной карте все: от счета в банке до номера будущей могилы. До недавнего времени они таскали их целую пачку. А сейчас носят только одну. Сам понимаешь, что потерять такую карту — в одну минуту лишиться всего. Вот

фирма и разработала микрочип, заменяющий электронную карту, которая вживляется в ладонь. Теоретически это очень удобно: заходишь в метро, подставляешь ладонь и свободно проходишь. Или приходишь в банк, подносишь ладонь к автомату, и тебе сыплются деньги в ту же ладонь. Клево? Тем более что ладонь как будто предназначена для микрочипа. Для его питания, насколько мне известно, нужна колеблющаяся температура. В человеческом организме она только в двух местах: в ладони и на лбу.

— Так! Начинаю соображать! Продолжай!

— Продолжать нечего. Это все, что я знаю. Да, в 1996 году эта фирма приглашала добровольцев участвовать в эксперименте.

— Добровольцы нашлись?

— Не знаю. Знаю только, что Национальный совет безопасности запретил эксперименты с вживлением электроники в тело человека. Сам понимаешь, почему. Если у тебя в теле микрочип, за тобой можно безнаказанно шпионить. А при грамотной постановке дела с такой системой не нужны ни армия, ни полиция. Все будет под электронным контролем, даже мысли. Да что мысли! Человека можно превратить в послушного зомби — чернорабочего, солдата, киллера. Прикинь! Бесплатная рабсила!

— Так-так! — почесал затылок Берестов. — Кажется, начинаю понимать. Скажи, а можно при помощи микрочипа приказывать человеку выбраться с двенадцатого этажа?

— Хоть с двадцать первого.

— А стереть память?

— Запросто!

— Все, старик! До связи! Звоню Кожевникову.

27

На другой день в кабинете старшего следователя Дрянцева раздался звонок. Звонил главврач больницы, в которой лежал найденный Баскаков. Его голос был озабоченным.

— Больной собрался домой. Без специального предписания я не имею права препятствовать. Состояние у него нормальное, так что вашу просьбу удовлетворить не могу.

— Черт, — закусил губу Дрянцев. — Еще пару дней, Виктор Павлович! Пару дней продержат можете?

— Пару дней, но не более. У него полное право уйти под расписку.

Дрянцев задумался. К чему такая спешка? Скорее всего, на выписке настаивает Виктория Эдуардовна, а больному безразлично. Надо съездить в больницу и разобраться. Но прежде следователь решил побывать в центральном офисе концертного агентства "Орфей", которое находилось на Ленинградском проспекте.

Следователь приехал в агентство без всякого предварительного звонка. Чем внезапней, тем эффективней. Это даже лучше, что в данную минуту высокого начальства нет на месте.

Офис поражал воображение. Одного взгляда было достаточно, чтобы определить — агентство далеко не бедствует. Площади обширные, несмотря на то, что в международной фирме насчитывалось не более двух десятков сотрудников. Полы устланы коврами, стены завешаны картинами, с потолка свисали замысловатые светильники, в огромных холлах раскинулись зимние сады и бассейны, на стенах мозаика. Сотрудники одеты с иголочки, женщины в драгоценных украшениях, мужчины в дорогих костюмах и галстуках. Даже охрана, стоящая у двери навтыжку, была в прекрасно отутюженных брюках и белоснежных сорочках.

К следователю отнеслись настороженно. На вопрос, имеется ли у кого-нибудь из сотрудников автомобиль “ауди” серого цвета, персонал недоуменно пожал плечами. Наконец после каких-то недомолвок и многозначительных переглядываний, администратор твердо заявил, что серого “ауди” ни у кого нет.

Вот, собственно, и все, что удалось выяснить следователю. По всем остальным вопросам заместитель настоятельно советовал обращаться непосредственно к шефу Виктории Эдуардовне. Так бы Дрянцев и ушел ни с чем, если бы на выходе случайно не столкнулся с белобрысым парнем, который явно намеревался проникнуть в контору, но его не пускала охрана. Лицо посетителя было скандальным и обиженным. По тому, как к нему относились сотрудники агентства, можно было догадаться, что он здесь не редкий гость. Следователь подошел к нему и спросил:

— Вы что-то хотели в этом агентстве?

— А вы кто? — огрызнулся молодой человек.

Дрянцев представился и для большего веса показал удостоверение. Глаза парня радостно вспыхнули.

— Идемте вниз, в кафе! Я расскажу вам правду про это агентство.

От внимания следователя не ускользнуло, как встревожились охранники у дверей, когда они с молодым человеком направились к лифту. “Что-то здесь не чисто”, — подумал следователь, почувствовав зацепку. Спустившись в кафе и заказав себе кружку пива, парень страстно произнес:

— В этом агентстве работают жулики! Они нагло заныкали мою пьесу для флейты с оркестром. Я свое сочинение дважды слышал в Европе под чужим авторством.

— Как заныкали? — удивился следователь. — Выкрали ноты?

— Да нет! — отмахнулся парень. — Все гораздо проще. Агентство объявило конкурс. Я принес свое сочинение. Думал,

правда, здесь все по-честному. Однако мне на второй день говорят, что моя вещь им не подходит. А через месяц в Мюнхене за нее получил Гран-при какой-то неизвестный музыкантишко из Питера!

— Вы подали в суд?

— Откуда? Я не могу доказать авторство. Если бы моя пьеса была опубликована или прозвучала в записи — другое дело. А так — как докажешь? Да у них все куплено! Вы думаете, они у меня одного украли сочинение? Здесь все поставлено на поток, механизм отлажен — не подкопаешься! Находят талантливых ребят в провинции, самих отсеивают, а произведения распределяют среди своих.

Нельзя сказать, что разговор с флейтистом из Нижнего Новгорода не произвел на следователя впечатления, хотя кому, как не ему, было известно, что провинциалам свойственно завышать свою гениальность.

Распрощавшись с обманутым музыкантом, Дрянцев отправился в больницу. Баскаков встретил его довольно холодно. Видимо, до него дошли слухи о кое-каких подозрениях следователя.

В изголовье сидела Виктория Эдуардовна и не отрывала любящего взгляда от мужа.

— Как вы себя чувствуете, Антон Павлович? — как можно доброжелательней спросил Дрянцев.

— Спасибо, прекрасно, — сухо ответил скрипач.

— Вы вспомнили что-нибудь из вашего прошлого?

— Я вспомнил все! — нахмурился Баскаков.

— Тогда позвольте задать вам несколько вопросов тет-а-тет?

Баскаков посмотрел на жену. Затем, немного подумав, сделал ей знак, чтобы ушла. Виктория Эдуардовна неодобрительно сверкнула глазами, однако удалилась без скандала.

— Все вспомнили, Антон Павлович?

— Я же сказал вам — все! Точнее, почти все. Я знаю, кто я, помню свое прошлое, родителей, дом, жену. Сохранил свои профессиональные навыки. Несмотря на то, что я больше двух лет не играл на скрипке, думаю, за три месяца восстановлю свое прежнее мастерство.

— Вы отсутствовали два с половиной года. Помните, где вы были?

— Помню. Кое-какие фрагменты еще отсутствуют, но общую картину нарисовать могу.

— Тогда давайте по порядку. Два с половиной года назад вы ушли из дома и не вернулись. Что с вами произошло?

— На меня напали, — сдвинул брови Баскаков. — Это случилось после репетиции в час дня. Я на минуту забежал в магазин, чтобы купить пачку сока. После этого собирался ехать в автосервис менять резину. До своей машины я не дошел буквально двух шагов. Четверо каких-то парней окружили меня и

потребовали, чтобы я сел в их автомобиль. Я отказался. Тогда они брызнули мне в лицо газом и затащили в машину.

— Что за машина, помните?

— Да! “Вольво” черного цвета.

— Номера?

— Номеров не помню.

— Опишите парней!

— Один под метр девяносто. Остальные пониже. Высокого я узнаю сразу. Остальные — на одно лицо.

— Понятно! Что было дальше?

— Рот мне залепили пластырем, на глаза надели вязаную шапочку, руки, ноги связали. И везли около двух часов.

— Куда?

— Откуда я знаю? Я ничего не видел! Почувствовал только, что машина остановилась в лесу. Определил по щебету птиц. Меня впихнули в какой-то подвал. Там на бетонном полу со связанными руками я провалялся до следующего утра. На рассвете за мной пришли, выпихнули наружу, затащили в дом и сняли с глаз шапочку. Меня осмотрел какой-то иностранец. Судя по всему, англичанин.

— Почему думаете, что англичанин?

— По акценту. Его бы я тоже узнал. С ним был еще какой-то тип с такими, знаете, холодными, как у рыбы, глазами. Иностранец задал несколько вопросов относительно моего здоровья, затем кивнул своим ребятам, и мне снова напялили на глаза шапочку. После этого затащили в машину и сделали в руку укол. Я тут же отключился. Очнулся уже в другом месте. Меня куда-то привезли. Руки развязали, пластырь отлепили. Я начал возмущаться, кричать — меня избили. Дальше не помню. Четко запомнил вот какой эпизод: иностранец метится в лоб из пистолета. А пистолет весьма любопытный: дуло на конце сужено. Помню щелчок. И лоб чешется. Потом он мне этим пистолетом выстрелил в ладонь. Дальше снова полный провал.

— Где все это происходило?

— В какой-то лаборатории. Не помню, в какой, но помню, как я начал себя осознавать. Работал я на заводе по производству водки. Мыл из шланга бутылки.

— Это где?

— Не знаю. До этого я тоже работал на этом же заводе, но как-то бессознательно. У меня было ощущение, что я этим занимался всю жизнь, и никакой другой жизни больше не было.

— Вы работали один?

— Нет! Нас было много. Мы друг с другом не разговаривали. В этом не было необходимости. Нами руководил внутренний голос. Он говорил: “Подъем!”, и мы вставали. Говорил “Спать!”, и мы засыпали. Помню, что чувство страха ко всему, даже к смерти, у меня было атрофировано, а вот этого голоса я боялся панически.

Щека у Баскакова дернулась. Он поднял глаза на следователя и заметил на его лице скептическую улыбку. Больной нахмурился и отвернулся к окну.

— Что же вы замолчали? Продолжайте! — подал голос Дрянцев. — Это интересно.

— Я больше не помню, — буркнул скрипач, не поворачивая головы.

Воцарилась тишина.

— Где этот завод стоял, вы, конечно, тоже не помните? — спросил Дрянцев.

— Конечно, нет!

— И как вы потом оказались в Москве, тоже не помните?

— Нет, — ответил Баскаков.

— А говорите, все помните.

Скрипач резко повернулся к следователю:

— Скажите, меня в чем-то подозревают?

— Нет, — соврал Дрянцев.

— Тогда почему я нахожусь под арестом?

— С чего вы взяли, что под арестом?

— Потому что у моей палаты дежурит милиционер. Меня отсюда никуда не выпускают, а я уже давно здоров.

Следователь натянул на себя улыбку.

— Милиционер дежурит в целях вашей безопасности. А то, что вас не выпускают, это претензии к врачам. Если они выпишут вас сегодня, в ту же минуту отправитесь домой. Но учтите, те, кто покушались на вас, еще на свободе. Вы не боитесь?

Баскаков задумался.

— Не боюсь, — произнес он после некоторой паузы. — А вы можете сказать, кто на меня покушался и зачем?

— Судя по вашему рассказу, вас “заказали”.

— Кто? — поднял брови Баскаков.

— Чтобы выяснить, кто, нужно сначала вспомнить, кому вы перешли дорогу? Вспомните и позвоните мне!

Следователь поднялся и, попрощавшись, вышел из палаты. В коридоре он наткнулся на Викторю Эдуардовну.

— К сожалению, еще пару дней придется полежать, — сказал Дрянцев. — Температуры нет, но сердце очень слабое. Кстати, Виктория Эдуардовна, что вы делали в минувшее воскресенье?

В красивых глазах Баскаковой мелькнуло изумление.

— Это допрос?

— Что вы! Праздное любопытство!

— В воскресенье я ездила в Тверскую область к бабке Матрене.

— Бабка может подтвердить?

— Нет. Она там давно не живет.

— Вы ездили одна?

— Как всегда.

— На своем “мерседесе”?

— На чем же еще?

— Ну, хотя бы на “форде”. Кстати, вы не будете возражать, если сегодня его осмотрят наши эксперты?

— Меня в чем-то подозревают? — произнесла сквозь зубы Баскакова.

— Я обязан всех подозревать. В том числе и вас, — обаятельно улыбнулся следователь.

— В таком случае, я не даю разрешения на осмотр машины без санкции прокурора.

Женщина эффектно развернулась на каблуках и вошла в палату. Следователь пожал плечами и в дурном расположении духа направился к выходу. Однако на лестнице ему преградил дорогу главврач.

— Баскаков требует, чтобы его выписали немедленно. В принципе, имеет полное право уйти под расписку.

— Никаких принципов! Продержите еще два дня...

Ближе к вечеру кабинет старшего следователя огласил звонок. Дрянцев только что оформил бумагу на перевод Баскакова в лазарет Бутырки, однако документу не суждено было выйти за пределы кабинета. Звонил муж Сверилиной. Его голос был крайне растерянным.

— Виктор Александрович, деньги нашлись! Все семьдесят тысяч, доллар в доллар. Оказывается, они никуда не пропадали. Деньги лежали в пианино, в пакете. Жена раньше имела привычку прятать деньги в пианино. Я только сегодня вспомнил...

Дрянцев долго молчал. Первой мыслью было, что деньги подбросили. Подбросили, чтобы отвести подозрение от Баскакова.

— Но ведь в вашей квартире был обыск.

— Какой, к черту, обыск, открыли пару антресолей и дали расписаться...

— Пакет узнали?

— Узнал! Наш пакет. Думаете, подбросили? Еще не нашелся такой дурак!

— Черт! — только и смог пробормотать в ответ Дрянцев.

В ту же минуту он набрал номер главврача и сказал:

— Баскакова выписывайте. И принесите ему извинения. Можете от моего имени!

После этого попросил соединить с начальником отдела по борьбе с организованной преступностью полковником Кожевниковым.

— Товарищ полковник, у меня все основания полагать, что скрипач Баскаков тоже работал на подпольном спиртзаводе под Рязанью.

— Я ее убью! Возьму топор и убью, — всхлипывала в трубку Маргарита. — Представляешь, Светка, она сидит у его постели дни и ночи — эта светская львица, вся в золоте и в бриллиантах. Хоть бы драгоценности сняла. Все-таки в больнице находится, а не на балу у Сатаны.

— Значит, ты к нему так и не прорвалась? — деловито осведомилась Светка.

— Я и не пыталась. А как? У дверей палаты дежурит мент, а в палате дни и ночи ошивается так называемая супруга, которая уже успела его опознать, отпеть и похоронить.

— Откуда ты знаешь, что дежурит мент? Значит, ты все-таки была?

— Да была, Светка, была! — простонала Маргарита. — Меня не пустили. Спросили, кто я ему? Что я могла ответить?

— Ритка, кончай хныкать! Противно!

На этих словах в квартире раздался звонок. Маргарита вздрогнула и сказала, что перезвонит попозже.

Когда она отперла дверь, ее ноги подкосились. У решетки стоял Антон Баскаков с огромным букетом роз. Маэстро был в элегантном пальто, в черной бабочке на белоснежной сорочке и с сияющей улыбкой на губах.

— Привет, Марго! Я за тобой, — произнес он коротко.

Хозяйка отперла решетку и впустила гостя в квартиру.

— Вас уже выпустили из больницы? — еле слышно пролепетала она, чувствуя, что сейчас упадет без чувств.

— Только что выпустили, — ответил он и потянулся к ее губам.

— Нет-нет! — шарахнулась в сторону Маргарита. — Разве вы забыли, что у вас есть жена?

— Кое о чем я хотел бы забыть, — грустно покачал головой скрипач, затем встрепенулся. — Да что мы все о печальном! Возьми эти розы и поставь их в вазу.

— У меня нет большой вазы.

— Тогда брось их в ванную! Завтра куплю тебе большую вазу.

Маргарита приняла от него розы, понюхала, и пол под ней поплыл. Антон подхватил хозяйку за талию, розы мягко посыпались на пол.

Очнувшись она на диване. Ее халат был расстегнут до пояса, балконная дверь распахнута настежь. Антон одной рукой легонько шлепал ее по щекам, другой — обмахивал газетой. Придя в себя, Маргарита первым делом поинтересовалась, торопливо застегивая халат:

— Вас больше не обвиняют в убийстве?

— Кажется, нет! — ответил он, отнимая ее руки от халата. — Не спеши застегиваться, тебе нужен воздух.

Глаза его заблестели, дыхание участилось.

— Что вы делаете, Антон Павлович? — произнесла Рита умиравшим голосом, чувствуя, как его горячие пальцы расстегивают халат. Вместо ответа гость припал губами к ее груди, и Маргарита снова поплыла...

Через некоторое время она очнулась от навалившихся на нее чувств. Антон рядом сопел ей в ухо, а она гладила его волосы и была счастлива, хотя осознавала, что все это бессмысленно. Маргарита потрепала его за вихры.

— Как тебя жена отпустила одного?

Музыкант лениво открыл глаза и посмотрел на часы.

— Сейчас мы с тобой поедем.

— Куда?

— В "Рубикон"! Сегодня Олежка Кирсанов играет концерт, за который получил Гран-при в Нью-Йорке. Как автора я его никогда не слышал.

— Ты хочешь взять меня с собой? — удивилась Маргарита.

— И хочу, и возьму! — улыбнулся Антон, проведя пальцем по ее шее.

— Ты с ума сошел! А жена?

— Жены на концерте не будет.

Музыкант поднялся и вальяжно направился в ванную. Маргарита заметила, что в его движениях появилось что-то хозяйское. Нельзя сказать, что это ей не понравилось.

Когда они вышли из подъезда и направились к автомобилю, им неожиданно перекрыл дорогу милиционер.

— Это ваша машина? — строго взял он под козырек. — Прошу предъявить права!

— А в чем дело? — удивился Антон.

— Какой-то подозрительный субъект крутился около вашего "форда" и, кажется, собирался в него сесть. Мне это не понравилось. Я попросил права. Он порылся в кармане и сказал, что забыл дома. С тех пор его нет...

— Так и должно быть! — засмеялся Антон, распахивая перед дамой дверцу. — Вчера мы угоняли машины, сегодня у нас угоняют. Не могу сказать, что в мире нет справедливости!

Водитель отстегнул блюстителю за бдительность, и автомобиль тронулся с места.

— А вдруг правда кто-то крутился у вашей машины? — тревожно произнесла Маргарита.

— Вряд ли, — ответил Антон. — Это один из способов выцганить на чай.

Они ехали, и Маргарите было не по себе. Ее смущало, что она появится на людях с чужим мужем, и не просто с чужим мужем, а с известным скрипачом, привыкшим быть в центре внимания. Все будут коситься и понимать, что она его любовница.

Однако, вопреки ожиданиям, на нее никто не косился. Баскакова узнавали. Кто-то сдержанно протягивал руку, кто-то

сразу бросался в объятия. Антон радостно тряс знакомым руки и кивал на свою спутницу:

— Знакомьтесь, Маргарита!

Больше он ничего не пояснял, и никто пояснений не требовал. Женщины улыбались ей так же, как ему, а мужчины целовали руки. Словом, никакой неловкости Маргарита не ощутила.

За пять минут до начала концерта Антон потащил ее за кулисы. Они вошли в гримерку к Кирсанову, и тот сразу бросился к нему навстречу. Мужчины обнялись и расцеловались.

— Боже мой, Антон! Как я рад тебя видеть живым и невредимым. Кстати, ты неплохо выглядишь, — говорил ему Кирсанов.

— Познакомься! Это Маргарита. Она меня, можно сказать, возвратила к жизни!

Маргарита протянула Кирсанову руку и улыбнулась. Скрипач поцеловал женщине руку и задержал на ней долгий взор.

— Ну, что, старик, желаю успеха! Особо не волнуйся. Мы все с тобой.

Зал был битком, но выступление почему-то задерживалось. Прошло пятнадцать минут, концерт не начинался. При этом никто не сообщал о причинах задержки. Зрители начали волноваться и шуметь. Зал несколько раз взрывался аплодисментами, но за кулисами не реагировали. Наконец на сцену вышла пунцовая ведущая и, извинившись, объявила, что концерт переносится на другой день в связи с болезнью исполнителя. На какой день, будет объявлено дополнительно, а сейчас зрители могут сдать билеты в кассу.

По залу прокатился недоуменный гул. Зрители начали подниматься с мест и направляться к выходу. Антон пожал плечами и громко воскликнул:

— Что за черт? Пойдем, выясним.

Он взял Маргариту за руку и снова потащил за кулисы. В гримерке в кресле скрипача сидел недоуменный администратор и разводил руками.

— А что я мог сделать? Ну, заболел артист. Плохо стало с сердцем. Так что вот!

Выяснилось, что Кирсанов уже уехал домой. Баскаков закусил губу и потащил Маргариту обратно.

— И точно, он был не в себе! Я это сразу заметил, — пробормотал Антон и вдруг, посмотрев на Маргариту, хитро улыбнулся: — Честно говоря, я рад, что концерт отменился. У нас с тобой целых три часа. Поедем в ресторан! В одиннадцать я должен быть дома, а сейчас только восемь.

Маргарита помрачнела, но дала усадить себя на переднее сиденье машины. Антон уже завел автомобиль и почти тронулся с места, как Маргарита, внезапно распахнув дверцу, резко вскочила наружу.

— Извините, Антон, но все эти встречи в свободное от жены время не для меня! — бросила через плечо женщина и побежала прочь.

— Подожди, Маргарита! — закричал ей вслед Антон. — Ты все не так понимаешь!

Она услышала, как сзади хлопнула дверца, и прибавила шаг.

Антон нагнал ее на углу, схватил за плечи и развернул к себе.

— Маргарита! — простонал он с отчаяньем в голосе. — Ты для меня...

Он не успел договорить. Мощный взрыв потряс улицу и выбил все стекла театра "Рубикон". Пара на углу вздрогнула и повернула голову к автостоянке. "Форд", из которого они только что вышли, разнесло на куски.

29

— Видимо, вас хотели убрать, как свидетеля, — предположил полковник Кожевников, постукивая по столу ручкой. — Кстати, познакомьтесь, Антон Павлович, это журналист Леонид Берестов. У вас с ним одинаковая судьба. Его, так же как и вас, хотели взорвать вместе с машиной, но его спасла та же женщина.

— Даже так? — вскинул брови скрипач и протянул журналисту руку.

— Его тоже продали на ликероводочный завод под Рязанью и даже поставили на ваше бывшее место. Словом, Леонид Александрович полностью повторил вашу судьбу, но, разумеется, с той разницей, что ему не успели вколоть микрочип, поскольку мистер Ричард спешно вылетел в Лондон. Но к концу недели он должен вернуться с новой партией лекарств. В них, я полагаю, спрятаны микросхемы.

Антон Павлович покачал головой и вытащил из кармана маленький целлофановый пакетик.

— Вот они, микрочипы, — хмуро произнес он, положив пакетик перед полковником. — Я их лично вырезал скальпелем.

Полковник с экспертом склонили головы над целлофановым квадратиком, в котором поблескивали два крошечных золотистых шарика, величиной с жало шариковой ручки.

— Отлично! — выдохнул полковник. — Теперь хоть будем знать, как они выглядят. Такие крохотные, а волю человека подавляют полностью...

— Их можно закатать в таблетку с десяток, — деловито произнес эксперт, разглядывая микрочипы через увеличительное стекло. — Таможенников нужно серьезно подготовить.

— Подготовим! Время еще есть, — посмотрел на часы полковник. — Расскажите, Антон Павлович, как вам удалось вы-

резать эти шарики, а перед этим выйти из-под их власти? Насколько мне известно, самостоятельно это невозможно.

Баскаков, тяжело вздохнув, подпер кулаком щеку.

— Я сразу догадался, что мне под кожу загоняют микросхемы, — начал он. — Кое-что об этом я знал. Как раз накануне прилетел из Лондона и был в курсе их дискуссии по ТВ. Тогда, конечно, мне и в голову придти не могло, что одним из первых, на ком испытают микрочип, буду я.

После того, как мне сделали укол, мое сознание стало как чистый лист бумаги. Себя я сознавал только моющим бутылки. Знаете, даже в мыслях не было, что у меня до этого была какая-то другая жизнь. Во время мытья бутылок я, естественно, промокал с головы до ног, а поскольку работа была тяжелой, я еще и сильно потел. Часто выходил во двор за ящиками, и, видимо, меня здорово прохватывало на сквозняке. И когда заболел, в мое сознание прорывались фрагменты из прошлого. Я как-то сразу сообразил, что это происходит со мной из-за того, что я простуживаюсь: чем выше у меня поднималась температура, тем отчетливей я осознавал, что я — не только тот, кто моет бутылки.

— Хочу добавить, — вмешался эксперт, — что температура тела более тридцати восьми и пяти временно выводит микрочип из строя. Но, наверное, трудно заболеть, потому что в схеме дана установка на постоянную температуру.

— Верно. Мне пришлось постараться, чтобы капитально простудиться. Но, после того, как я простудился в первый раз, я вдруг сразу вспомнил, кто я на самом деле, и стал понемногу простужать окружающих. Не знаю, сколько прошло времени, но постепенно — это стало у нас как ритуал: чуть-чуть вспотеть и сразу выходить на ветер. Двор, кстати, плохо охранялся. За нами почти не присматривали. В основном нашими действиями руководил голос изнутри. Но мы научились его не бояться. А потом однажды после работы я заметил, что дверь в нашу казарму оставили не запертой. Ее часто оставляли не запертой, но к этому времени во дворе были сильные ветра и болели почти все. Я поднял всю толпу. Мы выломали ворота и понеслись в лес. Вскоре прибежали на железнодорожную станцию. Там стоял товарный состав. Мы рассыпались по вагонам, кто в тамбур, кто на крышу, и таким образом добрались до Москвы. В Москве наших начала забирать милиция.

— Это было в прошлом году, в феврале? — спросил полковник.

— Кажется, да.

— Так вот откуда в столице появились пропавшие люди без памяти. Так-так! Продолжайте!

— Меня тоже схватили. Но не милиция, а те самые ребята, которые похитили весной. Мне снова надвинули на глаза шапку, заклеили рот и связали руки. Снова куда-то повезли,

и я всю дорогу повторял как заклинание: “Вспотеть и выйти на ветер”. Дальше помню очень смутно. Кажется, я снова видел того же англичанина, который собирался загнать в меня еще пару чипов. Почему-то в сознании отложилось, что он не делал мне укол, а реанимировал старые чипы. И вот через некоторое время я снова начал осознавать себя, но уже не в качестве рабочего ликероводочного завода, а в качестве воина какого-то клана. Все было так же, как на заводе. Я не знал своего прошлого, и мне казалось, что я всю жизнь пребывал в этой банде. Мы обитали в лесу, в каком-то доме. Спали на нарах. Нас было двадцать человек. Команды отдавал внутренний голос. Мы целыми днями дрались, изучали приемы, с оружием и без оружия. День и ночь драка с подсобными предметами и голыми руками. Мы изучали болевые точки на теле человека, сначала били чучел, потом друг друга. Наши хозяева ставили нам задачу: отключать противника одним ударом.

— Вы помните хозяев? — сощурился полковник.

— Нет. Их лица размыты. Но помню, что было трое. Больше всего мы боялись высокого в длинном пальто и широкополой шляпе. Лица не помню. В памяти отложились только очки без оправы, шляпа и тонкие усики.

Итак, я снова не помнил, кто я. Однако каждый раз, когда потел, стремился встать на сквозняк. Меня за это наказывали. Но однажды я заболел по-настоящему. Мне измерили температуру, дали выпить аспирин, укутали в три одеяла и оставили одного. Как только все удалились, я выбежал босиком во двор и вдруг четко вспомнил, как иностранец мне делал укол в ладонь. Я сразу сообразил, что он ввел под кожу микрочип, который не дает вспомнить прошлое. Не долго думая, я через открытую форточку залез в дом. Сами мы жили в подвале, в дом нас не пускали, поэтому мне сложно было сориентироваться. Однако через некоторое время я пробрался в ванную, нашел там лезвие и располосовал себе ладонь. Насколько помню, мне без особого труда удалось извлечь из ладони микрочип. Я хотел располосовать себе лоб, но тут услышал, как к дому подъехала машина. Быстро смыл кровь, положил лезвие на место и тем же путем через форточку выбрался во двор. Пока машина въезжала в ворота, я быстро добежал до подвала и лег на свое место. Никто ничего не заметил. На следующий день я внезапно выздоровел и снова про все забыл. Вспомнил некоторое время спустя, когда нас вдвоем послали на какую-то дачу “пришить” хозяина. Мы подъехали к особняку за глухим забором. Мой напарник перелез через забор, а мой внутренний голос приказал следить за улицей. Я стоял, и вдруг передо мной мелькнула картинка: мы идем с мамой мимо фонтана в Большой театр. Я сразу решил бежать, недолго думая, завел машину и поехал знакомой дорогой в город, а когда проехал милицейский пост,

завернул на вокзал. Это было нелегко. За все время пути внутренний голос трижды спрашивал, спокойно ли на улице. Я отвечал, что все нормально.

— Вы отвечали вслух? — спросил эксперт.

— Вслух! — кивнул Баскаков. — Насколько я понимаю, микрочип не в силах считывать мысли, иначе меня бы поймали.

— Куда же вы поехали?

— Я же сказал: в сторону железнодорожного вокзала. Когда я остановился на привокзальной площади, внутренний голос приказал зайти в дом и бесшумно вырубить охрану. Напарника, как я понял, скрутили. Вот тут мне сделалось по-настоящему страшно. Во мне боролись два "Я". Один хотел немедленно вернуться и выполнить приказ, другой настаивал на побеге. Последнее, что я помню — название города на центральном здании вокзала: "Казань". Как потом очутился на Казанском вокзале в Москве, честно говоря, не знаю.

— То есть, вы уверены, что все это происходило в Казани? — сдвинул брови полковник.

— Уверен.

— И можете показать место, где вас готовили в боевики?

Баскаков задумался.

— Право, не знаю... Хотя, пожалуй, если сесть за руль, то от вокзала, наверное, найду тот дом, в который нас посылали. А уже от того дома доехать до места, где мы жили, думаю, не составит труда. Оно находится в пятидесяти минутах езды...

— Этим мы займемся завтра. Продолжайте! Итак, вы оказались в Москве на Казанском вокзале...

— Совершенно верно, оказался. Единственное, что я знал наверняка: мне нужно опасаться стриженных парней в черных куртках. Три дня я прожил на этом вокзале, а потом увидел женщину. Когда я взглянул в ее глаза, то понял, что она — мое спасение. Не знаю, как я осмелился подойти к ней. Я спросил, что это за город? Она вместо ответа велела идти за ней. Я знал — мне надо простудиться, чтобы вспомнить. Как только представился случай, я тут же полез в ванную, распарился и вышел на балкон. Потом пошел на улицу в одной рубашке, побродил по пустынным местам и вдруг ясно вспомнил, как работал на ликероводочном заводе. А дальше вы знаете.

Эксперт что-то пометил в своей записной книжке. А полковник произнес:

— Ну, что ж, Антон Павлович, вы многое нам прояснили. Во-первых, стало ясно, откуда в феврале девяносто девятого года в Москве появились пропавшие люди со стертой памятью. Во-вторых, теперь мы знаем, что волю пострадавшего блокирует микрочип. В-третьих, нам стало понятно, что зомбирование людей в России поставлено на поток. Одних зомбируют для черной работы, других для убийств. Зомбированный киллер самый дешевый и самый эффективный. Если так пойдет дальше,

криминальных группировок скоро не станет. Их всех отстреляют новые киллеры. Полагаю, что их уже достаточно много. При помощи только одной Сверилиной было обработано около двухсот человек. Думаю, со временем мы всех их выявим и заблокируем. Но беда в том, что таких, как Сверилина, в России сотни. Они тоже зомбированы. Кстати, — поднял палец полковник, — теперь понятно, что смерть Сверилиной не связана с ограблением. Ей была дана установка покончить жизнь самоубийством за то, что она выболтала журналисту механизм зомбирования. Отсюда понятно, кто и почему заказал Леонида Берестова. Но вот что по-прежнему не ясно, — почесал затылок полковник, поднимая глаза на Баскакова, — кто и за что “заказал” вас, Антон Павлович?

30

Через несколько дней на таможне был задержан гражданин Великобритании Джон Смит. Он пытался провести в лекарственных препаратах около тысячи микрочипов. По данным Интерпола, медицинской фирмы, представителем которой являлся данный джентльмен, в Англии не существовало. Все его документы, вплоть до торговой визы, оказались липовыми. Электронная фирма с аналогичным названием также не признала его своим представителем. Российским властям ничего не оставалось, как заключить мистера Смита под стражу до выяснения обстоятельств. На второй день во всех СМИ появились сообщения, обвиняющие английского контрабандиста в шпионаже.

— Кто на самом деле стоит за Джоном Смитом, и для кого он вез микросхемы? — вопрошал с телеэкрана генерал ФСБ. — Думаю, что в недалеком будущем мы найдем ответ на этот вопрос.

Генерал службы внешней разведки был более категоричен. Он намекнул, что его ведомство давно знает ответы на все вопросы.

— Скоро о деятельности Джона Смита в России будет знать весь цивилизованный мир, — пообещал он. — И цивилизованный мир содрогнется от ужаса.

“Ну, если за это дело взялись Федеральная служба безопасности и российская разведка, значит, дело серьезное”, — лениво думала Маргарита, равнодушно щелкая каналы телевизора.

У нее опять была депрессия, но не осенняя, как всегда, а совсем иная. Предмет тоски относился не ко времени года, а к одному человеку, который не звонил, не появлялся и не давал о себе знать уже девятый день. На этот раз она знала точно, какой именно человек.

А, между тем, в криминальном мире происходили удивительные события: отдел по борьбе с организованной преступностью, кроме спиртзавода под Рязанью, накрыл еще два под-

польных предприятия по производству лекарств, а также целую сеть мастерских по пошиву верхней одежды.

— Оказывается, знаменитый бальзам "Битнера" поступал к нам не из-за рубежа, а изготовлялся в Подольске из турецкого спирта и химических красителей... — радостно сообщала тележурналистка, тыча в камеру коричневым флаконом.

— А вот эти джинсы фирмы "Левайс", — вторила другая, — были сшиты в одном из подвалов города Коломны.

— Недалеко от Казани, — деловито сообщали на третьей кнопке, — отдел по борьбе с организованной преступностью накрыл целую школу по подготовке криминальных кадров. Ни один из подготовленных боевиков не знал своего имени и не помнил прошлого.

Можно сказать, исключительно из телевизионных новостей Маргарита узнавала, исключительно из телевизионных новостей Маргарита узнавала, что к потерявшим память людям, благодаря хирургическому вмешательству, начало снова возвращаться прошлое. Их показывали плачущими и немощными, бросающимися в объятия к своим родным, женам и детям. И у всех на лбу зиял пластырь.

Маргарита лежала на диване, переворачивалась со спины на бок, смотрела в потолок, но видела только Антона. Если бы хоть раз в месяц его руки могли касаться ее плеч, о большем бы она не помышляла.

Со дня на день был готов разразиться международный скандал, связанный с именем Джона Смита. В чем суть скандала и в чем вина этого джентльмена с фальшивыми документами, СМИ не сообщали. Но Маргарита знала, по секрету из уст журналиста Берестова, что в Подмосковье найден бункер с пультом управления людьми. Пульт рассчитан на четыре миллиона номеров. Половина ячеек уже была загружена. Около двух миллионов русских стояли на подкючке. Кто-то из зомбированных уже активно действовал, а кто-то еще, ни о чем не подозревая, жил своей обычной жизнью и ведать не ведал, что его могут призвать в любую минуту на убийство или на пожизненный труд на каком-нибудь подпольном заводе.

Неожиданно Маргарита услышала с экрана имя Антона Баскакова. Она восторженно встрепенулась и впилась глазами в телевизор.

— Поймана группа бандитов, связанных с похищением людей, — сурово сообщал тележурналист. — Предполагается, что именно эта группа два года назад похитила известного музыканта Антона Баскакова.

Маргарита не выдержала, уткнулась носом в подушку и рыдалась.

В это же время в тысяче километрах от Москвы, в глухой сарматской деревне, этот же криминальный сюжет смотрела еще одна женщина. И он ей доставил бешеную радость.

— Так вам, паразитам, и надо! — радостно вопила она. — Завтра же первым поездом в Москву...

Это была потомственная колдунья Анжелика, бывшая владелица московского магического салона имени ее самой.

А в далекой суетливой столице от спячки спасают только телефонные звонки. От этого звонка у засыпающей Маргариты чуть не случился разрыв сердца. Она вскочила с дивана и бросилась в прихожую к аппарату. Но это был не тот, кого она ждала. Звонил следователь Дрянцев.

— Маргарита Николаевна, стою у дверей вашего подъезда и звоню с сотового, поскольку не знаю номера вашей квартиры. Напрашиваюсь в гости.

— Зачем? — удивилась Маргарита.

— Чтобы расставить все точки над "i".

Пришлось открыть ему дверь, хотя Маргарите было не до гостей. Дрянцев вошел в квартиру, галантно поцеловал хозяйку в руку и скинул плащ.

— Извините, что без звонка. Просто дело не требует отлагательства. Видите ли, Маргарита Николаевна, за всеми этими крупномасштабными разоблачениями, в которые вовлечены ФСБ и внешняя разведка, осталась в тени одна история. Я надеюсь раскрыть ее с вашей помощью, и даже, может быть, сегодня. Собирайтесь! Внизу нас ждет машина.

Маргарита, ни слова не говоря, накинула поверх халата пальто, но Дрянцев отрицательно покачал головой:

— Нет-нет, Маргарита Николаевна. Оденьтесь, пожалуйста, официально.

Хозяйку это удивило, но спорить она не стала.

За все время пути Маргарита не задала ни единого вопроса и, кажется, напрасно. Потому что, к ее изумлению, машина подкатила не к прокуратуре, а к музыкальному театру "Рубикон". Она удивленно посмотрела на следователя.

— Что это значит?

— Это значит, что мы будем слушать концерт. Не спешите выходить, Маргарита Николаевна! Вас никто не должен видеть. Мы зайдем после третьего звонка. У нас еще десять минут, — покосился на часы Дрянцев.

— В чем дело, Виктор Александрович?

— В том, что сегодня авторский концерт Олега Кирсанова. Он будет играть сонату, за которую получил премию в Нью-Йорке. А ведь любопытно, не правда ли?

К этому времени вход театра опустел. Из холла вышел какой-то мужчина и махнул рукой.

— Пора, — произнес следователь, и они с Маргаритой вышли из машины.

Одновременно из соседнего автомобиля вышел Баскаков в сопровождении высокого человека в штатском. При виде Антона сердце Маргариты замерло. Когда скрипач заметил свидетельницу, глаза его радостно вспыхнули. Он сразу бросился к ней, но человек в штатском вежливо указал на дверь.

Они вошли в театр. Сначала Маргарита со следователем, за ними Баскаков с человеком в штатском. Билетерша узнала бывшую первую скрипку и кинулась его обнимать.

— Тише! — цыкнул следователь, и все четверо направились на второй этаж. Горелову с Баскаковым втолкнули в какую-то темную ложу и оставили вдвоем. Не успела Маргарита сообразить что к чему, как он сразу заключил ее в объятия.

— Что вы делаете, Антон Павлович? Прекратите! — прошептала она сердито.

— Прости! — произнес он в ответ. — Я так соскучился. Каждый вечер порывался тебе позвонить, но охрана не разрешала. Мне говорили, что за мной охотятся. Возможно, прослушивают телефонные разговоры. Я не звонил, чтобы не навлечь на тебя беду...

В это время под аплодисменты зала вышла сияющая ведущая и принялась перечислять заслуги и достоинства нового композитора, покоровшего Америку. Под шум аплодисментов Баскаков дважды умудрился поцеловать Маргариту, которая с ужасом почувствовала, что от третьего поцелуя поплывет куда-то очень далеко.

— Антон, прекратите! Закричу!

— Кстати, — прошептал он ей на ухо. — Тех ребятшек, которые похитили меня, уже поймали. Меня хотели сегодня везти на опознание, а привезли сюда. Ты что-нибудь понимаешь?

Маргарита уже ничего не понимала.

А на сцену вышел Олег Кирсанов. Он с улыбкой поклонился зрителям и поднял скрипку.

И вдруг с первых звуков скрипки Антон вздрогнул и устоялся на сцену. Маргарита покосилась на Антона и изумилась тому, как он слушал. Мэтр реагировал на каждую ноту, вздрагивал, покачивался, закрывал глаза и на глазах покрывался испариной. Механически стирал со лба пот откуда-то взявшимся платком, который снова исчезал неведомо куда, напрягал мышцы на шее и играл скулами. Время от времени он брезгливо морщился и шептал:

— С дизезом надо играть, с дизезом...

Когда мелодия оборвалась, так же внезапно, как началась, более минуты держалась тишина. Переполненный зал пребывал в шоке. И вдруг, словно опомнившись, публика дружно взорвалась аплодисментами. Аплодировали стоя. Только Антон все сидел и смотрел в пустоту.

Наконец он вскочил с места и, вылетев из ложи, быстрым шагом направился за кулисы. Маргарита встревоженно засемена следом. Она заметила, что за ними проследовали еще двое: следователь Дрянцев и высокий незнакомец в штатском.

Пара зашла за кулисы и понеслась по длинному коридору в направлении гримерки Кирсанова. У дверей уже топталась

праздничная толпа с цветами, восторгами и поздравлениями, а неподалеку суетились телевизионные журналисты. Уборная была полна народу. В центре стоял блистательный Олег Кирсанов и снисходительно принимал поздравления.

Баскаков влетел в гримерку в ту минуту, когда директор театра произносил хвалебную речь, грубо растолкал стоящих у дверей администраторов и выскочил на середину. За ним по инерции вбежала Маргарита, а за Маргаритой — представители прокуратуры, которые, впрочем, молниеносно смешались с толпой.

— Ты запорол сонату, Кирсанов! — негодуяще прохрипел Баскаков.

В гримерной установилась гробовая тишина. Все замерли, только тележурналисты подмигнули своим операторам, и те тут же подняли камеры.

Кирсанов побледнел и попятился назад. Баскаков схватил скрипку и воскликнул:

— Третья часть вся играется с дизезом, вот как!

И он заиграл. Так мощно и ярко, с таким жаром и накалом, что у всех присутствующих вытянулись лица. Когда Антон внезапно оборвал сонату, еще несколько минут держалась тишина. Все были потрясены, даже журналисты. После этого по гримерке прокатился недоуменный гул, и раздались недружные аплодисменты. Кирсанов медленно опустился на банкетку и закрыл лицо руками.

— Прости, Антон! Это все она. Видит Бог, я не хотел.

В ту же минуту на первый план выдвинулся следователь Дрянцев. Он поднял над головой удостоверение и потребовал, чтобы лишний народ очистил гримерку. Спустя некоторое время в ней остались только представители прокуратуры, нью-йоркский лауреат и Антон с Маргаритой.

— Кто она? — строго спросил Дрянцев, подсаживаясь к Кирсанову.

Но лауреат не услышал вопрос следователя. Он смотрел на Антона, и из глаз его текли слезы.

— Я жалкий, ничтожный и бездарный. Но она любила меня. А тебя она не любила. Я ей говорил: “Зачем убивать? Скажи ему, что не любишь! Он поймет”. Она отвечала: “Я хочу, чтобы мой муж был мировой знаменитостью. И ты будешь ей! У Антона одних скрипичных сонат — на три жизни. И они все гениальны...”

Баскаков зажмурил глаза и страдальчески затряс головой, а Дрянцев деловито скомандовал в радиотелефон:

— Срочно задержать Викторю Баскакову.

— Только что отъехала от театра, — ответили из телефона. — Начинаем преследование.

Антон пришел в себя, презрительно посмотрел на Кирсанова и треснувшим голосом спросил:

- Значит, меня “заказала” собственная жена?
— Да, Вика! — ответил Кирсанов.
— Я так и думал, — усмехнулся Баскаков и вышел из гри-
мерной.

31

Баскакова была задержана в тот же час. При задержании она оказала сопротивление, произведя два выстрела из газового пистолета. У опергруппы, доставившей ее в прокуратуру, были синие губы и красные глаза. У задержанной, напротив, глаза струились лучезарным светом и выражали оскорбленное достоинство. “Сама невинность”, — усмехнулся про себя Дрянцев и приказал привести нью-йоркского лауреата.

Когда Кирсанов вошел в кабинет, на нем не было лица. Баскакова, стрельнув в него глазами, нахмурилась.

— Что раскис, как барышня? — презрительно бросила она и отвернулась.

Лауреат еще ниже опустил голову и без сил плюхнулся на стул рядом со своей любовницей. Виктория Эдуардовна поморщилась и без разрешения потянулась к сигаретам.

— Какие будут вопросы, гражданин начальник? — спросила она, закурив. — Хотите знать, кто нанял чувачков прикончить моего мужа? Я наняла! Отметьте это в протоколе как чистосердечное признание! Но те из жадности продали его мистеру Ричарду, который в то время скупал всех “заказников”.

— В то время? — поднял брови следователь. — А сейчас?

— Сейчас нет! — хмыкнула Баскакова, покосившись на любовника. — А зачем? Сейчас дешевле зомбировать студентов под видом независимой медкомиссии.

— Почему студентов, а не бомжей?

— Бомжей! — презрительно поморщилась Баскакова. — Какие из бомжей работники? Они ленивые и больные. К тому же вшивые! Тьфу, мерзость!

— Даже так, — сдвинул брови Виктор Александрович. — Значит, вы про это знали и молчали?

— Про это многие знали! — пожалла плечами Баскакова, нагло обкуривая следователя. — В том числе и правоохранительные органы. А некоторые органы даже способствовали.

— Скажите, Виктория Эдуардовна, вы действительно думали, что в институте судебной медицины вам предьявили останки вашего мужа?

— Да! — тряхнула сережками Баскакова. — Я искренне поверила, что это кости Антона. Непростительная наивность! До этого меня пугали слухами, что мой муж жив. Тогда у меня закралось подозрение, что ребята его не убили, а продали Ричарду. Я потребовала показать труп. Они сказали, что это невозможно: Баскаков убит двумя пистолетными выстрелами и сброшен в реку в то место, где производятся очистительные работы. Через

полгода землесос действительно наткнулся на труп. Поэтому у меня не было оснований не верить этим козлам.

— А вам не показалось странным, что труп был сброшен в районе очистных работ, а не с моста?

Баскакова немного подумала и отрицательно покачала головой:

— Мне было не до этих тонкостей.

— И последний вопрос, Виктория Эдуардовна, зачем вы поручили продать дачу Кирсанову?

— И это вы знаете? — улыбнулась задержанная, покосившись на любовника. — Кто капнул, если не секрет?

— Никто! Его серый “ауди” видел муж покупательницы.

Баскакова пожала плечами.

— Поручила, потому что у меня не было времени заниматься самой. И вообще, деятельностью подобного рода должны заниматься мужчины, а не хрупкие женщины.

Задержанная целомудренно потупила взор и поджала под себя ноги, показав, что с хрупкостью у нее все нормально.

— Но почему вы от нас скрыли, что продавец дачи вы? — спросил следователь.

— Я не всегда посвящаю органы в свои личные дела, — обязательно улыбнулась женщина.

— Нет, Виктория Эдуардовна, — покачал головой следователь. — Открыто выставить на аукцион дачу известного скрипача вы не могли — наделало бы много шума. Поползли бы слухи, что на самом деле муж вам был не дорог. А это лишние подозрения...

Когда Баскакову выводили из кабинета, у двери она неожиданно столкнулась с мужем. Виктория, несколько не смутившись, счастливо улыбнулась и лукаво подмигнула:

— Учти, милый, квартира остается за мной!

Антон ничего не ответил. Он молча отступил, дав пройти своей супруге, затем долго смотрел ей вслед.

— Проходите, Антон Павлович, — подал голос следователь, видя, что тот застыл на пороге. — Сейчас вам предстоит опознать четверку похитивших вас...

Через полчаса все четверо были опознаны. Бандиты тоже опознали жертву и даже похвалились, что похищенного продали дважды этому английскому идиоту Ричарду.

— Это как? — удивился следователь.

“Орлы” переглянулись и едва заметно кивнули.

— Ну что ж, — сложил на груди руки главарь. — Можем и рассказать. Теперь это не тайна.

Он подсел к столу и закурил. Остальных увели.

— Дело обычное. Из гуманности мы решили не убивать скрипача, а продать мистеру Ричарду. Он как раз набирал людей на спиртзавод под Рязанью.

— Ричард был хозяином спиртзавода?

— Нет, — расплылся в улыбке обвиняемый. — Он только продавал фабрикантам зомбированную рабсилу. Покупал по одной цене, затем зомбировав и продавал вчетверо дороже. А что? Верный бизнес! Людей у нас как грязи. И никто не хочет работать.

— Чей же труп вы подкинули под землесос?

Бандит загоготал так радостно, что к нему бросились охранники. Но следователь их остановил.

— Это Кисель из Можайской группировки. Он был такого же роста, что и скрипач. Не подумайте, что это мы его пришили. Его убили при разборке с солнцевскими, закопали в лесопосадке у Рязанского проспекта. Когда Виктория Эдуардовна предъявила нам претензии, что якобы ее муж жив, мы решили показать ей труп Киселя. Мысль была гениальной! На всякий случай порыскали по вокзалам, и нам повезло — наткнулись на скрипача. Но опять-таки решили не убивать — прошу это занести в протокол, а снова продать мистеру Ричарду. В то время он как раз искал крепкого мужчину для боевой школы в Казани. Мы выкопали труп Киселя, одели его в одежду скрипача, загнали в лоб еще одну пулю и оторвали челюсть. А ночью бросили в реку, неподалеку от землесоса.

— С катера?

— Естественно! Не с вертолета же.

— И снова удачно продали скрипача?

— Удачно! Ричард даже не чухнул! А зачем убивать? Мы очень хорошо относимся к людям искусства.

— А челюсть зачем оторвали?

— Затем, что перед этим полистали амбулаторную карту музыканта. У него на нижней челюсти две пломбы, а у Киселя ни одной. Ну, сами понимаете, в этом деле не должно быть разночтений.

— М-да, — только и сумел выдохнуть следователь, подивившись такому скрупулезному подходу к делу.

Было уже пять часов утра, когда Маргарита с Антоном, покачиваясь от усталости, выползли на крыльцо прокуратуры.

— Куда вас везти? — спросил водитель с погонами сержанта.

— Меня на Спортивную, — ответила Маргарита.

— А меня... — задумался Баскаков. — Куда же меня? Вот дьявольщина! Машину мою взорвали. Квартиру, можно сказать, отняли. Да и не хочу я в квартиру жены. Ничего у меня не осталось, кроме тебя, — грустно улыбнулся Баскаков.

Маргарита лукаво улыбнулась.

— Не прибедняйтесь, маэстро! А ваша дача в Солнечногорске?

— Почему ваша? — оживился Антон, сжав ее пальчики. —

Наша дача!

Маргарита посмотрела ему в глаза и вдруг звонко рассмеялась.

— Сержант, нам обоим на Спортивную... ■

Воспитанная в семье, где царили любовь и уважение к культуре, Анастасия Захарова с детства была окружена искусством. Ее родители, известные артисты, привили ей любовь к театру и музыке. В детстве она занималась танцами и пением. После окончания школы Анастасия поступила в театральную школу. Ее путь к сцене был долгим и трудным, но она не сдавалась. Впервые она вышла на сцену в возрасте 18 лет. С тех пор Анастасия стала известной артисткой. Она сыграла множество ролей в различных театрах. Ее таланты и трудолюбие получили признание публики и критиков. Анастасия продолжает развиваться как артистка и планирует новые проекты.

Д укавство лунного луча

Сомнамбулы ("ходящие во сне"), они же лунатины, появились задолго до того, как люди изобрели письменность и смогли хоть на чем-нибудь зафиксировать это любопытное явление. Самое первое свидетельство относится ко временам древнейшего царства — Шумерского, где, если верить истории, некая принцесса так и не смогла выйти замуж, потому что обладала

странной привычкой: выходить лунными ночами на плоскую крышу королевского дворца и стоять там в опасной близости от края. Затем она царственной поступью удалялась в опочивальню и наутро ровно ничего не помнила.

Подобные истории нет-нет, да и появлялись на древнеегипетских папирусах, в римских анналах, в произведениях греческих поэтов и философов. Как прави-

ло, во сне там блуждали женщины, ибо мужчины, по-видимому, и тогда спали крепче. Одна римская дева, например, забрела, не зная того и не ведая, в спальню юноши, за которого мечтала выйти замуж. Конечно, наяву она нипочем не совершила бы такой смелый для девушки поступок, но под влиянием луны... Свадьба была пышной и веселой, а вот о том, продолжала ли

новобрачная свои ночные путешествия и впредь, история умалчивает.

В средневековой Европе мода на лунатизм не привилась: вполне могли объявить ведьмой и сжечь на костре или милосердно утопить. Бывали и такие случаи, потому что знаменитое руководство для инквизиции — "Молот ведьм" — рассматривало сомнамбулизм, как одержимость

человека нечистым духом, и рекомендовало поступать с ним соответственно. Так что родственники несчастных лунатиков старались держать их под неусыпным надзором и не выпускать на улицу, даже если ночь была совершенно безлунной.

Но к XVII веку нравы значительно смягчились. А заодно лунатизм перестал быть почти исключительно женской привилегией и стал, как бы это сказать, двуполом. Мужчины принялись шастать по крышам и чужим помещениям с не меньшим проворством, чем представительницы прекрасного пола.

Нурезный случай произошел в начале XIX века в России, в сюжете совершенно отсутствовали любовь и романтика, а присутствовали исключительно деньги. Некий пожилой мужчина упал на охоте с лошади и сильно ушиб голову. Все вроде бы обошлось, но слуги стали замечать за баринем некоторые странности. В лунные ночи он почти обязательно ходил через весь парк к старой беседке и чем-то там занимался. Проследить за баринем крепостные, разумеется, боялись. А потом лунатик последовательно выгнал из родного дома двух сыновей и дочь, обвинив их в... воровстве. Барышню крестьяне любили, о странностях папеньки сообщили местным властям, и те не без помощи донтора обнаружили, что помещик устроил под полом беседки довольно хитро замаскированный тайник и периодически прятал туда деньги. А поскольку совершал эти действия в сомнамбулическом состоянии, то и решил, что звонкую монету прикарманивали

любимые дети. История тоже кончилась хорошо.

Есть и такое явление, как детский лунатизм. Встает младенец с постели и шагает куда-то по одному ему ведомым делам. Но, в отличие от взрослых, не всегда возвращается в собственную кроватку, а может остаться там, где данный приступ лунатизма закончился. Один мальчик, например, регулярно добредал до прихожей, забирался там в огромный прабабушкин сундук и сладко в нем досыпал. Первый раз, конечно, в доме возник дикий переполох с привлечением милиции, а сам мальчик не без труда выбрался из своего места добровольного заключения. Но потом все привыкли, доставали чадо из сундука, не дожидаясь, пока оно проснется, и водворяли на нормальную постель. С годами, впрочем, все прошло. А может, и не с годами, а с переездом на новую квартиру, куда огромный сундук никаким боком не вписывался.

Вообще-то современные лунатики совершают, как правило, самые безобидные поступки: например, среди ночи затевают уборку в квартире. Или выходят на балкон — реже на крышу дома — и думают там о чем-то своем, неведомом. Иногда они на такие выходы одеваются, как положено, а иногда выходят в том, в чем спали. Близким людям такие странности, естественно, удовольствия не доставляют, случайного свидетеля могут просто напросто травмировать морально, но и только. Впрочем, бывает и по-другому.

Как-то прекрасной лунной ночью милиционер небольшого

провинциального городка обратил внимание на странного вида гражданку, которая степенно шествовала по улице в длинной и благопристойно закрытой ночной рубашке, а за собой... вела на веревке козу. Милиционер встревожился, приблизился к гражданке и задал ей обязательный в таких случаях вопрос о "документиках". Обязательный-то обязательный, но в данном конкретном случае совершенно идиотский, хотя бы потому, что требуемые документы просто некуда было положить — невооруженным же глазом было видно. Тем не менее вопрос возымел свое действие: гражданка остановилась, как вкопанная, вздрогнула, открыла глаза, узрела блюстителя порядка, осознала, в каком виде и где она находится, и понеслась прочь. Коза покорно поволочлась за ней.

Милиционер не был бы милиционером, если бы не раскрыл таинственную историю. Выяснилось, что проживавшая в собственном небольшом домике, каковых немало сохранилось в провинциальных городках и по нынешний день, гражданка несколько дней обсуждала с мужем проблему: продавать козу или не продавать. Жена настаивала на том, чтобы продать — надоело мучиться, а муж отстаивал противоположную точку зрения (не он же козу пас и доил!). К консенсусу высокие договаривающиеся стороны так и не пришли, но женщина, перевозбудившись сверх меры, отправилась на базар прямо во сне. Причем и в фигуральном, и в буквальном смысле этого слова. Козу продали, женщину вылечили — ее слу-

чай оказался одноразовым и опасным.

Другой случай отнюдь не такой веселый. Просыпается как-то утром муж, а рядом с ним в постели — зарезанная жена. Муж — патентованный лунатик, но до сего времени только простаивал часами на балконе во время очередного приступа, и все. А тут — убийство. И отпечатки пальцев на ноже — его. Муж очень огорчился и в камере повесился еще до окончания следствия. Как выяснилось, совершенно напрасно. Жена его убила и очень грамотно организовала картину этого убийства недавно брошенная им любовница. О странностях экс-любимого она знала, остальное же было делом техники, хотя и очень кропотливым. Правда, двух трупов ей вовсе не хотелось, любовника ей мечталось видеть в психушке или в исправительной колонии, куда ей самой и пришлось отправляться. В колонию, естественно.

Самое интересное, что современные медики так и не пришли к однозначному выводу: действительно ли луна способна оказывать такое жуткое влияние на поведение человека. Некоторые склонны считать, что лунатизм — это последствие перенесенных травм, сильнейших стрессов, побочные проявления некоторых заболеваний, например, эпилепсии. Но проявляются-то эти последствия практически всегда в лунные ночи — вот в чем штука. И потом абсолютно точно доказано, что луна влияет на океанские приливы и отливы, а также (что не менее важно) на поведение женщин, вовсе к лунатизму не

склонных, так что поводов для раздумий становится еще больше.

Но и это не самое интересное. Самое интересное то, что гораздо большее число людей совершает сомнамбулические поступки при белом дне, при солнечном свете. Назовите их "солнатицами" или как-нибудь еще покрасивее, суть проблемы от этого не изменится. Человек механически едет в городском транспорте, механически совершает на работе какие-то манипуляции, механически бредет куда-то, совершенно не отдавая себе в этом отчета. Можно впасть в такое сомнамбулическое состояние за рулем автомобиля — последствия этого предсказать очень трудно. "Заснул за рулем" — это, конечно, бывает, но ведь многие "засыпают" не только после многочасового вождения и не только в ночное время. А переход человека через оживленную магистраль, который он совершает с таким видом, будто прогуливается по пустынному пляжу? Самоубийца? Да бросьте, обыкновенная сомнамбула, только дневная.

Луна-то луной, но ведь действительно невероятно возросло число совершенно бессознательных и ничем не оправданных людских поступков. В дневное ли время, в ночное ли. Можно, конечно, все списать на любимый

народом напиток — водку, наша страна никогда, к сожалению, не была оплотом трезвости. Возможно, причину следует поискать и в том, что в человеческой психике, вынужденной приспособляться к труднейшим условиям жизни нашего общества, происходят необратимые перемены.

Так что не надо бояться людей, которые ночью встают и идут чистить зубы, продолжая при этом сладко спать. О них, кстати, сложила удивительные по красоте стихи Марина Цветаева:

Отлетавшие — останутся.

Дальше — высь.

*В час последнего
беспамятства*

Не очнись.

У лунатиков и гениев

Нет друзей.

В час последнего призрения

Не прозрей.

Я — глаза твои. Совиное

Око крыш.

Будут звать тебя по имени —

Не расслышь.

Я — душа твоя: Урания —

В боги — дверь.

В час последнего слияния

Не проверь!

Урания это все та же Луна, только по латыни. И не исключено, что настоящие гении вырастают именно под ласковыми лунными лучами.

Хотя они такие холодные, эти голубые лучи...

Как удержаться на плаву?

Андрей ИЛЬИН

Это действительно серьезный вопрос: как удержаться на плаву, оставшись без работы, без поддержки? Многие в этой ситуации бросаются в волны предпринимательства. Что тут можно посоветовать?

Самый простой способ предпринимательства — личная реализация товара. Пусть даже не своего — чужого.

Наиболее предпочтителен товар, за который вы оставляете задаток. Только никогда не берите сразу много товара, который может у вас и остаться. Лучше "одну штуку, одного наименования". Пусть даже за ним придется приезжать несколько раз в день. И только убедившись, что вас не обмань-

вают и исправно возвращают залог, можно рискнуть взять небольшую партию. "Дармовой" товар, который вы получили, подписав какой-то договор, может выйти вам боком.

Где продавать товар? Там, где есть ваши потенциальные покупатели и где нет товара, который вы предлагаете. Возле кондитерских фабрик не следует продавать конфеты, а у металлообрабатывающих заводов сверла. А вот наоборот — почему бы и нет. Лучше заранее осмотреться и найти свою "географическую нишу".

Вставая в ряд торговцев, сначала узнайте о царящих там законах. Кто более авторитетен? С кем можно ругаться за лишние двадцать квадратных сантиметров площади, а чьей силе лучше уступить? Какие знаки используются в качестве сигналов тревоги? Куда продавцы прячутся в случае непогоды? Где поблизости есть вода и, извините, туалет?

Нельзя оставлять товар случайным соседям, отлучаясь даже на секунду. Нельзя пытаться выделяться действиями среди ваших коллег по бизнесу. Другое дело — внешним видом или манерами. Тут лучше заранее продумать, как выглядеть и как разговаривать с заинтересовавшимся товаром человеком. И, может быть, слегка добавить яркости в одежду или, наоборот, притушить ее, если вокруг все разряжены как попугаи. Не забудьте о различных раскладных стульчиках и скамейках, раздвижных вешалках, разборных прилавках — то есть обо всем, что облегчает участь человека, который вынужден часами стоять на улице, держа продаваемые вещи в руках.

Все равно трудно? Ноги отенают и спина болит? Тогда не остает-

ся ничего другого, как проситься в ниоск. То есть стать наемным работником.

Здесь главная опасность — взаимоотношения с хозяином. Хуже всего, когда они "завязаны" на материальную ответственность, как в ниосках и небольших магазинах, где продавцу приходится принимать весь товар и отвечать за него. Неопытного человека могут подставить под недостачу и заставить отработать долг. Или предложат дополнительные, в виде пикантных отношений, обязанности, а при отказе отомстят штрафом за потерю или порчу товара.

Одна моя знакомая, согласившись продавать цветы, попала в кабалу уже в первый день работы. Она приняла цветы, которые завезено не могли дожить до вечера. Цветы завяли. Их списали на нерадивую продавщицу. И предложили немедленно покрыть недостачу. Денег у нее, естественно, не нашлось и ей "включили счетчик" на долговую сумму. Несколько месяцев женщина работала только на то, чтобы рассчитаться с хозяевами. А чтобы она с отчаяния не покончила с собой, ей выплачивали какие-то гроши на пропитание.

Лучше идите в наем к своим хорошим знакомым. Но работая даже у очень хороших знакомых, все равно не расслабляйтесь и, принимая или сдавая товар, тщательно его пересчитывайте. И как бы вас ни торопили, как бы ни уговаривали, не ставьте свою подпись, пока не убедитесь, что не ошиблись. Лучше пересчитать товар, потеряв час свободного времени, чем просчитавшись, несколько месяцев жизни!

И не следует защищать хозяйский товар ценой своей жизни. И

даже здоровья. Если вам в лицо наставили пистолет, не изображайте героя, вы же не любимую девушку, не ребенка защищаете.

Сетевой маркетинг — это сети, в которые ловят свободно жирующего покупателя. И вы — малое звено, раскинутой на полстраны ловчей сети. Вам предлагают участвовать в распространении товара и просят найти парутройку знакомых, которые согласились бы делать то же самое под вашим присмотром. То есть вы якобы делаете карьеру от рядового распространителя до "среднего управленческого звена". А на самом деле — выступаете вербовщиком бесплатной рабочей силы. Множите звенья сети. Возможно, за вербовку новых рекрутов вам даже будут приплачивать, но скорее всего не наличными, а процентом с вырученных ими после реализации товара сумм. Или, что гораздо хуже, "баллами" и многообещающими речами о вашем скором финансовом благоденствии.

В сетевом маркетинге надо начинать не с подсчета обещанных барышей, а с договора с фирмой-нанимателем, в котором будут очень подробно расписаны ваши и ее обязанности, порядок выплат, компенсации, которые работодатель предложит вам в случае задержки причитающегося вознаграждения.

Заклучайте договор! Не верьте никаким обещаниям и заверениям! Даже если вас посылает торговать секта Бессребренинов, Спасителей человечества. Берите бумагу и формулируйте на ней все ваши сомнения и возможные будущие претензии к работодателю. Исходите из худшего — из того, что вам не

захотят заплатить, или фирма прогорит, или ее главу убьет наемный киллер. Настаивайте на документальной фиксации количества реализованного вами товара или приведенных новых клиентов. Не верьте уверениям в том, что вы имеете дело с людьми исключительно порядочными, а информация заносится в бухгалтерский компьютер, который никого не обделит. А вдруг компьютер сломит? Используйте в общении с нанимателем общепринятые бюрократические приемы, чтобы все было как на складе, где никто, никому, никогда, ничего не дает под честное слово, а только по документам и под личную подпись.

Требуйте и подшивайте в отдельную папочку документальные подтверждения произведенной вами работы и полученной прибыли, с которой вы должны получать проценты. Требуйте квитанции, накладные, приходные ордера, в крайнем случае, расписки. Только эти документы могут быть приняты во внимание судом и правоохранительными органами, а не ваши жалобные рассказы о том, как вы трудились полгода в ожидании зарплаты, а хозяева фирмы сказали, что видят вас первый раз в жизни и прогнали прочь... А еще лучше требуйте единовременную оплату за каждый килограмм или метр проданного сегодня товара или за сагитированного вами клиента.

Следующий шаг на поприще сетевого маркетинга — осмотр товара или внимание в суть услуг, которые вам предстоит предлагать покупателям. Нание еще фирмы реализуют такой товар в вашем городе? Позвоните туда. Если чужая цена ниже вашей, то конкуренция будет очень велика и вряд ли вам

светит заработок. А если ваша фирма монополист, то у вас появляется шанс улучшить свое материальное положение. Помните: коммивояжера, которым вы, строго говоря, являетесь, ноги кормят. За день вы должны обойти десятки организаций и открыть сотню дверей. И везде предложить свой товар или услугу. Потому что вы кормитесь процентами с прибыли.

А для того, чтобы быть убедительным, надо как минимум выглядеть убедительно. Хорошая одежда — первый признак мелкого коммивояжера. Вы же не наной-нибудь Принц, который может позволить себе некоторую небрежность. Вас, в отличие от него, будут встречать по одежке.

Хорошо бы так же уметь доверительно говорить. Обаятельно улыбаться. Загораживающе смотреть в глаза. И, наконец, самое главное для процветания на ниве сетевого маркетинга — цепкость и беззастенчивость. Сомнение в правоте своего дела обрекает вас на стопроцентную неудачу.

Советую не задействовать в маркетинговые сети родственников и друзей. И даже приятелей. И даже соседей. Большинство маркетинговых афер рассчитаны на использование именно ближнего круга ваших знакомых. Тех, которые вам потенциально верят. Самыми сладкими голосами неглупые менеджеры будут убеждать вас в необходимости "впарить" товар или услугу приятелю. Или предложить приятелю работать под вашим началом и заработать уйму денег для себя и чуть-чуть для фирмы. Не верьте.

Не рискуйте отношениями с близкими! Они — ваш самый главный капитал. Мы живем не среди

денег — среди людей. К моему великому сожалению, но мне не однажды приходили мои бывшие товарищи, озабоченные тем, чтобы сдать мне наной-нибудь залежалый товар и выслужиться перед своим начальством. Товар они не сдавали, а отношения — в полной мере.

Подумайте сами, как к вам будет относиться ваш лучший друг, которого вы, получив первоначальные дивиденды, вовлечете в наной-нибудь новый МММ, где он потеряет все свои сбережения. Подумайте, стоит ли прибыль в несколько сотен долларов вечных человеческих ценностей и той гораздо большей прибыли, которую вы можете получить у ваших близких в виде бесплатных советов, безвозмездной помощи или даже занятых до получки денег.

Представим, что вам повезло и вы сказочно обогатились. У вас появились свободные средства, которые хочется куда-то, не без пользы для себя, применить. Может, открыть свое предприятие? Может, хватит горбатиться на нарман хозяйина?

А почему бы и нет...

Вы должны владеть информацией о сфере, куда собираетесь вложить капитал. Посоветуйтесь со знакомыми бизнесменами, узнав в первую очередь не парадную, но теневую сторону их жизни — что, кому, сколько, на каких условиях... Несколько месяцев обязательно надо покрутиться в бизнесе в качестве наемного работника. Желательно без материальной ответственности. Поговорите с экономистами-практиками, чтобы узнать о конъюнктуре сегодняшнего рынка, со знакомыми налоговыми инспекторами, с адвокатами. И

только после этого принимайте решение о сфере и виде деятельности.

Первым делом начинайте поиск бухгалтера. И денег на него лучше не жалеть. Слабый бухгалтер разорит вашу фирму вернее, чем сводный полк рэкетиров. Потому что в любую финансовую ошибку вцепится налоговая инспекция. И пойдут штрафы, пени за просроченные отчисления...

Приняв на работу бухгалтера, не спешите разворачивать дело. Лучше, используя его знания, просчитайте рентабельность предполагаемого бизнеса. Начинающие бизнесмены любят обманывать себя, принимая желаемое за действительность. Начинают набирать кредиты, закладывая под товар машины и квартиры, убеждая всех, но в первую очередь себя, что не пройдет и месяца, как покроют все расходы. А потом начинают трезветь.

Забудьте про будущее, заворачивающие многочисленными нулями доходы. Лучше просчитайте расходы. Лицензии, разрешения, согласования с пожарными, санэпидемстанцией и тому подобными малосговорчивыми организациями. Плюс к тому текущие расходы: аренда, транспорт, погрузна-разгрузна, уборка, ревизии и проверки надзорных органов и прочие государственные и теневые поборы.

Без больших стартовых средств вам не обойтись. Занимайте деньги у родственников, берите ссуды, закладывайте лично вам принадлежащее имущество... Собственность членов вашей семьи должна быть неприкосновенна! Отправляясь в опасное плавание по волнам предпринимательства, не тащите на борт своего пона еще утлого су-

деньшна капитал семьи. Не стоит вовлекать в свой бизнес "вторую половину", т.е. муну — жену, а же не — муна.

Раздобыв стартовый капитал, можно отправляться на закуп товара. Любого. В зависимости от своей законопослушности, воспитания и жадности. При этом следует помнить главную заповедь бизнесмена, утверждающую, что дешевый сыр бывает только в мышеловке. Не зарьтесь на очень дешевый товар. Ценообразование имеет свои законы и меньше того, что товар стоит, он стоить не может! Если он не краденый или не "левый". А зачем вам краденый товар или "левый"? Я не уверен, что вы будете рады выручке, полученной с продажи самопальной водки, узнав, что до смерти отравили пятьдесят сограждан.

Никогда не верьте партнерам на слово. Да и бумагам — не очень. Перепроверяйте каждый пункт договора, осматривайте и обнюхивайте каждую представленную в качестве доказательства бумажку, страхуйтесь как только возможно. Потому что в бизнесе прибыль важнее морали. С другой стороны, не обижайтесь и не пытайтесь учинять разборки, если вас "нагрели". Потому что вчера кого-то другого "нагрели" вы. Только вчера это называлось "успешно проведенной сделкой", а сегодня почему-то честничеством. Давайте будем честными до конца. Если вы имеете право использовать закон прибыли против другого, то этот другой может использовать его против вас. По-настоящему адекватные бизнесмены после того, как их "кинут", только усмеваются и говорят: "красиво меня сделали". Кричат, возмущаются и лезут в драку, чреватую

дополнительными убытками, лишь новички.

Не гонитесь за мгновенным доходом. Гарантом благополучия является не мгновенный выигрыш, а постоянный доход. Успешно развив один вид бизнеса, немедленно беритесь за другой. Пусть даже он будет убыточен. Нельзя все яйца складывать в одну корзинку. А ну как она упадет? Многие западные монополии держатся на плаву потому, что занимаются многопрофильной деятельностью. И когда в одном виде деятельности терпят крах, выживают за счет продолжающегося приносить доход другого.

Я знал нескольких предпринимателей, которые, разрабатывая приносящие баснословный доход "золотые" жилы, параллельно продолжали тащить несколько убыточных предприятий.

— Зачем вам терпеть убытки? — спрашивал я. — Не целесообразней ли все усилия сконцентрировать в направлении, приносящем наибольший доход?

— Сегодня доход, завтра расход. А есть хочется каждый день, — отвечали мне.

Собираясь заниматься бизнесом, будьте готовы работать каждый день до конца жизни. Бизнес — не профессия, а образ жизни. И войдя в него, выйти обратно будет почти невозможно. То что вы разбогатели, совершенно не значит, что можно спокойно почивать на лаврах. Защита и поддержание капитала требуют не меньше усилий, чем его накопление. Так что если вы занялись предпринимательством для того, чтобы облегчить себе жизнь, вы очень ошиблись. Поной, особенно душевный, вам будет только снится.

Бизнес — очень вредное производство. Нервы, стрессы, ненормированный рабочий день, изматывающие организм бани, фурышеты и прочие излишества, без которых ни одна сделка не состоится, болезни, приобретаемые за деньги, отсутствие друзей и поноя, разлады в семье, наезды коллег и, наконец, фигуры наемных убийц, ожидающие в полумраке подъезда... Все это мало способствует продолжительности жизни, но очень — ранним инфарктам, инсультам, язвам и огнестрельным ранениям в область левого уха.

Я знавал семьи, которые жаловались на бедность, тратя в месяц три тысячи долларов. И видел людей, которые считали себя заниточными, отложив на черный день "зелено-звездный" четвертной.

Что же тогда — тяжелое экономическое положение? Скажем так: это когда ни работа не нашлась, ни бизнес не пошел. Когда нет устойчивого прихода денег, но есть постоянный расход. Потому что в желудке урчит. И одеваться надо. И в транспорте ездить. Что же делать? Научитесь считать деньги. Даже те немногие, что остались после потери работы.

Попросите кого-нибудь из незадачливых знакомых вспомнить свои траты. Пусть скажет, куда ушла эта, которой не хватило до конца месяца, "полусотня".

— Ну не помню! Ну хоть убей! Слово между пальцев...

Попросите представить финансовый отчет за прошедший месяц. И ваш бедняк недоуменно округлит глаза. Тогда откуда он взял, что он бедняк? Где грамотно составленный дебет, кредит и дефицит? Где доказательства его нищенства? А

может, он просто мот, который не умеет распорядиться даже крупными суммами. То, что у него дома нет ни куска хлеба, еще ничего не значит.

Для эксперимента попросите тот же самый расчет произвести богатого человека, и он представит вам полный финансовый отчет. Почему такая разница? Да потому, что нищий привык быть нищим и оттого мыслит, как нищий. А богатый хочет сохранить свое богатство и стать еще богаче и потому рассуждает как богатый, который знает, что без хорошо налаженной бухгалтерии не только наращивать, но даже поддерживать богатство невозможно. Бедняк думает: считать деньги надо только тогда, когда их много. А когда мало — один черт, считай — не считай... Хотя все как раз наоборот: чем меньше средств, тем большего контроля они требуют...

Не только выживание, но даже процветание начинается с арифметики. Не самый бедный "высший свет" в России, разных там графов и графинь учили искусству ведения хозяйства с детства. Они всю жизнь заполняли амбарные книги, куда вписывали, что "дворовому Ваньке выдана полушка за чистку дымохода в летней кухне...", "куплено моченых яблок поллуда по цене...", "удержано с горничной за разбитую чашку..." Не верите? Загляните в архивы.

Много лет назад я имел возможность вблизи наблюдать "акул капитализма" отечественной выпечки. У моих знакомых было все, как в западном кино — полный бар самых разных алкогольных и безалкогольных напитков, почти парижский гардероб, машина... У них бы-

ло все. И очень скромная зарплата. Без побочных нетрудовых доходов.

Кроме всего прочего у них был один почти волшебный предмет — калькулятор, на котором они все и всегда считали. И записывали в семейные гроссбухи. И сводили дебет с кредитом.

Это рациональное ведение хозяйства доходило, как мне тогда казалось, до абсурда. Например, однажды они подсчитали, что надо прорубить в туалет из кухни окно, чтобы не зажигать там элентролампочку. Чтобы сэкономить на этом несколько киловатт-часов. Теперь, я думаю, что они были правы. Победивший всех нас капитализм их не застал врасплох. Они подготовились к нему заранее. Потому что научились жить по его законам. Научились считать денюжки.

Тому же придется научиться и нам с вами. Начать можно с... экономленного киловатт-часа. Для чего заменить стоваттные лампы на те, что послабее. Научиться выключать свет в комнатах, выходя даже на минутку, выбирать элентроприборы не по внешнему облику, а по потребляемой элентроэнергии. Утеплить окна и входную дверь, чтобы не включать лишний раз обогреватель...

А потом этот, вошедший в привычку принцип "экономии на мелочах" превратить в образ жизни. И вы вдруг сможете убедиться, что той суммы, которой недавно не хватало, чтобы свести концы с концами, вполне довольно для более или менее сносного существования. И даже кое-что остается на "черный день".

Давайте учиться жить экономно. ■

ВЕЗЕТ ЛОШАДЯМ ЖЕ... ДЯДЯМ

Николай ЗУЕВ

Фото автора

Есть люди, которые в нынешнем Году Лошади должны быть более удачливы, чем все остальные. Это те, кто по смыслу, по содержанию своей работы, своей профессии все время находится по соседству с этими красивыми животными. Среди редких профессий — профессия новалей. Людей, владеющих этой профессией — единицы и они, естественно, на вес золота.

Специалисты конного спорта готовы платить бешеные деньги, лишь бы их четвероногие воспитанники чувствовали себя во время соревнований комфортно и уверенно. Победа в конных состязаниях во многом зависит не только от мастерства наездника, а и от того, насколько профессионально подкована лошадь. Одним из лучших новалей в Москве слывет Алексей Николаевич Анимов.

Его место работы — в одной из конюшен на Московском ипподроме. Найти мастера несложно, любой работник подскажет, где искать дядю Лешу. Входишь в конюшню и забываешь обо всем на свете. Запах сена, тихое ржание лошадей, симпатичные морды жи-

вотных смотрят на тебя со всех сторон. Нет, пожалуй, другого места в Москве, в которой из-за засилья "стальных коней" порой и дышать-то нечем, кроме паров бензина и двуокиси углерода, где увидишь столько самых грациозных на свете животных. Не случайно ведь

говорят, что именно лошади вывели человечество в люди.

"Патриархом конного дела" величают на ипподроме Анимова. За свою жизнь он подновал столько лошадей, что его пора заносить в Книгу рекордов Гиннеса. С утра до вечера Алексей Николаевич вместе

с сыном Павлом подновывают породистых лошадей. Наблюдая за этим тонким процессом, я невольно стал свидетелем вот такой сцены. Только коваль подновал, или, как здесь говорят, "обул" красавца, как конь Монолит с благодарностью поцеловал мастера в голову

за умелую работу. Сколько же таких поцелуев должен был получить за свою жизнь дядя Леша — этот необыкновенный мастер подшивать подковы ухналями к копытам лошадей — сотни, а, может, и тысячи!

— Только на первый взгляд может показаться, — делится со мной своими секретами дядя Леша, — что подковать лошадь — занятие незатейливое. Здесь нужен большой опыт и особая сноровка. Ведь лошадь куется на руках. Другими словами, весь огромный вес лошади как бы приходится на коваля, вот почему все надо делать быстро и без ошибок. Порой семь потов сойдет, пока выполнишь пединюр и обуешь лошадь в обновку. Пединюр для лошади — это не просто красивые слова. Ведь прежде, чем поставить подкову, копыто необходимо обработать с не меньшей тщательностью, чем делают пединюры женщинам. Кусачками откусываю лишние роговые наросты и лишь затем ставлю подкову.

О конном спорте ветеран может говорить часами. Почти тридцать лет он подковывает лошадей, объездил с российскими мастерами-конниками многие страны и до сих пор помнит не только фамилии победителей, но и имена всех лошадей, которые приносили нашим конникам победы на международной арене.

— В России конные турниры проводятся с 1766 года, — продолжает ветеран. — Отличались они большой пышностью и участием в них избранной знати. Известный вельможа и большой знаток лошадей того времени граф Алексей Орлов был неизменным участником и предводителем всех турниров. В Петербурге с 1826 года начали устра-

иваться скачки. Зрелища эти состояли из парада, фигурной езды, надрили, боя в конном строю на копьях и палицах, соревнований в различных упражнениях. Заключительным аккордом была так называемая "ла фола" итальяно-испанской школы. Всадники под музыку вели своих лошадей замедленными аллюрами и темпами, заставляли их следовать меняющимся мелодиям и ритмам.

Недавно исполнилось 100 лет, как конный спорт включен в программу Олимпийских игр. С 1900 года проводится личное первенство в преодолении препятствий, с 1912 — личное и командное первенство в треоборье, личное — в выездке, командное — в преодолении препятствий. В России соревнования по конному спорту проводятся с 1925 года, а чемпионаты страны — с 1938.

— Несмотря на слабое развитие конного спорта, одерживали ли наши конники крупные победы?

— Кроме победы русских конников в Лондоне в 1914 году, один офицер совершил 100-верстный пробег в рекордное время — 5 часов 34 минуты. В 1912 году русский спортсмен Н.Авалов выиграл труднейший Ливерпульский стипльчез. Другой русский офицер в 1914 году выиграл в Вене международные соревнования по преодолению препятствий "Почетный кубок".

— А в более позднее время?

— Любители этого вида спорта старшего поколения наверняка помнят, что в выездке в личном первенстве на Олимпийских играх было немало наших соотечественников. Так, 40 лет назад отличился Сергей Филатов. На летней Олимпиаде в Риме он на коне Абсент стал олимпийским чемпионом, вы-

играв личное первенство в выездке. С тех пор список олимпийских чемпионов регулярно пополнялся именами наших мастеров, среди которых — Иван Низимов, Иван Калита, Елена Петушкова, Юрий Ковшов, Виктор Угрюмов, Вера Мисевич. И если прежде они в основном диктовали моду в соревнованиях по выездке, то на Олимпиаде-80 наша сборная выиграла еще и Большой приз по преодолению препятствий. Тогда отличились Вячеслав Чунанов, Виктор Погановский, Виктор Асмаев, Николай Корольков. А еще наша команда победила в командных соревнованиях по троеборью — олимпийскими чемпионами стали Александр Блинов, Юрий Сальников, Валерий Волков, Сергей Рогожин.

— Самому-то вам пришлось посидеть на коне?

— Как же! Я же свою трудовую биографию начинал на ипподроме с должности конюха. Мне лошади нравились настолько, что готов был работать на любой должности, лишь бы быть рядом с этими красивыми животными. Хоть я и родился в Москве, мне с детства нравился запах сена, запах лошадей. Рядом с ними мог работать часами и даже не замечал, как летело время. Очень нравилось кормить лошадей, они всегда в знак благодарности нивали головами и весело ржали. Но в обязанности конюха раньше входило не только кормить и ухаживать за лошадьми, но и объезжать их. Правда, мне довелось это делать не верхом, а в начале. Я был на седьмом небе от счастья, когда выводил лошадь на круг, запрягал ее и садился в седло. Через несколько минут я уже мчался наперегонки с ветром. Это и было как бы вознаграждением за нелегкий

труд. Конюхом проработал три года, прошел всю эту нелегкую школу, но однажды увидел, как работает коваль, как он быстро и красиво меняет лошадям подковы. Словом, появилось желание попробовать себя в этом деле.

— Говорят, что подкова приносит человеку счастье...

— В этом нет сомнения. За свою жизнь я столько подков держал в руках, что считаю себя счастливым человеком. Тридцать лет назад впервые взял в руки подкову и с тех пор держу их почти каждый день. Многие уверены, что найденная подкова приносит счастье, я же свое счастье нашел на ипподроме. Не сразу научился ковать лошадей, ведь это дело тонкое. Не один день наблюдал за работой старого коваля, перенимал у него опыт. И как самый знаменательный день в жизни считаю тот, когда мне самостоятельно доверили подковать лошадь. Волновался так, что руки тряслись, едва удерживал молоток в руке, когда прибывал ухалями подкову.

— Это вообще-то опасное занятие?

— Случаи разные бывают. Как говорят, человек и на ровном месте может споткнуться, да и с крыши кирпич на голову может упасть. Работа коваля не травмоопасная, но сюрпризы могут случаться везде. Как и люди, некоторые лошади бывают пугливыми. Если их в молодости не подковывали и они понятия не имеют, что это такое, то могут нанести ковалю или его помощнику разные травмы или ушибы. Недавно моему помощнику лошадь с мирным именем Фантин так звезданула в глаз, что думали, что парень ослепнет, но, слава Богу, все обошлось благополучно.

— О вашем мастерстве ходят легенды, недаром вас называют «мастером золотые руки»...

— О легендах не слышал, но на работу за границу постоянно приглашают. Несколько лет назад ковал лошадей в Германии. Немцы — люди пунктуальные и аккуратные во всем и просто так для работы на лучшем немецком ипподроме Хоппегартен абы кого не приглашают. Там удалось ставить подковы очень дорогим лошадям. Цены на некоторые из них доходят до миллиона долларов. Мне, например, доверили не раз перенюхать знаменитого Ортана, который выиграл немало различных призов на международной арене.

— Лошадь — создание уникальное. Ведь история «живого двигателя» во много раз длиннее истории любого механизма на Земле...

— Говорят, что человек подружился с лошадью 600 тысяч лет назад, а примерно шесть тысяч лет назад в распоряжении наших предков появилась «одна лошадиная сила». Еще древние монголы были

страстными приверженцами конных состязаний. Но настоящие спортивные лошади появились в Аравии примерно за полторы тысячи лет до нашей эры. А в 680 году до нашей эры в древних Олимпийских играх появился новый вид программы — гонки на колесницах. Вот такая вот история...

— Алексей Николаевич, а обычная трудовая лошадь для конного спорта подойдет?

— Нет, конечно. У спортивного коня особая стать. Шея выгнута, уши наострены, весь подтянут, шаг энергичный, чистый, плавный, свободный. О лучших из таких коней сплагали легенды, им поставили памятники. Конь Крылатый во времена древних Олимпиад был награжден огромной суммой денег и удостоился при жизни золотой статуи, а в Ватикане ему даже поставили надгробный памятник.

— Как долго надо готовить лошадь к соревнованиям?

— Рост и развитие лошади продолжается до 5 — 6 лет. Обычно животное живет до 20 — 25 лет.

Самый благоприятный возраст для спортивной лошади — от 5 до 15 лет. Как и людей, лошадей по типу высшей нервной деятельности можно разделить на три группы — возбудимых, уравновешенных и уравновешенно-инертных. У лошадей хорошо развиты слух, осязание, обоняние и вкус. Зрение развито хуже. Лошади плохо видят дальше пятисот метров.

— А какие состязания в конном спорте появились первыми?

— Выездка. Всем хотелось быть эlegantными всадниками. Но мерная холодность выездки в манеже не могла заменить и перечеркнуть ощущение стремительного полета на скакунах. Вот тогда и появилось второе спортивное направление — скачки на различные дистанции. Потом придумали специальную трассу с препятствиями — конкур.

— Вам нравится выездка?

— Кто же ею не восхищается, ведь недаром ее называют высшей школой верховой езды. У выездной лошади движения грациозные, легкие, она повинуется всаднику без видимых команд с его стороны. Тридцать два упражнения должен выполнить участник турнира по выездке, тридцать две фигуры за двенадцать минут!

— А в конкуре было бы слабо себя испытать?

— Каждому свое. Я люблю свою работу и очень уважаю мастеров конкура. Там тоже необходимо большое мастерство, чтобы быстрее всех пройти дистанцию в 700 метров, преодолеть 13 препятствий в полтора и более метров высотой и уложиться в 113 секунд. Это весьма немного, чтобы пройти без сбоев, без повалов бревен, из которых сделаны барьеры, "заборы", ус-

пешно преодолеть ямы пятиметровой ширины.

— У вас, наверное, много книг про лошадей...

— И в книгах, и в стихах, и в картинах немало лестных слов об этих красивых животных. Еще Гете сказал, что из ста серых лошадей не сделаешь одну сивую. А сколько сложено о лошадях пословиц! Мне особенно нравятся следующие: погоняй коня не кнутом, а овсецом; казак сам не ест, а коня кормит; деньгами коня не купишь, а удачей; добрый конь подо мною, Господь надо мною; конь не выдаст и враг не съест.

— У лошадей бывают дурные привычки?

— Как и у людей! К дурным привычкам у лошадей относят неповиновение, взмахивание головой и хвостом, скрип зубами, шлепанье губами. Однажды я ездил в командировку, и моим попутчиком по вагону был симпатичный мужчина. Но на следующее утро я как-то неловно себя чувствовал из-за того, что он всю ночь скрипел зубами. Поверьте на слово, он скрипел во сто раз хуже самой плохой лошади!

— А какие-то особые приметы у лошадей бывают?

— Обязательно. Отличительные признаки волосяного покрова любой лошади — белые и темные отметины по сравнению с мастью на голове, конечностях или туловище, "сорочки глаза", а также тавро. В племенных свидетельствах и других документах лошади описание примет должно строго и точно соблюдаться.

— Какие клички лошадей вам особенно запомнились?

— Они общеизвестны. Кто не помнит сказку про Нюньку-Горбунку?! На моей памяти это самая ма-

ленькая лошадь — ростом только в три вершка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами. Скорее всего это был пони, перенесший травму спины, или ушастый верблюд-недоросток. Самой известной из лошадей — благодаря рассказу О' Генри "Дороги, которые мы выбираем" — можно назвать Боливара, который, как известно, не вынесет двоих. Самой смелой лошадью считается Буцефал Алесандра Македонского. Боевой конь не боялся ничего, кроме собственной тени.

— А лошадь Пржевальского?

— Это самая дикая лошадь! Кстати, сам исследователь Азии на ней никогда не ездил, ун только дикая. А вот конь Вещего Олега — самая неблагодарная лошадь. Его череп стал гнездом для "гробовой змеи", то есть гюрзы или степной гадюки. Самая подлая лошадь — троянский конь. Сейчас он известен главным образом благодаря компьютерным вирусам. Но сам принцип — засунуть нечто плохое в нечто хорошее был описан еще Гомером в "Илиаде". Самая несчастная лошадь — Холстомер из толстовского рассказа "История лошади".

— А была ли самая странная лошадь?

— Пожалуй, мерин д'Артаньяна, на котором он впервые въехал в Париж. Это был конь ярко-желтого цвета, который в природе редко встречается. Самая титулованная лошадь — конь римского императора Гая Налигулы, ставший сенатором. Самая тощая лошадь — Росинант Дон Нихота. Сервантес описал его довольно образно, ведь конь хромал на все четыре ноги и состоял лишь из шнуры да костей. Кстати, "росин" с испанского переводится как "кляча". Самая же лошади-

ная фамилия — Овсов — это из одноименного рассказа Чехова. А вот Владимир Маяковский в свое время очень точно заметил, что все мы немножко лошади!

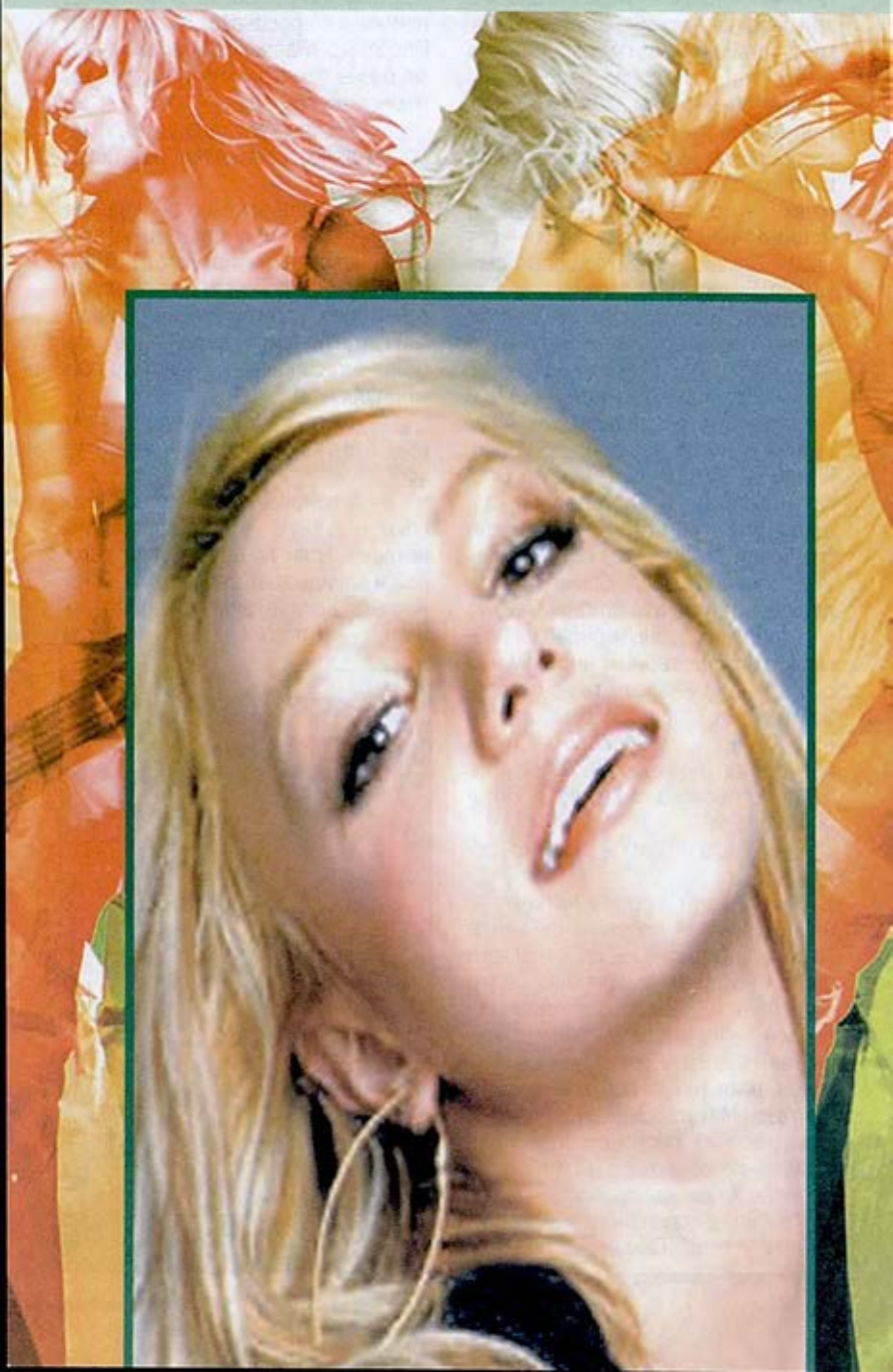
— С образом лошади люди испокон веков связывают уйму хорошего...

— Так ведь именно лошадь вывезла людей в цивилизацию! Лошадь человеку — крылья! В старину говорили: добрую лошадь одной руной бей, другой слезы утирай. Мне еще нравится выражение: счастье не лошадь — не везет по прямой дорожке.

— А есть у вас приметы, связанные с этими красивыми животными?

— А как же! Если лошади фыркают в дороге — то к радостной встрече. Если лошадь трясет головой и занюхивает ее сверху — к несчастью. Если в зимнее время лошадка — к теплу.

В маленьком городке Невуд, штат Луизиана, в обычной американской семье: муж — рабочий, жена — учительница, родилась девочка — крошка Бритни, как называли ее счастливые родители. С самого раннего детства малышка отличалась от своих сверстников. Она, конечно же, играла в куклы, но самым любимым занятием было пение детских песенок воображаемой публике. И Бритни отдали в церковный хор, когда ей не исполнилось еще четырех. А в 8 лет мать решила отправить ее в Атланту на пробы для диснеевского шоу "Mickey Mouse Club" (клуб Микки-Мауса). Бритни оказалась слишком юной для шоу, но в то же время слишком многообещающей, чтобы ее отвергли,

и продюсер канала решил определить ребенка в школу театральных искусств. "Он сказал мне "поезжай", но я так боялась, — вспоминала Бритни. — Я не хотела жить в таком огромном городе".

Три года, проведенные там, оказались весьма полезными для нее. В 1991 году Бритни получила роль в комедийном спектакле "Ruthless" ("Безжалостный"). "В десять лет я играла мерзкого ребенка, который казался ангелочком. Было очень забавно" Вскоре она вновь отправилась на пробы в "клуб Микки-Мауса" и — о чудо! — получила главный приз — уши Микки Мауса, после чего стала полноправным членом клуба. Ей дали роль ведущей вместе с Христи-

Крошка БРИТНИ

ной Агилерой. Там же она познакомилась с будущим участником группы N' Sync Днастином Тимберлейном.

В 13 лет Бритни, опять же не без помощи своей матери, записала дебютный альбом с песней "Jesus Loves Me", когда-то она исполняла ее в церковном хоре, и песней Хьюстон "I Have Nothing". Девочка оставила альбом на столе продюсера известной звукозаписывающей студии Jive Records, находившейся по соседству с ее домом. Ответ не заставил долго ждать. "Ее вокальные способности и стремление ко всему новому просто поразили меня", — вспоминает продюсер Jive Records Днеф Фенстер. Он немедленно передал кассету известным продюсерам — Эрину Фостеру Вайти, работавшему с Уитни Хьюстон, и Максу Мартину, продвигавшему группы "Back Street Boys" и "Ace of Base".

Некоторые говорят, что ей просто очень повезло, что она попала сразу к таким известным продюсерам. Сама же Бритни утверждает,

что они смогли увидеть в ней талант.

Таким образом, голубая мечта Бритни Спирс сбылась. И уже в 1998 году вышел ее первый альбом "Baby, One More Time" ("Детка, еще разок"). Задолго до выхода первого сингла о Бритни знали все американские подростки. Когда же сингл поступил на прилавки магазинов, его раскупили моментально. В одночасье Бритни Спирс стала звездой, и ее фотография появилась на обложке самого престижного музыкального журнала "Роллинг Стоун". Альбом показывал неограниченные возможности Бритни. Она могла исполнять любые композиции, начиная от сладкой мелодичной песни "From the Bottom of My Broken Heart", заканчивая зажигательными мелодиями "Baby, One More Time" и композицией в стиле регги "Soda Pop". Ее музыка пьянила, и ей хотелось петь все больше и больше. "Я хочу быть артисткой, к творчеству которой может обратиться каждый, артисткой юной, веселой и счастливой. А если появятся предложения сняться в кино, обязательно соглашусь (Бритни действительно планирует появиться в молодежном сериале "Бухта Друсона" в качестве специально приглашенной звезды. Но в будущем она все-таки отказывается от роли в фильме "Грязные Танцы 2"). Но музыка всегда будет оставаться для меня на первом месте".

Молодая певица путешествовала по Америке вместе с группой N' Sync. Они вместе давали концерты в поддержку журналов для молодежи. Теплый прием публики, несомненно, помог Бритни попасть в хит-парад. Но самым главным днем в карьере певицы стало 12 января 1999 года — день, когда сингл

"Baby, One More Time", занял первое место в американских чартах, а приятели Бритни N' Sync заняли второе. Слава обрушилась на Бритни Спирс. К этому моменту ей едва исполнилось семнадцать.

Постепенно популярность Бритни распространилась за границу. И вот уже в январе 2000 года композиция "Born To Make You Happy" возглавляла музыкальные чарты в Англии и по всей Европе. Все возрастающие требования чего-нибудь свежего удовлетворились с выходом второго альбома "Oops! ... I Did It Again", выпущенного в мае. Альбом содержал ряд хорошо спродюсированных и искусно выполненных поп-композиций, а также наиверсальную версию песни "(I Can't Get No) Satisfaction".

Третий альбом Бритни решила выпустить под своим именем — "Britney". Это уже попытка создать более зрелый образ. Хотя изначально альбом не так быстро раскупался, как два предыдущих, "Britney" завоевал первую строчку по выпускам в ноябре 2001 года. Вооружившись армией топ-продюсеров и музыкантов, Спирс пытается остаться независимой и доказать всем раз и навсегда, что она не то невинное дитя, которым казалась в предыдущих альбомах. "Мне осточертели люди, решающие за меня, что мне делать", — так звучит строчка из второй песни "Overprotected" последнего альбома.

Участник группы N' Sync и ее бойфренд Днастин Тимберлейк написал для нее песню "What It's Like to Be Me" в нетрадиционном для Бритни рок-стиле, к тому же Днастин исполнил в ней ряд вокальных партий. "Я очень нервничала, начиная работать с ним, так как привыкла все делать одна. Не могла ото-

гнать мысли, что он мой парень, а не партнер. Но в итоге получился самый лучший вокал за все время".

Сейчас популярность Бритни Спирс не знает границ. Толпы поклонников преследуют звезду не только на выступлениях, но и всюду, где она появляется. Для мальчишек она стала сенс-символом. Впервые она осознала это, когда приехала в студию MTV давать интервью. Тогда возле главного входа толпилось огромное количество парней. "Я никогда не видела такого, — восторженно говорит Бритни. — Когда пела на разогреве у N' Sync наблюдала множество девчонок. Это очень мне льстит".

Однако крошке Бритни приходится сталкиваться и с другой стороной популярности — по мере роста известности начинают появляться слухи и всевозможные небылицы. Невероятным скандалом стало появление фотографии Бритни-нимфетки на обложке журнала "Роллинг Стоун". На Бритни обрушились благочестивые мамыши из ассоциации по защите семьи, однако, саму

Бритни (в отличие от ее матери) шу-миха ничуть не задела. "Не пони-маю, из-за чего подняли столько шу-ма. У меня строгие моральные прин-ципы, и если я выгляну на обложке журнала сексуально, это еще не по-вод считать меня испорченной дев-чонкой, — говорит Бритни и хладно-кровно добавляет: — Я бы сделала все снова. Считаю, что фотографии были замечательные".

Слух о том, что Бритни встреча-ется с участником N' Sync Джнасти-ном Тимберлейном еще со времен "Mickey Mouse Club", когда Джнасти-ну было двенадцать, а Бритни и то-го меньше, тоже сильно преувели-чены. "Мы просто хорошие друзья". Бритни верит в любовь с первого взгляда, но пока, признается она, с ней такого не случилось. "Я считаю, что, даже если влюбишься, нужно подождать, пока не будешь увере-на, что это настоящая любовь". А вот влюбиться, как кажется Брит-ни, она сможет только в такого мужчину, "которому наплевать на бизнес, которым я занимаюсь. Он должен быть уверенным в себе, вы-

соним, обладать прекрасной улыб-ной и красивыми глазами". Однако это не мешает ей жить вместе с Джнастином в особняке в городе Дейстин, штат Флорида. Ходили слухи, что вот-вот будет свадьба, но Бритни опровергла их. "Мы с Джна-стином можем и поженимся, но только не сейчас. Я действительно счастлива, надеюсь, что Джнастин тоже счастлив. Наша свадьба — дело будущего, а не настоящего, мы оба очень заняты тем, что мы делаем и счастливы тем, чем счаст-ливы".

А как же иначе: только-только вышел ее новый альбом "Britney" — надо же повышать его продажи, а способ только один — гастроли по стране и миру с туром в поддержку свежей пластинки. Например, сей-час Бритни колесит с концертами по Северной Америке. Потому свое бракосочетание Спирс и Тимбер-лейк запланировали на следующий год. Точную дату молодые люди обе-щают назвать, тщательно сопоста-вив свои гастрольные графики.

Помимо слухов, Бритни прихо-дится бороться и с чересчур рьяны-ми поклонниками (один из них чуть не залез ночью в окно спальни родителей Бритни), или с хроническим недосыпанием ("Однажды я проспала двадцать два часа подряд!"). Но следует отдать Бритни должное, не-смотря на свою популярность, жизнь вдали от родителей, частые переезды и уйму работы, она про-должает учиться в старшей школе и в будущем собирается поступить в колледж — изучать бизнес. "Я учусь, и мне не мешало бы подтя-нуться по испанскому и геомет-рии". Помимо всех достоинств Бритни, большую службу популяр-ности сослужило ее природное оба-яние. Старинный приятель девуш-

ни участник N' Sync Джен Си говорит: "Мальчишки без ума от Бритни, потому что она очень милая, а девчонки — потому что она для этого ровным счетом ничего не делает". И правда, Бритни нет необходимости лунавить о своем маниаже. Она, натуральная брюнетка, свободно говорит о том, что осветлить волосы ей посоветовал стилист. "Так и вправду выглядит намного лучше!". На вопрос о том, как ей удастся сохранить форму, отвечает, что не увлекается ни диетами, ни упражнениями. "Я просто работаю — пою и танцую, вот и весь секрет!"

Поразительно, но самая молодая из всех номинантов за всю историю существования церемонии MTV добилась триумфа: четыре номинации — четыре награды.

Так же она побеждает на церемонии American Music Awards. В рейтинге "50 самых красивых людей планеты" Бритни занимает второе место. А в рейтинге "Самых сексуальных женщин планеты" — четвертое. Одновременно согласно опросу читателей мужского журнала "Стафф" Бритни назвали "самой сексуальной женщиной мира". Американская 20-летняя певица обошла даже таких красоток, как Дженифер Лопес и Намерон Диаз, занявших второе и третье места соответственно.

Она стала самой удачливой певицей этого года, и теперь на стенке ее оклеенной розовыми обоями спальни красуются награды: "Лучший поп-артист года", "Лучшая певица года", "Прорыв года" и "Лучшая песня" (за "...Baby One More Time").

Каждый хочет иметь дома немножко Бритни Спирс! Это быстро сменяли производители кукол, выпустившие Барби с лицом Бритни. Шесть разных кукол изготавливают Бритни в концертных нос-

тюмах и в одежде, в которой она снималась в клипах. Стоимость кукол — около 20 долларов. Производители игрушки полагают, что Спирс символизирует для подростков американскую мечту: талантлива, красива, знает, чего хочет, и умеет всего добиться.

Крошка Бритни успела проявиться и на кинематографическом фронте. Снялась в полнометражном фильме "Перекрестки", саундтреком к которому является ее же песня "I'm Not a Girl, Not Yet a Woman". В фильме Бритни играет девушку Люси, она вместе с двумя лучшими друзьями покидает родной городок и отправляется на поиски своей матери. По дороге сталкивается со множеством подростковых проблем и находит свою любовь. Бритни сравнивает переживания своей героини с личными и говорит, что между ними есть много общего.

Фильм стал большим подарком для ее фанатов. "Я надеюсь, вам понравится картина. Там много юмора, он заставляет ценить своих друзей. Если вам после фильма захочется обнять свою подружку и сказать ей: "Я тебя люблю!" — значит, моя миссия выполнена". ■

Евгений МАКАРОВ

В ДЕТСТВЕ
МНЕ ГОВОРИЛИ—
НЕ ПЕРЕСТАНЕШЬ
ГРЫЗТЬ НОГТИ—
ВЫРАСТЕШЬ
КАНОТОМ.

НУ И
ПОЧЕМУ ЖЕ
ВЫ НЕ ПЕРЕ-
СТАЛИ?

Я ПРИШЕЛ
ЗА ДЕНЬГАМИ.
МОЯ ФАМИЛИЯ
„ИТОГО“!

Чиновники экономят на квартирах

"Нас скоро должны выселить из дома, так как он идет под снос. Взамен обещают предоставить равноценное жилье. Не могут ли наши жилищные условия ухудшиться при смене квартиры? Что подразумевается под равноценным жильем, и что мы можем требовать от чиновников?"

А.П.Круглова,

Нижегородская обл.

В соответствии со ст.49.3 Жилищного кодекса РСФСР, если дом, в котором находятся приватизированные квартиры, подлежит сносу по основаниям, предусмотренным законодательством, выселяемым из него собственникам квартир с их согласия предоставляется равноценное жилое помещение на праве собственности либо иная компенсация местным органом власти, предприятием, учреждением, организацией, осуществляющими снос дома.

На практике местная администрация, как правило, ограничивается предоставлением квартиры, совпадающей по общей площади с ранее занимаемой. Такое требование действительно есть

и метраж новой квартиры не должен быть меньше, чем в той, где семья проживала до сноса дома, но это требование не единственное. Также недостаточно соответствия двух квартир по стоимости. Принимается во внимание не только общая, но и жилая площадь квартиры, так как величина жилой площади влияет на порядок пользования квартирой семьей. Изменение порядка пользования жилым помещением может затронуть права и законные интересы собственника и членов его семьи.

Далее местная администрация должна учесть количество комнат в предлагаемой квартире, что также обязательно для сохранения порядка пользования жилым помещением. Кроме того, вы можете требовать от чиновников соответствия предоставляемой квартиры по таким показателям, как благоустроенность жилого помещения, этаж, наличие лифта, а также планировка.

Как унаследовать судебный процесс

"Мой отец подал иск в суд об устранении препятствий в пользовании домом. Дело рассматривается до сих пор. Недавно отец умер, я его единственная наследница. Противоположная сторона утверждает, что теперь дело будет прекращено. Есть ли у меня возможность продолжать его?"

М.Гаврилова,

Астрахань

Иск об устранении препятствий в пользовании имуществом, предусмотренный в ст.304 Гражданского кодекса РФ, является одним из требований в защиту права собственности. Данный

иск не связан неразрывно с личностью истца, как, например, требование об уплате алиментов на ребенка. В вашем случае объектом является недвижимое имущество, и защищать его вправе любой собственник. В подобных ситуациях допускается правопреемство в судебном разбирательстве. Поскольку вы единственная наследница имущества отца, в том числе и гаража, защищать право собственности в судебном порядке должны именно вы, для чего необходимо вступить в процесс в качестве правопреемника.

В соответствии со ст. 40 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в случаях выбытия одной из сторон в спорном или установленном решением правоотношении, в частности, по причине смерти гражданина, суд допускает замену этой стороны ее правопреемником. Правопреемство возможно в любой стадии процесса. Для правопреемника все действия, совершенные в процессе до его вступления, обязательны в той мере, в какой они были бы обязательны для лица, которое правопреемник заменил.

В случае смерти стороны по делу смерти гражданина, если спорное правоотношение допускает правопреемство, суд или судья обязан приостановить, а не прекратить производство по делу. Дело приостанавливается до определения правопреемника выбывшего лица. Для того чтобы вступить в дело, вам необходимо оформить наследственные права, а затем обратиться в суд с заявлением о допуске в дело в качестве истца.

Совместное решение о сделке

"Недавно я продал квартиру, в которой никто не проживал. Не знал, что нужно было оформлять согласие супруги на продажу. Правда ли, что этот договор теперь не имеет силы?"

Р.Измайлов,

Кемеровская обл.

Прежде всего необходимо заметить, что согласие другого супруга на совершение сделки с каким-либо имуществом нужно не всегда. В соответствии со ст. 35 Семейного кодекса РФ для совершения одним из супругов сделки по распоряжению недвижимостью и сделки, требующей нотариального удостоверения и (или) регистрации в установленном законом порядке, необходимо получить нотариально удостоверенное согласие другого супруга. Сделка по продаже квартиры, безусловно, требует государственной регистрации, как и любая сделка с недвижимостью. Однако в вашем конкретном случае необходимость получить согласие супруги на продажу зависит от того, каким образом вы стали собственником квартиры или, иными словами, является ли данная квартира вашим совместно нажитым имуществом. Нотариально заверенное согласие на совершение сделки требуется только для случаев отчуждения общего — совместно нажитого в браке — имущества супругов.

В тех случаях, когда квартира являлась вашей собственностью еще до вступления в брак; когда она была приватизирована вами в период брака; когда она была подарена вам или передана по

наследству, согласие супруги на совершение сделки не требуется, поскольку квартира не относится к вашему общему имуществу. Если же квартира была приобретена по договору купли-продажи или мены в период брака, то согласие жены на продажу было необходимо. В этом случае, согласно ч.3 ст.35 Семейного кодекса РФ, супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки. Как видно, требовать признания сделки недействительной может только сама жена. Так что, если у нее нет претензий к купле-продаже квартиры, то договор будет продолжать действовать.

Украл — возмещай

"В нашем магазине работал несовершеннолетний, который был осужден за кражу с места работы. Его уволили из магазина в связи с этим случаем. Можно ли требовать от него возмещения ущерба, учитывая его несовершеннолетний возраст?"

Л. Каменский,

Красноярский край

Причинение ущерба в результате преступных действий работника, установленных приговором суда, является одним из оснований для полной материальной ответственности работника перед работодателем, перечисленных в ст.243 Трудового кодекса РФ. В данном случае ответственность возлагается даже при отсутствии договора о полной матери-

альной ответственности, который с работником, не достигшим восемнадцати лет, вообще не подписывается.

Возраст работника действительно имеет значение для возложения материальной ответственности. В соответствии со ст.242 ТК РФ работники в возрасте до восемнадцати лет несут полную материальную ответственность лишь за умышленное причинение ущерба, за ущерб, причиненный в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения, а также за ущерб, причиненный в результате совершения преступления или административного проступка. Как видно, если работник осужден, то есть факт совершения преступления был установлен приговором суда, полная материальная ответственность наступает и для несовершеннолетнего работника. Он должен будет возместить причиненный ущерб в полном объеме.

Следует заметить, что, согласно ст.1074 Гражданского кодекса РФ, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут ответственность за причиненный вред на общих основаниях. В случае, когда у несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет нет доходов или иного имущества, достаточных для возмещения вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями либо заменяющими их лицами. ■

Ольга КОРЫТКО, адвокат,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
XI международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

85. А. СЫГУРОВ
 Самарская обл.

2

86. Е. БОГДАНОВ
 Украина

2

87. П. ЛЕБЕДЕВ
 Беларусь

2

88. Ю. ЖАРКОВ
 Самара

2

89. В. ШУМАРИН
 Москва

2

90. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

2

91. Д. БАСАЕВ
 Элиста

б) Ch6-d2 # 3

92. Е. БОГДАНОВ
 Украина

3

93. Ю. ТИЩЕНКО
 Украина

3

94. А. КОЖАКИНА
Магадан

3

95. В. КОЖАКИН
Магадан

3

96. А. АЗОВ
Беларусь

3

97. Л. ПРОНИН
Москва

4

98. Ю. СУШКОВ
Санкт-Петербург

4

99. В. КОЗЫРЕВ
Эстония

4

100. В. ЛЕВОЧКИН
Московская обл.

4

101. Ф. НАКАБАДЗЕ
Грузия

4

102. В. СИМОНОВ
Самара

4

103. В. КОЖАКИН
Магадан

4

104. Е. БОГДАНОВ
Украина

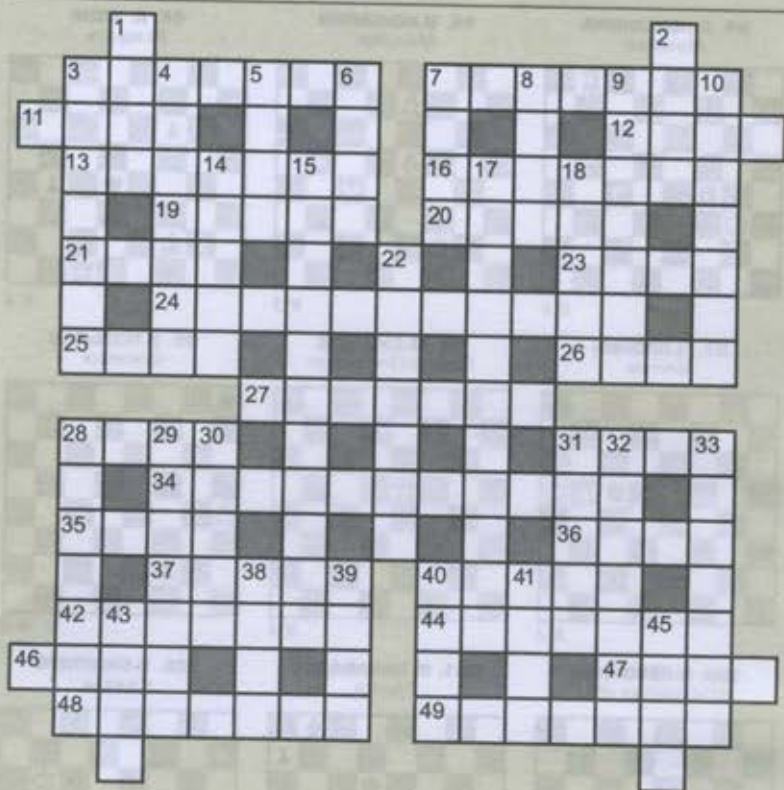

4

105. А. БАРЗЕННОВ
Украина

8

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Молокосос. 7. Нобелевский лауреат среди эконо- мистов США, лидер монетаризма. 11. Любовь, а у Платона — и побуди- тельная сила духовного восхождения. 12. Фасон рубашки д'Артаньяна во французском фильме. 13. Общее название всех племен Апеннинско- го полуострова, покоренных Римом. 16. Преследователь братьев наших меньших с оружием в руках. 19. И захваченная назанами в старину до- быча, и ее деленк. 20. Минерал, названный по радиоактивному метал- лу. 21. Старший брат скрипки. 23. Душистое дерево, чьи листья, сгор- яя от любви к Ипполиту, проналывала золотыми шпильнами мифиче- ская Федра. 24. Специалист в экипаже самолета. 25. Инструмент древ- негреческих математиков. 26. Постель, выдаваемая государством на срок. 27. Металлургический процесс получения благородных металлов высокой чистоты. 28. Левобережная часть венгерской столицы. 31. Бе- зупречное качество вашей жены при всех ее недостатках: ведь она вы- брала вас. 34. Человек, идущий на переговоры под белым флагом.

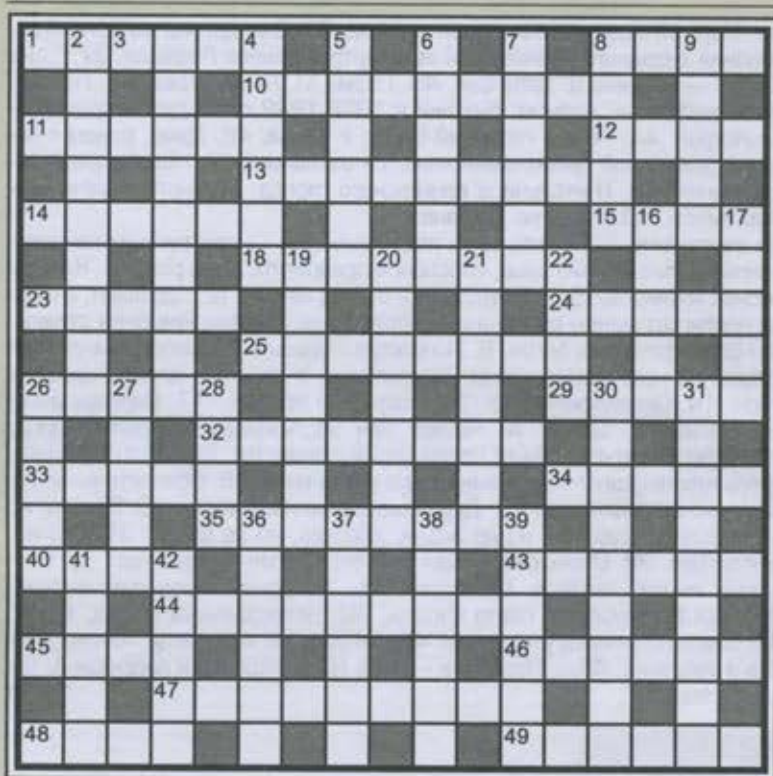
35. Неустойчивая элементарная частица. 36. Скандально известный испанский художник, написавший автопортрет с шеей Рафаэля. 37. "...на Хиосе" — картина Э. Делакруа. 40. Поэма М. Лермонтова. 42. Латвийский "железный" нарном, бывший в 1926-1928 годах директором Кузнецкстроя. 44. Рена с городами Бордо и Тулуза. 46. Дама, рядом с которой даже иной джентльмен кажется вахлаком. 47. Норабельный позвончик. 48. Жительница венгерского города, славного замечательным вином. 49. Город на Тайване.

По вертикали. 1. Пушное дитя подземелья. 2. Оковы русских кандалников. 3. Выражение лица, способное превратить его в розу. 4. Крестьянское хозяйство. 5. Инфантильный взгляд на мир. 6. ...вбивают, а кошка пробегает между вчерашними приятелями. 7. Морские силы страны. 8. Кровь греческих богов. 9. Искусство гадания. 10. Способ нанесения узоров на квартирные стены, заменявший в не столь давние времена обои. 14. Синеклювая утка. 15. Глазастый клубень. 17. Варвара великомученица в "Степи" А. Чехова как заступница, покровительница. 18. Одна из четырех "бун" генетического кода. 22. Группетто, мордент, трель или форшлаг как музыкальное украшение. 28. Обличительное полемическое сочинение. 29. Другое название живокости. 30. Полька, но не женщина, русская, но не водка, яблочко, но не фрукт. 31. Солнечная погода. 32. Очень работающая и не очень злая порода пчел. 33. Винтовая линия, символ вечности. 38. Ветренный воздухоплаватель. 39. Имя белорусского поэта Купалы. 40. Непрозрачный воздух, туман. 41. Сназитель-певец у киргизов. 43. По русской пословице, нанов..., таков и работник. 45. ...Ивановна — мать Нади, героини в рассказе А. Чехова "Невеста".

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 1. Шаганэ. 4. Пушкин. 10. Фейерверк. 12. Гладиатор. 13. Чек. 15. Зоил. 17. Атос. 20. Кеб. 22. Луанда. 23. ...зараза. 24. Эрве. 25. Плюш. 26. Погром. 28. Сапоги. 29. Март. 30. Тагор. 31. Трос. 32. Опыт. 33. Фрау. 34. Дюйм. 36. Виток. 38. "Леци". 40. Апатия. 41. Мантия. 42. Финн. 43. Цирк. 44. Иридий. 47. Беркли. 49. Туя. 51. Евро. 52. Орда. 53. Яга. 59. Транжирка. 60. Хусатонин. 61. Альянс. 62. Поляна.

По вертикали. 1. Шифр. 2. Гайде. 3. Нерв. 5. Ужин. 6. Кетле. 7. Нора. 8. Жетон. 9. Мажор. 11. Кола... 12. Глаз. 13. Чарка. 14. Клептомания. 15. Заигрывание. 16. Идиот. 18. "Тарар". 19. Самокритика. 20. Напитуляция. 21. Брюхо. 27. Мафия. 28. Содом. 35. Юрист. 36. Визир. 37. Катер. 39. Щурка. 45. Дверь. 46. Йота. 47. Босх. 48. Рдест. 50. Ухарь. 54. Генуя. 55. Этна. 56. Джин. 57. Утро. 58. Инра.

ЭРУДИТ

По горизонтали. 1. "Якорная" нить моллюска пинны, из которой в античные времена производили очень красивую и дорогую ткань. 8. Большая дорога на юге России. 10. Степень родства девочки после первого в ее жизни черновного обряда. 11. Самая березняковая из певчих птиц. 12. Немецкий художник XVII вена, прозванный Роза да Тиволи. 13. Нос, который семерым рос, в одному достался. 14. Знаменитый актер, сыгравший Нельсона в фильме "Леди Гамильтон". 15. О нем точно не скажешь: ну и фрукт! 18. Французский социолог и философ, первым написавший целую книгу о самоубийстве. 23. Город в составе агломерации Труймасто. 24. Самый тяжелый галоген. 25. Советский актер, выступавший в роли Бубнова в пьесе "На дне" М. Горького со связной баранок в руках. 26. После выходных выпивоха понял: ...бодрости был холостым. 29. Граница между актером и зрителем. 32. Торжественная грамота византийского императора. 33. Гармония и ... — главные начала философии пифагорейцев. 34. Шест в руках накура. 35. Служба, установленная Иисусом Христом на Тайной вечере. 40. Богиня, чье имя в Армении

стало нарицательным в значении бабушки, матери. 43. Титул, предложенный королевой У. Черчиллю, но он от него отказался. 44. Лучший ветер для парусника. 45. Зверь, чье мясо монахам разрешалось есть во время поста. 46. "Сгусток жизни, жизни горячей, напряженной" (А. Додэ). 47. Советская антриса, окончившая Женевский университет. 48. Французский экономист, призывавший государство активно вмешиваться в экономическую политику. 49. Объединяет гвоздь и гриб.

По вертикали. 2. Кукла с оторванной ногой. 3. Ботанический памятник в озерах поймы рени Урал. 4. Гоголевский Плюшкин по характеру. 5. Трехголовый пес, никого не выпускавший из греческого Аида. 6. Ученый, изучающий поведение животных. 7. "Отец" Минки Мауса. 8. Душ от французского врача. 9. Скульптор раннего Возрождения, в чьих работах еще хорошо видны черты готики. 16. Желание, обет, а также мнение, выраженное голосованием. 17. Часть ноги под копытом лошади или оленя. 19. Человек в крепкой дружбе с парадоксами. 20. Берег, на краю которого стоять опасно. 21. Мирное черкесское племя, в 1859 году присягнувшее на верность России. 22. Известный полководец, ревновавший по-черному. 26. Вступительная часть былины. 27. Французский драматург, в чьих трагедиях в России блистала Е. Семенова. 28. Армянский барабан, звучащий в ансамбле с зурнами. 30. Страна, где аборигены лакомятся гусеницами бабочек-совок. 31. Тропическая американская птица, в Европе в неволе охотно евшая восковые свечи. 36. Византийский писатель и историк, называвший славян склавинами. 37. Человек с золотыми руками. 38. Сказочный полуорел-полулев со змеиным хвостом. 39. Сумка С. Аксакова, если он выходил из дома с ружьем. 41. Тип испанских судов, на которых возили в Америку ртуть для плавления золота на рудниках. 42. Первый исследователь рисунков А. Пушкина. ■

ОТВЕТЫ НА ЭРУДИТ, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 7

По горизонтали. 4. Ябиру. 7. Жанр. 10. Истукан. 12. Хлопчатник. 13. Франкфурт. 14. Велер. 18. Заузе. 19. Чех. 20. ...пестун... 22. Мелет. 23. Юппер. 25. Удушье. 26. Есипов. 27. Шаман. 28. Палаш. 29. Лесото. 30. Щап. 32. Ветер. 33. Инзов. 38. Диететика. 39. Калайдович. 40. Октябрь. 41. Чума. 42. Ницше.

По вертикали. 1. Астра. 2. Зурна. 3. Науфман. 5. Болт. 6. Репеек. 8. Анна. 9. Рена. 11. Гагемейстер. 12. Хризопраз. 15. Хет. 16. Спрут. 17. Эскулап. 18. Зулькарнайн. 19. Чемпион. 21. Цесаревич. 24. Овсов. 28. Паж. 29. Лектина. 31. ...дороги. 34. Отряд. 35. Янорь. 36. Тнач. 37. Шлем. 38. Диаш.

ПРОИЗВОДСТВО БЫТОВОЙ ТЕХНИКИ

ЛУЧШАЯ БЫТОВАЯ ТЕХНИКА
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ
КРУПНЫМ И МЕЛКИМ ОПТО

АКСИОН

426057, г.Ижевск
ул.М.Горького,90
тел.: (3412) 51-02-31
факс: (3412) 78-58-

АКСИОН ТНП

e-mail: tnp@axiontnp.ru
www.axiontnp.ru

КОЛЫБЕЛЬ МАСТЕРСТВА

*"Как живопись и музыка, кухня — искусство.
Живопись очаровывает глаза, музыка — слух, а кулинария — вкус".*
А. Морю

Дополнительное образование в Московском технологическом колледже питания

Дополнительное образование в МТНП пользуется большой популярностью у москвичей и жителей Подмоскovie. Среди тех, кто получает его, старшекласники и выпускники средних школ, домохозяйки, преподаватели, бизнесмены, а также бывшие медики, учителя, инженеры, а ныне безработные. В настоящее время в колледже формируется центр профориентации и оперативной подготовки и переподготовки специалистов.

У дополнительного образования в Колледже два основных направления:

1. Краткосрочные курсы.

За 1-2 месяца обучения на наших курсах (с очень удобным гибким графиком занятий) можно получить престижные профессии:

повар 3 разряда, официант 3 разряда, кассир, продавец, бармен 4 разряда, бухгалтер, бухгалтер-оператор по программе «Бухгалтерия: 1С» в коммерческих фирмах, оператор ПН, а также повысить профессиональный уровень на курсах повышения квалификации: поваров на 4 и 5 разряды, официантов на 4 и 5 разряды, барменов на 5 разряд.

Теоретические занятия, получаемые на курсах, закрепляются практически и лабораторными занятиями, тем более что Колледж располагает собственной хорошей базой практики: это и лаборатория, и столовые, и бар, и кулинария.

На курсах преподают высококвалифицированные преподаватели.

В планах директора организовать обширную многопрофильную систему подготовительных курсов, предназначенных для тех, у кого нет достаточно времени на обучение, и очень удобных и выгодных тем, кто хочет быстро получить новую профессию.

2. Подготовительные курсы для будущих абитуриентов Колледжа

Функционируют семимесячные (с октября по апрель), трехмесячные (с февраля по апрель) и двухмесячные (с марта по апрель) курсы.

Занятия проходят в будни, два раза в неделю, с 17:30 до 20:30

Группы формируются из учащихся 9-11-х классов, но принимается и работающая молодежь, те, кто несколько лет назад окончил школу, ПТУ или даже высшее учебное заведение и решил повысить профессиональный уровень или сменить профессию.

Поступающие (на любой факультет) сдают экзамены:

математика (письменно), русский язык (диктант).

Занятия на подготовительных курсах ведут лучшие преподаватели, имеющие большой педагогический опыт. В процессе обучения устраняются пробелы в знании русского языка и математики, систематизируются ошибки, часто встречающиеся на вступительных экзаменах.

Учащимся 9-х и 11-х классов занятия на подготовительных курсах значительно облегчают усвоение школьных программ по русскому языку и математике.

Таким образом курсы не только помогают подготовиться к поступлению в колледж, но и повышают успеваемость школьников, помогают благополучно закончить школу.

Адрес МОСКОВСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОЛЛЕДЖА ПИТАНИЯ
127427, Москва, Ботаническая ул., 13.

Проезд: ст. метро "ВДНХ", далее авт. 803, трол. 36,73, ст. метро "Владыкино", далее авт. 24,85,803, трол. 36,73 до остановки "Кашенки луг".
Приемная комиссия: 218-14-84, 218-13-95, тел/факс 219-21-61

ЗЕНИТ ZENIT

**марка,
проверенная
временем!**

**Зеркальные
фотоаппараты "ЗЕНИТ"**
**Панорамные
фотоаппараты "ГОРИЗОНТ"**
Объективы
Фотокомплекты
Фотопринадлежности

**Верность
традициям
качества
и надежности**

**Воронеж (0732) 77-73-14; Екатеринбург (3432) 71-46-61;
Иркутск (3952) 33-04-39; Красногорск (095) 563-56-07;
Красноярск (3912) 21-65-40, 23-57-21; Москва (095) 269-24-14,
933-59-59; Новосибирск (3832) 26-17-68, 66-52-98; Ростов-на-
Дону (8632) 40-95-91; Санкт-Петербург (812) 247-10-10;
Уфа (3472) 28-83-76**

ОАО "Красногорский завод им. С. А. Зверева"

Россия, 143400, г. Красногорск, Московская обл., ул. Речная, 8
тел. (095) 561-80-84, 561-89-26; факс (095) 563-42-65, 562-83-16
<http://www.zenit-foto.ru>

E-mail: kmz@zenit-foto.ru marketing@zenit.istra.ru

ЗДОРОВЬЕ ^и ИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ

ЗДОРОВЬЕ ИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ

✓ Сегодня в адрес школы можно услышать упреки, что программа обучения настолько усложнилась, что она перегружает головы учащихся ненужными знаниями, не давая детям развития, не стимулируя их способностей. Как правило, учителя ДАЮТ знания и ТРЕБУЮТ знаний, но не учат ребенка, как ПОЛУЧАТЬ их. Кроме того, школа совершенно не оставляет ребенку свободного времени.

✓ Это зачастую приводит к таким явлениям, как неуверенность ребенка в себе, депрессия, нарушение сна, раздражительность. Снижается работоспособность, повышается утомляемость, что, в конечном счете, может стать причиной серьезного заболевания. Таким образом, родители оказываются перед выбором: хорошее образование ребенка или его здоровье (как физическое, так и психическое). Как помочь родителям в решении этой проблемы? Как сделать учебу эффективной и доступной для каждого ребенка?

✓ 10 лет назад специалистами Школы Рационального Чтения была разработана образовательная технология Интеллект, которая представляет собой систему, направленную на развитие у учащихся качеств, необходимых для успешного освоения школьных предметов. Одни упражнения развивают внимание, воображение и память, образное и логическое мышление, другие формируют у школьников навыки безошибочного письма, беглого чтения, умения грамотно выразить свои мысли. На занятиях ребята узнают, как правильно работать с текстом: выявлять структуру, выделять главные мысли, надежно запоминать информацию. Задания и упражнения разработаны с учетом школьной программы. Доброжелательная атмосфера занятий помогает избавиться от проблем в общении с окружающими, обрести уверенность в себе. Успеваемость повышается на 1-1,5 балла. На курсах Интеллект занимаются учащиеся младших, средних и старших классов. В ШРЧ работает и дошкольное отделение.

✓ Интересно, что в тех школах, где курс Интеллект включен в программу обучения, у детей появился интерес к учебе, у них снизилась заболеваемость ОРЗ, улучшилось общее состояние здоровья. Ведь ребята стали меньше уставать, быстрее выполнять уроки, появилось время для активного отдыха, спорта, ночного сна. Образовательная технология направлена на развитие у человека способностей, обладая которыми он будет легко ориентироваться как в школьных предметах, так и в окружающем мире вообще.

✓ И это касается не только детей. Есть чему научиться в Школе Рационального Чтения и взрослым! Для тех, кто не хочет останавливаться на достигнутом, а желает развивать свои способности дальше, знать — больше, ШРЧ предлагает курсы и тренинги личностного роста: Скорочтение (на русском и английском языках), Суперпамять, Техника запоминания иностранных слов, Тренировка памяти.

Теперь я за него спокойна

Школа Рационального Чтения

Москва, Кутузовский проспект, 24а, 249-99-84, 234-17-77 www.inttech.ru

Упитанная кошка с лукавыми глазами уютно устроилась на руках хозяйки. Ей тепло, спокойно, безопасно. Краски яркие, веселые, живо передающие состояние модели, в смысле, киски. Картина называется "Автопортрет с Мурой", — и сколько же здесь любви, нежной привязанности. Людмила с удовольствием пишет животных. Уже создала целую серию. Вот коты: лежащие в томной неге, настороженно крадущиеся, выслеживающие добычу или погруженные в философские размышления. Барбосы у художницы получаются

не столь беззаботными. Что и понятно. Ведь жизнь-то у них все-таки собачья. А лошади просто великолепны. Элегантные, грациозные, сильные и благородные. Именно такие, какие и есть на самом деле.

Конечно же, творчество Людмилы Шахардиной не ограничивается изображением только наших братьев меньших. Работает она в разных жанрах — городской и ландшафтный пейзажи, пишет портреты и натюрморты, создает символические композиции.

Училась Людмила в Ленинграде, в Высшем художественно-промышленном училище имени Мухомовой на факультете промышленного дизайна. После окончания института некоторое время работала художником-дизайнером в подмосковной Коломне на заводе тяжелого станкостроения. Затем переехала в Москву и стала преподавать живопись в лицее "Ковчег". Еще во время учебы увлеклась станковым искусством. Писала цветы, портреты своих сокурсников и подружек, виды любимого Ленинграда. Его строгие, прямые улицы с роскошными особняками, одинокие ночные трамваи, громяющие по пустынному, уже засыпающему городу. Начинала работать она в манере традиционного реализма. И позже, живя в Подмосковье, в этой же манере писала красивейшие пейзажи берегов Оки и Москвы-реки, восходы и закаты в Коломне. Но постепенно ее живопись меняется. Появляются открытые цвета, жесткая архитектурная композиция, стилизованные формы".

Недавно в Баварии прошла ее персональная выставка в галерее Ирины Фоке, представляла работы и в Магдебурге на 2-м Международном художественном фестивале. Готовится выставка в Нор-

Пейзаж

Сон в летнюю ночь.

манди. Сотрудничает художница и с московскими галереями. Людмила Шардина — член Международной Федерации художников ЮНЕСКО, профессионально-творческого союза художников России.

Людмила заядлая путешественница. Каждое лето отправляется в дорогу с этюдником и альбомом, за вдохновением, впечатлениями, новыми сюжетами. Как она сама говорит: «Люблю изображать тот мир, который вижу вокруг себя. Особенно природу, она одна, и мы должны стремиться к слиянию с ней. Считаю, что в моем творчестве главное — взаимосвязь с природой и при этом свобода самовыражения».

Людмила КАНДАЛОВА

Ночной трамвай.

- Лошади
- Амуниция
- Оборудование конюшен и проекты их строительства
- Снаряжение для ковки
- Ветпрепараты и ветооборудование
- Корма и кормовые добавки

ЭКВИРОС

2002

- Одежда и обувь для верховой езды и работы с лошадью
- Ипподромное оборудование
- Оборудование для проведения конных соревнований

4-Я ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНСКАЯ ВЫСТАВКА

с 14 по 19 АВГУСТА

WWW.EQUIROS.RU

МОСКВА, КВЦ "СОКОЛЬНИКИ"
ПАВИЛЬОНЫ 4, 4А, 4Б

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство сельского хозяйства РФ

СОКОЛЬНИКИ

Федерация конного спорта России

Ассоциация конноспортивных клубов

107113, Москва, Сокольнический вал, 1, павильон 4
тел./факс: (095) 105-3481, 268-7603, 268-7605, e-mail: arhipova@exposokol.ru